

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2019

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 9 **Том 25**

2 0 1 9 **Volume 25**

№ 4
Октябрь – Декабрь

№ 4
October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Акбиев А.С., Абдусаламов М.Б.**
О происхождении дагестанских шамхалов
и Казикумухском шамхальстве (XII–XVI вв.)
- 14 **Полывянный Д.И.**
Афонское болгарское историописание XVIII века:
между Средневековьем и ранним Новым временем
- 20 **Бенда В.Н.**
Проблемы материально-технического обеспечения
деятельности первых военно-учебных заведений
в начале XVIII в.
- 25 **Сараева Е.Л., Цой И.А.**
Представления народников 1870-х гг.
о российских истоках их оппозиционности
- 32 **Сотников С.А., Сотников А.А., Камнева Г.П.**
Феномен женского терроризма
в народовольческом движении
(70 – 80-е гг. XIX века)
- 37 **Черножуков А.С.**
Деятельность Союза союзов
в период Первой русской революции
- 41 **Абехтиков Е.Е.**
О классовых основах власти большевиков
в первые годы Советского государства
- 44 **Ферапонт, митрополит
Костромской и Нерехтский**
Подготовка к Поместному собору 1917–1918 годов
в Костромской епархии
- 49 **Ларина Е.В.**
Из истории формирования системы
профессионально-технического образования
в Советской России в начале 1920-х годов
(на материалах г. Москвы и Московской губернии)
- 54 **Абдуразакова Ш.Т.**
Развитие образования и науки Дагестана
в 1940–1950 гг.
- 58 **Воронцов М.С., Никифоров Ю.С.**
«Держать все под контролем»: образы власти
и коммуникативные практики региональных элит
в позднем СССР через призму устной истории
- 65 **Сазонов Д.И., Федотов А.А.**
Перемены в организации приходского управления
в Русской православной церкви
в Советской и постсоветской России
- 70 **Тулянов В.А.**
Проблема эффективности социального служения
Русской православной церкви в пенитенциарных
учреждениях в современной истории России

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 75 **Велигорский Г.А.**
«Тропинкой тесной и глухой /
Между диваном и стеной»: «Игра в Робинзона Кру-
зо» и ее пространство (река, лес, усадебный дом)
в детской литературе и воспоминаниях
(русско-английский контекст)
- 83 **Метелева О.А.**
Становление феномена «усадебного текста»
русской литературы в поэзии В.И. Майкова
и его современников
- 88 **Тихомиров В.В.**
И.С. Аксаков – литературный критик

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **A.S. Akbiyev, M.B. Abdusalamov**
On the origin of Dagestani shamhals and Gazikumukh
Shamkhalate (the 12th to 16th centuries)
- 14 **D.I. Polyvyanuy**
The Athos Bulgarian history writing of the 18th century
between the Middle Ages and Early Modern Period
- 20 **V.N. Benda**
Problems of material and technical support
of the first military schools
in the early 18th century
- 25 **Ye.L. Sarayeva, I.A. Tsoy**
The 1870s populists' idea of Russian origins of why
they were in opposition
- 32 **S.A. Sotnikov, A.A. Sotnikov, G.P. Kamneva**
Female terrorism phenomenon
in the "Narodnaya Volya" (People's Will) movement
(1870s to 80s)
- 37 **A.S. Chernozhukov**
The activity of the Union of Unions in the period
of the Russian Revolution of 1905
- 41 **Ye.Ye. Abekhtikov**
The role of the proletariat as a class in 1917 and at first
after the October Revolution
- 44 **Therapont, Metropolitan
of Kostroma and Nerekhta**
Preparations for 1917–18 Local Council of the Russian
Orthodox Church in Kostroma eparchy
- 49 **Ye.V. Larina**
On formation of the system of vocational education
in Soviet Russia in the early 1920s
(on the materials of Moscow
and the Moscow Province)
- 54 **Sh.T. Abdurazakova**
Education and science development in Dagestan
in the 1940s-1950s
- 58 **M.S. Vorontsov, Yu.S. Nikiforov**
"All in hand": images of power and communicative
practices of regional elites in later years of the USSR
through the prism of spoken history
- 65 **D.I. Sazonov, A.A. Fedotov**
Changes in the organisation of parish administration
in the Russian Orthodox Church in Soviet
and post-Soviet Russia
- 70 **V.A. Tulyanov**
The problem of the effectiveness of social service
of the Russian Orthodox Church in penitentiary
institutions in the modern history of Russia

SCIENCE OF LITERATURE

- 75 **G.A. Veligorskiy**
"And follow round the forest track /
Away behind the sofa back": the game of "Robinson
Crusoe" and its space (river, forest, estate)
in children's literature and memories
(Russian-English context)
- 83 **O.A. Meteleva**
Forming the phenomenon of the "country estate text"
of Russian literature in the poetry of Vasily Maykov
and his contemporaries
- 88 **V.V. Tikhomirov**
Ivan Aksakov as a literary critic

- 95 Белякова Е.Н.**
«Мы не видим идеала... Мы видим мелочь и мелочь...» Проблема нравственно-этической оценки произведений А.Н. Островского в литературной критике второй половины XIX века
- 100 Епископ Звенигородский Питирим**
Слово святителя Феофана Затворника и образ ребенка в проповедях к детям и трудах о воспитании
- 106 Шмелева Т.Н.**
Новелла К. Шопен «Влюбленность Федоры» в контексте дискуссий о «женском вопросе» конца XIX века
- 109 Коршунова Л.Ю.**
Критика языка в цикле одноактных пьес Артура Шницлера «Комедия слов»
- 113 Королева В.В.**
«Зеркальность» как структурный элемент «гофмановского комплекса» в цикле рассказов З. Гиппиус «Зеркала»
- 120 Быстрова О.В.**
Илья Александрович Груздев – исследователь творческого наследия М. Горького
- 126 Маркова Е.А.**
«В подражание Рильке»: к проблеме жанра стихотворения Д. Махуна «Ночная поездка»
- 130 Тернополь Т.В.**
Претекст детской игры в романе А. Кристи «Пять поросят»
- 135 Столетова А.С.**
Трансформация социалистического мировоззрения писателей-деревенщиков и идеологическая основа остросоциальных произведений о крестьянском укладе жизни Русского Севера
- 140 Фролова Н.С.**
Приёмы комического в творчестве англоязычных угандийских поэтов XX века
- 145 Зимина Е.В.**
Утраченные смыслы в переводе романа Д. Новикова «Голомяное пламя» на английский язык
- 151 Нгуен Тхи Хоан, Ермилова Г.Г.**
Сны Раскольникова в переводе на вьетнамский язык
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 156 Ларина Л.Ю.**
Система уголовно-правовых норм, обеспечивающих транспортную безопасность
- 161 Пинкевич Т.В., Нестеренко А.В.**
Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации
- 166 Кудряшова А.В.**
Об управленческих полномочиях председателя районного суда и необходимости совершенствования их правового регулирования
- 170 Глушков В.В.**
К вопросу о статусе помощника судьи и секретаря судебного заседания районных судов
- 175 Ганжа Н.В., Варенцова Е.В.**
Тайна усыновления: проблемы и пути усовершенствования
- 180 Нурмагамбетов Р.Г., Попов В.С.**
Общетеоретические проблемы определения объекта конституционного регулирования общественных отношений и его видов в Российской Федерации
- 95 Ye.N. Belyakova**
"We pay no heed to the ideal... We pay heed to trifle and trifle..." The issue of moral and ethical evaluation of Alexander Ostrovsky's works in literary criticism of the second half of the 19th century
- 100 Pititrim, Bishop of the town of Zvenigorod**
Words of Saint Theophan the Recluse and childish image in epistles to children and in manuscripts on upbringing
- 106 T.N. Shmelyova**
The novella "The Falling in Love of Fedora" by Kate Chopin in the context of "New Woman" discussions in the late 19th century
- 109 L.Yu. Korshunova**
The criticism of language in one-acter cycle of "The Comedy of Seduction" by Arthur Schnitzler
- 113 V.V. Korolyova**
"Reflectivity" as "Hoffmann complex" structural element in the "Mirrors" short-stories cycle by Zinaida Gippius
- 120 O.V. Bystrova**
Il'ya Aleksandrovich Gruzdev – researcher of Maxim Gorky's creative heritage
- 126 Ye.A. Markova**
"After Rilke": revisiting the question of the genre of Derek Mahon's poem "Night Drive"
- 130 T.V. Ternopol**
The hypotext of a children's game in "Five Little Pigs" by Agatha Christie
- 135 A.S. Stoletova**
The transformation of the socialist worldview of the village prose writers and the ideological basis of acutely social works about the Russian North peasant lifestyle
- 140 N.S. Frolova**
Devices of comic in the work of the 20th century English-speaking Ugandan poets
- 145 Ye.V. Zimina**
Lost meanings in the translation of Dmitry Novikov's novel *A Flame Out at Sea* into English
- 151 Nguyễn Thị Hoan, G.G. Yermilova**
Rodion Raskolnikov's dreams in Vietnamese translation
- JURAL SCIENCE**
- 156 L.Yu. Larina**
System of criminal law norms ensuring transport safety
- 161 T.V. Pinkevich, A.V. Nesterenko**
Security of digital technologies in the criminal legislation of the Russian Federation
- 166 A.V. Kudryashova**
About administrative powers of the chairman of district court and need of improvement of their legal regulation
- 170 V.V. Glushkov**
On the issue of status of assistant judge and session clerk in district courts
- 175 N.V. Ganzha, Ye.V. Varentsova**
The secrecy of adoption: problems and ways to improve
- 180 R.G. Nurmagambetov, V.S. Popov**
General theoretical problems of determining the object of constitutional regulation of public relations and its types in the Russian Federation

186 Сехин И.В.
Плотность нормативно-правового регулирования:
понятие и шкала оценки

190 Коваль С.П., Цветков М.Ю.
Тенденции развития законодательства РФ,
регулирующего механизм участия политических
партий в выборах

195 Саенко С.И.
Свойства системы источников норм права
Луганской Народной Республики

199 Ткач А.С.
Феномен абсентеизма
в дореволюционной России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

204 Акелькина Е.А.
Новая концепция раннего творчества А.Н. Остров-
ского и становления его как драматурга

**206 Воронцов М.С., Кищенко М.С.,
Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В., Сироткин Я.Н.**
«Властелины» Золотого кольца.
Советские региональные элиты и центр
на переломе эпох (1960–1980-е гг.).
2-й круглый стол молодых историков Ярославля

210 SUMMARY

**220 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

186 I.V. Sehin
Regulatory density:
concept and rating scale

190 S.P. Koval', M.Yu. Tsvetkov
Trends in the development of Russian legislation
regulating the mechanism of political parties'
participation in elections

195 S.I. Sayenko
Properties of the system of sources of law
of the People's Republic of Lugansk

199 A.S. Tkach
The phenomenon of absenteeism
in pre-revolutionary Russia

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

204 Ye.A. Akel'kina
A new concept of Alexander Ostrovsky's early creative
work and his formation as a playwright

**206 M.S. Vorontsov, M.S. Kishchenkov,
Yu.S. Nikiforov, D.V. Tumakov, Ya.N. Sirotkin**
"The Lords" of the Golden Ring of Russia. Soviet
regional elites and Moscow at the turning point of
events (the 1960s to 1980s). The 2nd round table of
Yaroslavl's young historians

210 SUMMARY

**260 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF ARTICLES**

Акбиев Арсен Солтанмурадович

доктор исторических наук
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
vikingpasha@mail.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович

кандидат исторических наук
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала
vikingpasha@mail.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАГЕСТАНСКИХ ШАМХАЛОВ И КАЗИКУМУХСКОМ ШАМХАЛЬСТВЕ (XII–XVI ВВ.)

В статье на основе анализа источников и специальной исторической литературы рассматривается дискуссионная в дагестанской исторической науке проблема дагестанского шамхальства и термина «шамхал». По мнению авторов, арабская версия происхождения первых дагестанских шамхалов является несостоятельной, не выдерживающей научной критики. Первые правители с титулом «шаухал», которые были этническими тюрками, возглавлявшими отряды газиев (борцов за веру) и распространявшими ислам в Нагорном Дагестане, появляются в Дагестане в начале XII в. Тюркская династия просуществовала до начала XIV столетия и была свергнута объединенными силами Золотой Орды, Кайтага и Аварии. Золотоордынцы утвердили в шамхальстве собственного правителя (татар-шамхала) из числа чингизидов, потомки которого управляли этим государственным образованием вплоть до второй половины XIX в. Авторы приходят к выводу, что опорой татар-шамхалов среди чуждого им воинственного горского населения были кумыки, и именно к ним они окончательно переселились, когда во второй половине XVI в. в шамхальстве начался процесс распада. Кумыки, являясь основой, ядром шамхальства, после выделения из его состава Казикумухского владения предотвратили окончательный распад шамхальства и продолжили традиции средневековой государственности.

Ключевые слова: шаухал, шамхальство, тюрки, газии, Золотая Орда, чингизиды, кумыки, Кумух, Тарки.

К началу XVI столетия наиболее значительным политическим образованием на Северо-Восточном Кавказе являлось шамхальство, равнинная часть которого охватывала земли от реки Терек до реки Оросой-булак. Шамхальство включало в себя земли кумыков, лакцев, влияние шамхалов распространялось на целый ряд даргинских, аварских и чеченских обществ.

Шамхальство не было моноэтническим, и это способствовало усилению в нем центробежных сил, приведшим, начиная со второй половины XVI в., к выходу ряда территорий из-под влияния центральной власти.

Отметим, что проблема шамхальства в дагестанской исторической науке находит неоднозначное толкование. Большинство представителей официальной дагестанской историографии, такие как Р.Г. Маршаев, Б.Б. Бутаев, Ш.М. Ахмедов, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов, А.Г. Булатова и ряд других исследователей, в своих работах пытаются обосновать, что первые шамхалы имеют арабское происхождение, их постоянная резиденция находилась в с. Кумух (Лакский район Республики Дагестан), и поэтому к данному политическому объединению вплоть до 40-х гг. XVII в. правомерно употребление термина «Казикумухское шамхальство». Их мнение опирается в основном на сведения дагестанского исторического сочинения «Дербенд-наме» и работы этнографа Л.И. Лаврова.

Промежуточную позицию в данном вопросе занимает В.Г. Гаджиев, который в одной из своих

работ допускает, что первоначально шамхал был ставленником арабов, а впоследствии, в начале XII в., шамхалов арабского происхождения сменили шамхалы-газии тюркского происхождения, которых, в свою очередь, сменили шамхалы-чингизиды [13, с. 100].

Следует отметить, что «арабская» версия происхождения шамхалов неоднократно подвергалась критике в научной литературе, и одним из ее первых противников был Али Каяев. Он утверждал, что первый шамхал был тюрком, прибывшим в Дагестан со своими сподвижниками-газиями в начале XII в. во главе с мусульманским миссионером Гази-Калантаром. Через сто с лишним лет тюркскую династию шамхалов сменила чингизидская. Что же касается арабов, то они, воюя с хазарами, неоднократно проникали в горный Дагестан, но никаких сведений, что здесь побывал полководец по имени Абу-Муслим, нет. Процесс распространения ислама в Дагестане, по мнению А. Каяева, был тяжелым и длительным, это было не под силу одному полководцу. «Абумуслим же, которому легенды приписывают распространение ислама в горах, если и был здесь, то не позже чем 500 лет назад. А шамхалы в Дагестане были и до него. Первый дагестанский шамхал был за 200–300 лет до мифического прихода Абумуслима» [9, с. 26].

В.Ф. Минорский в своем известном труде подверг резкой критике оба источника – «Дербенд-наме» и «Тарих Дагестан», являющиеся фундаментом «арабской» версии, называя их тенденциозными

политическими памфлетами, имеющими целью обосновать претензии шамхалов на преобладающее положение в Дагестане [11, с. 24–26]. Интересно и мнение В.Ф. Минорского о том, что титулы, под которыми местные правители были известны в более поздние времена – «нуцал, шаукал или шамхал, усми или уцми, майсум или ма'сум» – не встречаются ни в одном арабском источнике и не имеют ничего общего с Сасанидскими почетными званиями, которые были еще памятны в ранние исламские времена» [11, с. 26].

Мнение В.Ф. Минорского было поддержано А.Р. Шихсаидовым. Анализируя сведения «Дербенд-наме» о назначении арабами правителей Дагестана – шамхала, уцмий и майсума, исследователь отмечает, что они не находят подтверждения в других источниках и носят следы не только позднейших интерполяций, но также и намеренной редакции текста. Арабские источники дают основание говорить о политике арабов, рассчитанной не на замену местных правителей новыми, арабскими, а об использовании большинства местных правителей в интересах укрепления своей власти в Дагестане [16, с. 102–108]. «К тому же сведения местных исторических хроник, а также ал-Гарнати об установлении арабского господства и о принятии ислама в большинстве районов Дагестана отразили тот кратковременный период, который завершился полной самостоятельностью преобладающего большинства дагестанских владений, возвратом к домонотеистическим верованиям в тех районах, где, возможно, ислам был принят» [16, с. 108].

Жесткой критике подверг арабскую генеалогию шамхалов и известный дагестанский арабист М.-С. Саидов. В своей работе он приводит ряд фактов, опровергающих сложившееся мнение, что шамхалы являются потомками дяди пророка – Аббаса, причем ни один исследователь, занимавшийся этой проблемой, так и не смог их оспорить. Интересно его мнение по поводу этимологии титула «шамхал». Как пишет ученый, «само имя Шамхал с этимологией Шам (Сирия) и Хал (название населенного пункта в Сирии) вызывает недоумение, так как если образовать от этих двух слов новое слово путем слияния их, то, согласно законам арабского языка, получается не Шамхал, а Хал-аш-Шам. Форма Шамхал от Шам и Хал образована по типу тюркских слов, а не арабских» [14, с. 28–50]. Соглашаясь в целом с М.-С. Саидовым, хотим отметить, что, прежде чем в русском языке «шамхал» стал «шамхалом», прошло не менее двух столетий. В русских документах XVI в. титул этого правителя упоминается как «шевкал», то есть это начальная форма, от которой и следует отталкиваться. В этой связи хочется предложить сторонникам «арабской» версии этимологизировать титул «шевкал» как «человек из Сирии» или же «предводитель отряда» и т. д. Уж очень созвучна форма «шевкал»

с кумыкским названием титула этого правителя – «шаухал». Причем в отличие от русского языка эта форма не менялась, кумыки называли своих правителей «шаухалами» и в XVI в., и в XIX в.

М.-С. Саидов обращает внимание, что среди шамхалов очень мало лиц с арабскими именами, тогда как известно, что арабы обычно строго придерживались правила давать своим детям арабомусульманские имена даже на чужбине. «В именах шамхалов: Хасбулат, Алхас-Мирза, Эльдар-хан, Сурхай-хан, Чопан, Адиль-Гирей, Уллубий, Султанбут, Андий, Тишсиз Мухаммед – очень мало арабского» [14, с. 50].

Не лишним будет привести и мнение С.М. Хайдакова, констатирующего, что нет никаких сведений о смешении местного населения Лакии, в частности Кумуха, с арабами, о браках между ними и о «лакизации» семей арабского происхождения. «О происхождении тухумов, носящих родовое имя Сейд-Х/усайнхул достоверно ничего не известно» [15, с. 88].

О том, что легенда происхождения шамхалов из племени Курейш не имела под собой никакой реальной почвы, отмечает в своей работе и Т.В. Гаджиев [5, с. 20].

Думается, что проникновение этой версии в научную историческую литературу связано не только со сведениями местных исторических хроник, но и с неправильной оценкой итогов арабо-хазарских войн. Обычно исследователи фокусируются на победоносном походе арабского полководца Мервана и военных действиях, происходивших до него. Да, Мерван действительно имел большой успех, но через некоторое время военные действия возобновились, и с явно хазарским перевесом. Вот как характеризует их Л.Н. Гумилев: «...при новой династии – Аббасидах – хазары перешли в активное наступление и с 764 по 799 г. вторгались в Закавказье, где от власти арабов освободились Кахетия, Тао-Кларджети и Абхазия. Теперь уже не халифат был опасен Хазарии, а Хазария – халифату. Помимо набегов, приносивших богатую добычу, хазарские ханы династии Ашина вели и значительно более масштабные операции. В 762 г. в руки хазар перешли области Хамзин, Лакз и Алан, а это значило, что все плоды походов Мервана уничтожены и Кавказский хребет стал естественной границей степной Евразии и мусульманского мира – Леванта» [6, с. 60–62].

Л.Н. Гумилев под Лакзом подразумевал земли лакцев [6, с. 62]. В этой связи хочется заметить, что вряд ли хазары оставили бы арабского ставленника управлять этими землями, ведь борьба между двумя противниками шла не на жизнь, а на смерть. Мало того, вероятно, именно в это время хазары поставили своего ставленника управлять лакскими землями, придав ему определенные силы из числа гунно-хазарских отрядов. В пользу этого

свидетельствует наличие «семендерского» кладбища в Кумухе, на котором, по-видимому, хоронили хазарских ставленников, а затем, в более позднее время, и шамхалов [2, с. 58–59]. Нельзя не оставить без внимания и лакское предание о хазарском поселении недалеко от Кумуха, название одного из девяти кварталов Кумуха – Гуннал ал (буквально «Гуннское племя»), названия старинных табахлинских и кумухских тухумов (Гунна-хьул-Гуннаевы, то есть «гунны, принадлежащие гуннам») и ряд других тухумных наименований [8, с. 17]. Думается, что эти ставленники-тюрки еще не были шамхалами, так как в этом вопросе мы согласны с А. Каяевым – шамхальство возникло позже.

Версия А. Каяева о том, что шамхальство возникло в начале XII в., хотя и не имеет прямых доказательств, но подтверждается косвенными данными. Не оспаривает ее и В.Г. Гаджиев, специально занимавшийся этой проблемой.

Как известно, в исламизации Дагестана, особенно в районе Дербента, значительную роль сыграл тюркский элемент. А.Р. Шихсаидов, ссылаясь на В.В. Бартольда, отмечает, что победа тюркского элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры. В XI–XIII вв. тюркское влияние в Дербенте было значительным. Количество кыпчаков и сельджуков в районе Дербента было довольно внушительным. В 1075 г. в хутбе с кафедры мечетей «пограничной области» стало читаться имя хаджиба султана Сау-Тегина. Сельджуки все настойчивей и упорней проводили идеи ислама, который был государственной религией их державы. «Сельджукская империя сделалась могущественной и государь ее обращает особое внимание на Ширван и Дагестан. При них-то многие племена горцев приняли ислам» [16, с. 147]. Тюрки выступают как внушительная сила на стороне дербентского правителя, совершившего в середине XII в. поход на жителей Зирихгерана, не исповедовавших тогда ислам» [16, с. 148–150].

В XII–XIII вв. позиции ислама в Кумухе значительно усиливаются, охватывая, возможно, все лакские селения. Как предполагает А.Р. Шихсаидов, может быть, именно после этого они превратились в «гази», воителей за веру. Это можно связать с усилением влияния тюркского элемента, так как «гази» – тюркский термин [4, с. 336].

Таким образом, сведения А. Каяева о том, что «проповедник новой веры» Гази-Каландар поставил шамхалом одного из своих сподвижников – тюрка, прибывшего в Кумух с отрядом газиев, – находит подтверждение в исторической обстановке, сложившейся в Дагестане к началу XII в. С юга оказывали давление тюрки-сельджуки, а с севера – кыпчаки. Обращает внимание имя проповедника – Гази-Каландар. Вряд ли это собственное имя, скорее духовная степень (каландар – бродячий дервиш) с тюркской приставкой «гази».

Выше упоминался наместник сельджукского султана в Дербенте и прилегающих к нему землях, Сау-Тегин. В рукописи «Тарих ал-Баб» он упоминается как Шау Тегин [11, с. 77]. Вероятно это титул, а не имя. Титул «тегин» давался у тюрков младшим сыновьям правителя, а приставка «сау» или «шау» переводится как «славный», то есть «славный принц». Если учесть, что в тюркских языках, а именно кумыкском, титул «шамхал» звучит как «шаухал», то не от тюркского ли термина «шау» он произошел? Ведь не случайно М.-С. Саидов пишет, что форма «шамхал» образована по типу тюркских слов, а не арабских. В таком случае слово «шаухал» может быть переведено как «славный правитель». Этимологию титула «шаухал», скорее, следует искать в тюркских языках огузской ветви.

Тюркская династия шамхалов правила до XIV в. Думается, что в период правления этой династии равнинные и предгорные земли Дагестана не входили в состав шамхальства, так как вплоть до монгольского вторжения они контролировались кумуко-кыпчакским объединением Дешт-и-Кыпчак.

А. Каяев и В.Г. Гаджиев писали, что в 1239–1240 гг. монголо-татары заняли Кумух и отстранили правящую династию, а правителем назначили своего ставленника из рода Чингисхана [3, с. 28]. В исторической хронике «Тарих Дагестан» упоминается о совместных действиях правителей Кайтага, Аварии и тюрков во главе с Каутер-шахом против шамхальства, приведшие к захвату Кумуха и смене шамхальской династии [3, с. 28]. Большинство исследователей относит это событие к 1240 г., то есть отождествляют выступление Кайтага и Аварии в союзе с монголами. В этой связи возникает вопрос, когда же правители небольших дагестанских владений успели договориться со стремительно продвигавшимся противником, тем более что земли Кайтага также были им разорены? Вряд ли у дагестанских владетелей были время и возможность с кем-либо договориться. К тому же монголы в XIII в. были так сильны, что могли свободно взять Кумух и без союзников. Вероятно, что это событие произошло позже, в начале XIV в., когда Кайтагское уцмийство было вовлечено в сферу влияния Золотой Орды, а его правители пользовались благоволением золотоордынских ханов.

А.Е. Криштопа различает нашествие монголов на Кумух в 1240 г. и взятие Кумуха силами союзников в 1318 г. Правда, последнее событие он относит к внутренней феодальной войне, фактически без участия монголов [10, с. 42–43]. Мы также склонны различать эти два события, но при этом полагаем, что Кумух был взят совместными силами тюрков, Кайтага и Аварии. В исторической хронике «Тарих Дагестан» упоминаются именно тюрки, а не монголы. Это можно объяснить тем, что к XIV в. монголы, составлявшие меньшинство в Золотой Орде, успели отюречиться, растворившись в кып-

чакской среде. Очень тонко этот процесс описал Эль-Омари: «...в древности это государство было страной кыпчаков, но когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали, точно кыпчаки, как будто одного с ними рода» [6, с. 535].

О том, что горные области Дагестана в XIII в. не подчинялись монголам, сообщал Гильольм де Рубрук [7, с. 25]. Как нам представляется, золотоордынцы воспользовались возникшей феодальной междоусобицей, захватили Кумух и поставили в нем правителя одного из чингизидов. А в 1240 г. монголы попросту совершили рейд по горам, разрушили ряд населенных пунктов, в том числе и Кумух, и ушли. Они не ставили тогда цели закрепиться в горном Дагестане, ведь их основным противником на тот момент были кыпчаки.

Таким образом, во главе шамхальства в начале XIV в. встали чингизиды. По всей вероятности, тогда же золотоордынские ханы присоединили к шамхальству часть равнинных и предгорных территорий, населенных кумыками, создав тем самым сильное и зависимое от них государственно образование.

Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов в одной из совместных работ затрагивают вопрос, какой народ был основообразующим в шамхальстве – лакцы или кумыки? Отвечая на него, следует обратить внимание на следующие факты. На кого еще могли опереться отгюрененные чингизиды, как не на родственное им тюркское население? Общеизвестно, что основной опорой ханов в Золотой Орде были кыпчаки. В Дагестане кыпчаки влились в состав кумыков, собственно, будет правильным предположить, что опорой татар-шамхалов среди чуждого им воинственного горского населения были кумыки, и именно к ним они окончательно переселились, когда во второй половине XVI в. в шамхальстве начался процесс распада. Т.В. Гаджиев характеризует его как дезинтеграцию шамхальства, то есть «процесс обособления этнотерриториальных общностей, в основе которого лежал именно этнический фактор» [5, с. 24–25]. Лакцы отделились от шамхальства, образовав Казикумухское владение во главе с избираемым «халклавчи», преобразовавшееся в XVIII в. в ханство. Кумыки же, являясь основой, ядром шамхальства, предотвратили его окончательный распад и продолжили традиции средневековой государственности, отразив при этом ряд военных экспедиций царских войск.

Вторым фактом, обращающим на себя внимание, является земельный вопрос. Испокон веков главным мерилом богатства среди народов Дагестана, как и всего Северного Кавказа, была земля. Был еще и скот, вернее количество скота, но для его разведения нужны были пастбища, то есть

опять-таки земли. Если судить по количеству земель, занимаемых двумя народами, то для народа основообразующего лакцы жили бедно, кумыки же, для народа подчиненного, жили слишком богато, занимая огромную по северокавказским меркам территорию с большим количеством пастбищных и пахотных земель. Причем ареал расселения кумыков выходил за пределы Дагестана, охватывая значительную часть территории Чечни, Малой Кабарды и клином доходя до территории современного Моздока. Кумыки называли занимаемую ими часть Чечни Ичкерией, что в переводе означает «внутренняя страна». Это в определенной степени может означать, что кумыки не отделяли Ичкерию от своих собственных земель [1, с. 280]. Ни один историк-дагестановед не обратил внимание на столь очевидный факт и не задался вопросом, как же кумыкам на протяжении столь длительного периода удавалось удерживать эти земли за собой? Подчиненные народы так не живут, особенно в условиях земельной тесноты в горах Дагестана. Если все было бы наоборот, то вполне вероятно, что кумыкские земли еще в XV–XVI вв. были бы заселены горскими народами, что мы и наблюдаем в настоящее время.

Обратимся и к данным лингвистики. В этой области интересные наблюдения были сделаны Н.С. Джидалаевым, исследовавшим проблему тюркизмов в дагестанских языках. Он отмечает, что в лакском языке абсолютное большинство терминов, относящихся к феодальному устройству, являются тюркскими, например: хан, ханлугъ, паччах/лугъ (государство), баг, бек, бика, имчак (молочный брат хана), чавш (сельский глашатай), илчи (посол), чапар (гонимый, вестовой), ил (народ, страна). Тюркскими являются и собственные имена феодальных владельцев лакцев, упоминаемые в письменных источниках [8, с. 26]. Далее Н.С. Джидалаев писал: «Представим себе, что лакцы где-то в XVII–XVIII вв. исчезли с исторической арены и ничего от них не осталось, кроме надгробных камней. Если бы пришлось сегодня «восстанавливать» лакцев как этнос и лакский язык, то на надгробиях, в исторических документах и других источниках, касающихся лакцев, первым делом обнаружили бы если не все, то многие из вышеприведенных лакских титулов, должностей, собственных имен. Напомним, что на лакских надгробных камнях историки не нашли бы ни одной фразы о том, что усопший был лакец, со своим лакским языком. Но в исторических документах нашлось бы немало сведений о разносторонних контактах лакцев с тюркоязычными народами (азербайджанцами, крымскими татарами и в первую очередь с кумыками), в руках историков было бы немало сведений о родственных связях лакских шамхалов, ханов с кумыками, азербайджанцами. Если еще вспомнить о том, что в документах (например,

русских, грузинских XV–XVI вв.) лакцы везде фигурируют как «казикумыки» или просто «кумыки», а само шамхальство и, плюс ко всему, зимняя резиденция шамхалов находились на кумыкской территории в Тарки, то какие имеются основания не считать лакцев тюрками-кумыками? Во всяком случае, даже самый осторожный исследователь не мог бы не прийти к заключению, что правящую верхушку у лакцев составляли тюрки-кумыки» [8, с. 26–27]. Подобный пример исследователь привел, доказывая, что хазары не были тюркоязычным народом, но он как нельзя лучше подходит и к нашей проблеме.

Обращает на себя внимание и повышенная пассионарность (воинственность) лакцев в XVIII в. Казикумухское ханство при Сурхае I, Магомедхане, Сурхае II превращается в одно из сильнейших феодальных владений Восточного Кавказа и включает в себя значительную территорию. Если бы лакцы были основообразующим народом, несшим и основную военно-политическую нагрузку в шамхальстве, то к XVIII в. их пассионарность надломилась бы, как это произошло с кумыками. Если кумыков в начале XVIII в. князь А. Бекович-Черкасский характеризует как очень воинственный народ, которого все боятся [12, л. 85], то источники конца XVIII в. отзываются о них как о народе праздном, к войне не способном [7, с. 285].

Вообще термин «Казикумухское шамхальство» появляется в научной литературе лишь в середине XX в. после «открытия» Л.И. Лавровым шамхальского кладбища в Кумухе. Этого оказалось достаточно для констатации им факта, что до XVII в. центром шамхальства был не Тарки, а Кумух, и, значит, отныне шамхалы являются не тарковскими и не кумыкскими, а газикумухскими и лакскими [18, с. 214–215]. Данный тезис был весьма охотно подхвачен рядом ученых определенной национальности и внедрен в научную литературу.

Но Л.И. Лавров сделал открытие для самого себя, так как это кладбище испокон веков было известно местным жителям как «семендерское», а похороненные на нем шамхалы – как «татар-шамхалы», о чем ясно сообщает Али Каюев. Отметим, что на кумухском кладбище имеются только три шамхальские могилы: Бугдай-шамхала, Сурхай-шамхала и Эльдар-шамхала. Среди изречений, украшающих памятник Эльдар-шамхала, есть надпись в четыре строки на кумыкском языке [17, с. 305]. Где похоронены шамхалы XIV–XV вв. и более раннего периода, пока не известно. Поэтому, как нам думается, причислять отороченных чингизидов к лакцам и называть их лакскими шамхалами никаких оснований не имеется.

Таким образом, факты, изложенные в данной научной статье, позволяют предположить, что версия происхождения первых шамхалов от арабских ставленников – курейшитов – является заманчи-

вой, но при более детальном рассмотрении не выдерживает критики. Первые правители с титулом «шаухал» появляются в Дагестане в начале XII в. и были этническими тюрками, возглавлявшими отряды газиев и распространявшими ислам в горном Дагестане. Тюркская династия просуществовала до начала XIV в. и была свергнута совместными силами золотоордынцев, Кайтага и Аварии. Золотоордынцы утвердили в шамхальстве собственного правителя из числа чингизидов, потомки которого управляли этим государственным образованием вплоть до второй половины XIX в.

Библиографический список

1. Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. – Махачкала: Изд. дом «Новый день», 2000. – 303 с.
2. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). – Махачкала: [б. и.], 2000. – 387 с.
3. Гаджиев В.Г. Шамхальство (история образования и управления) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. – Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1989. – С. 22–41.
4. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала: Изд-во тип. ДНЦ РАН, 1996. – 464 с.
5. Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 2001. – 41 с.
6. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.
7. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 301 с.
8. Джидалаев Н.С. Далекое – близкое. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 80 с.
9. Каюев А. Исторические очерки. Шамхалы // Советский Дагестан. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. – № 3–4. – С. 20–26.
10. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. – М.: Таус Мамонт, 2007. – 227 с.
11. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 265 с.
12. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДНЦ РАН). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 278. – 1040 л.
13. Оразаев Г. М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв. (тексты, комментарии). Кн. 1. – Махачкала: Эпоха, 2003. – 332 с.
14. Саидов М.-С. Д. О распространении Абу-муслимом ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Т. 2. – Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1957. – С. 28–50.

15. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 200 с.

16. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). – Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1969. – 251 с.

17. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984. – 460 с.

18. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / тексты, перев., коммент., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – 300 с.

References

1. Akbiev A.S. Obshchestvennyj stroj kumykov v XVII–XVIII vv. – Mahachkala: Izd. dom «Novyj den'», 2000. – 303 s.

2. Bulatova A.G. Lakcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX vv.). – Mahachkala: [b. i.], 2000. – 387 s.

3. Gadzhiev V.G. SHamhal'stvo (istoriya obrazovaniya i upravleniya) // Gosudarstva i gosudarstvennye uchrezhdeniya v dorevolucionnom Dagestane. – Mahachkala: Tip. DagFAN SSSR, 1989. – S. 22–41.

4. Gadzhiev M.G., Davudov O.M., SHihsaidov A.R. Istoriya Dagestana s drevnejshih vremen do konca XV v. – Mahachkala: Izd-vo tip. DNC RAN, 1996. – 464 s.

5. Gadzhiev T.V. Gosudarstvo, obshchestvo i pravo v Dagestane (do vtoroj chetverti XIX v.): avtoref. dis. d-ra ist. nauk. – M., 2001. – 41 s.

6. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step'. – M.: Mysl', 1989. – 766 s.

7. Dagestan v izvestiyah russkih i zapadnoevropejskih avtorov XIII–XVIII vv. / sost.

V.G. Gadzhiev. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1992. – 301 s.

8. Dzhidalaev N.S. Dalekoe – blizkoe. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1989. – 80 s.

9. Kayaev A. Istoricheskie ocherki. SHamhaly // Sovetskij Dagestan. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1990. – № 3–4. – S. 20–26.

10. Krishtopa A.E. Dagestan v XIII – nachale XV vv. – M.: Taus Mamont, 2007. – 227 s.

11. Minorskij V.F. Istoriya SHirvana i Derbenta X–XI vekov. – M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1963. – 265 s.

12. Nauchnyj arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk (NA IIAE DNC RAN). – F. 3. – Op. 1. – D. 278. – 1040 l.

13. Orazhev G. M.-R. Istoricheskie sochineniya Dagestana na tyurkskih yazykah XVII – nach. XX vv. (teksty, kommentarii). Kn. 1. – Mahachkala: Epoha, 2003. – 332 s.

14. Saidov M.-S. D. O rasprostranении Abumuslimom islama v Dagestane // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury. T. 2. – Mahachkala: Tip. DagFAN SSSR, 1957. – S. 28–50.

15. Hajdakov S.M. Oчерки по лексике лакского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 200 с.

16. SHihsaidov A.R. Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.). – Mahachkala: Tip. DagFAN SSSR, 1969. – 251 s.

17. SHihsaidov A.R. Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskij istochnik. – M.: Nauka, 1984. – 460 s.

18. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabском, persidsком i tureckом yazykah. CH. 1. Nadpisi X–XVII vv. / teksty, perev., komment., vved. i prilozh. L.I. Lavrova. – M.: Nauka, 1966. – 300 s.

**АФОНСКОЕ БОЛГАРСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ XVIII ВЕКА:
МЕЖДУ СРЕДНЕВЕКОВЬЕМ И РАННИМ НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ**

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант №17-01-00302-ОГН

Статья посвящена трем болгарским историческим сочинениям, созданным во второй половине XVIII в. на Афоне: «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского, анонимной «Зографской истории» и «Истории во кратце о болгарском народе словенском» иеромонаха Спиридона. По мнению автора, эти сочинения, с одной стороны, были порождены современной им атмосферой соперничества между афонскими монастырями и их греческим, болгарским и сербским клиром, а с другой – актуализированы усилившимися связями Хилендара и Зографа с болгарскими землями. Если первое обстоятельство сказалось на содержании изучаемых сочинений, то второе обусловило существенное расширение их аудитории, в свою очередь ставшее предпосылкой роста интереса к отечественной истории среди болгарского населения Румелии в первой половине XIX в.

Ключевые слова: болгарское историописание, Афон, Паисий Хилендарский, «Зографская история», иеромонах Спиридон.

«История славяно-болгарская», написанная болгариним-святогорцем Паисием Хилендарским в Зографском монастыре св. Георгия на Афоне в 1762 г., породила огромную литературу как в рамках изучения болгарской историографии и литературы Нового времени, так и в исследовании проблем формирования болгарской нации и ее самосознания. Стройная историографическая схема, согласно которой аргументированный историческим материалом призыв к родолюбию, прозвучавший из монашеской кельи, был адресован всему болгарскому народу, а труд Паисия десятилетиями переписывался от руки в городах и селах, став манифестом национального Возрождения, вознес хилендарского проигумена на недостижимую высоту среди его современников. Канонизация Паисия Хилендарского Болгарской православной церковью в год двухсотлетия «Истории славяно-болгарской», еще более подчеркнула эту исключительность, и лишь в последние годы сделаны попытки более объективно и точно оценить его труд в современном ему контексте [21].

В контекстах «ускоренного развития» славянских литератур раннего Нового времени (А.Н. Робинсон) [18], языково-культурной ситуации в православном славянском мире раннего Нового времени (Р. Пиккио) [15] или балканского культурного многообразия эпохи зарождения национальных движений (В. Марাগос) [10] уникальность дела и личности автора «Истории славяно-болгарской» в значительной степени оставляет в тени ту среду, которой принадлежал Паисий – собственно Хилендарский и Зографский монастыри второй половины XVIII в. [11; 16].

Гораздо скромнее освещены в научной литературе два других созданных на Афоне болгарских исторических сочинения, составляющих вместе с «Историей» Паисия своеобразный комплекс вза-

имосвязанных текстов. Это – анонимная «История вкратце о болгаро-словенском народе» (так называемая «Зографская история») [7, с. 628-642] и «История во кратце о болгарском народе словенском» иеросхимонаха Спиридона [8]. Насколько позволяет формат статьи, мы рассмотрим все три исторических сочинения в их святогорском контексте и во взаимных связях.

Как известно, самый ранний из известных списков «Истории славяно-болгарской», так называемый «Зографский черновик» (Зогр. слав. 43), был создан самим Паисием в Зографском монастыре в 1762 г. и, как считают многие исследователи, предшествовал «беловой» рукописи «Истории», с которой был сделан первый Софрониев (Котленский) список (София, НБКМ 368).

Анонимная «История вкратце» известна по единственному списку в сборнике 1785 г. (Зогр. слав. 363), составленном зографским монахом Иаковом по заказу проигумена Констанция, как свидетельствует глосса: «*Писаль монахъ Иаковъ при церкви св[я]тыхъ Ап[о]с[то]л[ов]: в пределехъ м[она]ст[ы]ря Зографа: повелениемъ тояжъ обители всепреподобнейшему господину киръ Константию в лето 1785 м[е]с[я]ца декемвриа*» [7, с. 628]

«История во кратце о болгарском народе словенском» иеросхимонаха Спиридона дошла в двух списках начала XIX в. (РНБ, Q.IV.333 и Регионален исторически музей, г. Габрово, б/н), содержащих глоссу: «*Сей летопис сочини ся и списа ся в лето 7300 (1792) в земли Молдовлахийской, в монастыре Нъмца Спиридоном иеромонахом*» [23]. Принадлежность автора к кругу учеников Паисия Величковского позволила В. Златарскому предположить, что Спиридон вошел в этот круг в Зографском монастыре в начале 1760-х гг., однако это предположение не нашло документальных подтверждений.

Если личные контакты между Паисием и авторами-составителями этих произведений неизвестны, то текстологические связи их произведений не вызывают сомнений, как и общая база их источников [5], в которой можно выделить несколько комплексов.

Первый составляют книги русской кириллической печати XVII–XVIII вв. – как переводные («Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония, «Королевство славян» Мавро Орбини, «Феатрон или позор исторический» Вильгельма Стратемана), так и русские (киевский «Синописис», «Рай мысленный» в издании Иверо-Валдайского монастыря 1659 г., печатные Пролог и Кормчая, «Книга житий святых», «Летопись» св. Димитрия Ростовского и др.).

Второй комплекс составили сочинения южнославянских авторов, изданные в Австрийской монархии (славянский перевод «Стемматографии» П.Р. Витезовича, опубликованный Х. Жефаровичем в Вене в 1741 г., «Разговор угодный народа славинского» А. Качича-Миошича, скорее всего известный на Афоне в кириллическом списке, сделанном самим автором [20] и др.).

Русское посредничество в первом комплексе источников и кириллица во втором при проникновении в афонскую среду сочинений «латинского» происхождения как бы снимали с них печать инославия и делали частью общего с православными авторами фонда исторических свидетельств. Так, предисловие иезуита Петра Скарги о пользе истории, которым открывался русский двухтомник «Деяний» Цезаря Барония, было практически дословно включено Паисием в свой труд и логично вписалось в его структуру.

Третий комплекс составили рукописные памятники афонских монастырей, среди которых – исторические компиляции по хронике Иоанна Зонары, сербские родословы, помянники, аутентичные и новодельные актовые материалы, включая так называемую Калиманову грамоту, хранящуюся в Зографском монастыре св. Георгия вместе с другими аналогичными документами.

Связи трех произведений между собой асимметричны. Автор «Зографской истории» и Паисий Хилендарский могли пользоваться общим источником, аналогичным «Зографской истории», так как список последней в сборнике 1785 г. не мог являться источником «Истории славяно-болгарской». С другой стороны, автору версии 1785 г. был знаком кириллический список произведения А. Качича-Миошича, заимствования из которого отсутствуют в тексте, которым мог пользоваться Паисий (если автор «Истории славяно-болгарской» сознательно не проигнорировал легендарные данные о первых болгарских королях, заимствованные у Миошича). Спиридон же использовал как труд Паисия, так и «Зографскую историю».

Наличие нескольких написанных в одно время и связанных между собой исторических произведений представляет уникальное явление как для афонской славянской книжности, так и для культур православных южнославянских народов раннего Нового времени, что дает повод говорить о наличии Зографской историографической школы. Некоторым современным ученым она представляется кругом образованных монахов с близкими интересами, среди которых велся интенсивный обмен информацией, идеями и подходами к изучению истории [4; 24].

Это представление мало сопоставимо с реальной обстановкой в Зографе и Хилендаре в середине – второй половине XVIII в., когда оба монастыря, где преобладал болгарский клир, насчитывавший сотни людей, были тесно связаны между собой. Свидетельства В. Григоровича-Барского о двухстах монахах-болгарах (1720) и иеромонахов Никифора и Иерофея о четырехстах монахах-болгарах в Хилендаре и двухстах пятидесяти в Зографе (1821) дают, пусть и косвенное, представление о численности братии этих обителей в 50–60-е гг. XVIII в. По некоторым данным, в 1765 г. в Зографе насчитывалось 170 монахов-болгар [22, с. 308]. Активная строительная деятельность, ведшаяся в монастыре в 1758–1768 гг., требовала присутствия большого числа насельников-рабочих.

Ситуация на Святой Горе в это время не оставляла большого пространства для книжных занятий прежде всего с точки зрения условий монастырской жизни. Паисий Величковский объяснял причины своего отъезда с братией с Афона в 1763 г. как материальными трудностями, так и налоговым гнетом [6, с. 23–25]. К хозяйственным трудностям добавлялись напряженные отношения между группами святогорской братии, принадлежавшими разным народам, причем разделение касалось не только традиционных обителей Св. Горы. Братия основанного Паисием Величковским Ильинского скита была по уставу разделена на славянскую и молдавскую, а для переезда своих шестидесяти четырех учеников в Молдавию старец нанял два корабля, на один из которых взошел сам Паисий и «весь славянский язык» (среди них мог быть и будущий иеросхимонах Спиридон [8, III]), а на другой – «молдавский язык» [6, 25]. Серб Досифей Обрадович, посетивший Хилендар около 1759 г., по прибытии на Афон с сожалением узнал, что «учитель Евгений (Вулгарис, будущий архиепископ Херсонский) не в силах терпеть эту всяческую монашескую кабалу, четыре месяца тому назад это чудесное место [Афон] оставил, а ученики его все разошлись. Как живут монахи в этом месте, я знаю, вы и от других слышали, а если и не слышали, тем лучше. В Хилендаре нашел я нескольких сербов, которые из века в век с болгарями препираются и не могут решить, чей Хилендар» [12, с. 164].

Обязанности проигумена, которые исполнял в Хилендаре иеромонах Паисий в 50-е гг. XVIII в., предполагали многочисленные хозяйственные функции, прежде всего длительные путешествия за милостыней – таксиды, и не оставляли много времени для книжных занятий. История таксидотских странствий Паисия в годы, предшествовавшие созданию «Истории славяно-болгарской», характеризует его выдающиеся деловые качества, позволявшие решать важные хозяйственные и правовые вопросы [14; 17]. В то же время в Хилендарском монастыре при Паисии накопились девятилетние недоимки по налогам, взимавшимся в пользу османских властей, и еще более обострились разногласия между болгарскими и сербскими монахами, заставившие проигумена на время оставить свой монастырь и искать убежища в Зографе, где им была завершена «История славяно-болгарская» [16, с. 28].

Какими бы ни были условия жизни и работы болгарских святогорцев, историко-культурные традиции Зографа и его богатое рукописное собрание играли роль важнейшей предпосылки развития историописания как интеллектуальной деятельности. При этом виды этой деятельности были различны как по характеру, так и по предназначению, а их традиции имели различную глубину. Представительная группа зографских документов XVI–XVIII вв., опубликованных К. Павликиановым [13], отчетливо рисует первый (назовем его условно «прикладным») уровень исторических изысканий зографских святогорцев – поновление и изготовление документов, связанных с хозяйственными и владельческими интересами монастырей и их земельными спорами, истоки которых нередко уходили в византийскую эпоху. При всей условности отождествления подобной деятельности с историописанием, она, во-первых, вела к формированию документальных комплексов, содержащих наряду с новоделами отдельные экземпляры, фрагменты и копии аутентичных документов, и, во-вторых, к профессионализации самой деятельности по составлению, обработке и расширению этих комплексов.

Монашеская среда, из которой вышли интересующие нас произведения, характеризовалась тесными связями с наиболее развитыми и, соответственно, перспективными с точки зрения таксиды и паломничества центрами болгарских земель. С 50-х гг. XVIII в. болгарское присутствие на Афоне численно возрастает, а приходящие на Святую Гору монашествующие, насельники и паломники представляют различные области Болгарии и их центры. Именно они могли быть и первичной аудиторией отдельных частей исторических произведений и материалов к ним. Тем более часть данных текстов, например известное предисловие «Истории славяно-болгарской» «К хотящим читати и по-

слушати написанная в историйцу сию», явно была предназначена для устного обращения к болгарской братии и насельникам Хилендара и Зографа, а также к паломникам из Болгарии. Признаками ораторской прозы обладает и анонимная Зографская история [4, с. 87–88].

На фоне проникновенных призывов Паисия пространные эрудитские изыскания Спиридона со ссылками на авторитетных, но заведомо неизвестных читателю авторов и четким делением труда на небольшие главы выглядят более свойственными собственно историографическому жанру. В то же время «История во кратце» Спиридона, в отличие от двух других, актуализирована рассказами о событиях XVIII в., заостряющих сюжет сотрудничества османских властей с греческой патриархией ради истребления болгарского священства.

Конкретно-исторические обстоятельства создания указанных текстов восстанавливаются с большими пробелами. Наибольший объем сведений относится к Паисию, который занялся написанием своего труда после того, как обошел «всьи монастыри светогорские, где имеют болгарски стари книги и царски превелегии», а «такожде по Болгарии по многи места». Учитывая, что Паисий в 1755–1760 гг. исполнял должность проигумена Хилендара, требовавшую постоянных отлучек из монастыря, начало его работы над «Историей» обычно относят к 1760 г. Сам же историк особо выделил «обретение» важнейшего источника – русского перевода «Королевства славян» Мавро Орбини – во время поездки в Сремски-Карловцы в 1761 г., то есть на достаточно продвинутом этапе написания «Истории» [9, с. 84–85]. «Зографская история» и «История» Спиридона не могли быть созданы ранее 1759–1760 гг., когда был напечатан в Венеции, а затем переписан на Афоне кириллицей «Разговор» Качича Миошича.

Впечатления Паисия от поездки в Сремски-Карловцы в 1761 г. для возвращения вывезенных монастырских документов и ценностей и его личные контакты с иерархией Ипекской патриархии, наряду с сербо-болгарскими спорами за Хилендар, могли выразиться в антисербских инвективах Паисия. В византийских и западных источниках, как он пишет, «нет нигде никакого описания или свидетельства» о сербах. Из сербских же родословов и житий, написанных «различно и несогласно», «кто как хотел и как слышал от простых людей», по мнению автора, невозможно понять, «что есть право и истина» [8, с. 50]. Именно таким произведениям Паисий противопоставил свою «Историю». Учитывая ее «составной» характер и роль сведений, почерпнутых у Орбини, можно предположить, что работа Паисия началась с составления комментированных с помощью русского издания Барония списков болгарских царей («Собранное вкратце, сколь были знамениты короли и цари

болгарские»). Без труда Орбини не могла быть завершена основная часть работы – «Собрание историческое о народе болгарском», а без нее, в свою очередь, не имел бы должного звучания призыв к болгарам «знать свой род и язык», придавший записям афонского монаха характер манифеста раннего национального Возрождения. До обретения труда Орбини Паисием могло быть переписано предисловие к книге Барония, полностью заимствованное у ее польского переводчика иезуита Петра Скарги.

На наш взгляд, мотивы к написанию истории в целом могли быть заданы прежде всего осведомленностью Паисия как таксидиота о социальном и культурном развитии греков, сербов и болгар в Османской и Австрийской империях и как проигумена – о соперничестве между соответствующими «национальными» группами святогорской братии. Это обстоятельство могло повлиять на особую авторскую позицию Паисия, коренным образом отличающую его труд от работ его современников. Первым адресатом Паисия, скорее всего, и была болгарская святогорская братия, чьи позиции в тяжбах с сербским и греческим клиром за управление Хиладарем и в имущественных спорах ослаблялись отсутствием сохранившихся царских и патриаршеских летописей и грамот-«превелегий» в их пользу. Неоднократные lamentации и объяснения Паисия по поводу отсутствия у болгар царских и патриаршеских историй, житий святых и церковных правил очертили первоначальные контуры того пространства, которое должна была восполнить его книга.

С этого угла зрения Паисий продолжил традиции «прикладного» зографского историописания, памятником которого является так называемая Зографская сводная грамота – сводная хроника имущественных приобретений Зографа, составленная в XVI или начале XVII в. с использованием болгарских и византийских грамот и других источников [13, с. 77–80]. Материалы Зографской сводной грамоты использовали и два других автора, а приводимые в ней псевдоисторические сведения привели к искажению в их трудах дат и последовательности правлений болгарских государей. Однако ни Паисия, ни автора Зографской истории эти искажения смутить не могли – их задачи лежали в той же плоскости, требуя создания текстов, которые могли бы использоваться в афонской полемике, а у проигумена Паисия – и вне Афона в защите позиций болгарского клира в спорах с греческим и сербским духовенством.

Существенную роль в создании собственно исторических частей всех трех историй сыграли перечни болгарских царей в афонских помянниках, списки которых имелись в Зографе. Паисийдо работал их на основе изученных им трудов Барония и Орбини, а также других материалов: «В некоторых

церквах и монастырях в помянниках обретаются имена царям болгарским, более сорока, и не по порядку записаны. Тут есть имена сыновей царских, которые не царствовали и не были царями, но их писали “царь, царь, царь” [9, с. 60]. Он включил в перечень тридцать три имени, включая легендарных царей Суботина и Селевкию, которые упоминаются и в Зографской истории. Краткое резюме деятельности наиболее славных болгарских государей Паисий завершает текстом, созвучным дошедшему в незавершенном отрывке окончанию помянника болгарских государей в конце Дриновского списка Синодика болгарской церкви: «О тех прочих царях что сказать? Одни были неблагополучны и побеждали их греки много раз, другие не были рода и племени царского и восставали на них болгары... Мог бы я из греческих историй о многих болгарских царях найти, сколько лет они царствовали, но не о всех царях находится, и поэтому не писал я, сколько лет они царствовали» [2, с. 162; 9, с. 67].

Еще один раздел «Истории» Паисия – («Здесь собрали коротко имена болгарских святых, сколько их просияло от болгарского народа в последнее время») – также не единственный текст такого рода, созданный на Афоне во второй половине XVIII в. Помимо сборника 1785 г., где помещена «Зографская история», перечень святых известен и по другой зографской рукописи [7, с. 630]. Поскольку все перечни включают имя новомученика Ангела Битольского (Леринского), пострадавшего в 1750 г., традиция составления таких перечней хронологически пересеклась с началом болгарского афонского историописания.

Предшественниками исторических перечней болгарских государей и святых на Афоне были помянники. Литургическое поминовение в Зографе болгарских царей и святых утверждало континуитет болгарской истории от государей, именами которых они открывались, до имен ктиторов и жертвователей, которые сообщались его посланцами – таксидиотами, и записывавшихся в самом монастыре имен паломников с упоминанием мест, откуда они пришли [7, с. 484–509]. Последние записи формировали представления о территории проживания болгар и закладывали основы их территориально-государственной идентичности, которая складывалась в дальнейшем на церковно-конфессиональной основе.

Продолжающейся традицией афонского историописания раннего Нового времени, в том числе зографского, были появившиеся в напряженной полемике вокруг Брестской унии 1596 г. сводные исторические описания Святой Горы, ее монастырей и святынь, в которых на фоне отчетливых антикатолических мотивов утверждались идеи православного единения. В XVII в. эти произведения возвращались на Святую Гору в восточносла-

вянских изданиях кириллической печати, что еще более повышало их известность и авторитет. Примером может служить известный рассказ о зографских мучениках, возвращенный на Афон в старопечатных изданиях и известный авторам всех трех историй [1].

Если в целом комплекс исторических сочинений второй половины XVIII в. обобщил и актуализировал материалы исторических текстов разного времени, их характера и происхождения, то дальнейшее бытование произведений Паисия, анонимного автора «Зографской истории» и Спиридона в болгарских землях означало новый этап его развития. Во многих переработках «Истории славяно-болгарской» происходит синтез этих произведений. Через Рильский монастырь, где подвизался после Нямца Спиридон, в этом процессе принимала участие и его «История». Так традиции болгарского историописания в Зографе и Хилендаре второй половины XVIII в. продолжали свое бытие в болгарских землях уже в XIX столетии, внося свой вклад в культурное возрождение болгарского народа, причем степень их востребованности определялась уже иными факторами и условиями, нежели в период их зарождения.

Библиографический список

1. *Божилев И.* Мъчение на зографските монаси. Легенди и факти // Светогорска обител Зограф. – София: Фондация «Св. Климент Охридски» 1996. – Т. 2. – С. 175–188.
2. *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев синодик. Издание и превод. – София, 2010. – 386 с.
3. *Бояджиев С.* Архитектура на българския манастир «Св. Георги-Зограф» на Света гора // Светогорска обител Зограф. – София: Фондация «Св. Климент Охридски», 1995. – Т. 1. – С. 173–182.
4. *Драгова Н.* Българска историографска школа в Зограф през 60-те години на XVIII век // Светогорска обител Зограф. – София: Фондация «Св. Климент Охридски», 1995. – Т. 1. – С. 79–90.
5. *Драгова Н.* Формиране на българските истории през XVIII век // Проблеми на балканската история и култура. – София, 1979. – С. 127–141.
6. Житие молдавскаго старца Паисия Величковскаго / перелож. со слав. на рус. язык архим. А[гапитом]. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1906. – 55 с.
7. *Иванов Й.* Български старини из Македония. – Фототипно издание. – София: Наука и изкуство, 1970. – 704 с.
8. История во кратце о болгарском народе славенском: Сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном иеросхимонахом / стьмки за издание В.Н. Златарски. – София: Печатница на Ив.Г. Говедаров и Сие, 1900. – 126 с.
9. История славеноболгарская собрана и нареждана Паисием иеромонахом в лето 1762 / стьмки за печат по първообраза Йор. Иванов. – София: Държавна печатница, 1914. – 92 с.
10. *Марагос В.* Паисий Хилендарски и Софроний Врачански. От православната идеология към изграждане на българската идентичност. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2012. – 332 с.
11. *Матеич М.* Икономическото и културното състояние на Хилендарския манастир по времето на Паисий // Старобългарска литература. – София: Изд-во на БАН, 1982. – Т. 11. – С. 9–15.
12. *Обрадович Д.* Писмо Харалампцију. Живот и прикљученија. – Београд: Просвета, 1975. – 286 с.
13. *Павликянов К.* История на българския светогорски манастир Зограф от 980 до 1804 г. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. – 259 с.
14. *Пеев Д.* Нови документи за хилендарския проигумен Паисий от втората половина на XVIII в. // Археографски прилози. – 2017. – № 39. – С. 149–198.
15. *Пикио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. – 724 с.
16. *Радев И.* Отец Паисий Хилендарски. Контекст и отгласи от личността и делото му. – София: Академич. изд-во «Акад. Марин Дринов», 2012. – 432 с.
17. *Райков Б.* Нови исторически документи за живота и смъртта на Паисий Хилендарски // Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий». – София, 1976. – Т. 14 (20). – С. 25–33.
18. *Робинсон А.Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: Вопросы литературно-исторической типологии. – М.: Наука, 1963. – 141 с.
20. *Трайков В.* Андрия Качич Миошич и Паисий Хилендарски // Андрия Качич Миошич и българите. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2000. – С. 65–72.
21. *Трендафилов В.* Паисий – не конструктор, а конструктор на Възраждането // Култура. – 22.12.1996. – № 51–52.
22. *Турилов А.А., Чешмеджиев Д.* Зограф // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. 20. – С. 301–313.
23. *Христова Б.* Спиридон и неговата история во кратце // Спиридон, йеромонах. История во кратце о болгарском народе славенском, 1792. – София, ГАЛ-ИКО, 1992. – С. 7–43.
24. *Цанев Д.* За историографското място на Зографската българска история от XVIII век // Светогорска обител Зограф. – София: Фондация «Св. Климент Охридски», 1995. – Т. 1. – С. 91–97.

References

1. Bozhilov I. M"chenie na zografskite monasi. Legendi i fakti // Svetogorska obitel Zograf. – Sofiya: Fondaciya «Sv. Kliment Ohridski» 1996. – T. 2. – S. 175–188.
2. Bozhilov I., Totomanova A., Bilyarski I. Borilov sinodik. Izdanie i prevod. – Sofiya, 2010. – 386 s.
3. Boyadzhiev S. Arhitektura na b"lgarskiya manastir «Sv. Georgi-Zograf» na Sveta gora // Svetogorska obitel Zograf. – Sofiya: Fondaciya «Sv. Kliment Ohridski», 1995. – T. 1. – S. 173–182.
4. Dragova N. B"lgarska istoriografska shkola v Zograf prez 60-te godini na XVIII vek // Svetogorska obitel Zograf. – Sofiya: Fondaciya «Sv. Kliment Ohridski», 1995. – T. 1. – S. 79–90.
5. Dragova N. Formirane na b"lgarskite istorici prez XVIII vek // Problemi na balkanskata istoriya i kultura. – Sofiya, 1979. – S. 127–141.
6. ZHitie moldavskago starca Paisiya Velichkovskogo / perelozh. so slav. na rus. yazyk arhim. A[gapitom]. – Svyato-Troickaya Sergieva lavra, 1906. – 55 s.
7. Ivanov J. B"lgarski starini iz Makedoniya. – Fototipno izdanie. – Sofiya: Nauka i izkustvo, 1970. – 704 s.
8. Istoriya vo kratce o bolgarskom narode slavenskom: Sochinisya i spisasya v leto 1792 Spiridonom ieroskhimonahom / st"mki za izdanie V.N. Zlatarski. – Sofiya: Pechatnica na Iv.G. Govedarov i Sie, 1900. – 126 s.
9. Istoriya slavenobolgarskaya sobrana i narezhdena Paisiem ieromonahom v leto 1762 / st"mki za pechat po p"rvoobraza Jor. Ivanov. – Sofiya: D"rzhavna pechatnica, 1914. – 92 s.
10. Maragos V. Paisij Hilendarski i Sofronij Vrachanski. Ot pravoslavnata ideologiya k"m izgrazhdane na b"lgarskata identichnost. – Sofiya: Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2012. – 332 s.
11. Mateich M. Ikonomicheskoto i kulturnoto s"stoyanie na Hilendarskiya manastir po vremeto na Paisij // Starob"lgarska literatura. – Sofiya: Izd-vo na BAN, 1982. – T. 11. – S. 9–15.
12. Obradoviĥ D. Pismo Haralampiju. ZHivot i prikљuchenija. – Beograd: Prosveta, 1975. – 286 s.
13. Pavlikyanov K. Istoriya na b"lgarskiya svetogorski manastir Zograf ot 980 do 1804 g. – Sofiya: Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2005. – 259 s.
14. Peev D. Novi dokumenti za hilendarskiya proigumen Paisij ot vtorata polovina na XVIII v. // Arheografski prilozhi. – 2017. – № 39. – S. 149–198.
15. Pikiĥ R. Pravoslavnoto slavyanstvo i starob"lgarskata kulturna tradiciya. – Sofiya: Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 1993. – 724 s.
16. Radev I. Otec Paisij Hilendarski. Kontekst i otglasi ot lichnostta i deloto mu. – Sofiya: Akademich. izd-vo «Akad. Marin Drinov», 2012. – 432 s.
17. Rajkov B. Novi istoricheski dokumenti za zhivota i sm"rtta na Paisij Hilendarski // Izvestiya na Narodna biblioteka «Kiril i Metodij». – Sofiya, 1976. – T. 14 (20). – S. 25–33.
18. Robinson A.N. Istoriografiya slavyanskogo Vozrozhdeniya i Paisij Hilendarskiy: Voprosy literaturno-istoricheskoy tipologii. – M.: Nauka, 1963. – 141 s.
20. Trajkov V. Andriya Kachich Mioshich i Paisij Hilendarski // Andriya Kachich Mioshich i b"lgarite. – Sofiya: Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2000. – S. 65–72.
21. Trendafilov V. Paisij – ne konstruktor, a konstrukt na V"zrazhdaneto // Kultura. – 22.12.1996. – № 51–52.
22. Turilov A.A., CHeshmedzhiev D. Zograf // Pravoslavnaya enciklopediya. – M., 2010. – T. 20. – S. 301–313.
23. Hristova B. Spiridon i negovata istoriya vo kratce // Spiridon, jeromonah. Istoriya vo kratce o bolgarskom narode slavenskom, 1792. – Sofiya, GAL-IKO, 1992. – S. 7–43.
24. Canev D. Za istoriografskoto myasto na Zografskata b"lgarska istoriya ot XVIII vek // Svetogorska obitel Zograf. – Sofiya: Fondaciya «Sv. Kliment Ohridski», 1995. – T. 1. – S. 91–97.

Бенда Владимир Николаевич

доктор исторических наук

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин
bvn.1962@mail.ru**ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVIII В.**

В данной статье рассматривается проблема организации деятельности и обеспечения учебного процесса в первых военно-специальных школах (военно-учебных заведениях), созданных в Российском государстве в начале XVIII вв. Особое внимание в статье уделено вопросам финансового обеспечения функционирования Московской инженерно-артиллерийской школы и содержания ее учеников за государственный счет. В работе анализируются работа органов государственного и военного управления и их руководителей по организации систематического обеспечения всеми видами довольствия для успешной деятельности военно-специальных школ. Автор приходит к выводу, что материальное обеспечение учеников и деятельности Московской инженерно-артиллерийской школы по сравнению со школой математических и навигацких наук было значительно хуже. В научный оборот вводится большое количество ранее не опубликованных источников.

Ключевые слова: Петр I, Я.В. Брюс, первая четверть XVIII в., Московская инженерно-артиллерийская школа, Московская школа математико- навигацких наук, учебный процесс, учителя, школьники, материально-техническое обеспечение.

Важную роль для организации деятельности созданной в соответствии с указом Петра I в январе 1701 г. *Московской инженерно-артиллерийской школы* [3, л. 894] (здесь и далее курсив наш. – В. Б.) и привлечения широкого контингента недорослей, добровольно желающих учиться, сыграло то обстоятельство, что государство брало на себя заботу о материальном содержании учащихся. В первые годы существования школы, когда основой контингент ее учащихся состоял из детей артиллерийских служащих и других малообеспеченных сословий, школьникам предоставлялись бесплатное питание, одежда, учебные принадлежности. «И кормить и поить их в вышеписанных школах, а на корм положено им по 2 деньги человеку на день и из тех денег – из половины, покупая хлеб и харч, в постные дни рыбу, а в скоромные – мясо и варить кашу или шти; а по другой – на обуви и на кафтанишки и на рубашонки... – подчеркивалось в указе царя. – И учащим и переимчивым будет государево жалованье и дача смотря по учению» (здесь и далее орфография и стиль документа сохранены. – В. Б.) [3, л. 894–894 об.]. Школьники, успешно овладевающие науками в «верхней» школе (инженерный класс (школа). – В. Б.), получали и «государево особое» жалование [1, л. 26 об., 27, 32 об., 34, 77, 123, 123 об.].

Несмотря на государственную поддержку военно-специального образования, *материальное положение как учеников, так и учителей, а также финансирование деятельности первых военно-учебных заведений оставалось крайне тяжелым*. Это объяснялось рядом причин, основной из которых была крайняя напряженность государственного бюджета в связи с ведением тяжелой и изнурительной Северной войны. Правительствующему сенату (ПС) после его создания приходилось глав-

ным образом заниматься вопросами изыскания средств на покрытие огромных военных расходов страны. Из отчета о количестве учащихся инженерно-артиллерийской школы и денежной сумме, израсходованной на их содержание, представленного канцелярией Артиллерийского приказа Я.В. Брюсу, видно, что фиксированной штатной, так называемой окладной, суммы денег на содержание школы, на продовольственное и вещевое обеспечение учеников определено не было. В частности, в ответе дьяка Приказа артиллерии Н.П. Павлова на запрос Я.В. Брюса, написанном им 21 декабря 1705 г., по этому поводу указано, что «в артиллерии с какого году и месяца и числа велено учить школьных учеников и сколько в тех школах по которое число учеников было и ныне на лицо из каких денег они кормлены и что им из одежды дано, також из тех учеников сколько годовым денежными окладами верстаны и в иные чины сколько отдано, тому зделав выписку послал к милости твоей» [3, л. 894–897 об.]. *Деньги эти брались из различных, порой случайных источников дохода Приказа артиллерии*. Например, в упомянутом выше отчете Н.П. Павлова сообщается, что «...ученики кормлены из заделных денег, которые всяких чинов люди привозили битую колокольную и зеленую медь и имали целые колокола и у них битая и зеленая медь принимана, а вместо той меди отдаваны в тот же вес целые колокола, а вместо заделного имано по 8 алтын (3 копейки. – В. Б.) 2 деньги (0,5 копейки. – В. Б.) с пуда. В том числе 30 сентября 1703 г. получены 501 рублей и 30 алтын... дому губернатора Александра Меншикова у человека ево у Лариона Думашева за отдаточную медь за 83 пуда за 26 фунтов» [3, л. 896].

Для финансирования деятельности *Московской инженерно-артиллерийской школы* в начальный период ее деятельности (в 1703, 1704 и 1705 гг.) на

одежду и обувь ученикам было взято из Сибирского приказа по рублю на человека – всего 810 р. Всего «...школьным ученикам с прошлого 1701 года августа с 1-го числа генваря по 1-е число 1706 году, итого в 4-х годах и в 6 месяцев в расходе на корм 1416 руб. 5 алтын 2 деньги. Да на одежду и на обувь 852 рубля 23 алтына 2 деньги» [1, л. 26 об., 32 об., 123 об.; 2, л. 239; 3, л. 895 об., 897].

О комплекте одежды, которым обеспечивались школьники, говорят следующие записи отчета: «...из школьных учеников выбранным самым скудным (речь идет о первом наборе недорослей в количестве 180 человек. – В. Б.) 61-му человеку дано платья по кафтану, да по штанам серым, по шапке, по черыкам с чулками, по 10 обуви лаптей ценой по 23 алтына 2 деньги человеку... Школьные ученики одеваны шубами и дано им по шапке, по штанам сермяжным, по черыкам с чулками, по 10 обуви лаптей в прошлом 1703 году 291-му человеку, в 1704 году 264-м человеком, в нынешнем 1705 году 255 человеком» [3, л. 895 об., 897]. Стоимость комплекта не превышала суммы 1,5 рубля: шуба овчинная – 21 алтын 4 деньги; кафтан серый – 11 алтын 4 деньги; штаны сермяжные 3 алтына 2 деньги; шапка – 1 алтын 4 деньги; черывики (ботинки, туфли. – В. Б.) с чулками – 5 алтын; пять пар лаптей – 10 денег [3, л. 895 об.].

Значительный интерес представляют архивные документы, в которых можно найти упоминание о производстве различного рода работ по благоустройству инженерно-артиллерийской школы и обеспечению учебного процесса. Были выделены деньги на изготовление «...в цифирных школах опечков и столов и лавок и перегородок» [1, л. 93], а также на покупку необходимого имущества и припасов для изготовления «...в инженерные школы печей за образцы и глину и кирпич сырой и жженный, за проволоку и крючки железные и иные припасы» [1, л. 140].

В ноябре 1702 г. из Приказа артиллерии выдается медь «...на дело в школу циркулей и перей», и уже в декабре «...часового дела мастеру Марку Францеву сыну Эру...» выплачивается 28 рублей 30 алтын «...за сделанные в новопостроенные школы к иноземцу Ягану Адлеру (прибыл в Приказ артиллерии в конце мая 1702 г. из Новгородского приказа в качестве учителя верхней «инженерной» школы, принятый на русскую службу еще в 1698 г. – В. Б.) для учения школьных учеников за 22 циркуля, да за 11 перьев медных наконешники стальные, за 5 транспортиров» [1, л. 87, 89 об.]. Для инженерной школы покупаются 15 аспидных досок «...для учения школьных учеников геометрии» [1, л. 126 об.], в распоряжение Ягана Адлера отпускается еще одна стопа писчей и десь александрийской бумаги и т. д. [1, л. 77, 87].

Среди самых разнообразных записей в расходных документах Артиллерийского приказа, имев-

ших отношении к школе и свидетельствующих о том, что руководство Приказа принимало необходимые меры для обеспечения успешного хода учебного процесса, привлекает особое внимание запись о покупке для учеников инженерной школы 11 немецких азбук [1, л. 77]. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что помимо основных предметов учебной программы школьники изучали и иностранный язык, знание которого в новых исторических условиях все расширяющихся связей с зарубежными странами приобретало особое значение для будущих артиллерийских и инженерных специалистов. Под руководством датского инженера Ягана Адлера ученики инженерной школы успешно осваивали учебную программу и «...за прилежное учение геометрии и фортификации сверх кормовых денег» были вознаграждены дополнительным денежным жалованием [1, л. 126]. С этого момента школьники верхнего класса стали получать годовые оклады в размере 10 рублей [3, л. 895 об.]. Так, в частности, в справке канцелярии Приказа артиллерии на челобитной ученика инженерной школы Алексея Луцкого об установлении ему годового оклада в сумме 10 рублей говорится: «...10 человеком учинено ево великого государя жалования по 10 рублей человеку в год для того, что приняли науку геометрию и тригонометрию, феории и праксии сколько к артиллерии надобно геометрические пушечные и мортирные чертежи и станки ось и втулку и колесо так же и мортирной станок чертили» [4, л. 644].

В апреле 1704 г. Приказ артиллерии закупил в Оружейной палате несколько книг «Арифметики» и 100 книг синусов, которые были отданы в переплет [2, л. 257]. В этом же месяце «для науки, школьных учеников» в инженерную школу было дано 13 книг синусов [2, л. 245 об.]. Вскоре, для этой же школы, инженерный ученик – бомбардир Алексей Головачев – получил под расписку еще две книги синусов и одну арифметику [2, л. 331]. Заметим, что Алексей Головачев прибыл из бомбардирской школы Преображенского полка и был сразу зачислен в «верхнюю» инженерную школу [1, л. 126]. Этот факт весьма интересен с точки зрения существования связей между родственными школами. Вместе с этим «...в инженерную школу для учения школьников инженерной и артиллерной наукам» направляются новые партии математических инструментов: два циркуля [2, л. 331, 341], полуциркуль, «...да два квадранта из дерева опокаутова» [2, л. 315 об.], тринадцать транспортиров медных с цифровым обозначением [2, л. 308] и другие принадлежности.

Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, освободившись к концу 1712 г. от непосредственного руководства боевыми действиями полевой артиллерии, стал больше уделять внимания вопросам управления артиллерийской школой и улучшения

ее материального обеспечения. По его настоячивым просьбам в ПС началось новое каменное строительство на Конюшенном и Гранатном дворах, сгоревших в мае 1712 г. На Конюшенном дворе было построено каменное здание для артиллерийской школы, которая была переведена сюда из временных помещений на полевом пушечном дворе у Красного пруда. Следует пояснить тот факт, что с момента образования в 1712 г. Московской инженерной школы профиль подготовки кадров в инженерно-артиллерийской школе изменился – в ней стали готовить в большей степени чисто кадры для артиллерии, не исключая из программы подготовки и инженерные дисциплины. *Поэтому после 1712 г. Московская инженерно-артиллерийская школа стала именоваться просто артиллерийской школой.*

Рассмотрим теперь организацию материального обеспечения *Московской школы математико-навигационных наук*, основанной практически одновременно с инженерно-артиллерийской, а если быть точным, то в соответствии с указом Петра I от 14 января 1701 г.

К концу 1702 г. в Московской школе математико-навигационных наук под руководством 4 учителей обучалось порядка 200 школьников. В частности, А.Е. Викторов по этому поводу указывает, что в ноябре 1702 г. Оружейная палата израсходовала «...математико-навигационных школ ученикам 200 человек на кафтаны 236 р.» [7, с. 471]. Только в течение 1702 г. на содержание и жалование «навигационной школы учителям (4) и ученикам (200), сторожам, переводчику, писцу и часовенику» было израсходовано 3002 рубля [7, с. 471], а всего, считая подготовительный период, с ноября 1699 г. по 1703 г. с прочими расходами – 12 772 руб., 23 алтына, 1 деньга [10, с. 291–292].

В 1711 г. по решению ПС монетные дворы – серебряный и медный – были изъяты из ведения Приказа морского флота и поступили в непосредственное управление канцелярии Сената [11, с. 713]. В результате этого Приказ морского флота в вопросах финансирования собственных нужд, в том числе и на содержание математико-навигационной школы, лишился самостоятельности и попал в полную зависимость от Сената. Лишился Приказ морского флота и еще одного солидного источника дохода (порядка 4 000 р.), ранее использовавшегося в основном на нужды школы. Это были деньги, которые взимались с некоторых царедворцев взамен их службы государству. В 1711 г. по приговору сената все такие царедворцы были направлены на службу [8, с. 45–46].

В начале второго десятилетия XVIII в. улучшения финансового обеспечения артиллерийской и навигационной школ не произошло. Более того, финансовое положение школы математических и навигационных наук было крайне бедственным, что под-

тверждается донесением, поступившим в Сенат от Адмиралтейской канцелярии в конце 1711 г. В донесении Сенату сообщалось, что «...на дачу... жалования учителям и ученикам кормовых денег на будущий 712 год с января месяца и на всякие к школе расходы и во отправление навигаторов в практику денежной казны в приказе морского флота нет» и спрашивалось «...на вышеозначенные расходы денежной казны... откуда взять» [14, с. 302–303]. К донесению была приложена смета на годовое содержание школы: 1) учителям и техническому персоналу – 1 441 руб.; 2) ученикам «кормового жалования» – 7 500 руб.; 3) навигаторам на отправку за море и содержанке – 5 750 руб.; 4) на покупку учебных пособий – 660 руб.; 5) на хозяйственные расходы – 340 руб.; 6) на содержание мастерской при школе – 829 руб. 6 алтын и 4 деньги; 7) всего – 16 523 руб. 6 алтын и 4 деньги. Кроме того, на содержание ранее отправленных за море навигаторов и наем морского флота служителей – 10 116 руб. Общая итоговая сумма – 26 639 рублей, 6 алтын и 4 деньги.

В конце 1713 и начале 1714 г. в результате плохого и нерегулярного финансирования школы математических и навигационных наук ученики в течение 5 месяцев не получали продовольственного жалования и пришли в крайне бедственное состояние, особенно те из них, для которых кормовые деньги являлись единственным источником существования. Сообщая об этом Ф.М. Апраксину, глава Адмиралтейской канцелярии А. Беляев 27 февраля 1714 года писал, что многие ученики «...не только с себя... проели кафтаны, но истинно босыми ногами ходя, просят милостыню у окон». В апреле этого же года он уже ставит перед Апраксиным резко вопрос о судьбе школы: «...ежели оной быть, то потребно на содержание ее деньги, а буде даваться не будут, то истинно лучше распустить» [14, с. 304].

Будучи сам сенатором и близким к царю человеком, Ф.М. Апраксин, очевидно, сделал соответствующее «сильное» представление Сенату о дальнейшей судьбе школы и потребовал определения: 1) о твердом бюджете школы; 2) о постоянном источнике ее финансирования и регулярности отпуска денег на ее содержание. 7 апреля 1714 г. Сенат приговорил: отпускать, «расчисляя по третям с денежных дворов», в дополнение к сумме денег, собираемых с царедворцев, «двадцать две тысячи четыреста пятьдесят девять рублей, 6 алтын, 4 деньги». Таким образом, Сенат утвердил годовой бюджет школы согласно смете, представленной А. Беляевым еще в конце 1711 года, и подтвердил прежний источник ее финансирования [9, с. 294–296]. По пункту 3-му «докладных Сената», озаглавленному «В Адмиралтейский приказ на содержание навигационной школы и посланным за море 22 459 рублей», Петр I 16 апреля 1714 года

наложил резолюцию: «Давано с верх положенного числа (то есть с царедворцев. – В. Б.) с денежных дворов, и ныне давать оттуда ж» [12, с. 97].

С момента образования в Санкт-Петербурге морской академии статус Московской школы математических и навигацких наук изменился. Соответственно, изменилось и финансовое обеспечение её деятельности. На имя директора Санкт-Петербургской морской академии Г. Скอร์някова-Писарева, который принял руководство академией от графа А.А. Матвеева, назначенного сенатором и президентом юстиц-коллегии [6, с. 47], указом от 22 января 1719 г. было велено выделять на содержание Московской школы: на жалование учителю и подмастерьям, на все учебные и хозяйственные расходы и кормовое довольствие школьников в год всего 5600 рублей [13, л. 171, 173]. Из этой суммы выплачивалось жалование: Л.Ф. Магницкому – 260 руб., в то время как учитель-иностранец А. Фарварсон получал годовое жалование в 955 рублей 84 копейки, другой иностранец, Степан Гвын, 400 рублей, его помощники, подмастерья и «навигаторы» – 440 рублей, адмиралтейский комиссар – 100 рублей. Остальные деньги шли на учебные, хозяйственные расходы и кормовое жалование школьникам [13, л. 171, 173 и др.].

В заключение заметим, что на содержание инженерно-артиллерийской школы с 1701 по 1706 гг. было израсходовано всего 2 268 рублей, 28 алтын и 4 деньги [3, л. 897]. На содержание артиллерийской школы в 1714 г. Сенат предлагал отпускать в год «3 037 р. 18 алтын и 4 деньги в год которую велено давать... из Военной канцелярии... из взятых на их дачу денег с денежных дворов» [5, л. 402].

Таким образом, все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что материальное обеспечение учеников и деятельности Московской инженерно-артиллерийской школы по сравнению со школой математических и навигацких наук было значительно ниже. Недостаточность средств и нерегулярность их выделения органами государственного и военного управления на содержание первых военно-специальных школ, на продовольственное и вещевое обеспечение учеников этих школ вынуждали последних заниматься попрошайничеством, сидеть по домам, выражаясь современным языком, голодными, босыми и голыми. Следует заметить, что правительства преемников Петра Великого предпринимали различные меры и действия для улучшения материального обеспечения деятельности военно-учебных заведений и содержания проходивших в них обучение учеников.

Библиографический список

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). – Ф. 2. – Оп. 1 (Приказ артиллерии). – Д. 1.

2. Архив ВИМАИВ и ВС. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 10.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 253.

6. *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. – СПб.: В тип. Морского кадетского корпуса, 1852. – 366 с.

7. *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725. – М.: Тип. М.П. Щепкина, 1883. – Вып. 2. – 290 с.

8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1880. – Т. 1: Год 1711. – 476 с.

9. Доклады и приговоры, составленные в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1888. – Т. 4. – Кн. 1: Год 1714. – 600 с.

10. Материалы по истории русского флота. Ч. 3. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1866. – 749 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (ПСЗ). – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 4: 1700–1712. – 881 с.

12. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 5: 1713–1719. – 780 с.

13. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 25.

14. *Сукновалов А.Е.* Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. – М.: Академия наук СССР, 1953. – Т. 42. – 307 с.

References

1. Arhiv Voенno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Arhiv VIMAIВ i VS). – F. 2. – Op. 1 (Prikaz artillerii). – D. 1.

2. Arhiv VIMAIВ i VS. – F. 2. – Op. 1. – D. 3.
3. Arhiv VIMAIВ i VS. – F. 2. – Op. 1. – D. 4.
4. Arhiv VIMAIВ i VS. – F. 2. – Op. 1. – D. 10.
5. Arhiv VIMAIВ i VS. – F. 2. – Op. 2. – D. 253.

6. Veselago F.F. Oчерk istorii morskogo kadetskogo korpUSA s prilozheniem spiska vospitannikov za 100 let. – SPb.: V tip. Morskogo kadetskogo korpUSA, 1852. – 366 s.

7. Viktorov A.E. Opisanie zapisnyh knig i bumag starinnyh dvorcovyh prikazov 1613–1725. – M.: Tip. M.P. SHCHepkina, 1883. – Vyp. 2. – 290 s.

8. Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitel'stvuyushchem Senate v carstvovanie Petra Velikogo. – SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1880. – T. 1: God 1711. – 476 s.

9. Doklady i prigovory, sostavlennye v Pravitel'stvuyushchem senate v carstvovanie Petra

Velikogo. – SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1888. – Т. 4. – Кн. 1: God 1714. – 600 s.

10. Materialy po istorii russkogo flota. CH. 3. – SPb.: Tip. Morskogo ministerstva, 1866. – 749 s.

11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Pervoe sobranie (PSZ). – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – Т. 4: 1700–1712. – 881 s.

12. PSZ. 1-e sobr. – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – Т. 5: 1713–1719. – 780 s.

13. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-morskogo flota (RGA VMF). – F. 176. – Op. 1. – D. 25.

14. Suknovalov A.E. Pervaya v Rossii voennomorskaya shkola // Istoricheskie zapiski. – М.: Akademiya nauk SSSR, 1953. – Т. 42. – 307 s.

Сараева Елена Леонидовна

доктор исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
els5656@yandex.ru

Цой Игорь Александрович

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
olya.tsoy.72@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАРОДНИКОВ 1870-Х ГГ. О РОССИЙСКИХ ИСТОКАХ ИХ ОППОЗИЦИОННОСТИ

В статье предложен анализ представлений народников 70-х гг. XIX в. об исторических обстоятельствах, повлиявших на развитие революционного движения, формирование мировоззрения радикалов того времени. Новизна исследования заключается в реконструкции и интерпретации взглядов народников на политику правительства, социальные отношения в период царствования Александра II. Социально-политические обстоятельства эпохи «великих реформ» послужили историческим контекстом революционного движения. Важно проанализировать представления народников о причинах радикализации настроения части молодежи в эпоху преобразований Александра II. В историографии народничества проблема истоков оппозиционности народников изучена недостаточно. Исследование осуществлено в контексте аксиологического и гуманитарного подходов, обязывающих изучать культуру личности прошлого, ее систему ценностей и идей. Источниковую базу исследования составили тексты народников: их воспоминания и сочинения. Написанные с целью широкой популяризации народнических идей, они содержат достоверную информацию о мировоззрении революционеров семидесятых годов XIX в., раскрывают черты их субкультуры, исторической памяти. В статье выявлены представления народников о реформах Александра II, репрессиях власти после покушения Каракозова, социальных противоречиях времени, о круге чтения революционеров как факторах, влиявших на формирование их убеждений. Анализ этих представлений позволяет воспроизвести черты народнической версии российских истоков их оппозиционности.

Ключевые слова: народники, революционное движение семидесятых годов XIX в., «великие реформы», Александр II, покушение Д. Каракозова, С.М. Степняк-Кравчинский, П.А. Кропоткин, народническая субкультура, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С. Франк.

В конце 60-х – 70-е гг. XIX в. в России сформировалось поколение радикально настроенных народников, критически воспринимавших социально-политические отношения в России. Первую попытку осмысления причин своей оппозиционности предприняли сами народники-практики. Их тексты раскрывают основные черты их исторической памяти, идейно-ценностные ориентиры деятельности, воззрение на обстоятельства времени, повлиявшие на их решение начать борьбу за претворение в жизнь своих народнических идеалов. Они сами оценивали свою деятельность в контексте исторической эпохи. Основная научная задача данного исследования – анализ представлений лидеров народников-практиков 70-х годов XIX в. о российских истоках их оппозиционности, условиях, под влиянием которых они выработали стратегию борьбы за социалистическую модернизацию общества. Важно не только воспроизвести представления народников об исторических обстоятельствах развития их протестного воззрения, но и определить критерии интерпретации народнической парадигмы.

Проблема истоков народничества интересовала уже современников, а позднее исследователей в разные исторические периоды. Возникновение революционного движения было неожиданным для сторонников реформ Александра II. Они связывали его со стремлением части молодежи быстро утвердить в общественных отношениях прин-

цип социальной справедливости и с ее увлечением идеалами социализма. Однако народники объясняли истоки революционного движения в основном неудачами и противоречиями в правительственной политике. Проблема истоков народничества отчасти проанализирована в сочинениях, опубликованных в сборнике «Вехи» (1909). «Веховцы», считая революционеров интеллигенцией, стремились дать объяснение мировоззренческих и нравственных основ ее деятельности. Они полагали, что должны понять причины кризиса освободительного движения. По мнению С. Франка, «освободительное движение» вело борьбу против власти, которая, будучи близорукой и пренебрегая интересами народа, защищала «старый порядок» [13, с. 176]. Н.А. Бердяев утверждал, что репрессивная политика правительства вызывала протест молодежи и создавала народникам репутацию героев борьбы с деспотизмом [2]. Характеризуя культуру чтения революционеров, Н.А. Бердяев отметил отсутствие у них интереса к серьезной философско-религиозной литературе. С.Н. Булгаков полагал, что интеллигенция, духовно оторванная от народа, выработала идею народопоклонничества и стремилась применить свои «отвлеченные схемы» [3, с. 59–60]. Не имея «здорового национального чувства», она препятствовала «выработке национального самосознания», утверждал Булгаков [3, с. 60–61]. «Веховцы» объясняли возникновение народничества схематизмом мышления, изоляцией от общества,

выработкой революционерами умозрительных образов, далеких от российских реалий.

В советской историографии народничество оценивалось в контексте формационной парадигмы. Считая главной его причиной рост недовольства крестьянами своим положением, советские историки не уделили должного внимания изучению представлений народников об истоках их оппозиционности. Советские историки преимущественно изучали программные положения и развитие революционного движения 1870-х гг. [1; 9; 12]. В современной историографии народничества уделяется внимание анализу дискурса народничества, его парадигмы [4; 14–17]. Изучение идей народничества, утверждает Ф.П. Фурман, важно, поскольку, сформулированные в текстах, они меняли ментальные практики [16]. Современные историки стремятся «по-новому поставить проблемы», применять «методологию дискурса-исследований» [16].

Как видно, проблема анализа взглядов народников на истоки оппозиционности изучена недостаточно, признается значимость интерпретации их идей. Важно исследовать черты исторической памяти народников, объяснявшей их участие в антиправительственной деятельности.

Источниковая база исследования заявленной проблемы – сочинения участников народнического движения. Стремясь к максимальной популяризации своих идей, народники транслировали их в печатной литературе: своих листовках, мемуарах, сочинениях. Опубликованные воспоминания народников являются достоверным источником по изучаемой теме, поскольку их авторы хотели ясно представить свои оценки российских реалий как контекста своей деятельности. Анализ текстов народников позволяет воспроизвести черты их самосознания, характеризующие народническую субкультуру [6]. Наиболее обстоятельно воззрение народников об истоках их оппозиционности раскрыто в сочинениях С.М. Степняка-Кравчинского (1851–1895) и П.А. Кропоткина (1842–1921), видных представителей революционной практики того времени. Они воспроизвели схожие по своему содержанию мнения о российской жизни того времени, формировали представление о наличии в их субкультуре многих общих черт.

Логика исследования определяется выборкой народниками знаковых обстоятельств, которые, с их точки зрения, воздействовали на их оценку российской социально-политической практики. Важнейшим истоком своей оппозиционности народники считали политику власти, которая не была ориентирована на запросы личности и общества. Характеризуя монархию как зло, они демонстрировали свое неверие в реформаторский потенциал самодержавия, не предоставившего обществу право на политическую деятельность, оставившего крестьян в нищете, не решившего многие

насущные задачи того времени. Отсутствие политической свободы в России рассматривалось революционерами как обстоятельство, заставившее их начать борьбу за «волю». Политический режим они оценивали как «иго» самодержавия, молодым людям была нужна хоть малая доля политической свободы, утверждал Степняк-Кравчинский [11]. Он писал, что русские люди вынуждены были обсуждать интересовавшие их проблемы в гостиных: «Как во всякой стране, где политической жизни не существует, гостинная является в России единственным местом, где люди могут обсуждать какие бы то ни было интересующие их вопросы» [11].

Согласно текстам народников, они обращали большое внимание на разоблачение коррупции чиновников. Протестное настроение народников, как показывает анализ их текстов, возникло под влиянием устной и печатной критики злоупотреблений представителей власти. Критическое отношение к политике Александра II, по мнению Кропоткина, в конце 1850-х гг. формировал альманах А.И. Герцена «Полярная звезда». Петр Алексеевич впервые познакомился с революционными идеями, читая этот альманах. Живя в Петербурге в те годы, Кропоткин свидетельствовал, что «Полярная звезда» «быстро и широко распространилась в публике и произвела смятение даже в придворных кругах» [8, с. 151]. Современники воспринимали статьи в альманахе как «резкую критику самодержавия» [8, с. 152]. Кропоткина восхищали «мощность размаха... мыслей» Герцена, его «глубокая любовь к России»: «Я читал и перечитывал эти страницы, блещущие умом и проникнутые глубоким чувством. Тургенев правду сказал, что Герцен писал слезами и кровью, что с тех пор у нас никто так не писал» [8, с. 152]. Критика Герценом чиновничества на страницах «Колокола» и «Полярной звезды» способствовала формированию общественного мнения о власти как коррумпированной. Тема произвола чиновников широко обсуждалась общественностью, так как все устали от злоупотреблений, писал Кропоткин. Он изначально был конституционалистом, в своей работе он доказывал «необходимость конституции для России» и «правового порядка», но разочаровался во власти [8, с. 151].

Плохо разбираясь в политике, многие молодые люди в столице и провинции были настроены антиправительственно. Народники акцентировали внимание на негативных сторонах деятельности правящей элиты. Всю ее политику они воспринимали как не соответствующую общественным настроениям. Полагаем, что слабая теоретическая подготовка, невыработанность критериев оценки правительственных мероприятий стали факторами, препятствовавшими осознанию существенных изменений в целях власти. Часть молодых людей заняла позицию осуждения всей государственной политики и слома существовавшей властной си-

стемы. Они не размышляли над проблемой роли государства в российском историческом процессе. Создав негативный стереотипный образ самодержавия как врага прогресса, народа, они недостаточно обращали внимания на ряд положительных последствий правительственных реформ.

Важно отметить, что народники не дали оценки реформ, способствовавших формированию гражданского общества и демократизации военного дела. В их текстах нет сколь-нибудь существенных характеристик образовательной среды, новой правоохранительной системы, военной организации, местного самоуправления, преобразовывавших общественные отношения на принципе всеобщности. «Великие реформы», несомненно, способствовали формированию национального сообщества на основе идей равенства, расширения прав всех социальных слоев населения. Однако народники считали преобразования недостаточными, не соответствовавшими интересам народа. Обращает на себя внимание отсутствие в работах народников развернутой характеристики мероприятий власти, реформ, их целей и последствий для общества. В них не звучат имена государственных деятелей, проводивших преобразования. Радикалы ограничились самой общей критической оценкой правительства, они не выделили позитивных новаций своего времени. В их взгляде на чиновников нет различий в оценках просвещенных и консервативных деятелей. В их представлении, чиновники использовали власть в своих корыстных интересах, не думали об обществе. Это позволяет интерпретировать их восприятие внутривластного курса как некомпетентное, субъективное, предвзятое, одностороннее, поскольку оно не основывалось на знании задач деятельности министров и их деловых качеств, анализе положений реформ и их восприятии другими группами населения. Они не проявили серьезного внимания к преобразованиям, способствовавшим цивилизационному развитию общества. Отказ от применения личностного подхода к оценке государственных деятелей – признак системноцентричности мировоззрения народников, нивелировавших персональные качества людей во власти, создававших общий образ чиновника-карьериста, не думавшего об интересах общества. В ментальности народников чиновники были врагами народа. Восприятие отношений между властью и обществом как антагонистических вело к возникновению убеждений, что государственная политика противоречит интересам как минимум молодежи.

Критика правительства в контексте идеи социальной справедливости, ставшей основной в ментальности многих молодых людей того времени, несомненно, обуславливала негативное отношение к власти, способствовала складыванию представлений о том, что невозможен диалог с чиновни-

ками. В программе «Земли и воли» политическая власть и режим названы «ненавистным... порядком» [10].

Как видно, народники не задумывались над вопросом необходимости оценки государственной политики в контексте проблемы «новации – традиции». Они выбрали другой ракурс зрения – соответствие или несоответствие правительственных мероприятий их представлениям о социальной справедливости, что предопределило отрицательное отношение к власти.

Другим важнейшим обстоятельством, способствовавшим формированию народничества, по мнению Степняка-Кравчинского, было бедственное положение крестьян. Он писал: «Несчастное, изо дня в день ухудшающееся положение крестьян, то есть 9/10 населения, не могло не заставить серьезно призадуматься всех, кому было дорого будущее родины...» [11]. С точки зрения народников, мыслящие люди в стране обязаны были думать о крестьянах, потому что, во-первых, они составляют большинство населения, во-вторых, они живут бедно.

Проблема нищеты народа стала одной из самых обсуждаемых российской общественностью тем в пореформенные десятилетия. Революционеры полагали, что положение крестьян неуклонно ухудшалось, они не видели никаких прогрессивных тенденций в развитии крестьянского хозяйства. Называя все реформы Александра II «несовершенными», Кравчинский воспроизвел свое представление об одной из них – крестьянской: она ухудшила положение народа: «...пресловутое освобождение крестьян изменило их материальное положение только к худшему, так как выкупные платежи, установленные за их жалкие наделы, значительно превышают доходность земли...» [11]. Молодежь, задумавшаяся о положении народа, была возмущена тем, что крестьяне должны были платить большие деньги за маленькие наделы. Они знали, что у крестьян не было достаточных денег для выкупа земли. Молодежь адекватно воспринимала выкупную операцию как крайне тяжелую для народа.

Согласно Степняку-Кравчинскому, восприятие бедности крестьян как вопиющей социальной несправедливости побудила часть молодежи начать борьбу за интересы народа: «Необходимо было искать каких-нибудь путей к улучшению положения народа, и, конечно, общественная мысль обратилась бы к законным и мирным средствам...» [11]. Он отделял позицию революционно настроенной молодежи от взгляда общественности, надевавшейся на новые реформы. Кравчинский передал мнение радикалов: они не верили в самодержавие как силу, способную на протяжении длительного исторического времени менять политические и социально-экономические отношения в стране:

«...если бы по освобождении крестьян от ига помещиков Александр II освободил Россию от своего собственного ига, наделивши ее хоть малой долей политической свободы. Но именно к этому он не проявлял ни малейшей склонности. А раз самодержавие оставалось в полной силе, можно было надеяться только на добрую волю императора. Но, по мере того как проходили годы, эта надежда все более и более уменьшалась. Как реформатор Александр II выдержал испытание очень недолго» [11].

Мысль Кравчинского о том, что молодежь потеряла надежду на самодержавие, объясняет восприятие ею российской власти: она не проведет новые реформы, которые позволили бы крестьянам увеличить свои доходы и наделы. Радикальные народники считали необходимым вести борьбу за интересы народа, воспринимая себя его спасителями. К числу его противников они отнесло императора и правительство.

Не менее значимым истоком своей оппозиционности народники считали необоснованно масштабные репрессии после покушения Д. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Каракозов объяснил мотивы своего поступка в прокламации «Друзьям-рабочим!»: «Грустно, тяжело мне стало, что... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так всё же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся» [7]. Народники 1870-х годов героизировали Каракозова, считая, что он дал молодым людям пример борьбы с царем за интересы народа. Они не оценили его поступок в контексте правовых отношений.

Народники писали, что общество было напугано многочисленными арестами. Люди предпочитали открыто не обсуждать политические темы, вспоминал Кропоткин [8, с. 152]. В литературных кружках «серьезных разговоров на политические темы не велось... <...> Вне литературных кружков положение дел обстояло еще хуже» [8, с. 152]. Кропоткин знал многих «передовых людей», которые в условиях реакции заняли позицию «сила солону ломит» [8, с. 245]. Он проследил влияние репрессивной политики на умонастроение молодежи: ею овладел страх перед властью, которая могла сломать судьбы людей. Арестовывали лиц, «принадлежавших ко всем слоям общества, шли бесчисленные обыски» [8, с. 248]. Большинство людей боялись «попасть в лапы» полиции, благомыслящие люди дистанцировались от критически мыслящей молодежи [8, с. 250]. Кропоткин считал, что в конце 1860-х гг. возник конфликт между отцами и детьми. Отцы смирились с режимом, а дети начали борьбу за свои идеалы. Он писал, что молодежь, возмущенная арестами, выбрала путь борь-

бы с властью за свою свободу. Она заняла жертвенную позицию, надеялась переломить ход истории: «...мы, молодежь, готовы были начать борьбу, действовать, рисковать, если нужно, жертвовать всем. Мы просили у стариков лишь совета, кое-каких указаний и некоторой интеллектуальной поддержки» [8, с. 245].

Сами народники выделили молодежь как наиболее критически настроенную часть общества, способную на жертвы. Интересно их отношение к «отцам»: в их восприятии они были «стариками». Этой оценкой они подчеркивали, что идеи «отцов» они считали устаревшими.

Степняк-Кравчинский неоднократно в воспоминаниях объяснял, почему народники выбрали революционный путь борьбы. Он понимал, что общественность выступала за реформы – «мирные и легальные средства». Почему же народники предпочли революцию реформам? С его точки зрения, репрессивные меры власти – главное доказательство невозможности решить задачи мирным путем: «...тут уж приходилось бросить всякие расчеты на мирные и легальные средства. Оставалось – или безмолвно подчиниться всему, или искать других путей для спасения родины; и естественно, что все, кто любил Россию, выбрали последнее. Таким образом, рука об руку с ожесточением реакции росло и революционное брожение, и тайные общества возникали одно за другим во всех главных городах России» [11]. Правительственная реакция вызвала протест молодежи, утверждал Кравчинский.

Однако народники не оценивали проявления молодежного протеста с правовой точки зрения. Власть восприняла покушение Каракозова и польское восстание 1863–1864 гг. как проявления правового беспредела и неповиновения. Правительство считало возможным применение репрессий в условиях неправомерных действий террористов и восставших с оружием в руках. Но народники обвиняли императора Александра II в развязывании правительственного террора: «С 1866 года бешенство реакции удвоилось. В несколько месяцев было уничтожено все, что еще носило на себе печать либерализма первых лет царствования. Это была истинная вакханалия реакции. После 1866 года нужно было быть слепым или лицемером, чтобы верить еще в возможность каких-нибудь улучшений иными путями помимо насильственных», – писал Кравчинский [11].

Знаковым явлением той эпохи было широкое распространение социалистических идей. Народники утверждали, что знакомство с литературой социалистического содержания определило выбор ими идейных ориентиров деятельности. Культура народников в значительной степени формировалась под влиянием социалистической литературы. Как писали народники, они читали работы русских мыслителей, понятно излагавших идеи социализ-

ма. Степняк-Кравчинский свидетельствовал, что молодым людям было сложно изучать многие научные тексты европейских авторов на языке оригинала, к тому же их было трудно достать, поэтому они преимущественно читали работы «популяризаторов» социалистических и революционных идей: «Однако вследствие трудностей, с которыми было сопряжено добывание этих драгоценных книг, и языка, делавшего их малодоступными для массы читающей публики, непосредственное влияние этих писателей не могло быть особенно сильным. Они действовали на огромные сферы читателей благодаря целой плеяде блестящих популяризаторов социалистических идей, которые заняли в описываемую эпоху самое видное место в русской литературе» [11].

Самыми популярными авторами, ясно излагавшими социалистические идеи, согласно Степняку-Кравчинскому, были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, М.И. Михайлов, А.И. Герцен и Н.П. Огарев [11]. По мнению С.М. Кравчинского, а он хорошо знал уровень идейной подготовленности народников, тексты этих авторов способствовали формированию социалистического мировоззрения молодых людей: «Эти-то писатели и подготовили почву для всего позднейшего движения, воспитавши в принципах социализма целое поколение 70-х годов» [11]. Согласно Кравчинскому, эти авторы имели огромную читательскую публику. Кравчинский, спустя многие годы, с глубоким уважением относился к этим публицистам и общественным деятелям, ценя их высокий интеллект и мученичество в отстаивании своих идеалов.

Народники были убеждены в том, что они читали лучшую литературу социалистического содержания. Они не сомневались в том, что благодаря этим книгам они имели хорошую теоретическую подготовку и поняли желательное направление социального движения общества – общинный социализм. Даже спустя годы они верили в общину как лучшую форму общественного устройства.

Для народников не характерна самокритика. Они верили, что были хорошо образованными людьми, что верно поняли направление развития России. Однако их читательская культура была односторонней. По свидетельству самих народников, круг их чтения ограничивался в основном книгами социалистического и революционного содержания. Народники не интересовались философской, юридической, исторической, религиозной литературой, что серьезно повлияло на формирование их системы ценностей. Не получив основательной подготовки в области юриспруденции, они заняли позицию правового нигилизма. В своих текстах они не уделили внимания проблемам правового регулирования общественных отношений.

Как видно, историческая память народников воспроизвела их воззрение на обстоятельства вре-

мени, восприятие которых побудило их вступить в борьбу с властью с целью претворения в жизнь своих идеалов. Народники предприняли попытку осмыслить причины развития революционного движения в 70-е годы XIX в. Представления народников об истоках их оппозиционности определялись их идейными ориентирами: идеалами социальной справедливости, свободы личности, общинного социализма, следовательно, их воззрение – это народническая версия мотивов противостояния власти и социалистов. Радикалы возлагали ответственность за возникновение революционного движения в России в пореформенный период на самодержавие, реформы которого, с их точки зрения, не соответствовали стремлению личности к свободе, потребностям народа, желавшего получить полную волю и достаточное количество десятин земли бесплатно. Дискурс народников о власти составляли такие определения, как иго, зло, произвол, взяточничество. Риторика народников выявляла резко критическое их отношение к правительству. Разочарованные реформами, они считали себя вправе рассматривать самодержавие как врага народа. Медленность преобразований, выживание старых политических и социальных традиций были объективными причинами их стремления навязать свой вариант преобразования России. Однако их оппозиционность была предопределена не только насущными потребностями общества в демократизации социально-политических отношений, но и социалистическими идеалами. Расхождение идейно-ценностных основ мировоззрения представителей власти и радикалов стали реально главной причиной их конфликта в 1870-е гг.

Народники не дали своей оценки многих демократических преобразований, хотя и требовали от власти «каких-нибудь улучшений». Они не обратили внимания на позитивные последствия реформ в судебной, военной и социокультурной сферах.

Недостаточное историческое образование народников проявилось в непонимании ими роли государства в истории России, недооценке реформ как метода преобразования общества, в слабом развитии государственного сознания, в отсутствии интереса к геополитической тематике, к оценке места России в европейской политике. Народническая культура выявляла лишь некоторые общенациональные ценности и ориентиры преобразований – демократизация политической системы, расширение свободы личности. Она приобрела узко социальную направленность на интересы народа. Следствием этого стало игнорирование ими политических, социальных, экономических, правовых, военных традиций и тенденций. Фактически народники поставили под сомнение исторический опыт Российского государства и социума. Обеспечение преемственности в развитии общества не входило в задачу народников, не воспринима-

лось ими как сколь-нибудь значимое направление деятельности. Не выработав широкого взгляда на российскую государственность, они ограничились критикой ее реальных недостатков – коррупции, нежелания ввести политические права; однако не дали всестороннего анализа политической системы в России. Вследствие этого память народников о власти и ее деятельности может быть оценена как односторонняя выборка отдельных событий, а их интерпретация подводила к выводу о невозможности диалога с властью, неспособной воспринимать их идею социальной справедливости. Для дискурса народников не характерны идеи верховенства права, равенства граждан перед законом. Акцентирование внимания народниками на негативных последствиях правительственной политики, несомненно, стало важнейшей причиной радикализации настроения части молодежи в то время.

В рефлексии самих народников их протестное движение формировалось и под влиянием социально-экономических процессов в деревне. Нищету крестьян народники воспринимали как социальную несправедливость, ответственность за которую опять же они возлагали на самодержавие. Защиту униженных и бедных они считали своим нравственным долгом.

Не осудив покушения на императора в 1866 г., народники раскритиковали репрессии правительства после выстрела Каракозова, сделав вывод, что от государства не приходится ждать реформ в интересах народа и личности.

Другим выделенным народниками обстоятельством формирования их мировоззрения было знакомство с популярной в то время литературой социалистического и революционного содержания. Однако некритическое усвоение ими идеи общинного социализма, воспринимаемой на веру, не позволило им понять либеральную программу трансформации общества того времени.

Народники сформировали свою версию исторических событий. Их историческая память запечатлела протестное восприятие правительственной политики, убеждение в их праве ниспровергнуть властную систему. Они осмыслили российские реалии в контексте социалистической парадигмы. Это предопределило их конфликт с государственной властью.

Библиографический список

1. Антонов В.Ф. Революционное народничество. – М.: Просвещение, 1965. – 266 с.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «НОВОЕ ВРЕМЯ», 1990. – С. 1–22.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. –

М.: Международная ассоциация деятелей культуры «НОВОЕ ВРЕМЯ», 1990. – С. 23–60.

4. Волков В.В. Истоки оппозиционности русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. – 2006. – № 4. – С. 22–27.

5. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Социально-гуманистическая парадигма русского народничества [Электронный ресурс] // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 85–107. – Режим доступа: <http://www.ec-dejavu.net/n/Narodnichestvo.html> (дата обращения: 21.10.2018).

6. История через личность: Историческая биография сегодня. – М.: Квадрига, 2010. – 720 с.

7. Каракозов Д.В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.05.2019).

8. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.: Московский рабочий, 1988. – 544 с.

9. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. – М.: Мысль, 1986. – 343 с.

10. Программа «Земли и воли» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/zemvol.htm> (дата обращения: 31.08.2019).

11. Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=uniq15175926474824373612&from=yandex.ru> (дата обращения: 12.09.2018).

12. Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды, 1871–1874. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. – 103 с.

13. Франк С. Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Международная ассоциация деятелей культуры «НОВОЕ ВРЕМЯ», 1990. – С. 175–210.

14. Фурман Ф.П. Народничество как феномен русской культуры и философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/teorjajakultury/narodnichestvo-kak-fenomen-russkoj-kultury-i-filosofii.html> (дата обращения: 12.09.2018).

15. Фурман Ф.П., Фурман Т.Г. Народнический феномен в русской общественно-политической мысли и его дискурсная составляющая // Народники в истории России: межвузовский сб. науч. трудов. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 1. – С. 91–105.

16. Фурман Ф.П. Дискурсивно-идеологический комплекс народничества: историко-философский анализ. – Нижневартовск: Изд-во УрАГС, 2010. – 250 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-filosofii/diskursivno-ideologicheskij-kompleks-narodnichestva-istoriko-filosofskij-analiz.html> (дата обращения: 16.10.2018)

17. Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). – М.: Новый Хронограф: АИРО-XXI, 2008. – 224 с.

References

1. Antonov V.F. Revolyucionnoe narodnichestvo. – M.: Prosveshchenie, 1965. – 266 s.
2. Berdyaev N.A. Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda // Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. – M.: Mezhdunarodnaya asociaciya deyatelej kul'tury «NOVOE VREMYA», 1990. – S. 1–22.
3. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo // Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. – M.: Mezhdunarodnaya asociaciya deyatelej kul'tury «NOVOE VREMYA», 1990. – S. 23–60.
4. Volkov V.V. Istoki oppozicionnosti russkoj intelligencii // Intelligenciya i mir. – 2006. – № 4. – S. 22–27.
5. ZHukockij V.D., ZHukockaya Z.R. Social'no-gumanisticheskaya paradigma russkogo narodnichestva [Elektronnyj resurs] // ZHukockij V.D., ZHukockaya Z.R. Russkaya Reformaciya XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma. – M.: Novyj hronograf, 2008. – S. 85–107. – Rezhim dostupa: <http://www.ec-dejavu.net/n/Narodnichestvo.html> (data obrashcheniya: 21.10.2018).
6. Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya. – M.: Kvadriga, 2010. – 720 s.
7. Karakozov D.V. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashcheniya: 11.05.2019).
8. Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera. – M.: Moskovskij rabochij, 1988. – 544 s.
9. Pantin I.K., Plimak E.G., Horos V.G. Revolyucionnaya tradiciya v Rossii. – M.: Mysl', 1986. – 343 s.
10. Programma «Zemli i voli» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/zemvol.htm> (data obrashcheniya: 31.08.2019).
11. Stepanyak-Kravchinskij S.M. Podpol'naya Rossiya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=uniq15175926474824373612&from=yandex.ru> (data obrashcheniya: 12.09.2018).
12. Troickij N.A. Bol'shoe obshchestvo propagandy, 1871–1874. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1963. – 103 s.
13. Frank S. Etika nigilizma // Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. – M.: Mezhdunarodnaya asociaciya deyatelej kul'tury «NOVOE VREMYA», 1990. – S. 175–210.
14. Furman F.P. Narodnichestvo kak fenomen russkoj kul'tury i filosofii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/narodnichestvo-kak-fenomen-russkoj-kultury-i-filosofii.html> (data obrashcheniya: 12.09.2018).
15. Furman F.P., Furman T.G. Narodnicheskij fenomen v russkoj obshchestvenno-politicheskoj mysli i ego diskursnaya sostavlyayushchaya // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskij sb. nauch. trudov. – Voronezh: Istoki, 2013. – Vyp. 1. – S. 91–105.
16. Furman F.P. Diskursivno-ideologicheskij kompleks narodnichestva: istoriko-filosofskij analiz. – Nizhnevartovsk: Izd-vo UrAGS, 2010. – 250 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 16.10.2018)
17. SHCHerbakova E.I. «Otshchepency». Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka). – M.: Novyj Hronograf: AIRO-XXI, 2008. – 224 s.

Сотников Сергей Александровичкандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
sergey@histr.ru**Сотников Андрей Александрович**кандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
microlabuss@mail.ru**Камнева Галина Петровна**кандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
kamnevagp@gmail.com

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ТЕРРОРИЗМА В НАРОДОВОЛЬЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (70 – 80-Е ГГ. XIX ВЕКА)

В статье речь идет о проблемах института самодержавной монархии в середине XIX века, повлекших за собой небывалый подъем революционного террористического движения. Последовавшая за эпохой «гнёта цензуры и реакции» при Николае I либерализация общественной жизни придавала террористическим методам революционной борьбы идейно-философские основания. Распространение в обществе нигилистических идей, основанных на отрицании существующих государственных устоев, права и морали, способствовало радикализации форм и методов политической борьбы против правительства, не желающего, по мнению революционеров, продолжать социально-экономические преобразования в интересах широких народных масс. Автор придерживается мнения, что переход к террору был связан с разочарованием в мирных методах политической борьбы (особенно после провала «хождения в народ»). В статье дается анализ гендерному аспекту терроризма в Российской империи – женскому терроризму с точки зрения новых историографических подходов.

Ключевые слова: революционное движение, терроризм, политическая борьба, революционная ситуация, либерализация общества.

В традиционном обществе женщине отводилась пассивная роли матери, хранительницы домашнего очага, наделённой добродетелями и почти не бывающей там, где принимаются политические решения. С наступлением нового времени, пронизанного идеями Просвещения, подобное положение становилось анахронизмом и перестало устраивать передовые слои населения. Процесс эмансипации – постепенного освобождения женщины от бесправного статуса и вовлечения в активную социально-политическую жизнь – в России начался в XIX в. и существенно ускорился в пореформенный период, отмеченный началом массового суфражистского движения за права женщин. Великие реформы 1860–70-х гг., распространение в обществе революционно-демократической и народнической идеологии всколыхнули сознание передовых слоёв общества – как мужчин, так и женщин. Характерно, что освободительные идеи сначала проникли в сознание представителей аристократии и буржуазии, а затем, на рубеже XIX–XX вв., – низших слоёв населения.

Разумеется, доля женщин, принимавших участие в революционном антиправительственном движении, была во много раз меньше доли мужчин. Но, выступая против властного произвола и деспотизма, они нередко по степени своей активности, настойчивости, решительности и твёрдости характера не только не уступали мужчинам, но и превосходили их. Женщины участвовали практически во всех формах революционной борьбы – от агитационно-пропагандистской деятельности до организации террористических актов.

Имена Софьи Перовской, Веры Засулич и Веры Фигнер обрели всероссийскую и даже мировую известность.

В середине XIX в. появилась «теория русского социализма» А.И. Герцена, оказавшая огромное влияние на развитие общественно-политической мысли в России. Согласно этой теории, страна могла миновать капиталистическую стадию развития и сразу перейти к социализму. Ячейкой социализма Герцен считал крестьянскую общину, которая в условиях крепостничества находилась под гнётом помещиков и чиновников. После ликвидации крепостного права, в скорейшей необходимости которой был убеждён А.И. Герцен, свободная община должна стать прообразом для социалистического переустройства всей России. Распространение теории А.И. Герцена имело ключевое значение для разочаривания в России революционной агитации.

Большое влияние на формирование народнической идеологии оказали сочинения Н.А. Добролюбова, концепция «общинного социализма» Н.Г. Чернышевского, статьи Д.И. Писарева.

Народническое движение 1860–70-х гг. являлось попыткой на практике реализовать теории А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского.

Характер, темпы и общая непоследовательность Великих реформ Александра II давали серьёзные основания усомниться в способности правительства радикально изменить ситуацию и потому не устраивали значительную часть российского на-

селения. Но мало кто из сторонних наблюдателей отдавал себе отчёт в том, что в пробуксовке реформ была виновата не трусость Александра II, а жёсткое и вполне закономерное сопротивление преобразованиям со стороны реакционной части придворного окружения – например, министра юстиции В.Н. Панина.

Как справедливо отмечает историк Г.Е. Мионов, размежевание между эволюционистами-земцами и революционерами-террористами происходило не в начале их пути, а в конце. И действительно, первоначально большая часть будущих террористов, таких, например, как С.Л. Перовская или Н.И. Кибальнич, мечтали посвятить свою жизнь созидательной деятельности – преподаванию, инженерному делу и т. п. Увлечение значительной части российской интеллигенции революционными идеями как раз и было связано с тем, что люди сознавали невозможность осуществления реформ официальным, государственным путём и теряли контакт с «реформаторами сверху» и веру в их искренность [2, с. 263]. Подобное неверие усиливало нигилистические настроения в молодёжной среде, заставляло ставить под вопрос обоснованность традиционных духовных ценностей.

В эпоху Великих реформ в революционном народничестве сформировалось три направления. Пропагандистское – возглавлял П.Л. Лавров. По его мнению, путь к социализму лежал через просвещение народа, проводить которое должна была интеллигенция – единственная часть общества, способная критически мыслить. Народ под руководством интеллигенции должен был сам созреть до идеи о необходимости социализма. П.Л. Лавров отвергал идеи бунтов и заговоров, как и идею революционного переустройства общества в целом.

М.А. Бакунин, идеолог анархического направления, был сторонником уничтожения государства как инструмента насилия и угнетения человека. Это, по его мысли, должна была сделать народная революция.

Заговорщическое направление связано с именем П.Н. Ткачёва. Его взгляды на крестьянскую общину как ячейку будущего социалистического общества в целом соответствовали теории А.И. Герцена, но было одно принципиальное отличие. А.И. Герцен склонялся к ненасильственному способу осуществления своей идеи. С точки зрения П.Н. Ткачёва, освобождение общины и уничтожение существующего государственного строя должно было стать результатом политической революции. Революция сводилась к захвату власти тайной законспирированной революционной организацией и установлению революционной диктатуры. При этом его отношение к террору как к методу политической борьбы претерпело определённую эволюцию. Первоначально, когда П.Н. Ткачёв был редактором издававшегося в эмиграции журнала «Набат»,

террору отводилась вспомогательная роль. Радиализация взглядов П.Н. Ткачёва произошла после процесса и казни первоапрельцев. Он доказывал необходимость «скорой и справедливой расправы с носителями самодержавной власти», предварительно посеяв в ней панику беспощадным всеистребляющим террором.

Программы тайных обществ, возникших в 1860–70-е гг., не отражали единства в выборе оптимальных методов политической борьбы. Так, в кружках чайковцев и долгушинцев, а также во Всероссийской социально-революционной организации («Кружке москвичей») основной акцент был сделан на необходимость пропагандистской работы среди населения. В некоторых организациях, например обществе Худякова-Ишутина «Ад», пропагандистская и заговорщическая тактики борьбы сочетались, в других явно превалировала склонность к насильственным террористическим методам. Наиболее радикальными взглядами отличалась программа «Народной расправы» С.Г. Нечаева, который, как и П.Н. Ткачёв, был сторонником насильственного свержения существующего государственного строя с помощью тайной революционной организации. В нечаевском «Катехизисе революционера» впервые в русской истории была сформулирована программа широкомасштабного террора с огромными человеческими жертвами ради «светлого будущего всего человечества». Этот террор против «подлых народных тиранов» должен был предшествовать революции и установлению царства социализма. Произвол был возведён революционерами в норму задолго до захвата одной из революционных фракций власти. Террор являлся ответом и на вопиющие проявления беззакония, злоупотреблений, насилия и жестокости со стороны правительства и иных представителей власти.

Историю политического террора 60–70-х гг. XIX в. условно можно разделить на два периода – индивидуального и организованного систематического террора. Первый период начался с покушения Д. Каракозова на государя в 1866 г. и закончился выстрелом В.И. Засулич в столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова в 1878 г., совершенным по собственной инициативе.

В рамках второго периода (1878–1881 гг.) преобладающим стал организованный систематический террор против государственной власти – сначала землевольческий (1878–1879 гг.), а затем народвольтческий (1879–1881 гг.). В программе «Земли и воли» террору отводилась довольно ограниченная роль. Он рассматривался в качестве самозащиты и дезорганизации правительственных структур, признавалось целесообразным систематическое истребление тех лиц, на которых держатся устои государства.

Выстрел В. Засулич в столичного генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова привёл к существенной

активизации землепользовательского террора, проводимого политиками-террористами. В 1878–1879 гг. по России прокатилась целая волна покушений на высокопоставленных чиновников. Самыми громкими из них стало убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцева, харьковского губернатора князя Д.Н. Кропоткина, адъютанта Киевского губернского жандармского управления Г.Э. фон Гейкинга. В начале апреля 1879 г. близкий к «Земле и воле» А.К. Соловьёв по собственной инициативе совершил новое покушение на государя Александра II, который лишь по счастливой случайности остался жив. И хотя «Земля и воля» официально не взяла на себя ответственности за это покушение, оно, безусловно, способствовало активизации террористической политики организации.

Ответом правительства на каждый громкий террористический акт было усиление и ужесточение полицейско-розыскной системы в целях борьбы с революционными элементами. Так, после покушения Д.В. Каракозова появилось первое секретно-розыскное отделение при канцелярии петербургского градоначальника. После выстрела А.К. Соловьёва страна была разделена на шесть временных генерал-губернаторств. После убийства главнокомандующего III Отделением и шефа Корпуса жандармов генерала Н.В. Мезенцева рассмотрение дел по обвинению лиц в вооружённом сопротивлении властям или нападении на чинов войска или полиции передавалось в военные суды, что предполагало ускоренную и упрощённую процедуру прохождения. Наконец, взрыв в Зимнем дворце в 1880 г. привёл к созданию Верховной распорядительной комиссии и подчинению ей всех правоохранительных органов, а затем упразднению III Отделения с передачей всех охранительных функций вместе с Корпусом жандармов Министерству внутренних дел.

Впрочем, подобные меры имели обратный эффект, предоставив революционерам-террористам доказательства результативности их деятельности.

В целом идеологический и организационный кризис «Земли и воли» в 1879 г. стал очевидным. Несмотря на предупреждения умеренных её членов вроде С.М. Кравчинского об опасности чрезмерного увлечения террористической деятельностью, террор постепенно стал вытеснять все прочие методы борьбы. Летом 1879 г. «Земля и воля» окончательно раскололась на две организации – умеренный «Чёрный передел» и радикальную террористическую «Народную волю». Об этом наглядно свидетельствует анализ программы Исполнительного комитета «Народной воли», разработанной и принятой в конце 1879 г. Ближайшей целью организации объявлялось произведение политического переворота с целью передачи власти народу. Отмечалось, что террористическая деятельность направлена на «уничтожение наиболее вредных лиц правитель-

ства», а также «защиту партии от шпионства и наказание наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства». Общая цель террора состояла в том, чтобы «подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывные доказательства возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела, формировать годные к бою силы» [4, с. 173].

В 1879–1881 гг. в Исполнительный комитет «Народной воли» входил 31 человек, из них 10 женщин [5, с. 115]. Часть женщин непосредственно занималась террористической деятельностью: С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, А.Г. Корба (организация террористических актов), Х.Г. Гринберг и С.М. Гинсбург (работа в динамитной мастерской) и др. Остальные обеспечивали конспиративную работу. Так, Н.С. Смирницкая, организовав вместе с мужем паспортное бюро «Народной воли», обеспечивала революционных подпольщиков личными документами, поддельными паспортами, справками и т. д. П.С. Ивановская участвовала в устройстве конспиративных квартир и типографий (активной террористической деятельностью она займётся позже, уже в эсеровский период). Имелась также целая сеть агентов, выполнявших различные поручения Исполнительного комитета. Такими агентами были, например, Г.М. Гельфман и Н.А. Саблин. Они занимались устройством и содержанием конспиративных квартир, в одной из которых располагались подпольная типография и динамитная мастерская.

Устав «Народной воли» обязывал её членов в интересах революции отрешиться от всех личных связей и, если будет нужно, быть готовым переносить лишения, тюрьмы, каторги или даже жертвовать собственной жизнью. При этом выход из состава агентов был практически исключён.

Центральным пунктом программы «Народной воли» было царевубийство, его необходимость неоднократно обосновывалась в адресованных населению прокламациях. Практически все террористические акты, последовавшие за покушением А.К. Соловьёва на жизнь Александра II, были организованы именно «Народной волей». «Александр II является олицетворением деспотизма лицемерного, трусливо-кровавого, и все растлевающего... он – главный представитель узурпации народного самодержавия, главный виновник судебных убийств. Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные», – говорилось, например, в прокламации, посвящённой итогам очередного неудачного покушения на жизнь монарха 19 ноября 1879 г. Добавим, что в прокламации, изданной практически сразу после царевубийства, прямо указывалось, что Александр II был казнён народовольцами за систематический обман народа и жестокость [3, с. 15–16].

После убийства царя 1 марта 1881 г. Исполнительный комитет «Народной воли» направил обращение Александру III и в целях умиротворения российского общества предлагал незамедлительно согласиться на ряд условий, в частности объявить всеобщую политическую амнистию и созвать представительство от всего русского народа. Взамен народовольцы обещали прекратить революционный террор. В целом, подобная оценка народовольческого террора в советской историографии была основополагающей. Особенно последовательно она отстаивалась в трудах Н.А. Троицкого, отмечавшего, что «красный террор» «Народной воли» был исторически обусловлен, навязан революционерам как ответ на «белый» террор царизма против «ожидания в народ» [6, с. 355–357].

Процесс по делу 1 марта 1881 г., по многочисленным свидетельствам современников, произвёл ещё большее впечатление, чем убийство Александра II. Это в значительной степени объясняется вынесением смертного приговора двум женщинам и казнью одной из них. Отмена смертной казни для беременной Г.М. Гельфман стала результатом широкой волны международного протеста (в которой принимали участие многие выдающиеся деятели, включая Л.Н. Толстого и В. Гюго). Бурное возмущение, по крайней мере среди столичной общности, вызвала жестокость экзекуторов во время самой казни – в частности, по отношению к А.М. Михайлову, трижды срывавшемуся с виселицы и повешенному только благодаря тому, что палач Фролов накинул ему на шею вторую, запасную петлю (первоначально предназначавшуюся для Г.М. Гельфман). В этом смысле вряд ли можно в полной мере согласиться со словами революционерки-народницы П.С. Ивановской, писавшей в своих воспоминаниях, что «страна тогда позорно отреклась от революционеров и, отдавая их на съедение бешеным волкам, довольно равнодушно смотрела на казнь Перовской» [1, с. 13]. Общественное возмущение и в России, и за рубежом вызвала также казнь несовершеннолетнего Н.И. Рысакова (хотя с точки зрения буквы закона здесь нарушений не было, ибо в Уголовном уложении на случай вынесения подсудимому смертного приговора никаких возрастных ограничений не предусматривалось).

Итак, до 1878 г. революционный террор не носил организованного и систематического характера, хотя после создания «Земли и воли» и был зафиксирован в её программе в качестве метода политической борьбы. Лишь в 1878 г., после процесса над В.И. Засулич, в стране произошла резкая активизация террористической деятельности со стороны радикального крыла «Земли и воли». После распада последней и образования «Народной воли» в 1879 г. террор стал основным инструментом борьбы, а основной целью террористов стало цареубийство. Вскоре после 1 марта 1881 г. и казни зачинщиков

покушения на Александра II «Народная воля» была разгромлена. Общее количество революционеров, осуждённых по «Процессу 16-ти» в 1880, «Процессу 6-ти» в 1881 г. и «процессу 20-ти» в 1882 г., составило более сорока человек (включая и членов Исполнительного комитета).

По состоявшемуся в 1883 г. «Процессу 17-ти» за участие в террористических актах «Народной воли» (в том числе четырёх покушениях на царя) было осуждено семнадцать человек, в том числе семь женщин-террористок – П.С. Ивановская-Волощенко, Х.Г. Гринберг, Р.Л. Гроссман, А.П. Корба, М.А. Юшкова, А.И. Лисовская, Н.С. Смирницкая. Все они получили длительные сроки каторги и ссылки. Характерно, что был вынесен только один смертный приговор (П.С. Ивановской-Волощенко), заменённый затем бессрочной каторгой.

В 1887 г. новая группа террористов, провозгласившая себя террористической фракцией «Народной воли», попытается вдохнуть новую жизнь в разгромленную организацию и организовать убийство государя императора Александра II, но успеха не добьётся. В процессе над вторыми «первомартовцами» будет много общих черт с предыдущим процессом. В частности, в нём также будут фигурировать женщины – М.А. Ананьина, А.А. Сердюкова и Р.А. Шмидова, которым смертная казнь в итоге будет заменена другими видами наказания. В конечном счёте повешено будет пять человек (А.И. Ульянов, О.М. Говорухин, В.С. Осипанов, П.Я. Шевырёв и П.И. Андреюшкин), хотя смертная казнь над ними уже не будет носить публичного характера. В 1888 г. в Россию с тем же намерением – восстановить «Народную волю» – вернулась народоволка-террористка С.М. Гинсбург. После неудачной попытки организовать новое покушение на Александра III она также была арестована и приговорена к смертной казни, заменённой в 1889 г. бессрочной каторгой.

В целом разгром «Народной воли» привёл к прекращению массового террора ровно на двадцать лет – вплоть до вступления Российской империи в смутную революционную эпоху начала XX в. Правда, на этот раз миссию политического террора возьмёт на себя наследница «Народной воли» – Боевая организация эсеров.

Библиографический список

1. *Ивановская П.С.* В Боевой организации: Воспоминания. – М., 1928.
2. *Миронов Г.Е.* История государства Российского: Ист.-библиогр. очерки, XIX век. – М.: Книжная палата, 1995.
3. *Первое марта 1881 г.: Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства.* – Пб., 1920.
4. *Революционное народничество 70-х годов XIX века: сб. документов и материалов / под ред. С.С. Волка: в 2 т. – М.; Л.: Наука, 1965.*

5. Твардовская В.А. Организационные основы «Народной воли» // Исторические записки. – Т. 67. – 1960.

6. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов, 1983.

References

1. Ivanovskaya P.S. V Boevoj organizacii: Vospominaniya. – M., 1928.

2. Mironov G.E. Istoriya gosudarstva Rossijskogo: Ist.-bibliogr. ocherki, XIX vek. – M.: Knizhnaya palata, 1995.

3. Pervoe marta 1881 g.: Proklamacii i vozzvaniya, izdannye posle careubijstva. – Pb., 1920.

4. Revolyucionnoe narodnichestvo 70-h godov XIX veka: sb. dokumentov i materialov / pod red. S.S. Volka: v 2 t. – M.; L.: Nauka, 1965.

5. Tvardovskaya V.A. Organizacionnye osnovy «Narodnoj voli» // Istoricheskie zapiski. – Т. 67. – 1960.

6. Troickij N.A. «Narodnaya volya» pered carskim sudom. – Saratov, 1983.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА СОЮЗОВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье автор акцентирует внимание на том, что организация объединяла разнообразные общественно-политические союзы и ставила перед собою цель – бороться за созыв Учредительного собрания и всеобщее избирательное право. Основное внимание в работе уделяется решениям делегатских съездов Союза, которые проходили в течение 1905–1906 годов. Во главе объединения стоял П.Н. Милюков, который всегда рассматривал Союз как прообраз будущей партии конституционных демократов. Автор дает обобщенную характеристику инициативам Союза по бойкоту выборов в Первую Государственную думу, участию осенью 1905 года во всероссийской политической стачке и декабрьском вооруженном восстании. В статье прослеживаются непростые взаимоотношения земств и Союза союзов, который так и не смог определить по отношению к ним свою позицию. В результате делается вывод, что во время спада революции Союз союзов перестал вести активную работу и постепенно распался, так и не найдя своего места среди революционных организаций.

Ключевые слова: Союз союзов, Булыгинская дума, Учредительное собрание, политическая борьба, всеобщее избирательное право, интеллигенция, Первая русская революция.

Первая русская революция стала одним из значительных событий в истории России XX века. «Период восходящего развития революции» пришёлся на весну – лето 1905 года. Именно тогда в революционное движение включились рабочие и матросы, ширились крестьянские выступления, а общественные организации стали играть значительную роль в борьбе за политические свободы. В историографии можно найти достаточное количество исследований, связанных с участием интеллигенции в революции, упоминается в них и Союз союзов – одно из крупнейших объединений данного периода. Среди таких работ хочется отметить монографию В.Р. Лейкиной-Свирской «Русская интеллигенция в 1900–1917 годах», отдельная глава которой посвящена Союзу союзов [9]. В ней автор подробно рассматривает историю каждой организации, входившей в его состав, проводит анализ их программных требований, целей и задач. История Союза союзов и его деятельность подробно анализируются в исследовании С.Н. Дмитриева «Союз союзов и профессионально-политические союзы в России в 1905–1906 годах» [7]. В историографии также освещались вопросы взаимоотношения Союза союзов с другими общественными организациями, возникшими в ходе революции, в частности с Советами безработных [12], земцами-конституционалистами [14].

Актуальную информацию по заявленной проблематике можно найти в периодических изданиях. Так, например, в статье А.С. Тумановой «Общественные организации и союзы России в начале XX века» анализируется история законодательного закрепления принципа свободы союзов в период революции 1905–1907 годов. Автор позитивно оценивает шаги правительства по легализации общественных объединений, считая это прогрессивным явлением и своевременной политической инициа-

тивной. В статье И.Л. Картелева «Интеллигенция в революции 1905–1907 года» говорится о Союзе союзов как организации, борющейся за создание в России народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве. В целом автор делает вывод о широком участии интеллигенции в борьбе за демократические свободы.

Интересные сведения о Союзе союзов можно найти в архивных документах, а также в записках участников тех событий. Так, П.Н. Милюков оставил «Воспоминания», в которых он описывает свою деятельность в качестве руководителя бюро Союза от первого съезда до своего ареста.

В данной статье основное внимание будет уделено борьбе Союза союзов за созыв Учредительного собрания и его взаимоотношениям с земскими органами власти, определено место объединения в нарастающем революционном движении.

В своем фундаментальном исследовании «Русская интеллигенция в 1900–1917 годах» В.Р. Лейкина-Свирская писала, что «зарождение Союза союзов обычно связывают с планами Союза освобождения – организации буржуазных либералов, претендовавших на руководство борьбой за монархическую конституцию» [9, с. 219]. Первый съезд делегатов Союза проходил в Москве 8–9 мая 1905 года. На нем присутствовало 60 человек, которые представляли значительное количество профессиональных союзов, существовавших на данный момент в Российской империи. Одним из руководителей Союза был П.Н. Милюков, который председательствовал на всех трёх съездах, проходивших на протяжении 1905 года. Организация привлекала к участию даже те союзы, которые еще находились в стадии оформления [9, с. 220]. Цель, которая была поставлена организационным бюро съезда, была обозначена следующим образом: «объединить деятельность всех возникших за последнее время профессионально-политиче-

ских союзов» [1]. Необходимо отметить, что к лету 1905 года Союз союзов объединял более 50 тысяч человек, что составляло приблизительно 15 % всей российской интеллигенции и служащих [11, с. 244]. Напомним, что возможность создания подобного объединения была связана с инициативой правительства законодательно закрепить принцип свободы союзов, что, по мнению А.С. Тумановой, «свидетельствовало о признании государством права граждан на обособленную сферу самостоятельной деятельности и ставило предел вмешательству власти в общественную жизнь [13, с. 109].

На Первом съезде были решены организационно-тактические вопросы и «принят ряд резолюций, касающийся современных условий государственной и общественной жизни. Собрание высказалось против установления круговой ответственности крестьян за аграрные преступления», за признание того факта, что «опубликованное (в мае 1905. – А. Ч.) положение Комитета министров об изменении правил... ограничивающих польское и литовское население Западных губерний в их гражданских и национальных правах, не отвечает интересам полного равноправия». Представители профсоюзов, присутствующих на мероприятии, высказались категорически против «натравливания на евреев темных народных масс, устраивающих погромы с кровавыми жертвами при попустительстве и поощрении властей» [2]. В результате, по мнению профессора В.Р. Лейкиной-Свирской, был принят «осторожно сформулированный устав, который скорее соответствовал не политической организации, а исполнительному бюро» [9, с. 221].

Возникший Союз союзов включал различные организации, среди которых наиболее значительными и влиятельными были Всероссийский союз железнодорожных служащих, Союз инженеров и техников, Союз медиков, Союз адвокатов, Союз фармацевтов. Союз земцев-конституционалистов [11, с. 244]. Конечно, представители этих Союзов постоянно дискутировали по различным вопросам повседневной жизни страны, выдвинутой революцией на передний план, однако они были солидарны в одном – необходимо срочно созвать Учредительное собрание. Хотя открыто об этом представители Союза заявили лишь на Втором съезде, происходившем 24–25 мая 1905 года в Москве, а 17 октября 1905 года об этом было сказано в соответствующем «Манифесте»: «Лозунгом политической борьбы, которую ведет вся страна, является требование Учредительного собрания и основ всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различий национальности, пола и вероисповедания. Наряду с этим страна требует немедленного осуществления гражданских свобод, немедленного восстановления в правах всех пострадавших в борьбе за свободу, немедленной отмены усиленной охраны, военного положения,

смертной казни и всех исключительных мер... Манифест 17 октября, делая некоторые уступки народному движению, не удовлетворяет указанных неотложных требований... Союз Союзов, помня, что дело устройства государства должно быть делом всего народа и что настоящие уступки завоеваны народом, заявляет, что он продолжит оставаться на своем посту в борьбе за демократическую платформу и будет считать свою миссию законченной лишь с момента [созыва] Учредительного собрания» [3]. На Втором съезде Союза союзов рассматривались и многие частные вопросы. Острые дискуссии вызвала проблема взаимоотношений Союза с органами местного самоуправления. В этой связи приведем выдержку из «Материалов II съезда делегатов всероссийских профсоюзов, проходившего 24–25 мая 1905 года в Москве». В документе, в частности, говорится, что Союзу союзов «не следует входить с земцами в какие-либо сношения, так как земцы являются представителями своих собственных сословных интересов», однако многие делегаты подчеркивали, что «все партии и группы должны объединиться в интересах общего дела», третьи заявляли: «...отношение к земцам может быть сформулировано лишь после того, когда последние примут на своем съезде определенные резолюции» [4]. Тем не менее было принято решение «обратиться к московскому городскому голове с заявлением по поводу недопущения городской управой общественных собраний городских рабочих и низших служащих для обсуждения своих ближайших нужд» [5].

Мемуары П.Н. Милюкова также ярко характеризуют коллизии, связанные с функционированием Союза союзов. В «Воспоминаниях» он пишет о своей деятельности по «стимуляции революции», связанной с работой в Союзе союзов. Автор свидетельствует, что к тактическим задачам организации на тот момент можно отнести «агитацию, развитую... кампанией банкетов», он утверждает, что создание Союза союзов должно было стать прообразом будущей политической партии, а само объединение – «сыграть роль временного суррогата». «Мне пришлось выступить в печати именно в этом смысле, – продолжает Милюков, – на защиту идеи союзов от нападков слева и справа. Особенно социал-демократы, стремившиеся перехватить монополию общественной организации, обличали Союзы как раз за то, в чем я видел их главное назначение: за то, что из строго профессиональных по форме они явно становились политическими. Социал-демократы предпочитали видеть в союзах нейтральную почву для насаждения собственной культуры. Я отвечал им, что в союзах достаточно места для всех и что именно их отсутствие в союзах поведет к созданию среднего настроения, которое в этом виде и проникнет в массы. Этого-то они и боялись. Вместе с ростом союзного движения росла

и их подозрительность. Меня лично они сделали козлом отпущения за то, что я хочу подтянуть союзы к уровню самого умеренного из политических течений, конституционно-демократического» [10, с. 284–298].

Надо отметить, что на Третьем съезде Союза союзов, проходившем в июле, главной темой для обсуждения стал проект создания совещательного органа по инициативе министра внутренних дел А.Г. Булыгина. В статье «Интеллигенция в революции 1905–1907 года» И.Л. Картелев отмечает, что «весной – летом 1905 года интеллигенция активно участвовала в широком демократическом движении, выступив против попыток царизма сбить накал революционной борьбы созывом Булыгинской думы» [8, с. 53].

Милюков вспоминал, что политическая обстановка между маем и июлем 1905 года очень сильно изменилась, это «можно было сразу заметить по внешней картине съезда – и по исходу его столкновения с полицией, исполнявшей прямую волю министра. Товарищ министра Трепов заранее объявил решения этого съезда незаконными. А президиум съезда ответил полиции, пришедшей распустить съезд, простой ссылкой на “царскую волю” – передать обещания царя “всем близким, живущим на земле и в городах”. Бюро съездов тщательно подготовило работу съезда и, вместо отвергнутого съездом проекта Булыгина, предложило собственный проект “основного закона”, заранее напечатанный в день открытия съезда в “Русских ведомостях”» [10, с. 284–298].

Профессор В.Р. Лейкина-Свирская, анализируя деятельность Союза союзов после весны – лета 1905 года, отмечает падение его политической активности, что проявилось также в «текучке» тех организаций, из которых складывался сам Союз. «Если на II съезде Союза 24–25 мая отсутствовали представители земства и Академического союза, то на III не участвовали железнодорожники», IV съезд вообще прошел лишь через полгода 14–16 января 1906 года» [9, с. 228].

Необходимо подчеркнуть, что один из самых активных участников Союза союзов (наряду с железнодорожниками) – Союз земцев-конституционалистов – 24–25 февраля 1905 года провел собственное совещание, посвященное политической ситуации и политическим реформам в стране, где еще раз подтвердил, что «главной целью партии должен быть в настоящее время созыв Учредительного собрания», а совещание «должно выделить комиссию для выработки избирательного закона». Предполагалось бороться за созыв двухпалатного законодательного органа, первая палата которого избиралась бы на основе всеобщего равного и тайного голосования, а вторая состояла бы из представителей органов местного самоуправления, реформированных на основе всеоб-

щего избирательного права и распространенных на всю Россию [6].

Последующая деятельность Союза союзов шла по нисходящей линии. Постепенно умеренное крыло стало играть в организации руководящую роль.

После Третьего съезда бессменный руководитель бюро Союза П.Н. Милюков был арестован и помещен в тюрьму. Союз поддержал всеобщую политическую забастовку, некоторые его представители участвовали в Декабрьском вооруженном восстании в Москве, он бойкотировал выборы в Первую Государственную думу (бойкот в действительности не соблюдался). Одним из последних мероприятий Союза стало воззвание, выпущенное 13 апреля 1906 года и направленное против крупного займа, договор о котором царское правительство заключило с Францией.

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

В период Первой русской революции стало возникать множество общественных профессиональных организаций, выступавших с различными требованиями, сформулированными на волне всеобщих протестов.

В результате эти стихийно созданные Союзы были объединены в Союз союзов с достаточно «рыхлой» структурой, во главе которого стояло бюро, состоящее из революционно настроенной либеральной интеллигенции.

Союз союзов не предпринимал активных действий, хотя и поддерживал мероприятия других партий, которые носили антиправительственный характер, пиком мечтаний либералов стал созыв Учредительного собрания, на это они направляли все свои усилия.

Союз союзов сотрудничал не только с органами земского самоуправления, но и с земцами-конституционалистами, рабочими и другими общественными организациями. «Поправление» Союза привело к прекращению отношений со многими его представителями. Союз так и не смог выработать единой позиции по вопросу взаимодействия с земствами, что также ослабляло его позиции.

В непростой политической ситуации, в условиях спада революционного движения Союз союзов не смог найти своё место и занять достойную нишу в организационной структуре Российского государства, именно поэтому с окончанием революции и он закончил своё существование.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 86.
2. ГАРФ. – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 86.
3. ГАРФ. – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1.
4. ГАРФ. – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2.
5. ГАРФ. – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5.
6. ГАРФ. – Ф. 518. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 1.

7. *Дмитриев С.Н.* Союз союзов и профессионально-политические союзы в России 1905–1906. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 204 с.

8. *Картелев И.Л.* Интеллигенция в революции 1905–1907 года в России // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6 (69). – С. 52–54.

9. *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.

10. *Милуков П.Н.* Воспоминания: в 2 т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. 1. – 528 с.

11. Первая революция в России: Взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.

12. *Розина О.В.* Безработные рабочие Петербурга и Москвы в 1906 г. // Из истории рабочего класса России периода империализма: сб. науч. трудов. – М.: МГЗПИ, 1983. – С. 60–77.

13. *Туманова А.С.* Общественные организации и союзы в России в начале XX века // Россия и современный мир. – 2002. – № 3. – С. 108–221.

14. *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 годов. – М.: Наука, 1985. – 347 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. 518. – Op. 1. – D. 1. – L. 86.

2. GARF. – F. 518. – Op. 1. – D. 1. – L. 86.

3. GARF. – F. 518. – Op. 1. – D. 6. – L. 1.

4. GARF. – F. 518. – Op. 1. – D. 2. – L. 2.

5. GARF. – F. 518. – Op. 1. – D. 2. – L. 5.

6. GARF. – F. 518. – Op. 1. – D. 41. – L. 1.

7. Dmitriev S.N. Soyuz soyuzov i professional'no-politicheskie soyuzы v Rossii 1905–1906. – М.: Molodaya gvardiya, 1992. – 204 s.

8. Kartelev I.L. Intelligenciya v revolyucii 1905–1907 goda v Rossii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 6 (69). – S. 52–54.

9. Lejkina-Svirskaya V.R. Russkaya intelligenciya v 1900–1917 godah. – М.: Mysl', 1991. – 286 s.

10. Milyukov P.N. Vospominaniya: v 2 t. – М.: Politizdat, 1991. – Т. 1. – 528 s.

11. Pervaya revolyuciya v Rossii: Vzglyad cherez stoletie. – М.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. – 602 s.

12. Rozina O.V. Bezrabotnye rabochie Peterburga i Moskvy v 1906 g. // Iz istorii rabocheho klassa Rossii perioda imperializma: sb. nauch. trudov. – М.: MGZPI, 1983. – S. 60–77.

13. Tumanova A.S. Obshchestvennye organizacii i soyuzы v Rossii v nachale XX veka // Rossiya i sovremennyy mir. – 2002. – № 3. – S. 108–221.

14. SHacillo K.F. Russkij liberalizm nakanune revolyucii 1905–1907 godov. – М.: Nauka, 1985. – 347 s.

О КЛАССОВЫХ ОСНОВАХ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается роль пролетариата в подготовке и свершении Октябрьской революции 1917 г. Автор показывает, что после революции большевики имели все основания для разочарования в пролетариате как классе, ряды которого стали стремительно сокращаться из-за возвращения крестьян в деревни и сложностей с работой на предприятиях в городах. Большое внимание в статье уделяется понятию «диктатура пролетариата», которое стало центром идейной программы большевиков. В связи с тем, что марксистский классовый анализ оказался неуместным для российской социальной действительности, большевикам пришлось трансформировать свои первоначальные замыслы, разработать систему мер воспитания народа и воздействия на него. Для поддержания власти после ее захвата большевики создали миф о вражеском классе, угрожающем пролетариату и строительству светлого будущего.

Ключевые слова: революция, пролетариат, диктатура пролетариата, большевики, марксизм, идеология, об-раз врага.

По твердому убеждению руководящего и идеологического центра партии большевиков, до 1917 г. и во время революции их партия была авангардом пролетариата. А после 1917 г. выражение «диктатура пролетариата» перестало быть исключительно революционным и превратилось в ключевую идею государственного строительства.

На рубеже XIX–XX вв. мысль о достижении светлого будущего с помощью класса пролетариев представлялась партийцам весьма спорной и сомнительной. Это было связано с тем, что партию, как правило, возглавляли интеллигенты-марксисты, романтики. Они верили в силу рабочего класса, переживали за него, но при этом глубоко сомневались, что сам рабочий класс их принимает и оценивает все старания, направленные на его движение вперед и процветание.

В 1917 г., во многом к удивлению и восторгу старой ленинской гвардии, большевистская партия стала знаменосцем рабочей и солдатской революции. В октябре 1917 г. большевики достаточно легко захватили власть в Петрограде, поскольку никаких прочных основ и решительных сил в руках Временного правительства не было. В это же время и была установлена диктатура пролетариата. Но после октябрьского фурора оказалось, что рабочий класс оказался вовсе не таким, каким его представляли большевики, он был изменчив и до крайности непостоянен в своей пролетарской верности. В течение шести месяцев после прихода к власти новые большевистские правители испытывали определенные сложности и проблемы с рабочим классом. Выяснилось, что приверженность большевиков пролетариату не была абсолютной гарантией взаимной приверженности рабочего класса большевикам. Лидерам партии в сложное время национального кризиса необходимо было доказать словом и делом свою честность и нужность, не разочаровать и не оттолкнуть уставший от войны, разрухи и нестрое-

ний народ. По этой причине большевики должны были найти новые способы показать свое право на статус авангарда пролетариата или придумать обоснование своего права на власть. Они находились в достаточно непростом положении. Как справедливо отмечают В.Ч. Ревазов и О. Караев, «если прежде диктатура пролетариата воспринималась как инструмент завоевания власти большевиками, теперь эту власть им нужно было не просто удержать, но обосновать ее легитимность» [6, с. 75].

Большевики были марксистами, а их основным инструментом для понимания российского общества и политики был классовый анализ. Они считали, что на заре нового столетия Россия вступила в капиталистическую фазу, поэтому главными действующими лицами в политической борьбе 1917 г. оказались капиталистическая буржуазия и промышленный пролетариат. Зрелость русского пролетариата (его характер как городского класса, отделенного от земли и от крестьянства особым пролетарским сознанием) была «символом веры» для большевиков. Революционеры-теоретики увлеченно доказывали, что без зрелого пролетариата не может быть успешной пролетарской революции.

Ирония ситуации в первые годы власти большевиков заключалась в том, что марксистский классовый анализ оказался во всех отношениях неуместным для российской социальной действительности. По сравнению с Западной Европой – моделью для кабинетного марксистского анализа – классовая структура России даже в 1914 г. была слабой и неразвитой. Ее капиталистическая буржуазия появилась поздно и довольно продолжительное время оставалась как бы в тени государства, подростковая буржуазия России имела субтильные связи с иностранными капиталистическими инвесторами. Российская индустрия развивалась в очень замкнутом круге. Следует добавить, что в начале XX в. городской рабочий класс сохранял связи с крестьянством (хотя сила и значение этих связей являются предме-

том спора), городская мелкая буржуазия была тенью классом, осмысляемым российскими социальными наблюдателями как цель для презрительного насилия. Крестьянство все еще демонстрировало нерешительность и обнаруживало только первые признаки классового разделения, которые предрекали марксисты и которые поощрялись довоенной аграрной политикой царского правительства.

Такого типа слабая классовая структура распалась под воздействием Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. Старые высшие классы – дворянство и капиталистическая буржуазия – были уничтожены революционной экспроприацией, захватом крестьянских земель и эмиграцией. В условиях военного коммунизма средние классы – коммерческие предприниматели, торговцы и владельцы мелкого производства – были выбиты из колеи. Крестьянин с удовольствием отнял землю у помещика, немного пограбил своего «кулака», помог большевикам в городах, повоевал на всех фронтах и вернулся в свое село, полностью выключившись из любых общественных процессов: «Народ, низы, крестьяне в деревнях и в Красной армии, главная русская толща в подавляющем большинстве – нейтралы. По природе русский крестьянин – ярый частный собственник... Ему довольно безразличен “коммунизм”, пока не коснулся его самого, пока это вообще какое-то “начальство”. Если при этом начальстве можно забрать землю, разогнать помещиков и поспекулировать в городе – тем лучше. Но едва коммунистические лапы тянутся к деревне, – мужик ершится. Землю, захваченное добро он считает своими, никакие речи никаких “товарищей” не разубедят его. Рабочие? Пролетариат? Но собственно пролетариата в России почти не было и раньше, говорить же о нем сейчас, когда девять десятых фабрик закрылись – просто смешно. Российские рабочие те же крестьяне, и с закрытием заводов они расплылись – в деревню, в Красную армию. За оставшимися в городах, на работающих фабриках, большевики следят особенно зорко, обращаются с ними и осторожно – и беспощадно. Русские рабочие очутились в таких ежовых рукавицах, какие им не снились при царе» [4, с. 57].

Л.Д. Троцкий считал, что в начале века пролетариат был неспособен к самостоятельности, к борьбе, поэтому он продумывал способы воздействия на сознание масс [8, с. 248]. И в последующие годы большевики вынуждены были действовать точно так же для удержания власти. Диктатура пролетариата незаметно и завуалировано для многих превращалась в диктаторство без пролетариата: «Теоретические споры о форме власти и ее институтах были не всегда доступны пониманию того самого пролетариата, о “диктатуре” которого шла речь, да и мало интересны ему. Выступая на фабриках и заводах, проводя “коллективные чистки”, “агитационные недели”, “политинформации” и т. д., большевики ис-

пользовали понятные простым людям язык, знаки и символы, что обеспечивало адекватное восприятие их политики. Инструментом политического воздействия на людей и формированием смысла всех политических событий в сознании общества в это время стал идеологический диктат» [6, с. 78].

Однако сразу после революции большевики считали опасным лишним раз шевелить мужика, поскольку при мысли о возможной социальной активности крестьянства перед их глазами отчетливо вставал призрак «чапанной войны» во все-российском масштабе. Напомним, что чапанной войной, или чапанным восстанием, называют одно из самых крупных крестьянских возмущений против большевиков во время Гражданской войны в России в марте – апреле 1919 г., которое было вызвано политикой большевистского правительства: политической и продовольственной диктатурой, продразвёрсткой, грабёжом деревни. Крестьянское восстание, получившее название «чапанной войны» вспыхнуло 3 марта 1919 года практически одновременно сразу в нескольких уездах Самарской и Симбирской губерний. Как отмечает П.Ф. Алешкин, недовольство крестьян указанных губерний было вызвано «тем обстоятельством, что именно на их долю после освобождения Среднего Поволжья от белых пришлась основная тяжесть продразверстки и других натуральных повинностей» [1, с. 13]. Исследователь справедливо отмечает, что ситуация усугублялась также преувеличенным налогом на деревню и близостью линии фронта: «мобилизацией всех людских и материальных ресурсов любой ценой, принудительными реквизициями продовольствия и скота для нужд фронта» [1, с. 13].

Распад старых высших классов был настолько основательным, что новые правители не ощущали даже какой-либо малейшей угрозы со стороны «классового врага». Таким образом, большевики оказались в неловком положении, поскольку классическому революционному режиму, балансирующему во власти, нужен был риторический враг. Долгое время большевики использовали иллюзию существования классового врага, который является препятствием для построения коммунистического будущего.

Несмотря на лишения военного коммунизма и значительные потери в результате эмиграции, как единая социальная группа из старых российских элит выжила, в марксистской терминологии, только «профессиональная буржуазия». В своих риторических целях большевики превратили остатки интеллигенции в бутафорскую буржуазию, ассоциируемую с врагом, ставшую символом старого мира, эксплуатации, привилегий избранных и социальной несправедливости. Именно поэтому в течение первого десятилетия советской власти представители интеллигенции были оскорбительно известны как «буржуазные специалисты» или «спецы».

Для большевиков ужасающим аспектом постреволюционного социального распада было то, что он распространялся на промышленный пролетариат. В начале 1917 г. российский промышленный рабочий класс, включая рабочих из нерусских регионов России, насчитывал около трёх с половиной миллионов человек. К этому числу добавлялся примерно миллион рабочих железных дорог. Четыре с половиной миллиона человек составляли ничтожную долю от общей численности населения России (около 143,5 млн человек), но при этом они составляли около одной пятой городского населения, что было очень немалой частью. К октябрю 1917 г. армия достигла 10 млн человек, хотя на фронте находилось лишь около 20 % её общей численности [2, с. 71–72]. Революционеры-марксисты и их окружение считали солдат пролетариями, чье классовое сознание, независимо от социального происхождения, было сформировано в результате службы в вооруженных силах и эксплуатации их офицерским корпусом. Фактически большевики и Октябрьская революция пользовались большой поддержкой солдат и моряков.

Промышленный рабочий класс начал дезинтегрироваться в 1918 г. по той причине, что фабрики были закрыты и голод охватил города. Многие рабочие покинули городскую местность и вернулись в свои родные сёла. И там внезапно стало ясно, что они не только сохранили тесные семейные связи, но зачастую все еще считались членами общины, земляками и получали положенные им наделы при распределении земель. Возможно, около миллиона рабочих превратились в крестьян на время Гражданской войны, опровергнув предположения большевиков о зрелости рабочего класса [7, с. 10]. Кроме того, мобилизация Красной армии и назначение рабочих на «кадровые» должности организаторами и администраторами привели к удалению сотен тысяч рабочих с заводов и шахт. Сбои в работе промышленности заставили многих оставшихся работников переквалифицироваться на мелкое частное предпринимательство для чёрного рынка [5, с. 50–52].

К концу Гражданской войны общее число промышленных рабочих в России сократилось примерно до одного миллиона, что составило треть от показателей 1917 г. Безусловно, было еще пять с половиной миллионов «пролетариев», включая полмиллиона бывших рабочих, служивших в Красной армии [3], но когда Гражданская война подошла к концу, этот пролетарский оплот также должен был раствориться в результате демобилизации.

Таким образом, идея «диктатуры пролетариата» во время революции была фактически преобразована в военную диктатуру, основанную на поддержании большевиков определенным количеством революционных сил. После 1917 г. диктатура пролетариата становится способом воспитания народа, которому навязывался образ пролетариата как класса и его несуществующего врага.

Библиографический список

1. Аleshкин П.Ф. «Чапанная война»: феномен крестьянского повстанчества в Поволжье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – С. 12–15.
2. Верховский А.И. Россия на Голгофе: (Из походного дневника 1914–1918 г.). – Пг.: [б. и.], 1918. – 141 с.
3. Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918–1920 гг. Социально-политические изменения. – М.: Наука, 1974. – 351 с.
4. Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство антихриста. – Мюнхен, 1922. – 268 с.
5. Рапшин А.Г. Динамика промышленных кадров СССР за 1917–1958 гг. // Изменение в численности и составе советского рабочего класса. – М.: АН СССР, 1961. – С. 7–73.
6. Ревазов В.Ч., Караев О. Диктатура пролетариата как основа большевистской демократии // Развитие науки и образования в современном мире. – Люберцы: АР-Консалт, 2017. – С. 75–79.
7. Селунская В.М. Руководящая роль рабочего класса в социалистической революции в деревне 1918 г. // Вопросы истории. – 1958. – № 3. – С. 3–30.
8. Чернявский Г.И. Лев Троцкий. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 672 с.

References

1. Aleshkin P.F. «СНapannaya vojna»: fenomen krest'yanskogo povstanchestva v Povolzh'e // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. – S. 12–15.
2. Verhovskij A.I. Rossiya na Golgofe: (Iz pohodnogo dnevnika 1914–1918 g.). – Pg.: [b. i.], 1918. – 141 s.
3. Gimpel'son E.G. Sovetskij rabochij klass 1918–1920 gg. Social'no-politicheskie izmeneniya. – M.: Nauka, 1974. – 351 s.
4. Merezhkovskij D.S., Gippius Z.N., Filosofov D.V., Zlobin V.A. Carstvo antihrista. – Myunhen, 1922. – 268 s.
5. Rapshin A.G. Dinamika promyshlennyh kadrov SSSR za 1917–1958 gg. // Izmenenie v chislennosti i sostave sovetского rabocheго klassa. – M.: AN SSSR, 1961. – S. 7–73.
6. Revazov V.CH., Karaev O. Diktatura proletariata kak osnova bol'shevistskoj demokratii // Razvitie nauki i obrazovaniya v sovremennom mire. – Lyubercy: AR-Konsalt, 2017. – S. 75–79.
7. Selunskaya V.M. Rukovodyashchaya rol' rabocheго klassa v socialisticheskoj revolyucii v derevne 1918 g. // Voprosy istorii. – 1958. – № 3. – S. 3–30.
8. СHernyavskij G.I. Lev Trockij. – M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 672 s.

**Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский
(Кашин Дмитрий Витольдович)***кандидат богословия
глава Костромской митрополии Русской православной церкви
ferapontk@ya.ru***ПОДГОТОВКА К ПОМЕСТНОМУ СОБОРУ 1917–1918 ГОДОВ
В КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ**

В статье рассматриваются события лета 1917 года, связанные с выборами членов Поместного собора Православной российской церкви от Костромской епархии. Приводятся сведения о предусмотренной «Положением о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви» процедуре избрания на трех уровнях – приходском, благочинническом и епархиальном. На основании публикаций церковной печати реконструируется ход епархиального избирательного собрания в августе 1917 года: предварительное совещание участников и составление списка кандидатов (8 августа), выборы членов Поместного собора и их заместителей (9 августа); сообщаются данные о количестве голосов, поданных за отдельных кандидатов. Отмечается конструктивный и демократический характер избирательного процесса; подчеркивается, что негативные отзывы не отражают фактических обстоятельств и могут быть объяснены субъективными факторами. Приводится список членов Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов от Костромской епархии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Костромская епархия, Поместный собор 1917–1918 годов, выборы, православное духовенство, миряне, выборщики, члены Собора, епархиальное избирательное собрание.

Крушение российской монархии и революционные потрясения, непосредственно отразившиеся на положении православной церкви в новой России, потребовали реформ церковного устройства и принципиального пересмотра взаимоотношений с государством. Сделать это был призван Поместный собор Православной российской церкви. Перспективы его созыва обсуждались задолго до 1917 года, однако реально такая возможность появилась лишь после Февральской революции.

12 июня 1917 года в Петрограде начал свою работу Предсоборный совет, занимавшийся подготовкой Собора. На основании подготовленных Советом материалов 5 июля Святейший синод принял «Положение о созыве Поместного собора Православной всероссийской церкви» (далее – «Положение...»). По современным оценкам, «Положение...» было «поистине выдающимся документом. В нем детально рассматривался как общий порядок выборов по епархиям, так и особые правила. Составители хотели сделать Собор самым представительным форумом за всю русскую церковную историю, и эта задача была с успехом решена» [5, с. 514–515].

Членами Поместного собора от епархии становились епархиальный архиерей, два клирика (один – пресвитер, то есть лицо в иерейском сане, другой – любой священно-церковнослужитель, от епископа до псаломщика) и три мирянина. Для обеспечения участия в выборах всей церковной полноты «Положение...» предусматривало трехступенчатую избирательную процедуру: приходские, благочиннические и епархиальные избирательные собрания. Выборы собственно членов Собора от клира и мирян по каждой епархии должны были состояться на епархиальном избирательном собра-

нии, а в приходах и благочиниях избирались лишь выборщики – участники собраний более высокого уровня.

Приходские собрания следовало провести в воскресенье, 23 июля 1917 года. В них на равных правах участвовали все члены прихода (и мужчины, и женщины), избравшие выборщиков-мирян на благочинническое собрание – в двойном сравнительно со штатным числом членов приходского причта количестве (а члены причта включались в число выборщиков автоматически). Если на территории благочиннического округа имелся монастырь, то он также отправлял на благочинническое собрание своих представителей – и от монашествующих, и от постоянных богомольцев обители. Благочиннические избирательные собрания «Положением...» назначались на воскресенье, 30 июля 1917 года. В них участвовали все священно-церковнослужители благочиннического округа, представители монастырского духовенства (если на территории округа имелись монастыри) и выборщики-миряне. Им предстояло избрать выборщиков от округа на епархиальное избирательное собрание: двух клириков (одного – непременно в иерейском сане) и трех мирян.

«Положение...» определяло единый день (8 августа 1917 года, вторник) для проведения в каждой епархии епархиального избирательного собрания. Его участниками должны были стать: «...а) все имеющие постоянное пребывание в епархии епископы; б) избранные на благочиннических избирательных собраниях выборщики, клирики и миряне; в) представители от духовно-учебных заведений» [4, с. 16]. Епархиальное собрание избирало членов Собора от епархии: двух клириков и трех мирян (правлящий архиерей, естественно, автоматически становился членом Собора) и их заме-

стителю на тот случай, если кто-то из участников Собора окажется не в состоянии исполнять свои обязанности. Управляющий епархией сам назначал себе заместителя, им мог стать или викарный епископ его епархии, или лицо пресвитерского сана из духовенства епархии» [4, с. 17]. Список кандидатов формировался записками (каждый участник собрания в своей записке указывал имена не более чем четырех клириков и шести мирян), при составлении итогового списка учитывалось согласие самих кандидатов. Затем последовательно избирались пять членов Поместного собора и пять заместителей, по каждой позиции допускалось не более трех голосований. Для того чтобы быть выбранным, требовалось получить не менее половины голосов участников собрания; если этого не удавалось никому из кандидатов, то голосование повторялось, а при третьем голосовании избранный определялся уже простым большинством голосов.

В Костроме епархиальное избирательное собрание превратилось в очередной епархиальный съезд духовенства и мирян (предыдущие такие съезды проходили в 1917 году в Костроме 19–25 апреля и 9–15 июня): точнее, сначала состоялось избрание членов Поместного собора, а затем избирательное собрание стало епархиальным съездом и рассмотрело другие вопросы церковной жизни. Поэтому в журналах съезда, опубликованных впоследствии в «Костромском церковно-общественном вестнике» (сменившем с июля 1917 года прежние «Костромские епархиальные ведомости»), он получил комбинированное именование: Костромской епархиальный избирательный съезд духовенства и мирян [1].

На страницах епархиального печатного органа мы встречаем два описания событий 7–9 августа 1917 года. Автором первого из них – статьи «Епархиальное избирательное собрание» [3] – являлся соредaktor журнала священник Николай Бобровский (1883–1958), один из самых активных представителей костромского «прогрессивного духовенства» того времени. Другое описание епархиального избирательного собрания – текст доклада выборщиков-мирян от города Ветлуги (правильнее – от Ветлужского 1-го благочиннического округа) П.А. Овчинникова, В.А. Соболева и В.А. Селезнева «о результатах поездки на выборы членов Всероссийского Поместного Собора», представленный 14 сентября 1917 года «собранию выборщиков Ветлужского городского избирательного собрания» [2]. Этот доклад выглядит менее официально, чем статья священника Николая Бобровского, и содержит немало любопытных подробностей. Однако при его чтении создается впечатление, что авторы доклада настроены скептически и пользуются любой возможностью подчеркнуть свою неудовлетворенность избирательным собранием. Возможно, авторы текста (и в этом

они отчасти признаются сами) надеялись объединить выборщиков-мирян для конкуренции со сплоченными группами духовенства (костромского и, не исключено, кинешемского), однако их планы потерпели неудачу. Поэтому общий недовольный тон доклада объясняется скорее субъективными факторами.

По словам священника Николая Бобровского, перед епархиальным собранием высказывалось опасение, «что явятся далеко не все выборщики – отчасти потому, что сейчас в селах горячее рабочее время, а отчасти и потому, что по сообщениям с мест крестьянство, занятое решением массы неотложных вопросов, не совсем горячо отзывается на призывы к церковному строительству. К счастью, опасения не сбылись. Из 368 депутатов явилось 336. Начали являться выборщики еще с 5 августа, а к 7-му их было уже значительное количество» [3, с. 53]. Вечером в понедельник 7 августа, накануне открытия избирательного собрания Костромской епархии, в Успенском кафедральном соборе Костромского кремля служилось всенощное бдение. Затем участники собрания направились в семинарию, где членом религиозно-философского кружка, преподавателем реального училища М.Н. Дурново был прочитан реферат о положении Церкви в синодальный период и о задачах Поместного собора. «После реферата, выслушанного всеми с усиленным вниманием, произошел обмен мнений по поводу прочитанного. <...> Все сходились на том, что необходимо столкнуться и выбрать людей достойных, христиански настроенных, таких, которые могли бы быть активными работниками на предстоящем Соборе» [3, с. 53].

Утром 8 августа в Успенском кафедральном соборе участники избирательного собрания молились за Божественной литургией, которую возглавил епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков; 1864–1924), затем был совершен молебен. После богослужения выборщики прошли из собора в духовную семинарию. Избирательное собрание предварялось состоявшимся в актовом зале духовной школы совещанием – или, как его назвал священник Николай Бобровский, частным предвыборным собранием: «Выступало много ораторов, а так как времени в распоряжении было немного, то речи ораторов постановлено было ограничить 5 минутами. Выступали священники, лица интеллигентных профессий и рядовые миряне. <...> Можно отметить, что общие симпатии были на стороне тех, которые высказались за бесповоротное осуждение прежнего церковного строя, когда были пастыри и пасомые, были самодержцы епископы и безответные клирики, а не были "все едино", не было Христовой Церкви как целого и во всех частях своих жизнедеятельного организма. Безусловно, все были согласны в том, что на Соборе все члены его должны пользоваться одина-

ковым правом голоса и что сам Собор определит и границы, и направление своей деятельности» [3, с. 54]. Ветлужские же выборщики восприняли это совещание критически – как «митинг, отвлекший подавляющее большинство выборщиков-крестьян от сплочения между собою для проведения определенных лиц» [2, с. 171].

События 8 августа священник Николай Бобровский описывал так:

«В 1 ч[ас] дня в семинарском храме было открыто преосвященным Евгением и самое избирательное собрание, на котором все время присутствовал и преосвященный Севастиан [викарный епископ Севастиан (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934). – М. Ф.]. После пения молитвы Святому Духу преосвященный председатель призвал Божие благословение на предстоящие труды и ознакомил собрание с положением о выборах. Затем открытой подачей голосов избраны были: священник А. Рябцовский товарищем председателя, отец диакон Соболев, священник Розов, священник Голоушин, В.В. Астапович и другие, всего 6 человек – секретарями собрания. После избрания президиума председатель предложил избрать по одному человеку от уезда в состав комиссии для проверки полномочий.

Когда таковая комиссия была избрана, был объявлен перерыв, во время которого началась самая проверка и составление списка выборщиков. Большинство депутатов удалились из церкви и в других помещениях, разбившись на группы, начали намечать кандидатов в члены Собора. Между группами все время наблюдалось оживленное сношение, так что без ошибки можно сказать, что все кандидаты намечались выборщиками без разделения их на клириков и мирян. Крестьяне пожелали, чтобы в число членов Собора от Костромской епархии прошел по крайней мере один крестьянин. Выборщики откликнулись на такое желание, и путем жеребьевки крестьяне наметили своих кандидатов. Проверка полномочий и составление списка продолжались до 4 часов» [3, с. 54–55].

Ветлужские выборщики, по их собственным словам, были обеспокоены отсутствием единодушия среди присутствовавших на избирательном собрании мирян, находя «такое положение не соответствующим моменту и, предвидя при наличии, с одной стороны, сплоченности духовенства, с другой – разрозненности мирян возможность исхода выборов однобокими...» [2, с. 172]. Они устроили еще одно совещание выборщиков специально для мирян, попытавшись провести его без участия духовенства и надеясь организовать мирян «для проведения определенных лиц» [2, с. 171], однако эти попытки, судя по тексту доклада, успеха не имели.

Первый день епархиального избирательного собрания завершился составлением списка кандидатов в члены Собора: «В 4 часа возобновилось

собрание и началась подача записок. Каждый выборщик должен был написать в записке 4 кандидатов от клира и 6 от мирян. подача записок продолжалась до 8 часов. В 8 часов собрание было закрыто, а президиум продолжал подсчет записок до 10 часов. Оказалось, что наибольшее количество записок получили: священник А. Рябцовский, протоиерей П. Крутиков, протоиерей Князев, архимандрит Виссарион (Ильинский), священник Н. Крутиков, священник П. Лебедев, И.Ф. Иорданский, Н.А. Вознесенский, Преображенский, Магнитский, Дурново, Фрязинов и так далее» [3, с. 55]. Перечисленные кандидаты в большинстве своем представляли губернский город Кострому и Кинешемский уезд – тогда как из восточных пределов губернии (Повелужья) не упоминается ни одного имени. Следует ли удивляться уже отмеченной нами тенденциозности доклада ветлужских выборщиков? Составляя и публикуя этот документ, они, скорее всего, имели главной целью оправдаться перед своими избирателями.

Работа епархиального избирательного собрания продолжилась в 9 часов утра 9 августа: «Прежде всего, был поставлен вопрос о том, в каком порядке баллотировать намеченных кандидатов-священников. Кого из них считать кандидатами собственно от пресвитеров и кого кандидатами вообще от клириков (в записках одни и те же лица выставлены были различно). После довольно долгих прений решено было опросить самих кандидатов, кто из них желает баллотироваться от пресвитеров и кто от клириков. В члены Собора от пресвитеров изъявили согласие баллотироваться: священник А. Рябцовский, протоиерей П. Крутиков и протоиерей Князев. Большинство голосов избран был протоиерей П.Е. Крутиков. От клириков изъявили согласие баллотироваться: архимандрит Виссарион, священник Н. Крутиков и несколько диаконов и псаломщиков. Большинство голосов получил архимандрит Виссарион. После перерыва приступлено было к избранию членов Собора от мирян. При первой баллотировке абсолютное большинство голосов получили: И.Ф. Иорданский – бывший врач, а в настоящее время учитель Кологривской гимназии, сын протоиерея города Кологрива, и Правдин, крестьянин Кинешемского уезда. Для избрания третьего члена пришлось прибегнуть к перебаллотировке. Избранным оказался Н.А. Вознесенский, член Кинешемского окружного суда, сын псаломщика» [3, с. 55].

Ветлужские выборщики в своем докладе также описывают события 9 августа, причем приводят данные по результатам голосования и сообщают об избрании кандидатов (в данном случае – заместителей членов Поместного собора). Однако и здесь их описание трудно назвать беспристрастным. Так, избрание членом Поместного собора настоятеля Успенского кафедрального собора города Костро-

мы протоиерея Павла Крутикова (а не священника Александра Рябцовского) выборщики считают результатом «агитации» со стороны духовенства: «Ввиду того, что совещанием по первой курии от духовенства был намечен священник Рябцовский, прогрессист, поддержанный на совещании мирянами, то духовенство повело усиленную против него, между чистосердечных выборщиков, агитацию, благодаря чему он и заменен был протоиереем кафедрального собора, членом консистории отцом Крутиковым, получившим 185 избирательных и 151 неизбирательных голосов. Остальные все прошли также из намеченных совещанием: от духовенства по второй курии – архимандрит отец Виссарион 153-мя голосами при 145 неизбирательных, и от мирян после митинга, устроенного в перерыв инспектором народных училищ, по видимому разделявшим взгляд лектора Дурново о чистоте сердца членов Собора и настаивавшим, чтобы избрано было на Собор в число трех мирян непременно двое от крестьян, каковое постановление, кстати сказать, не имело решающего значения на выборы, и избранными оказались: врач по профессии, ныне преподаватель Кологривской гимназии Иван Феоктистович Иорданский 159 голосами против 144 и крестьянин Кинешемского уезда – по рекомендации очень богомольный и справедливый человек – Правдин 199-ю голосами против 105. Третий кандидат избран лишь после третьей перебаллотировки намеченных и вновь изъявивших [желание] баллотироваться не намеченных совещанием кандидатов – член суда Вознесенский, получивший от утомившегося выборами собрания 190 избирательных и 104 неизбирательных [голосов]. Далее было приступлено к выбору кандидатов – каковыми и избраны: по Крутикове отец Князев, по отце архимандрите Виссарионе – диакон Семеновский, по Иорданском – Преображенский, по Правдине – Яковлев и по Вознесенском – Фрязинов» [2, с. 172–173].

Свое описание избирательного собрания священник Николай Бобровский завершил оптимистично: «Можно быть уверенным, что наши представители на Соборе честно и стойко будут проводить начала свободного церковного строительства и оправдают все надежды и чаяния своих избирателей» [3, с. 56]. Ветлужский доклад заканчивался разочарованно: «Общее же впечатление от выборов малоудовлетворительно вследствие того, что отсутствие предвыборных собраний ставило выборщиков мирян в необходимость удовлетворяться лишь самыми поверхностными сведениями о том или ином кандидате, так что достойнейшие ли члены собрания оказались избранными на Собор – сказать утвердительно нельзя» [2, с. 173].

Итак, членами Поместного собора Православной российской церкви от Костромской епархии стали, согласно списку в издании 1918 года:

Евгений (Бережков), епископ Костромской и Галичский, 53 года, кандидат богословия, Кострома [4, с. 69];

Крутиков Павел Евфимиевич, протоиерей, настоятель костромского кафедрального собора, клирик от Костромской епархии, 67 лет, кандидат богословия, Кострома [4, с. 74];

Виссарион (Ильинский), архимандрит, настоятель Макариево-Унженского монастыря Костромской епархии, клирик от Костромской епархии, 66 лет, Макарьев Костромской епархии [4, с. 65];

Иорданский Иван Феоктистович, врач, преподаватель женской гимназии в городе Кологриве, мирянин от Костромской епархии, 55 лет, Кологрив Костромской епархии [4, с. 72];

Правдин Василий Алексеевич, крестьянин, мирянин от Костромской епархии, 52 года, село Ширяево (Монастырское) Кинешемского уезда Костромской епархии [4, с. 84];

Вознесенский Николай Аркадьевич, уездный член Костромского окружного суда, мирянин от Костромской епархии, 54 года, Кинешма Костромской епархии [4, с. 66].

Таким образом, несмотря на ограниченное время для подготовки, выборы членов Поместного собора 1917–1918 годов от Костромской епархии прошли организованно и демократично, а отдельные критические отзывы по этому поводу объясняются скорее субъективными факторами. Последующие события показали, что костромские участники Собора оправдали оказанное им доверие: так, архимандрит Виссарион (Ильинский) 8 декабря 1917 года был избран членом Высшего церковного совета от монашествующих.

Библиографический список

1. Журналы епархиального съезда духовенства и мирян сессии 8–10 августа 1917 года // Костромской церковно-общественный вестник (далее – КЦОВ). – 1917 (8–15 августа). – № 5–6 (отд. официал.). – С. 34–43.
2. Овчинников П.А., Соболев В.А., Селезнев В.А. Доклад о результатах поездки на выборы членов Всероссийского Поместного Собора // КЦОВ. – 1917 (15–22 октября). – № 14–15 (отд. неофициал.). – С. 170–173.
3. С. Н. Б. (свящ. Николай Бобровский) Епархиальное избирательное собрание // КЦОВ. – 1917 (8–15 августа). – № 5–6 (отд. неофициал.). – С. 53–58.
4. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. – М.: Издание Соборного Совета, 1918. – Кн. 1. – Вып. 1: Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора.
5. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). – М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002.

References

1. Zhurnaly eparhial'nogo s"ezda duhovenstva i miryan sessii 8–10 avgusta 1917 goda // Kostromskoj cerkovno-obshchestvennyj vestnik (dalee – KCOV). – 1917 (8–15 avgusta). – № 5–6 (otd. oficial.). – S. 34–43.
2. Ovchinnikov P.A., Sobolev V.A., Seleznev V.A. Doklad o rezul'tatah poezdki na vybory chlenov Vserossijskogo Pomestnogo Sobora // KCOV. – 1917 (15–22 oktyabrya). – № 14–15 (otd. neoficial.). – S. 170–173.
3. S. N. B. (svyashch. Nikolaj Bobrovskij) Eparhial'noe izbiratel'noe sobranie // KCOV. – 1917 (8–15 avgusta). – № 5–6 (otd. neoficial.). – S. 53–58.
4. Svyashchennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi. Deyaniya. – M.: Izdanie Sobornogo Soveta, 1918. – Kn. 1. – Vyp. 1: Predislovie, dokumenty i materialy k sozyvu i deyatel'nosti Predsobornogo Soveta i Sobora.
5. Firsov S.L. Russkaya Cerkov' nakanune peremen (konec 1890-h – 1918 g.). – M.: Kul'turnyj centr «Duhovnaya Biblioteka», 2002.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ (на материалах г. Москвы и Московской губернии)

Статья посвящена вопросам становления системы профессионального образования в 1920-е годы в Москве и Московской губернии. В работе освещается процесс создания системы центральных и местных органов управления специальным образованием. Дается характеристика различных видов учебных заведений, приводятся статистические данные. Особое внимание автор уделяет правилам приема в учебные заведения Москпрофобра, в основу которых был заложен принцип классового отбора. На примере взаимодействия учебных заведений и комсомольской организации автор показывает взаимосвязь профессионального образования и коммунистической партии. На основе анализа документов автор делает вывод о значимости развития среднего профессионального образования в Московском регионе для социально-экономического развития всего государства.

Ключевые слова: профессионально-техническое образование, Москпрофобр, учебные заведения.

Система образования имеет огромное значение для нормального функционирования всех сфер общественной жизни; особое место в структуре образования занимает профессиональное звено. На протяжении своего существования система подготовки специалистов играла во многом определяющую роль в развитии экономики и социально-культурной сферы страны. Подготовка квалифицированных специалистов и сегодня остается крайне важной задачей. Осмысление исторического опыта развития профессионального образования имеет большое значение. Изучение традиций позволит найти эффективные способы для проведения возможных преобразований и повышения качества профессиональной подготовки в современной России.

Первые работы по теме исследования были опубликованы непосредственно во временных рамках исследуемых событий, в основном в периодических изданиях, а также в сборниках статей. Авторами были участники событий – государственные служащие, партийные деятели.

Среди этих работ можно выделить труды О.Г. Аникст. Ольга Георгиевна была одним из инициаторов создания Государственного комитета по профессиональному образованию при Наркомпросе РСФСР и входила в его состав. Затем была заместителем председателя секции профессионально-технического образования, созданной на его основе. С декабря 1920 года работала в комиссии СНК РСФСР по преодолению кризиса рабочей силы, предложившей создать Главпрофобр, входила в состав коллегии и была заместителем председателя Главпрофобра. В журнале «Вестник профессионально-технического образования» опубликована статья О.Г. Аникст «Роль профессионально-технического образования в общей структуре народного просвещения», где отстаиваются преимущества профессионального образования над единой трудовой школой, его важность для развития промышленности и капитала [4].

В другой ее статье – «Возникновение Главпрофобра» – говорится о создании единого центра для разрешения всех вопросов, касающихся профессионально-технического образования [5].

В монографии под редакцией О.Г. Аникст «Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 годы» освещены общие вопросы развития образования и первые достижения советской власти в этом деле [6]. В небольшой по объему книге «Профессионально-техническое образование в Москве и Московской губернии: (К 3-му съезду профсоюзов Московской губернии)» дается оценка состояния образования в начале 1920-х годов в регионе [8]. Монография А.Н. Веселова «Профессионально-техническое образование в СССР», опубликованная в 1961 году, представляет особый интерес. Автор прослеживает историю развития низшего и среднего профессионального образования от самых истоков [1].

В 1970–80-е годы выходили работы, посвященные развитию среднего образования в регионах Поволжья, Сибири и других. Появлялись диссертационные исследования, в которых рассматриваются отдельные стороны вопроса. Так, И.К. Воеводский в работе «Развитие низшего и среднего горнотехнического образования в СССР» дает характеристику специального образования горнотехнической отрасли [2].

Следует выделить диссертацию В.П. Попова «Система среднего специального образования в СССР и Российской Федерации в 1917–2000-е гг.», опубликованную в 2001 году. Автор впервые дает обобщенное исследование среднего профессионального образования от его зарождения в Советской России до конца XX века [7].

В целом следует отметить, что, несмотря на значительное количество научной литературы, в настоящее время нет комплексных работ, посвященных анализу системы среднего профессионального образования в Московском регионе в 1920-е годы.

В основу нашего исследования становления системы профессионально-технического образования в Московском регионе были положены документы Центрального государственного архива Московской области, хранящиеся, прежде всего, в фондах Отдела народного образования МОНО и фондах Управления профессионально-технического образования при МОНО. Для изучения данного вопроса нами были проанализированы положения, инструкции, циркуляры Московского и уездных отделений народного образования и другие источники.

В условиях Гражданской войны профессиональному образованию юношества не уделялось того внимания, которое оно заслуживало по своему значению для хозяйственной жизни страны. В 1919 году был принят декрет Совнаркома РСФСР «О мерах к распространению профессионально-технических знаний», в котором указывалось, что «необходимым условием окончательного торжества рабоче-крестьянской революции является поднятие производительности народного труда, а... наиболее быстрым и верным способом такого поднятия является распространение в широких народных массах профессионально-технических знаний и умений...» [12, л. 17].

Однако количество учебных заведений, готовых принять новых учащихся, было невелико. На 1 января 1919 года в Москве насчитывалось 35 учебных заведений, учащимися которых были более 4 500 человек. К концу 1919 года количество учебных заведений возросло, но незначительно. В столице насчитывалось 42 учебных заведения, в которых обучалось 8 000 человек. В губернии количество выросло до 100 учебных заведений (в это число вошли как существовавшие учебные заведения, так и находящиеся в процессе организации, таких было около половины), принимавших 2 884 учащихся [6, с. 5]. Столь медленное увеличение количества учебных заведений было вызвано, прежде всего, затруднительным материальным положением в стране. Кампания 1919 года завершилась лишь формальным восстановлением профессионально-технического образования.

С начала 1920 года наметился перелом в этом вопросе. В январе декретом Совнаркома был создан Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр) во главе с А.В. Луначарским, О.Ю. Шмидтом, О.Г. Аникст, Ф.В. Ленгник. Комитет получил широкие полномочия в деле восстановления и развития образования.

Организационная работа Главпрофобра сосредоточилась не только на создании центрального аппарата с его отделами и подотделами, но и организации соответствующего аппарата управления на местах, где к моменту создания Главпрофобра было всего 5–6 подотделов профессионально-технического образования. Главпрофобр организовал

во всех губерниях и многих уездах свои органы – губернские и уездные комитеты профессионального образования. Губернские комитеты осуществляли руководство всеми специальными учебными заведениями, кроме высших и курсов при фабриках и заводах.

Губподотделы имели свои, исключительно им подведомственные уездные и местные отделы (в крупных городах, районах и центрах) в качестве подсобных органов. В круг действий губернских подотделов входили:

- 1) организация и управление учебными заведениями данной губернии;
- 2) составление смет на нужды профессионально-технического образования и контроль за расходованием отпущенных средств;
- 3) организация специальных библиотек, читален, лекций, выставок, экскурсий;
- 4) разработка проектов открытия новых учебных заведений;
- 5) статистика и учет;
- 6) поддержка постоянной связи с Главпрофобром [3, с. 42].

Для контроля и руководства за развитием образования в Московской губернии был учрежден Московский отдел профессионально-технического образования (Москпрофобр). Первоначально Московский отдел профессионального образования вел свою работу лишь в городском масштабе. С середины 1920 года, после слияния Московского отдела народного образования (МОНО) с губернским отделом народного образования, работа осуществлялась в общегубернском масштабе [8, с. 12].

В случае сильно развитой системы профессиональных учебных заведений в уезде и оторванности их от Москпрофобра на местах по постановлению Москпрофобра утверждались уездные отделы профессионального образования (упрофобр). В их задачи входило:

- 1) выявление нужды в профессиональном образовании в уезде;
- 2) наблюдение и контроль за общеорганизационными и материальной сторонами жизни учебных заведений;
- 3) забота о материальном и продовольственном снабжении учебных заведений уезда;
- 4) проведение в жизнь постановлений Москпрофобра [8, с. 12].

В уездах, где не были организованы упрофобры, один из членов коллегии уездного отдела народного образования назначался наблюдателем-представителем Москпрофобра. Наблюдатель выполнял функции упрофобра [8, с. 13]. Так, например, Бронницкий уездный отдел народного образования выдвинул кандидатуру В.И. Рябчикова для утверждения его на пост представителя-наблюдателя Москпрофобра. Москпрофобр на основании положения о представителях-наблюдателях

от 20 декабря 1921 года кандидатуру утвердил [12, л. 7]. В феврале 1922 года Подольский отдел народного образования выдвинул на должность наблюдателя за профобразованием товарища Голубева. Кандидатура была одобрена и утверждена Москпрофобром [9, л. 18]. Введение должности наблюдателя-представителя в уездах позволяло усилить контроль за профессиональным образованием на местах.

В 1920-е годы в Москве и губернии выстраивалась вертикаль управления в сфере профессионального образования. Под руководством Главного отдела профобразования в регионе действовали губернский и местные отделы. Таким образом, был реализован принцип централизации управления.

В целях ликвидации технической безграмотности рабочих и удовлетворения острой нужды промышленности в квалифицированной рабочей силе в соответствии с декретом «Об учебной профессионально-технической повинности» в 1920 году было введено обязательное профессионально-техническое образование всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. Рабочие старше 40 лет, но изъявившие желание учиться, могли быть направлены на курсы [3, с. 39]. Для реализации декрета необходимо было создать широкую сеть учебных заведений, отвечающую потребностям промышленного производства.

Формирующаяся система учебных заведений готовила специалистов разного уровня. Все учебные заведения разбивались на пять групп, помимо их деления по специальностям:

- 1) практические институты – готовили инженеров-практиков узкой специальности, то есть производственных инженеров;
- 2) техникумы (тип выше среднего) – выпускали работников квалификации техников, ближайших помощников инженеров.
- 3) профессионально-технические школы – тип учебного заведения несколько ниже среднего, ставили своей задачей подготовку квалифицированных рабочих, из которых выходят мастера или монтеры;
- 4) фабрично-заводские ученичества – это были те же профессионально-технические школы, орга-

низованные при фабриках и заводах, для рабочих подростков и молодежи этих предприятий;

5) краткосрочные курсы, организованные для рабочих и служащих, занятых в производстве, для повышения производительности труда [10, л. 21].

Все учебные заведения ставили своей основной задачей подготовить специалистов во всех отраслях производства и труда, а также распространять практические знания среди населения районов.

Москва представляла собой крупный промышленный центр, в котором были представлены почти все имеющиеся отрасли производств, нуждавшиеся в рабочих. Поэтому профессионально-техническое образование в Москве и губернии было представлено во всех его разновидностях.

На основании данных таблицы можно сделать вывод, что самыми востребованными видами образования были рабочее и промышленно-экономическое. Такая популярность объяснялась тем, что в Москве и Московском регионе традиционно были наиболее развиты металлургическая и текстильная отрасли промышленности.

Для приема учащихся в профессиональные учебные заведения при каждом из них организовывалась местная приемочная комиссия. В состав комиссии входили ректор или заведующий учебным заведением, он же являлся председателем комиссии, председатель местного отделения народного образования, а также представитель профсоюза, по каждой изучаемой в учебном заведении специальности, и представитель комсомольской организации.

При зачислении в учебные заведения преимущественным правом пользовались воспитанники детских домов. В марте 1925 г. товарищ Лялин, заведующий Москпрофобром, направил в Московский уездный отдел народного образования письмо с просьбой предоставить 10 круглых сирот, детей рабочих, для приема в Механико-текстильную школу им. XXV РКП(б). Требовались подростки 14–15 лет, окончившие I ступень единой трудовой школы [13, л. 32]. В ответ на отношение Москпрофобра Московский уездный совет сообщил о наличии в детских домах детей, отвечающих заявленным условиям. Были выбраны десять воспитанников Изваринского детского дома

Таблица

Сеть учебных заведений Москпрофобра по видам образования в 1924/25 учебном году*

№ п/п	Виды образования	Число учебных заведений	Число учащихся
1	Рабочее образование	160	18 338
2	Промышленно-экономическое	115	21 372
3	Педагогическое	6	1 546
4	Сельскохозяйственное	14	1 460
5	Медицинское	75	3 752
6	Художественное	64	6 146
Итого:		434	52 614

* Составлено по ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 782. Л. 85.

и 5-й Загородной школы [13, л. 33]. Таким образом, преимущественные права воспитанников детских домов при поступлении в учебные заведения исполнялись на деле.

Кроме того, при зачислении предпочтение отдавалось подросткам, работавшим на производстве, или детям рабочих; лицам из трудового беднейшего крестьянского населения (при приеме их в сельскохозяйственные учебные заведения); членам комсомола и профсоюза; бывшим красноармейцам-фронтовикам. Все прочие лица принимались с предпочтением к лицам пролетарского происхождения. Таким образом, в основу правил приема в учебные заведения закладывался принцип классового отбора. Государство внимательно следило за тем, чтобы состав учащихся формировался из благонадежных в политическом отношении молодых людей [8, с. 5].

Профессиональные учебные заведения должны были не только подготовить квалифицированных работников в различных областях труда, но и воспитать учащихся в коммунистическом духе, подготовить активного участника социалистического строительства. Одной из лучших форм воспитания считалась самостоятельная деятельность, признанная и советской педагогикой.

В связи с этим при учебных заведениях создавались ученические организации, в обязанности которых входило ведение политико-просветительской работы среди учащихся. Деятельность организаций протекала на основе директив, изданных Наркоматом просвещения. Повседневное наблюдение и непосредственное конкретное руководство работой ученических организаций лежало на комсомольской или партийной ячейке коллектива ВЛКСМ учебного заведения.

Комсомол, неразрывно связанный с рабочей и крестьянской молодежью, выявлял запросы пролетарского юношества. Его основные задачи – дело профессионального обучения и общественно-политическое воспитание молодежи [11, л. 8].

В аппарате Москпрофобра всегда имелся постоянный представитель МК ВЛКСМ, выполняющий определенные обязанности:

- 1) проведение через аппарат Москпрофобра, районного или уездного отдела профессионального образования предложений комитетов ВЛКСМ;
- 2) осуществление практического руководства со стороны Москпрофобра и ВЛКСМ работой ученических организаций.

Представители комсомольской или партийной ячейки в учебной организации вели постоянное наблюдение и регулярно докладывали о работе, проделанной комсомольцами (партийцами) [11, л. 9].

В тех учебных заведениях, где партийных и комсомольских ячеек или коллективов не было, непосредственное руководство общественно-политической работой и повседневное направление

деятельности ученических организаций лежало на преподавателях общественно-научного образования. Роль общественно-научного образования в учебном заведении, где были ячейка или коллектив ВЛКСМ (ВКП), сводилась к тому, что он вел постоянную агитационную и пропагандистскую работу среди учащихся.

В начале 1920-х годов в стране шел процесс формирования новой системы профессионального образования. Для контроля и руководства системой создавались центральные и местные органы управления: Московский отдел профессионального образования и уездные отделы. На местах, где отсутствовали упробобры, контролирующие функции были возложены на наблюдателей, представляющих Москпрофобр. В основу системы органов управления профессиональным образованием был положен принцип централизации власти, что упрощало руководство профобразованием в регионе.

В первые годы существования советской власти оформилась широкая сеть учебных заведений, готовивших специалистов разных уровней и специальностей. Были сформулированы правила приема в учебные заведения. Преимущественным правом при зачислении пользовались подростки пролетарского и крестьянского происхождения, а также воспитанники детских домов. Порядок приема был продиктован принципом классового отбора.

Процесс становления советской системы профессионально-технического образования проходил при непосредственном участии коммунистической партии и комсомола. Через тесное взаимодействие компартии, ВЛКСМ и учебных организаций осуществлялась задача социалистического воспитания молодого поколения.

Таким образом, развивающаяся под руководством органов профессионального образования сеть учебных заведений в Москве и губернии позволяла готовить квалифицированных специалистов в разных областях производства и труда не только для своего региона, но и для всей страны, что оказало большую кадровую поддержку начавшейся вскоре индустриализации.

Библиографический список

1. *Веселов А.Н.* Профессионально-техническое образование в СССР. – М.: Профтехиздат, 1961. – 435 с.
2. *Воеводский И.К.* Развитие низшего и среднего горнотехнического образования в СССР: автореф. дис ... канд. пед. наук. – М., 1964. – 24 с.
3. Вестник профессионально-технического образования: Орган Главного управления профессионально-технического образования. – М.: ГИЗ. – 1921. – № 2.
4. Вестник профессионально-технического образования: Орган Главного управления профессионально-технического образования. – М.: ГИЗ. – 1921. – № 8.

5. Вестник профессионально-технического образования: Орган Главного управления профессионально-технического образования. – М.: ГИЗ. – 1921. – № 9.

6. Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 годы: юбилейный сборник / Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр); под ред. О.Г. Аникст. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 100 с.

7. Понов В.П. Система среднего специального образования в СССР и Российской Федерации в 1917–2000-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 26 с.

8. Профессионально-техническое образование в Москве и Московской губернии: (К III съезду профсоюзов Московской губернии) / РСФСР. – М.: Ред. изд. отд. Московский губернский совет профсоюзов, 1921. – 23 с.

9. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 10.

10. ЦГАМО. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 53.

11. ЦГАМО. – Ф. 966. – Оп. 1. – Д. 100.

12. ЦГАМО. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 146.

13. ЦГАМО. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 147.

14. ЦГАМО. – Ф. 966. – Оп. 4. – Д. 1470.

References

1. Veselov A.N. Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v SSSR. – М.: Proftekhizdat, 1961. – 435 s.

2. Voevodskij I.K. Razvitie nizshego i srednego gornotekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR: avtoref. dis ... kand. ped. nauk. – М., 1964. – 24 s.

3. Vestnik professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya: Organ Glavnogo upravleniya professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya. – М.: GIZ. – 1921. – № 2.

4. Vestnik professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya: Organ Glavnogo upravleniya professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya. – М.: GIZ. – 1921. – № 8.

5. Vestnik professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya: Organ Glavnogo upravleniya professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya. – М.: GIZ. – 1921. – № 9.

6. Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Rossii za 1917–1921 gody: yubilejnyj sbornik / Glavnij komitet professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya (Glavprofobr); pod red. O.G. Anikst. – М.: Gos. izd-vo, 1922. – 100 s.

7. Popov V.P. Sistema srednego special'nogo obrazovaniya v SSSR i Rossijskoj Federacii v 1917–2000-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – М., 2001. – 26 s.

8. Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Moskve i Moskovskoj gubernii: (K III s'ezdu profsoyuzov Moskovskoj gubernii) / RSFSR. – М.: Ред. изд. отд. Московский губернский совет профсоюзов, 1921. – 23 с.

9. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 10.

10. CGAMO. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 53.

11. CGAMO. – Ф. 966. – Оп. 1. – Д. 100.

12. CGAMO. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 146.

13. CGAMO. – Ф. 965. – Оп. 1. – Д. 147.

14. CGAMO. – Ф. 966. – Оп. 4. – Д. 1470.

Абдуразакова Шекерханум Тагировнакандидат исторических наук
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
shekerhanum69@mail.ru**РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДАГЕСТАНА В 1940–1950 ГГ.**

В статье освещаются вопросы развития науки и образования в Дагестанской АССР в 1940–1950-е гг., отмечается довоенное состояние учебных заведений республики, те сложности, которые были вызваны Великой Отечественной войной. Особое внимание уделяется деятельности представителей русской интеллигенции, приезжавших из разных республик страны в Дагестан, которые оказывали помощь в процессе подготовки профессиональных кадров для науки, системы образования, медицины и культуры в целом. Прослеживается расширение сети средних и высших учебных заведений в республике, а также профилей новых специальностей, вызванное необходимостью быстрого обеспечения отраслей народного хозяйства кадрами.

Ключевые слова: Дагестан, русская интеллигенция, наука, образование, семилетняя школа, Академия наук, научный центр, культура.

История взаимоотношений Дагестана и России началась более двух веков тому назад. После заключения Гюлистанского мира Дагестан вошел в состав России. За этот период произошли значительные преобразования в Дагестане. Особо следует отметить изменения в области науки и образования.

Исторический путь, связанный с Россией, и формирование самосознания каждого из народов Дагестана показывает созидательное значение русской культуры и её влияние на развитие национальной культуры народов Дагестана. Под влиянием интеграционных процессов происходило становление национальной государственности народов Северного Кавказа, определение путей их социально-экономического развития. Сегодня важно не только помнить трудности и проблемы, но и не предавать забвению исторический путь, пройденный вместе с русским народом, не умалять созидательной роли России в преобразовании многонационального Северо-Кавказского края и Дагестана в частности.

Представители русского народа с азербайджанцами, персами, горскими евреями, кумыками и армянами были тем ядром, вокруг которого формировалось городское население горного края. Именно в городах более быстрыми темпами шло создание и развитие культурных и образовательных учреждений.

Ситуация в сфере образования и науки резко осложнилась с началом Великой Отечественной войны. В годы войны Дагестан был прифронтовой территорией, испытывал большие трудности. В послевоенный период ситуация начала исправляться. Было необходимо восстанавливать экономику после страшной войны. Нужны были специалисты в разных отраслях экономики.

В годы четвертой пятилетки в Дагестане, как и в других республиках Северного Кавказа, была полностью восстановлена сеть высших учебных заведений, а в средних специальных учебных заведениях количество учащихся превзошло по-

казатели предвоенного 1940 года. Большая часть высших и средних учебных заведений находилась в Махачкале.

В 1947 году в республике отмечали 25-летие одного из старейших учебных заведений – педагогического училища в Буйнакске. Историк Г.Ш. Каймаразов, занимавшийся исследованием культурного строительства в Дагестане, отмечает: «К этому году училище успело выпустить 884 учителя начальной школы, из которых 314 женщин. В числе окончивших было 603 представителя местных народностей. Многие из них стали известными в республике партийными, советскими работниками, деятелями образования, науки, литературы и искусства» [2, с. 236].

Война усложнила также условия научной работы педагогического и сельскохозяйственного институтов. Сельскохозяйственный институт был эвакуирован во время войны в Кировабад и возобновил свою деятельность лишь в 1943 году. В годы войны и первые послевоенные годы преподаватели института совмещали свою деятельность непосредственно с производством. Несмотря на эти обстоятельства, и перейдя на работу в сельскохозяйственные предприятия и организации, многие продолжали научно-исследовательскую работу. Многие сельскохозяйственные культуры постоянно требовали экспериментальных исследований для увеличения урожайности. Аграрные предприятия становились научной площадкой для исследований. Так, профессор В.В. Акимцев работал в Махачкалинской городской инспекции по сортоиспытанию, доцент В.В. Спасский руководил ветеринарным управлением Наркомата земледелия ДАССР, доцент П.С. Головань стал главным агрономом Каякентского района. Профессор М.А. Тупиков применил в колхозе им. К. Маркса Махачкалинского района новые приемы обрезки виноградной лозы и искусственного опыления винограда, что позволило значительно повысить урожайность этой ценной культуры. Высоких урожаев зерновых и овощей добился, работая старшим аг-

рономом, доцент Г.П. Загородный, он стал во главе Хасавюртовской агрохимической лаборатории. Доцент Д.И. Виноград возглавил работу студентов по выращиванию саженцев плодовых культур. В 1944–1945 гг. пригородным колхозам Махачкалы было передано 30 тыс. саженцев [2, с. 45].

В конце 1940-х годов в Дагестанском сельскохозяйственном институте уже функционировали агрономический, зоотехнический, ветеринарные, виноградно-плодоовощной факультеты. На базе этих факультетов студенты кроме обучения занимались и научной деятельностью под руководством профессоров В.В. Акимцева, В.А. Леопольдова, В.В. Спасского, доцентов А.А. Аливердиева, Н.А. Золотарева, В.П. Курлина, Г.И. Попова, Г.П. Загороднова, Ф.С. Шпилева. За годы четвертой пятилетки институт подготовил 286 агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей. Выпускников Дагестанского сельскохозяйственного института можно было встретить в других республиках Северного Кавказа, в Ростовской и Волгоградской областях.

Квалифицированных врачей готовил Дагестанский медицинский институт, который был наиболее укомплектован квалифицированными кадрами. Здесь работали видные ученые – профессора О. Байрашевский, М. Доброходов, Х. Булач, А. Подварко, В. Глазов, С. Ризваш, В. Будьлин, И. Пикуль и другие. Благодаря этим специалистам республика получала высококвалифицированные кадры в области здравоохранения. Этот период характеризуется следующими изменениями: рост выпуска врачей, направление в республику молодых специалистов, окончивших медицинские учебные заведения за пределами Дагестана, возросла численность врачей в селах. Л.Г. Каймаразова отмечает: «Общая численность сети больниц в ДАССР к концу четвертой пятилетки составила 4,3 тыс., из них на селе 1,5 тыс. К этому времени в Дагестане работал 1181 врач, из них 287 в сельских районах» [3, с. 136].

В 1950 году отмечалось 25-летие Махачкалинской фельдшерско-акушерской школы. А.-Г.С. Гаджиев пишет: «В 1925 г. здесь обучался 31 учащийся, а в юбилейном 1950-м – 500. За годы своего существования школа подготовила 2844 средних медицинских работника, из них 789 из коренных народностей Дагестана, 353 – девушек-горянок» [1, с. 45].

Одним из центров, готовившим работников культуры, являлось Махачкалинское музыкальное училище. Училище, отметившее вслед за фельдшерско-акушерской школой свое двадцатилетие, выпускало музыкальных работников. Некоторые выпускники училища получали высшее музыкальное образование в консерваториях, затем работали преподавателями в самом Махачкалинском музыкальном училище и Бакинской государственной консерватории.

Многие преподаватели и учителя в годы войны, не раздумывая, с оружием в руках ушли защищать свое Отечество. Всего за первые два года войны в действующую армию ушло 3,5 тыс. учителей из Дагестана. Поэтому в школах районов Дагестана была острая нехватка педагогических кадров. В связи с этим в послевоенные 1946–47 годы в дагестанские школы было направлено 450 русских учителей. А в последующие годы приезд молодых специалистов в республику достигал 1000–1500 человек в год. Направлялись учителя из России, Белоруссии, Украины. Только в начальных классах преподавали местные учителя, так как обучение первоначально было на родных языках народов Дагестана [3, с. 48].

Не всегда количество школ удовлетворяло потребности населения. В районных центрах была одна средняя школа, в больших селах – семилетние школы. С войны вернулись не все учителя, и работать в школах было некому. Многие учащиеся проживали в специальных интернатах при школах. Было голодное послевоенное время. Учились дети с большим желанием, учащиеся тянулись к знаниям, и потому успеваемость была высокой. Даже дети понимали, что нужно получить знания, стать высококлассными специалистами, чтобы поднять из руин разрушенную страну.

По материалам переписи населения в послевоенный период приток русского населения нарастал в связи с тем, что в Дагестан были присланы специалисты в области образования, медицины, сельского хозяйства и т. д. В результате в 1950 году число русских достигло 213,8 тыс. человек, что составляло 20,1 % населения республики. Благодаря созидательному труду русского населения, его дружескому участию и поддержке дагестанцы смогли преодолеть многие послевоенные трудности. Русские специалисты с энтузиазмом помогали готовить высококвалифицированные кадры, обучать дагестанцев самым разнообразным профессиям. Представители русского народа внесли огромный вклад в развитие промышленности и сельского хозяйства республики, в строительство новых городов и поселков, гидроэлектростанций, железных, шоссейных дорог и т. д.

В результате творческой деятельности и высокопрофессионализма представителей российской интеллигенции, работавших учителями, врачами, инженерами, были достигнуты заметные успехи в развитии образования и науки республики.

Укрепление материальной базы народного образования и успехи в подготовке педагогических кадров позволили возобновить с 1949/50 учебного года осуществление прерванного войной всеобщего семилетнего обучения в сельской местности. Возобновление семилетнего обязательного всеобщего образования представляло собой важный шаг в развитии образования и укреплении базы для подготовки

национальных педагогических кадров. В годы четвертой пятилетки только в Дагестанской АССР и Грозненской области было открыто 183 семилетних школ [4, с. 245].

Улучшились качественные показатели работы общеобразовательной школы. Был принят ряд важных мер, направленных на дальнейшее повышение качества обучения и воспитания подрастающего поколения. Одной из таких мер являлось улучшение изучения учащимися национальной нерусской школы русского языка. До 1947/48 учебного года обучение русскому языку в национальной школе начиналось со второго класса, а в средних и семилетних – с третьего класса. Это не давало возможности учащимся овладеть тем объемом знаний в области русского языка, который был необходим для успешного продолжения образования после окончания начальных классов. Недостаточное знание русского языка являлось одной из главных причин низкой успеваемости учащихся пятого и последующих классов. С 1947/48 учебного года изучение русского языка в нерусских школах вводилось в виде разговорных уроков со второго полугодия подготовительного класса. Таким образом, учащиеся нерусских школ стали изучать русский язык не в течение двух-трех лет, как это было раньше, а почти на всем протяжении начального обучения.

Важной мерой, направленной на дальнейшее улучшение работы общеобразовательной школы, явилось введение с 1950 г. единого для всех республик «Положения о переводных экзаменах в начальной, семилетней и средней школах и экзаменах на аттестат зрелости». Новый порядок проведения переводных и выпускных экзаменов в значительной мере устранял перегрузку учащихся экзаменами.

Совершенствованию деятельности общеобразовательной школы способствовали также разработка и введение в школьную практику новых положений об организации педагогического процесса. В послевоенные годы Министерство просвещения РСФСР утвердило новые «Положения о классном руководителе, об ученическом комитете в школе», а также «Положения о районном (городском) педагогическом кабинете и в школьных библиотеках начальной, семилетней и средней школы». Эти мероприятия внесли организованность и упорядоченность в работу с учащимися, способствовали повышению уровня методического руководства деятельностью школ и учительства, улучшению всей учебно-воспитательной работы.

Таким образом, благодаря мерам, осуществленным в послевоенные годы, произошло укрепление общеобразовательной школы, всей системы народного образования в Дагестане. При этом значительно ускорились темпы развития школьного образования в сельской местности. Несмотря на трудности первых послевоенных лет, общеоб-

разовательная школа увеличивала выпуск из 7-х и 10-х классов, все больше становилось молодежи с завершённым средним образованием.

В послевоенные годы готовились кадры на различных краткосрочных курсах и школах. Сохранение и даже расширение сети таких специальных курсов и школ вызывались необходимостью быстрого обеспечения отраслей народного хозяйства кадрами. В частности, многие такие курсы были организованы для подготовки и переподготовки работников просвещения и культуры [5, с. 49].

Высшие учебные заведения уже к концу первой послевоенной пятилетки стали получать пополнение с полным средним образованием. В 1950/51 учебном году выпуск средних общеобразовательных школ СССР превышал прием в высшие учебные заведения. Так, в 1949/50 учебном году средние школы Дагестанской АССР выпустили 850 человек, тогда как прием в вузы в 1950 г. составил около 700 человек [3, с. 98].

Крупным событием в научной жизни Дагестана явилось создание в 1945 г. академического научного центра: Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Впоследствии постановлением Президиума АН СССР в 1949 г. она была переименована в Дагестанский филиал АН СССР. Научно-исследовательской базе в начальный период ее деятельности большую помощь оказывали Президиум и отделения Академии наук СССР. Директором базы был назначен выдающийся русский и советский лингвист академик И.И. Мещанинов, который много усилий приложил к становлению академической науки в Дагестане. В этой личности сочетались качества выдающегося ученого-теоретика и крупнейшего организатора науки.

Профессор Г.Ш. Каймаразов пишет: «Академия наук оказывала большую помощь вновь созданному научному подразделению в Дагестане. В 1949 г. на основе Научно-исследовательской базы был создан Дагестанский филиал АН СССР (впоследствии – Дагестанский научный центр АН СССР), который возглавил член-корреспондент АН СССР, академик Академии наук Азербайджана Х.И. Амирханов» [2, с. 229].

Ученые Дагестанской научно-исследовательской базы занимались изучением природных ресурсов республики, вопросами, связанными с созданием новых, более продуктивных пород овец и крупного рогатого скота, приспособленных к условиям горных районов Дагестана, составляли почвенные и растительные карты республики. Коллектив ученых Института истории, языка и литературы завершил составление русско-дагестанских орфографических словарей и сводов орфографических правил по многим языкам. В эти годы зарождалась историческая наука в Дагестане. Одним из самых первых историков можно назвать профессора Р.М. Магомедова. В 1948 г. Р.М. Маго-

медов защитил докторскую диссертацию на тему Кавказской войны. Именно он дал объективную оценку этому событию как национально-освободительному движению горцев. Такая позиция не совпадала с официальной, но тем не менее учёный не менял своих взглядов ни при каких обстоятельствах. Кроме того, Р.М. Магомедов с 1945 по 1950 годы был заместителем председателя Дагестанской базы АН СССР. В 1950 году институт издал «Очерки по истории Дагестана» в двух выпусках [4, с. 229].

В 1950 г. при Дагестанском филиале АН СССР была открыта аспирантура. Это позволило готовить непосредственно в учреждениях филиала научные кадры в области физики, истории, языковедения и литературоведения.

Многие работы ученых Дагестанского филиала АН СССР получили широкое признание общественности и были отмечены государственными премиями. Научные работники филиала С.И. Гусейнов, В.А. Близищенко, А.И. Гаджиев в сотрудничестве с овцеводами-практиками колхоза им. Омарова-Чохского и Гунибского районов Исламом Исламовым и Омаром Пакаловым вывели новую высокопродуктивную породу овец. Дагестанская горная порода была высоко оценена специалистами. Впоследствии, в 1950 году, им была присуждена Государственная премия СССР. Несколько работ ученых филиала были отмечены премиями Президиума АН СССР и Министерства сельского хозяйства СССР.

Тысячи выпускников дагестанских высших и средних специальных учебных заведений вместе со специалистами, направляемыми в Дагестан по путевкам различных центральных министерств и ведомств, составляли интеллигенцию Страны гор. В послевоенные годы произошли значительные изменения в образовании и науке Дагестанской АССР. Благодаря структурным нововведениям и расширению материально-технической базы в области образования и науки республика посте-

пенно обеспечивала себя специалистами разных направлений. Это способствовало успехам в развитии различных отраслей экономики и науки.

Библиографический список

1. *Гаджиев А-Г.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. – 228 с.
2. *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана. Ч. 2. 40–70-е годы XX века. – Махачкала: Алеф, 2011. – 342 с.
3. *Каймаразова Л.Г.* Культурное строительство в Дагестане. 1940–1960 гг.: (Источниковедческий анализ документов ЦГА РД). – Махачкала: ИП Овчинников, 2009. – 280 с.
4. *Каймаразова Л.Г.* Историография культуры народов Дагестана. XX век. – Махачкала: Алеф, 2013. – 311 с.
5. *Магомедов М.Г.* Развитие печати в городах Дагестана 1946–1960 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1. – С. 48–50.

References

1. Gadzhiev A-G.S. Rol' russkogo naroda v istoricheskikh sud'bah narodov Dagestana. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1964. – 228 s.
2. Kajmarazov G.SH. Rossiya i progress kul'tury narodov Dagestana. CH. 2. 40–70-e gody XX veka. – Mahachkala: Alef, 2011. – 342 s.
3. Kajmarazova L.G. Kul'turnoe stroitel'stvo v Dagestane. 1940–1960 gg.: (Istochnikovedcheskij analiz dokumentov CGA RD). – Mahachkala: IP Ovchinnikov, 2009. – 280 s.
4. Kajmarazova L.G. Istoriografiya kul'tury narodov Dagestana. NKH vek. – Mahachkala: Alef, 2013. – 311 s.
5. Magomedov M.G. Razvitie pechaty v gorodah Dagestana 1946–1960 gg. // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2014. – № 1. – S. 48–50.

Воронцов Михаил СергеевичЯрославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
robotbreaker@gmail.com**Никифоров Юрий Сергеевич**кандидат исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
Nikifor2108@yandex.ru**«ДЕРЖАТЬ ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ»:
ОБРАЗЫ ВЛАСТИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ
В ПОЗДНЕМ СССР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСТНОЙ ИСТОРИИ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты
и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.:
в архивных документах и исторической памяти»*

В рамках исследования процессов взаимодействия региональной власти Верхневолжских регионов с союзно-республиканским центром были проанализированы данные устной истории, полученные в ходе интервьюирования представителей советской региональной элиты второй половины 1960-х – 1980-х гг. Основное внимание авторов статьи сосредоточено на образах власти и коммуникативных практиках региональных элит в позднем СССР. В ракурсе устной истории предпринята попытка реконструировать механизмы и стратегии региональной элиты советской провинции, включая бюрократические процедуры и коммуникативные практики, образы и сценарии власти в функционировании местной власти 1960–80-х гг. Теоретико-методологическая основа работы связана с идеями В.П. Мохова о региональных элитах, П. Томпсона и М.В. Соколовой об функциональных возможностях устной истории, концепцией А. Юрчака о позднем социализме, Р. Уортмана о сценариях власти.

Ключевые слова: «развитой социализм», региональная номенклатура, элита, центр, Брежнев, Горбачев, образ власти, сценарий власти, коммуникативные практики, обком КПСС.

Конструирование и реконструкция образов власти в истории – тема, широко изученная в современной историографии. Проблема коммуникативных практик и повседневности в СССР привлекает все большее внимание современных исследователей, отечественных и зарубежных: труды Н.Б. Лебиной, А. Юрчака отчетливо отражают данную тенденцию [7; 14].

Из последних работ стоит выделить монографию профессора Бременского университета С. Шаттенберг, выполненную в биографическом жанре и посвященную личности Л.И. Брежнева [13]. В этой книге интересны главы, отражающие управленческие практики Брежнева. В частности, С. Шаттенберг выделила ряд бюрократических процедур, практик и сценариев власти: доверие и попечительство как ключевой сценарий власти генерального секретаря, ритуалы для укрепления доверия (совместное редактирование, коллективное написание речей и др.), «заботливые перемещения» кадров, фамильярность как стиль неформальной коммуникации в политбюро, «приглаженные» иерархии и другие [13, с. 273, с. 284, с. 287, с. 292, с. 303, с. 306].

Следует сказать, что понятийный аппарат, заявленный в статье, опирается как на известную теорию американского историка Р.С. Уортмана о сценариях власти [12], так и менее известную дефиницию понятия коммуникативные практики В.В. Зотова и В.А. Лысенко [2].

В настоящей статье будет предпринята попытка в ракурсе устной истории [9; 10; 11] реконструиро-

вать механизмы и стратегии региональной элиты советской провинции, включая бюрократические процедуры и коммуникативные практики, образы и сценарии власти в функционировании местной элиты 1970–1980-х гг.

В качестве эмпирического материала выступили интервью, взятые участниками проекта молодых ученых по гранту РФФИ №18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти» у представителей региональной элиты 1960–1980-х гг.: М.В. Александровой, М.С. Кищенко, Ю.С. Никифоровым, Д.В. Тумаковым, В.В. Таточенко.

Обратимся к интервью Сергея Николаевича Овчинникова [6], который занимал пост заместителя председателя Ярославского облисполкома в 1975–1987 гг. Сергей Николаевич начал свою партийную карьеру в 1955 г., получив должность в райкоме г. Ярославля. Стоит упомянуть, что ранее респондент занимался комсомольской работой в рядах ВКЛСМ. Указанные факты биографии позволяют причислить С.Н. Овчинникова к «старой гвардии» партийцев, чья политическая карьера приходилось на периоды Хрущева и Брежнева. Тем более примечательным является исследование такого сценария власти, как продвижение консервативных идей в период перестройки.

Прежде чем рассмотреть оценку М.С. Горбачева, которую дал С.Н. Овчинников, стоит обратить внимание на следующий отрывок из интервью: «Л.И. Брежнев, конечно же, подза-

держали». Но, с другой стороны, на мой взгляд, он все держал на контроле. В своей кандидатской диссертации я искренне делал сноски, ссылки на его труды...» [6, с. 51]. Ключевым, по мнению С.Н. Овчинникова, было качество Л.И. Брежнева «*держат все под контролем*». Иными словами, в сознании интервьюируемого на фоне длительного нахождения у власти Л.И. Брежнева сформировался образ идеального лидера, ключевым качеством которого было «умение держать все под контролем».

Однако примечательны и другие слова респондента, отраженные в этом коротком фрагменте, – «конечно же, подзадержали». Важно не только то, что Овчинников считал необходимым смену руководителя, который пробыл на своем посту почти 20 лет. Обращает на себя внимание также тот факт, что Брежнева именно «подзадержали», то есть были факторы, которые не давали генеральному секретарю самостоятельно покинуть пост.

Далее обратимся к *оценке М.С. Горбачева* в интервью: «Тогда он (М.С. Горбачев в 1982 г. – М. В., Ю. Н.) произвел на меня сильное впечатление. Показалось, что он владеет обстановкой, знающий человек, не читает по бумажке, говорит от души...» [6, с. 51]. Несмотря на отсутствие прямой оценки деятельности М.С. Горбачева, стоит обратить внимание на следующие эмоционально окрашенные слова из интервью – «тогда» и «показалось». Приведенные слова иллюстрируют восторженное принятие Горбачева как руководителя, державшего все под контролем, в ранний период его политической деятельности. Затем прослеживается разочарование в итогах деятельности М.С. Горбачева на главном политическом посту страны.

Другого респондента, Валерия Васильевича Величко [4], также можно отнести к «старой гвардии» партийных работников. Валерий Васильевич занимал высокие посты в Ярославских райкомах, горкоме и обкоме КПСС с 1975 г. *Отношение к перестройке как образу власти* можно обнаружить в следующем отрывке интервью: «В эпоху перестройки он (об А.Н. Яковлеве – М. В., Ю. Н.) сменил всех редакторов крупных центральных газет и журналов. Вместе с Горбачевым они одновременно заменили 130 членов ЦК КПСС, а также многих первых секретарей обкома. На эти их места пришли люди, свободные от твердого мировоззрения, без опыта и бойцовских качеств» [4, с. 14]. В этом отрывке имплицитно наблюдается негативное отношение к эпохе перестройки, которое кроется не только в экономических или политических ее последствиях, но и в процессе обновления кадров.

В интервью бывшего первого секретаря Ярославского обкома КПСС Игоря Аркадьевича Толстоухова [5], занимавшего высокие политические посты в Ярославле с 1965 г., содержится объемная оценка эпохи перестройки. Как и другие респон-

денты, И.А. Толстоухов высоко оценивает начальный этап политической карьеры М.С. Горбачева: «Вообще, Горбачев первоначально производил впечатление молодого, общительного политического деятеля» [5, с. 58]. Можно сделать вывод о надеждах, возлагаемых на М.С. Горбачева, его деятельность на благо страны. Однако второй период перестройки респондент оценивает так: «Но с 1988–1989 г. я начал разочаровываться в нем, понимать, что идем не туда, что много болтовни, что прилавки пустеют». В данном отрывке кроется непринятие тех политических решений, которые шли вразрез с предыдущими, ставшими традиционными. Пустые прилавки магазинов, которые нельзя назвать редкостью в предыдущие периоды, особенно остро воспринимались Толстоуховым в перестройку. Свое отношение респондент заключает в следующем отрывке интервью: «Вообще, конец эпохи перестройки производил странное впечатление: все работали, все было, потом все стало исчезать» [5, с. 59]. Можно сделать вывод, что, несмотря на катастрофы, произошедшие в стране, именно управление М.С. Горбачева, по мнению респондента, привело к критической ситуации «все стало исчезать».

Затронутые выше образы партийцев требуют детального рассмотрения. *Самоидентификация, требования к самим себе и коллегам, коммуникативные практики между партийцами и простым народом* четко прослеживаются в интервью. Еще раз обратимся к отрывку из интервью В.В. Величко: «На эти их места пришли люди свободные от твердого мировоззрения, без опыта и бойцовских качеств» [4, с. 12]. Если новые кадры, занявшие высокие посты, характеризовались отсутствием твердого мировоззрения, следовательно, именно наличие этого качества отличало их от предшественников. В брежневский период, который В.В. Величко характеризует положительно, посты в правительстве страны занимали те, кто, по мнению респондента, обладал «твердым мировоззрением» и «бойцовскими качествами». Именно названные качества представитель регионального партаппарата выдвигает как требование к идеальному партийному работнику. Наличие этих качеств, с точки зрения респондентов, должно было помогать рядовым партийцам контролировать развитие страны.

Теперь обратимся к другому отрывку интервью с В.В. Величко, в котором подробно рассказывает о приеме в райком: «Интересными были *нормы приема в КПСС*: как правило, 3 рабочих на 1 инженерно-технического работника или интеллигента, поскольку КПСС позиционировала себя как партия рабочего класса...» [4, с. 8]. Примечательно как раз то, что сохранялся принцип состава КПСС как партии рабочих. Решающим фактором приема в партию были не столько личностные про-

фессиональные качества или образование, сколько социальное происхождение. В то же время нельзя делать вывод о некомпетентности кандидатов, который напрашивается из этого факта. Попросту не хватает информации о личных достоинствах кандидатов. Однако явно прослеживается *консерватизм, преемственность идеалов*, который рассматривался выше.

В.В. Величко, описывая своих коллег, указывает следующие *важные качества для успешной работы в партии*: «всегда старался помочь любому человеку в решении его насущных проблем, проконсультировать его; самое главное никогда «не вольнил» (не затягивал) с решением вопроса»; «отличали качества, которые, на мой взгляд, были очень важны для эффективного партийного работника, да и в целом руководителя: инициативность, современный подход к решению проблем, юридическая компетентность, внимательное отношение и уважение к каждому человеку. Все эти важные черты, кстати сказать, не всегда были, к сожалению, у каждого партийного работника». Работа же в партии для В.В. Величко воспринималась не как долг или бремя и не как способ достижения личных целей. Для партийца «старой гвардии» партийная работа – это, прежде всего, служба на благо страны: «Вообще, быть членом КПСС – было и ответственно, и почетно...» [4, с. 9]. Иными словами, представление респондента о себе и коллегах, их статусе в обществе можно обозначить понятием «элита» [8]. Этот статус, с точки зрения интервьюируемого, давался за ту ответственность, которую принимал партиец.

В интервью Евгения Александровича Ларькина [3], занимавшего пост секретаря комсомольской партийной организации районного узла связи в городе Кинешма (1970–80-е гг.), более отчетливо прослеживается *образ партийного работника*. Важен тот факт, что в интервью засвидетельствованы те воспоминания респондента, которые возникли еще до вступления в партию, а значит, и образ партийца возник еще раньше. Приведем фрагмент из его воспоминаний о процедуре вступления в партию: «...Сначала нужно было побыть "кандидатом", тебя проверяли – как себя ведешь, насколько морально устойчив и т. п. Меня пригласили на бюро в горком, рассмотрели мою кандидатуру. Там сидело человек 20 – крепких, прожженных партийцев, задавали вопросы – в принципе, все было без демагогии...» [3]. Назвав партийцев «закаленными», не задающими вопросов, без демагогии, Е.А. Ларькин придает образу партийных работников черты уверенности, холодного расчета. Длительная проверка пригодности кандидата дополняет образ человека, знающего свое дело. Напрашивается вывод, что партиец принимает в ряды только подобных себе. Следовательно, создается незримая грань между рядовым гражданином и партийцем.

В интервью Е.А. Ларькина прослеживается *деление на «мы» и «другие»*. Описывая замещение поста директора завода, Е.А. Ларькин акцентирует внимание на отсутствии у претендента членства в партии: «Он вообще прежде не занимал руководящих постов, это был человек со стороны...» В дополнение деление на работников партии и рядовых граждан подтверждается в следующем отрывке: «...но главное, у людей действительно был рычаг воздействия. И простой человек знал, куда он может пожаловаться. И если администрация игнорирует, по партийным каналам можно было решить вопрос...» [3]. К уже упомянутым чертам образа партийца добавляется его ответственность перед гражданами, выполнение функций слуги народа.

Е.А. Ларькин проиллюстрировал партийную *практику регулирования этических и моральных проступков* партийных рабочих: «Механизм был такой – подавалась жалоба на человека на местном уровне, то есть на уровне завода, организации. Я, например, вызываю его на собрание, обсуждаем. А если что-то серьезное, то человека уже вызывают на бюро, а там такого «строгача» ему дадут, что мало не покажется. Бывало, что за сердце держались, когда выходили. Не только слова так действовали, но и в целом статус самого места, как бы высшего городского органа, то есть это было сильно, это был позор...» [3]. Исходя из этих слов, можно сделать вывод, что партиец нес не только ответственность за рядовых граждан и благополучие их жизней, но и становился моральным эталоном, на которого должны были равняться. Более того, подчеркивается особый, почти *сакральный статус партийного бюро как регулятора морального и этического образа*.

По мнению Е.А. Ларькина, *мотивы вступления в партию* были отнюдь не корыстными, людьми двигали *энтузиазм и идейные соображения*: «Скажу честно, что привилегий особых не было, я занимался этим по идейным соображениям, мне было интересно, и цели были правильные...», «Я бы сказал, партийная работа – это была, прежде всего, возможность для самореализации, а не для выгоды» [3].

Об уровне жизни или дохода партийных работников свидетельствуют и другие интервью. В.В. Величко приводит следующие факты: «Действительно, на праздники было возможным купить некоторые дефицитные продукты, но наборы были минимальными. Например, 1 кг колбасы, пачка чая, банка консервов. Зарплата рядового работника обкома также мало отличалась от средней по региону... Представления о килограммах икры и деликатесах для партработников – не более чем миф...» [4, с. 16]. Тем самым подтверждаются слова другого респондента о том, что в партию шли не за материальными привилегиями.

Однако в воспоминаниях представителей партийной элиты встречаются сюжеты, отражающие *негативные девиантные практики партийных сотрудников*. С.Н. Овчинников упоминает следующее: «Да, конечно, были попытки отдельных хозяйственных руководителей использовать свое высокое служебное положение для получения каких-либо благ...» [6, с. 15]. Респондент акцентирует внимание на «отдельных руководителях», тем самым не придавая массового характера таким практикам. Препятствием для превышения полномочий являлось партийное руководство. С.Н. Овчинников приводит пример перераспределения зарплат: «Приведу только 2 примера. Директора крупнейших предприятий Ярославля – А.М. Добрынин (ЯМЗ) и В.П. Чесноков (ЯШЗ) получили повышенные зарплаты, превышающие установленную норму: излишек попросили вернуть в кассу завода. Директор ЯШЗ был также вынужден вернуть в заводской гараж автомашину ЗИС» [6, с. 15].

В.В. Величко, ответственно относившийся к своим обязанностям, приводит пример, выходящий за пределы его *профессиональной модели поведения, иным словом, девиации*: «Для сравнения, не называя фамилии, приведу противоположный пример подхода некоторых партийных работников к решению проблем. Так, один зам. председателя райисполкома при рассмотрении очередного дела конкретного гражданина предложил мне: «А давайте завольним этот вопрос, будем давать отписки...» Данной информации недостаточно для выявления, был ли это единичный случай или подобная практика имела массовый характер. Но респондент указал, что исключение из партии не были редким явлением и назвал наиболее частые причины исключения из КПСС: «Частой причиной исключения и увольнения было очковительство. Назову некоторые причины исключения из КПСС: 1) невыполнение партийных решений, 2) дискредитация звания члена партии, 3) плохая организация шефской помощи селу. Кстати, по причине необходимости оказания шефской помощи на предприятиях старались держать как можно больше людей!» [4, с. 10]

Рассмотрев сюжеты, посвященные образам и субъективным требованиям к партийным работникам, перейдем к отрывкам интервью, посвященным практикам решения рабочих проблем. Все названные респондентами проблемы можно разделить на две группы: ресурсные и управленческие.

Рассмотрим подробнее *ресурсные проблемы*. С.Н. Овчинников выделил проблему дефицита некоторых строительных материалов: «Потребовался бетон особой прочности (портленд-цемент) для моста через Которосль, который был дефицитным материалом. Выдавался он строго фундировано и был только у железнодорожников в одном из городов Подмосковья...»; «Наблюдался дефицит

строительных материалов, особенно труб, которых нужно было 2 км. Нужно было не только найти около 2,5 млн рублей, но и обеспечить их ресурсами...» [6, с. 49]. Можно сделать вывод, что для региональных руководящих органов распределение ресурсов из центра вызывало трудности для выполнения задач.

В интервью с В.В. Величко подтверждается вышеуказанное суждение: «Да, они (ресурсные проблемы. – М. В., Ю. Н.), действительно существовали. Все было лимитировано. Конечно же, не хватало строительных материалов, электрических мощностей, подвижного состава на железной дороге...». Находится подтверждение этому факту и в воспоминаниях И.А. Толстоухова: «Проблем было много... но мощностей строительных подразделений не хватало»; «Важной была проблема нехватки строительного материала» [5, с. 46].

Особо выделяется отрывок, иллюстрирующий *порочность советской системы централизованного управления экономикой*: «...наблюдался парадокс: в Москву уходили составы с гравием и песком (из Ростова Великого. – М. В., Ю. Н.), а Ярославская область была вынуждена завозить это сырье из других регионов» [5, с. 61]. Респондент, прямо не называя, критикует систему поставок.

И.А. Толстоухов также назвал другую *управленческую ошибку, вызванную игнорированием центром сельского вопроса*: «Полагаю, что существенной ошибкой, в том числе вызванной влиянием директив центра, было неверное размещение производительных сил области, дисбаланс в пользу города и промышленности». Респондент считает, что не проводимые своевременно работы по благоустройству села привели к высоким темпам оттока населения в город. В свою очередь, это привело к проблемам в сельском хозяйстве: «Много было проблем в отрасли сельского хозяйства: низкая урожайность, низкие показатели животноводства» [5, с. 62].

Также респондент выделил *логистическую проблему*, которая тормозила производственные показатели: «Одна из серьезнейших проблем заключалась в том, что на железной дороге не хватало подвижного состава для отгрузки готовой продукции... Подвижного состава катастрофически не хватало, особенно это касалось крытых вагонов и цистерн для продукции ЯШЗ, ЯМЗ, НПЗ». Толстоухов сам дает объяснение данной проблеме: «...логистические проблемы были следствием расхлябанности и безответственности, невыполнения норм простоя вагонов на предприятиях. Проблема для страны была настолько серьезной, что ее нередко выносили на селекторные центральные совещания на самом высоком уровне» [5, с. 60].

Выделив и обозначив проблемы, перейдем к тем практикам, которые использовались областным и городским руководствами для их решения.

Забегая вперед, хотелось бы выделить высказывание С.Н. Овчинникова «аппарат решает все», которое емко описывает модель решения задач и проблем [6, с. 50]. Прослеживается такой путь и механизм решения ресурсных проблем Ярославской области, как *систематические визиты в Москву, личное общение с чиновниками в Совмине СССР и РСФСР, Госплане СССР, ЦК КПСС, согласование интересов*. Установление делового контакта с чиновниками центрального аппарата Совмина СССР и РСФСР / Госплана СССР, а также выявление круга лиц, чьи визы нужно было получить для согласования проекта, – обязательные элементы успешного, ускоренного продвижения и представления проекта.

Вспоминая сюжеты решения финансовых и ресурсных проблем, респонденты употребляли эмоционально окрашенное слово «выбивали/добыли», которое характеризует восприятие собственной работы и ключевые качества успешного управленца. На межрегиональном уровне решающую роль играли личностные качества. Подтверждение этому мы найдем и в интервью с В.В. Величко: «Возможность решать ресурсные проблемы региона зависела от умения, искусства руководителя «выбивать лимиты...» [4, с. 10], и в интервью с С.Н. Овчинниковым: «Знающие и умеющие люди. Умение найти подход к каждому» [6, с. 51]. И.А. Толстоухов подчеркнул значимость таких кадров, которые могли на личных встречах добиться одобрения центра: «...снабженцы – уникальная категория людей, значительная часть их жизни проходила в поездах и самолетах...». Респондент также высоко оценивает *политический состав Ярославской политической элиты*: «Министерства давали добро на возведение новых объектов, потому что видели, что ярославцы умеют эффективно и с пользой осваивать деньги...» [5, с. 58].

Рассмотрим подробнее примеры лоббирования интересов, или, как называют респонденты, примеры «выбивания». С.Н. Овчинников как заместитель председателя Ярославского облисполкома часто прибегал к практикам «выбивания» финансов из центра: «Очень часто приходилось добиваться решения проблем Ярославской области через визиты в Москву, общение с чиновниками в Совмине СССР и РСФСР, Госплане СССР, ЦК КПСС. Например, последние 2,5 миллиона рублей, необходимых для проведения внеплощадочных сетей областной больницы, пришлось "выбивать с боем" в Москве» [6, с. 50].

Особняком стоит строительство Ярославского ТЮЗа в тот период, когда запрещали строительство учреждений культуры и искусства без согласования с Совмином СССР. С.Н. Овчинников указывает на несовершенство такой практики: «Парадокс заключался в том, что и на продолжение строительства, и на консервацию требовалась одна и та же

сумма – 2 миллиона рублей». Стройка, по словам респондента, потребовала «немало усилий». Для положительного результата ключевую роль сыграло влияние заведующего отделом Госплана СССР И.И. Цветкова, уроженца Углича, который подсказал список лиц, визы которых необходимо было собрать для одобрения строительства [6, с. 51].

Фактор личного влияния, как показывает практика, оказывался наиболее значимым для успешного лоббирования («выбивания»). И.А. Толстоухов поделился сюжетом, в котором влияние одного высокопоставленного человека оперативно «спасло» предприятие: «Очень примечательным в плане влияния личных контактов на решение вопроса был эпизод, связанный с пожаром 1974 г. на Ярославском шинном заводе. Для ликвидации его последствий директор шинного завода, Герой Социалистического Труда В.П. Чесноков подключил личные связи. Он позвонил председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину, с которым был знаком по работе в Ленинграде. Косыгин ответил Чеснокову: «К вечеру набросай, что нужно, и перезвони» [5, с. 60]. Результат не замедлил себя ждать. Уже на следующий день в Ярославль по железной дороге прибыл целый состав военных, техники, механизмов...» Напрашивается вывод, что *успехи Ярославской области в исследуемые годы во многом зависели от тесных отношений с центром*.

Эти механизмы наглядно иллюстрируются в воспоминаниях *подготовки к юбилеям города Ярославля*, к которым с особым трепетом относились представители политической элиты. Свяжем это с тем, что многие чувствовали ответственность перед гражданами и, как выявили выше, были движимы энтузиазмом.

С.Н. Овчинников с теплотой вспоминает 1960 г. – 950-летие Ярославля. Упомянутый ранее дефицитный подмосковный бетон был лично «выбит» респондентом для строительства моста через Которосль. Благодаря такой же практике респондент обеспечил город фейерверками, возможность запуска которых была только у Минобороны СССР: «...удалось добиться того, чтобы Минобороны выделило ракетницы для организации фейерверка. Салют, произведенный из ракетниц Минобороны 21 августа 1960 г., произвел сильное впечатление на горожан. Это был первый серьезный фейерверк в истории Ярославля...» [6, с. 63].

И.А. Толстоухов привел интересный факт, произошедший в рамках подготовки 975-летия Ярославля и отражающий успехи лоббирования ярославских политиков: «Особой мечтой было возведение крупного гражданского аэропорта, поскольку военный аэропорт Туношна Минобороны отказывалось давать под гражданскую авиацию... На карте страны нам показали, что есть более нуждающиеся регионы, но все-таки пошли навстречу и выделили определенные средства...» [5, с. 62].

Однако респонденты упомянули *тесные связи с соседями и союзными республиками*. Эти связи носили партнерский взаимовыгодный характер. И.А. Толстоухов приводит в качестве примера взаимосвязей между регионами сюжет снабжения картофелем после наводнения в 1987 г.: «При возникновении проблем и чрезвычайных ситуаций помогали тесные партнерские отношения с соседями: звонили непосредственно в другие регионы, с которыми были связаны наши заводы. Так, например, из-за наводнения в Ярославской области (1987 г.) картофель были вынуждены завозить из Костромы, а также Белоруссии...» [5, с. 62]. Отметим, что ключевым является факт, что просили о помощи те регионы, с которыми было связано производство местных заводов.

В.В. Величко объясняет дружбу с соседними регионами территориальной близостью и схожестью климатического происхождения: «Дружили мы с другими регионами по-настоящему. Активно делились опытом работы с руководителями Костромы, Вологды, Иванова, Владимира. Поскольку территория у нас относительно северная, то в неурожайные/дождливые годы на хозяйственном уровне сотрудничали с Украиной и Белоруссией: ездили за сеном, картофелем...» [4, с. 17]

Делая вывод, еще раз подчеркнем восприятие респондентами лоббирования как «выбивания», успех которого напрямую зависел от личных качеств политиков, тесных связей с центром и умения найти подход к каждому. Благодаря этим факторам областные предприятия становились победителями союзных и республиканских социалистических соревнований, промышленность области росла; область справлялась с трудностями и могла обеспечить себе дефицитный ресурс; Ярославль «получил» гражданский аэродром, ТЮЗ, областную больницу, увеличил число школ, детских садов и университетов.

Таким образом, в ходе интервьюирования и последующего анализа воспоминаний партийных работников 1960–80-х гг. удалось выявить ряд существенных характеристик их ментальности. Некоторые из этих позиций прослеживались в явном виде, другие читались между строк. Во-первых, анализ интервью показал, что в ходе ответов на вопросы респонденты стремились продвигать консервативные идеи, присущие советской идеологии поздней брежневской эпохи. В период «перестройки» интервьюируемые выражали внутреннее несогласие с политическими процессами в стране и партии. В особенности ярко негативным было их отношение к политике «омоложения кадров», которую проводил М.С. Горбачев. По мнению интервьюируемых, сам генеральный секретарь не оправдал тех надежд, которые на него возлагались.

Во-вторых, прослеживается гордость интервьюируемых представителей партийной номенклатуры

за свою принадлежность к КПСС и деятельность на ее ответственных постах. По признанию респондентов, работать в партии была почетно. Как было выяснено в ходе контент-анализа, именно концепт «ответственность» был определяющим в дискурсе партийных работников. Поэтому требования, которые они предъявляли к кандидатам и к самим себе, были очень высоки. Кроме того, обнаруживается разграничение между партийцами и рядовыми гражданами, для которых первые работали.

В-третьих, в интервью чувствуется акцент респондентов, читаемый между строк, на важность для партийного работника так называемых бойцовских качеств, которые позволяли региональным чиновникам из обкома КПСС «выбивать» дефицитные ресурсы и согласовывать строительство объектов долгостроя. С точки зрения респондентов, такой склад личности способствовал развитию региона и качественному росту уровня жизни его жителей.

Среди коммуникативных практик взаимодействия региональных элит и центра отметим такие как систематические визиты в Москву, личное общение с чиновниками в Совмине СССР и РСФСР, Госплане СССР, ЦК КПСС, согласование интересов. Установление делового контакта с чиновниками центрального аппарата в Москве и выявление круга лиц, чьи визы нужно было получить для согласования проекта – обязательные элементы успешной коммуникативной практики. Успешность практики лоббирования региональных интересов («выбивание лимитов») часто зависела от личных качеств представителя партийной элиты, тесных связей с центром и умения найти подход к каждому чиновнику.

Условно все коммуникативные практики региональной элиты, выявленные в ходе интервьюирования, можно разделить на 3 блока: концепты и бюрократические процедуры внутреннего функционирования партийного аппарата [1], механизмы и стратегии взаимодействия с центром, коммуникация с простыми советскими гражданами.

Образы и сценарии власти, выделенные в интервью, также можно классифицировать по нескольким основаниям: продвижение консервативной идеологии на полусознательном уровне, субъективное отношение к эпохам позднего СССР, самоидентификация партийного работника, образ государственного человека и другие.

Библиографический список

1. *Болдовский К.А.* «Теория элит» и границы ее применимости при анализе структуры власти «послевоенного сталинизма» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2015. – № 21. – С. 291–304.
2. *Зотов В.В., Лысенко В.А.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения

общества // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 53–55.

3. Интервью М.В. Александровой с Е.А. Ларькиным, 2018 г. [Электронный ресурс] // Отчет по гранту РФФИ № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти» за 2018 г. – URL: <https://kias.rfbr.ru/index.php> (дата обращения: 01.07.2019 г.).

4. Интервью Ю.С. Никифорова с В.В. Величко, 2018 г. // Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. – Ярославль, 2018. – С. 8–19.

5. Интервью Ю.С. Никифорова с И.А. Толстоуховым, 2018 г. // Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. – Ярославль, 2018. – С. 55–64.

6. Интервью Ю.С. Никифорова с С.Н. Овчинниковым, 2018 г. // Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. – Ярославль, 2018. – С. 48–54.

7. Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М., 2019. – 584 с.

8. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). – Пермь, 1998. – 258 с.

9. Никифоров Ю.С. Синтез классических и междисциплинарных методов в исследовании региональной проблематики новейшей отечественной истории (1950–1980-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 79–85.

10. Соколова М.В. Теоретические и педагогические основания устной истории. – Ярославль, 2011. – 163 с.

11. Томпсон П. Голос прошлого. – М., 2003. – 368 с.

12. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. – М., 2004. – 701 с.

13. Шаттенберг С. Леонид Брежнев (1906–1982): величие и трагедия человека и страны. – М., 2018. – 623 с.

14. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014. – 664 с.

«poslevoennogo stalinizma» // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2015. – № 21. – С. 291–304.

2. Zotov V.V., Lysenko V.A. Kommunikativnye praktiki kak teoreticheskij konstrukt izucheniya obshchestva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2010. – № 3. – С. 53–55.

3. Interv'yu M.V. Aleksandrovoj s E.A. Lar'kinym, 2018 g. [Elektronnyj resurs] // Otchet po grantu RFFI № 18-39-00068 «Sovetskie regional'nye elity i ih vzaimodejstvie s centrom v 1950–1980-e gg.: v arhivnyh dokumentah i istoricheskoy pamyati» za 2018 g. – URL: <https://kias.rfbr.ru/index.php> (data obrashcheniya: 01.07.2019 g.).

4. Interv'yu YU.S. Nikiforova s V.V. Velichko, 2018 g. // Nikiforov YU.S. Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati. – YAroslavl', 2018. – С. 8–19.

5. Interv'yu YU.S. Nikiforova s I.A. Tolstouhovym, 2018 g. // Nikiforov YU.S. Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati. – YAroslavl', 2018. – С. 55–64.

6. Interv'yu YU.S. Nikiforova s S.N. Ovchinnikovym, 2018 g. // Nikiforov YU.S. Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati. – YAroslavl', 2018. – С. 48–54.

7. Leбина N.B. Passazhiry kolbasnogo poezda: Etyudy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917–1991. – М., 2019. – 584 с.

8. Mohov V.P. Evolyuciya regional'noj politicheskoy elity Rossii (1950–1990). – Perm', 1998. – 258 s.

9. Nikiforov YU.S. Sintez klassicheskikh i mezhdisciplinarnykh metodov v issledovanii regional'noj problematiki novejshej otechestvennoj istorii (1950–1980-e gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 2. – С. 79–85.

10. Sokolova M.V. Teoreticheskie i pedagogicheskie osnovaniya ustnoj istorii. – YAroslavl', 2011. – 163 s.

11. Tompson P. Golos proshlogo. – М., 2003. – 368 s.

12. Uortman R.S. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii. – М., 2004. – 701 s.

13. Shattenberg S. Leonid Brezhnev (1906–1982): velichie i tragediya cheloveka i strany. – М., 2018. – 623 s.

14. YUrchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. – М., 2014. – 664 s.

References

1. Boldovskij K.A. «Teoriya elit» i granicy ee primenimosti pri analize struktury vlasti

Сазонов Дмитрий Иванович

кандидат богословия
Императорское Православное Палестинское Общество (Костромское отделение), г. Кострома
sazonow63.12@gmail.com

Федотов Алексей Александрович

доктор исторических наук
«Институт управления» (Ивановский филиал), г. Иваново
aalfedotov@yandex.ru

ПЕРЕМЕНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРИХОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье раскрываются перемены, происходившие в приходском управлении Русской православной церкви после революционных событий 1917 г. Показано, как в течение последних ста лет в рамках изменений государственной религиозной политики менялись возможности для духовенства участвовать в управлении приходами. Анализируются государственные законодательные акты, регулировавшие религиозную сферу и документы, принятые Поместными и Архиерейскими соборами. Дается оценка попыток использования опыта конгрегационализма в организации управления православной церковью в России, в том числе на современном историческом этапе.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Поместный собор, приход, религия, РСФСР, СССР, Российская Федерация.

Организация приходского управления в Русской православной церкви на протяжении XX столетия претерпевала кардинальные изменения, тесно связанные с переменами, происходившими в государственной жизни. Это актуальная, на сегодняшний день еще не до конца изученная тема требует своего осмысления в общем контексте исторических процессов, происходивших после февраля 1917 г.

Отречение императора Николая Второго было поддержано Святейшим синодом, выразившим свою солидарность и с созданием Временного правительства. Этот орган обладал незначительным уровнем легитимности (был создан Временным комитетом Государственной думы с согласия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов). Не имея возможностей и авторитета для удержания власти в стране на длительное время, Временное правительство в некоторых вопросах проявляло большую жесткость, чем императорская власть.

Касалось это и положения Российской православной церкви. Она лишалась тех прав и привилегий, которыми обладала в недавнем прошлом, однако не получала прав и свобод, в том числе и в чисто внутренних вопросах, в частности кадровых. Из ее ведения были изъяты церковно-приходские школы. Сохранялся пост обер-прокурора Святейшего синода, который после отречения императора лишился какого бы то ни было сакрального смысла и являлся лишь свидетельством зависимости Церкви от государства.

В этой ситуации безвременья Российская православная церковь в 1917–1918 гг. провела Поместный собор. Патриархом Московским и всея России на нем был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин).

Октябрьская революция 1917 г. вывела на новый уровень государственную антицерковную по-

литику в России, тем более что Церковь воспринималась большевиками как один из имперских пережитков.

Когда умер патриарх Тихон, власти не разрешили выборов нового патриарха. Иерархическая структура с внешней стороны была разгромлена. В условиях, когда сознательное поприще церковных канонов было одним из составных элементов государственной религиозной политики, споры о канонической преемственности и легитимности являлись исключительно важной частью деятельности православных иерархов, лишенных всяких внешних возможностей церковного управления, писавших свои указы от руки на клочках бумаги. В результате этих споров, жестких решений по их итогам Митрополит Сергий (Страгородский) сумел получить реальные возможности для минимального централизованного управления православной церковью в России. В своей декларации от 27.09.1927 он определил отношение к государству; декларация стала причиной многих внутрицерковных разделений, но и одновременно заложила фундамент для признания Церкви Советским государством [16, с. 44–45].

Наступившие с приходом к власти большевиков изменения в государственно-церковных отношениях коснулись в первую очередь системы управления Церкви. Перемены, произошедшие в этой связи в организации приходского управления в Русской православной церкви в Советской и постсоветской России, были связаны с полномочиями духовенства в управлении административно-хозяйственной деятельностью прихода, а также с наличием традиционной вертикали высших органов управления Церкви (Патриарх и Синод) – епархия – приход.

Большевиков привлекала система устройства церковной организации, которая в западной протестан-

стантской традиции именовалась конгрегационалистской. Необходимо отметить, что идеи конгрегационализма нашли свое отражение и во взглядах на государственное устройство; так, профессор Винсент Остром отмечал их влияние на Декларацию независимости США [8, с. 72]. Тем большее влияние эти идеи оказали на развитие протестантизма как в Европе, так и в США [8].

Эти идеи оказали большое влияние и на представителей Российского православия, начиная с периода после революционных событий 1917 г. по настоящее время [6, с. 128]. «Клерикализм, – писал священник Георгий Кочетков, – это не просто способ управления, это такая вера, что только иерархия может что-то изменить к лучшему и не следует давать свободу кому бы то еще, ибо это опасно» [4, с. 69].

Религиозная сфера не стала исключением в общих событиях, начавшихся в России после февраля 1917 г. Уже в марте – апреле 1917 г. в ходе чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян произошло смещение с кафедр более чем десяти архиереев. Власть епископов была ограничена избранными епархиальными советами, в которые входили как священнослужители, так и миряне. Происходила демократизация приходской жизни [17, с. 68–69].

Большие перемены претерпевала организация приходской жизни. В XIX в. вопросы создания и ликвидации приходов относились к полномочиям Святейшего синода, установление границ между ними решалось епархиальным архиереем. В рамках подготовки к Поместному собору 1917–1918 гг. разрабатывалось новое положение о приходе [5].

На Соборе 1917–1918 гг. приход был определен как «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника – настоятеля» [14, с. 13]. В основе приходской жизни признавался принцип служения. «Под руководством преемственно Богопоставленных пастырей все прихожане, составляя единую духовную семью во Христе, принимают живое участие во всей жизни прихода, кто как может своими силами и дарованиями», – гласил приходской устав, принятый на Соборе [2].

В этом уставе сочетались принцип иерархичности церковного управления и приходского самоуправления, предусматривалась возможность появления союзов приходов [3, с. 639].

Поместный собор 1917–1918 гг. принял определения, изменявшие и епархиальную жизнь. В том числе: появление епархиальных собраний, в которые входили бы как священнослужители, так и миряне; епархиальных советов и епархиальных судов

как постоянных исполнительных органов епархиальных собраний. При сохранении иерархической вертикали и канонических полномочий епископата эти положения открывали возможности для священников, диаконов и мирян принимать активное участие в вопросах церковного управления [13, с. 22].

В связи с последовавшими историческими событиями большинство соборных решений на многие годы оказались нереализуемыми на практике. Советское государство не собиралось считаться с внутренними установлениями религиозных объединений, при этом деятельность их могла быть признана терпимой в очень узких рамках.

Первый советский закон о религии – Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. в числе прочего национализировал все церковное имущество. Та его часть, которая имела культовое значение (храмы, церковная утварь, иконы) могла передаваться «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [7, с. 97–98].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г. еще более ужесточило положение православной церкви; закрепило то, что юридические правоотношения государство в лице центральных и местных органов выстраивает не с какой-либо иерархической структурой, а с местной религиозной организацией, состоящей из 20 человек, которым передано в пользование культовое здание. Об этом и ранее издавались соответствующие государственные нормативно-правовые акты, в частности постановление народного комиссариата юстиции и внутренних дел от 19 июня 1923 г. [16, с. 49]. При этом священнослужители, как лишенные избирательных прав, не могли быть учредителями религиозных объединений [7, с. 106].

Конституция СССР 1936 г. предоставила равные права всем гражданам; однако дискриминационное по отношению к священнослужителям постановление 1929 г. не только не было отменено, но продолжало оставаться фактически главным законом о религии не только РСФСР, но и всего Советского Союза вплоть до 1990 г. [10, с. 168].

Иерархичность церковного устройства полностью отрицалась теми, кто формировал религиозную политику молодого Советского государства; с практической точки зрения они, вероятно, считали, что разрозненные религиозные объединения, лишенные прав собственности и юридического лица, не смогут быть серьезными конкурентами государственной атеистической идеологии. Церковная иерархия как на центральном, так и на епархиальном уровне в этих условиях оказалась фактически лишеной как прямой власти над приходами (вмешательство в их дела являлось нарушением государственного законодательства), так и возмож-

ности финансирования своей деятельности за счет собираемых с них взносов.

Специфика правового положения Русской православной церкви в Советском Союзе – это неопределенность, правовые коллизии между существующим законодательством и правоприменительной практикой. Особенно ярко это проявилось в 1943 г. после создания Совета по делам Русской православной церкви. Не признающее на уровне закона о религии централизованных религиозных организаций государство имело центральный правительственный орган по взаимодействию с одной из таких организаций. Правовая неопределенность открывала поле для разнообразия правоприменительной практики в сфере государственно-конфессиональных отношений, исходя из местной специфики, связанной, в частности, и с личностными факторами тех, кто принимал решения.

Перемены в государственно-церковных отношениях в СССР произошли в годы Великой Отечественной войны. Этому способствовала ярко выраженная патриотическая деятельность Русской православной церкви (митрополит Сергей выступил с обращением к верующим в первый же день войны). Сбор средств, моральная поддержка, активное участие в боевых действиях – формы участия православных верующих в защите Отечества были многообразны [16, с. 52].

Желавшая использовать все резервы для победы высшая государственная власть сделала ряд ответных шагов, легализовавших положение Русской православной церкви в Советском Союзе. Начали открываться храмы, ряд священнослужителей, включая епископов, был освобожден из мест лишения свободы, свернута антирелигиозная деятельность. Призванные на войну священнослужители демобилизовывались для возвращения к церковной службе.

4 сентября 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с руководством Русской православной церкви, в ходе которой им было дано согласие на созыв Архиерейского собора и проведение выборов Патриарха; объявлено о создании правительственного органа, отвечающего за государственно-церковное взаимодействие, – Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Архиерейский собор состоялся уже 8 сентября, Патриархом был избран митрополит Сергей [16, с. 53].

А в 1945 г., после смерти Патриарха Сергия, был созван Поместный собор, на котором Патриархом избрали митрополита Алексия (Симанского). На этом Соборе было принято «Положение об управлении Русской православной церковью». Данный документ провозглашал иерархичность церковного устройства, даже на уровне приходов закреплял центральное положение настоятеля, в том числе и в административно-хозяйственных делах. Несмотря на противоречие постановлению 1929 г., по-

ложение получило государственную регистрацию и применялось на практике вплоть до 1961 г.

В 1958 г. Н.С. Хрущевым был инициирован новый виток антицерковных репрессий. Это касалось как сокращения числа храмов (особенно сильно на тех территориях, где их количество было большим, чем в других регионах); инвентаризации всего церковного имущества с целью усиления государственного контроля за ним (де-юре оно продолжало оставаться государственным); закрытие храмов и принятие мер по сокращению числа духовенства (в том числе с использованием ренегатов).

В числе прочего ставилась задача привести «Положение» 1945 г. в соответствие с «Постановлением» 1929 г. Юридическая специфика заключалась в том, что конституционная база была принципиально иной. Выход был найден в том, что решение об изменениях должна принять сама Русская православная церковь, что и было сделано постановлениями Священного синода, Архиерейского собора, а затем и приходского собрания каждого из приходов. Духовенство было отстранено от административно-хозяйственной деятельности приходов; возможности епархиальных архиереев вмешаться в приходскую жизнь резко сузились [9, с. 65–66].

Духовенство, пытавшееся как-то противостоять антицерковным репрессиям, могло быть подвергнуто и уголовному преследованию, официальной причиной которого объявлялись экономические преступления. Был осужден архиепископ Иов (Кресович); на активного подмосковного благочинного прот. Богдана Стефанко было заведено уголовное дело по обвинению в незаконном приобретении строительных материалов для постройки храма [15, с. 503]. В каждой епархии Русской церкви имели резонанс уголовные дела, заведенные в отношении священнослужителей [11, с. 73].

Управляющие епархиями часто сменялись; одной из причин этого было нежелание их сближения с верующим народом.

Появление такой дисциплины, как «научный атеизм», включенной в качестве обязательного предмета в программы высшей школы и идеологической переподготовки, было призвано идеологически обосновать антирелигиозную политику государства.

В 1964 г., после отставки Н.С. Хрущева, прямые антицерковные репрессии завершились, но госатеизм по-прежнему оказывал большое влияние на внутрицерковные процессы вплоть до 1988 и даже 1990 г. Одним из способов надзора были комиссии по содействию контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при райисполкомах. Количество их членов было большим, чем количество священнослужителей. Изнутри давление на приходы осуществлялось через членов исполнительных органов.

Еще одной формой государственной антирелигиозной политики была организация и поддержка ренегатства в Церкви. Инициированная с помощью специальных методов воздействия организация массового отречения священнослужителей от Бога не встретила народной поддержки и в дальнейшем была сочтена государством нецелесообразной формой атеистической пропаганды [12, с. 114–119].

Возвращение духовенства к управлению приходами состоялось на Поместном соборе 1988 г., принявшем новый устав Русской православной церкви, в котором максимально использовались все возможности, которые давали происходившие в Советском Союзе демократические преобразования.

Российский закон «О свободе вероисповеданий» 1990 г., в отличие от принятого в этом же году союзного закона, сохранял преемственность с постановлением 1929 г., продолжая основным субъектом в государственно-конфессиональных отношениях рассматривать группу учредителей местной религиозной организации. После распада Советского Союза это стал единственный закон, регулирующий религиозную сферу.

Впрочем, в 1990-е гг. и в центре, и на местах по факту признавали централизованные религиозные организации, выстраивая отношения именно с их руководством. При этом децентрализация власти приводила к тому, что очень многие вопросы решались на местах, исходя их субъективных предпочтений местных руководителей.

Только в 1997 г., приняв закон «О свободе вести и религиозных объединениях», государство наконец законодательно признало иерархичность Церкви. Автономность православного прихода, хотя и имеющего юридическое лицо, была законодательно ограничена его нахождением в общей структуре централизованной религиозной организации – епархии.

Архиепископ Смоленский Кирилл (с 2009 г. – Святейший Патриарх) в своем докладе «Церковь в отношении к обществу в условиях перестройки» указывал на незыблемую веру в возрождение церковной полнокровной приходской жизни в современной России [1, с. 37].

В начале 2000-х гг. в рамках развития процессов демократизации, повышения роли гражданского общества у многих возникали соблазны вновь вернуть административное устройство Русской православной церкви в «лоно конгрегационализма», то есть самоуправляемости приходов, подобно тому, как это было в 1929–1990 гг. Здесь уместно процитировать В. Острома о доктрине конгрегационализма: «Она резко противоречит доктрине апостольской преемственности» [8, с. 24–25]. Соответственно, ее приверженцы являются всего лишь новым направлением протестантизма, не обновленчеством, возникшим на православной почве. Их появление не удивительно, учитывая то

влияние, которое оказывает сегодня на массы западная культура; однако история наглядно показывает, к каким последствиям приводит реализация их теорий на практике.

Анализ перемен в организации приходского управления в Русской православной церкви в Советской и постсоветской России показывает, какое воздействие на них оказывалось государственной религиозной политикой. Происходившие перемены были связаны с вопросом возможности/невозможности для священнослужителей принимать реальное участие в управлении административно-хозяйственной жизнью приходов, а также с тем, насколько реальное влияние на приходскую жизнь могло оказываться церковной иерархией. Данный вопрос был самым тесным образом связан с многими мировоззренческими, религиозными и социальными проблемами. Он остается и в настоящее время достаточно острым в связи с теми процессами, о которых было написано выше.

Библиографический список

1. Архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл. Церковь в отношении к обществу в условиях перестройки // Журнал Московской Патриархии. – 1990. – № 2. – С. 32–38.
2. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: в 10 т. Т. 1. Документы. Материалы. Деяния I–XVI. – Репр. воспр. изд. 1918 г. – М.: Новоспасский монастырь, 1994. – 188 с.
3. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустройстве прихода / отв. ред. А.Л. Беглов. – М.: Изд-во Ново-Спасского монастыря, 2017. – 904 с.
4. Кочетков Г., свящ. Наше время не бездарно для Церкви. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2019. – 87 с.
5. Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. – Режим доступа: <http://predanie.ru/mitrofanov-georgiy-protierye/book/79408-istoriya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-1900-1927> (дата обращения: 21.10.2016).
6. Михайлов А., диак. Церковь и модернизм. Сети «обновленного православия». – М.: Русский Вестник, 1995. – С. 102–154.
7. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М.: Изд-во пол. лит., 1977. – 144 с.
8. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М., 1993. – 320 с.
9. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (десять лет из жизни Патриарха Алексия, 1955–1964 гг.) / публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 25–83.

10. Полозова К.А. Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929–1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья). – Иваново, 2014. – 253 с.

11. Сазонов Д., прот. Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств? К теме ренегатства 1960-х годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: науч.-метод. журнал. – 2016. – Т. 25. – № 2 (апрель – июнь). – С. 71–78.

12. Сазонов Д., прот. Ренегатство в церкви: подрыв устоев или очищение? (к вопросу церковно-государственных отношений в конце 50-х – начале 60-х годов XX века) // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2014. – № 3 (май – июнь). – С. 114–119.

13. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Репр. воспр. изд. 1918 г. – М., 1994. – Вып. 2. – 186 с.

14. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Репр. воспр. изд. 1918 г. – М., 1994. – Вып. 3. – 186 с.

15. Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). – М.: Издание Общества любителей церковной истории, 2012. – 648 с.

16. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. – Иваново, 2009. – 402 с.

17. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. – 340 с.

References

1. Arhiepiskop Smolenskij i Kaliningradskij Kirill. Cerkov' v otnoshenii k obshchestvu v usloviyah perestrojki // ZHurnal Moskovskoj Patriarii. – 1990. – № 2. – С. 32–38.

2. Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg.: v 10 t. T. 1. Dokumenty. Materialy. Deyaniya I–XVI. – Repr. vospr. izd. 1918 g. – М.: Novospasskij monastyr', 1994. – 188 s.

3. Dokumenty Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 godov. T. 14. Protokoly zasedanij i materialy Otdela o blagoustroenii prihoda / otv. red. A.L. Beglov. – М.: Izd-vo Novo-Spasskogo monastyrya, 2017. – 904 s.

4. Kochetkov G., svyashch. Nashe vremya ne bezdarno dlya Cerkvi. – М.: Svyato-Filaretovskij pravoslavno-hristianskij institut, 2019. – 87 s.

5. Mitrofanov G., prot. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1900–1927 gg. – Rezhim dostupa: <http://predanie.ru/mitrofanov-georgiy-protierye/book/79408-istoriya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-1900-1927> (data obrashcheniya: 21.10.2016).

6. Mihajlov A., diak. Cerkov' i modernizm. Seti «obnovlennogo pravoslaviya». – М.: Russkij Vestnik, 1995. – С. 102–154.

7. O religii i cerkvi. Sbornik vyskazyvanij klassikov marksizma-leninizma, dokumentov KPSS i Sovetskogo gosudarstva. – М.: Izd-vo polit. lit., 1977. – 144 s.

8. Ostrom V. Smysl amerikanskogo federalizma. CHto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo. – М., 1993. – 320 s.

9. Pis'ma i dialogi vremen «hrushchevskoj ottepeli» (desyat' let iz zhizni Patriarha Aleksiya, 1955–1964 gg.) / publ. M.I. Odincova // Otechestvennye arhivy. – 1994. – № 5. – С. 25–83.

10. Полозова К.А. Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929–1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья). – Иваново, 2014. – 253 с.

11. Sazonov D., prot. Otrechenie ot very. Mirovozzrencheskaya ubezhdenost' ili summa obstoyatel'stv? K teme renegatstva 1960-h godov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova: nauch.-metod. zhurnal. – 2016. – Т. 25. – № 2 (апрель – июнь). – С. 71–78.

12. Sazonov D., prot. Renegatstvo v cerkvi: podryv ustoev ili ochishchenie? (k voprosu cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v konce 50-h – nachale 60-h godov XX veka) // Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie. – 2014. – № 3 (май – июнь). – С. 114–119.

13. Sobranie opredelenij i postanovlenij Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. – Repr. vospr. izd. 1918 g. – М., 1994. – Вып. 2. – 186 с.

14. Sobranie opredelenij i postanovlenij Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. – Repr. vospr. izd. 1918 g. – М., 1994. – Вып. 3. – 186 с.

15. Surkov S.A. Mitropolit Nikolaj (Yarushevich). – М.: Издание Общества любителей церковной истории, 2012. – 648 с.

16. Fedotov A.A. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v 1943–2000 gg.: vnutricerkovnaya zhizn', vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom. – Иваново, 2009. – 402 с.

17. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushcheve. – М., 1999. – 340 с.

**ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

В статье исследованы вопросы взаимодействия Русской православной церкви (РПЦ) и пенитенциарной системы России. Автор обращается к проблематике социальной роли РПЦ в пенитенциарных учреждениях. Целью статьи является анализ эффективности церковного социального служения в пенитенциарных учреждениях современной России. Основой методологии исследования является анализ статистической информации ФСИН и социальных проектов РПЦ об эффективности церковного пенитенциарного служения. Сделан вывод о том, что деятельность РПЦ в уголовно-исполнительной системе имеет значительные положительные результаты, которые связаны, прежде всего, с проблемой улучшения характера взаимоотношений в среде специфического контингента пенитенциарных учреждений, а также с ресоциализацией бывших заключенных и профилактикой совершения правонарушений, что является важным элементом борьбы с общим уровнем преступности в стране.

Ключевые слова: Русская православная церковь, пенитенциарное служение, церковь и общество, уголовно-исполнительная система.

Трансформации общественно-политической и экономической систем России в 1990-е гг. способствовали не только существенным преобразованиям политического и экономического устройства страны, но и оказали колоссальное влияние на сферу церковно-государственных отношений. В современной России Русская православная церковь (далее – РПЦ) играет существенную роль во всех сферах общественной жизни. В этой связи рассмотрение взаимоотношений РПЦ с различными органами государственной власти видится весьма *актуальным* и значимым.

Усиление влияния РПЦ обозначило перед руководством правоохранительных органов комплекс сложных и противоречивых задач по взаимодействию с Церковью, с которой они ранее практически не встречались ни в правовом, ни в управленческом аспектах. При этом следует учитывать, что взаимодействие с РПЦ строилось не как с сугубо религиозной структурой, а, скорее, как с социальным институтом, выполняющим в обществе определенные функции, и как с организацией, имеющей статус юридического лица. В данной статье *проблематика* взаимоотношений правоохранительных органов с РПЦ рассмотрена на примере социальной роли Церкви в пенитенциарных учреждениях. *Целью* статьи является анализ эффективности церковного социального служения в пенитенциарных учреждениях современной России.

В 1990-е гг. начала складываться традиция взаимодействия правоохранительных органов с РПЦ. Первым в новейшей истории официальным актом, закрепившим сотрудничество Церкви и силовых ведомств, стало Совместное заявление, подписанное 2 марта 1994 г. патриархом Алексием II и министром обороны РФ П.С. Грачевым [12]. Вскоре этому вектору развития последовали другие ведомства. Был заключен ряд соглашений между Министерством внутренних дел РФ и РПЦ: Совместное

заявление от 6 сентября 1994 г. [13, с. 4–6] и Соглашение о сотрудничестве от 30 августа 1996 г. [16, с. 53–55]. Уже в конце 1990-х гг. было подписано отдельное соглашение между Министерством юстиции РФ и РПЦ – Соглашение о сотрудничестве от 21 декабря 1999 г. [14]

Структурным подразделением РПЦ, отвечающим за реализацию соглашений, стал Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, при котором в 1995 г. был создан особый Сектор тюремного служения. Дальнейшее развитие взаимоотношений РПЦ и правоохранительных органов привело к учреждению в 2010 г. нового синодального отдела – по тюремному служению, к которому перешли все функции Сектора. МВД и Минюст, в свою очередь, возложили реализацию соглашений на Главное управление исполнения наказаний России (ГУИН, ныне ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний). Это заложило основу для развития правовой базы социального служения РПЦ как среди личного состава правоохранительных учреждений, так и среди заключенных, а также положило начало институциональному оформлению тюремного служения Церкви.

Соглашения с МВД и Минюстом позволили РПЦ начать осуществление духовно-просветительского служения в специфической среде осужденных, а также среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. В епархиях РПЦ вскоре последовали примеру Патриархии: начали заключаться соглашения о сотрудничестве между региональными управлениями ГУИН (ФСИН) и епархиальными архиереями. На основе этих соглашений непосредственно и началось осуществление социального служения РПЦ в пенитенциарных учреждениях: «строились храмы и проводились богослужения, организовывались воскресные школы и распространялась религиозная литература, про-

водились гуманитарные и праздничные мероприятия» [11, с. 192].

В соответствии с Конституцией, Россия является светским государством и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Тем не менее и у государства, и у РПЦ есть общее понимание того, что земное благополучие недостижимо без соблюдения нравственных норм. Именно на этом общем понимании и строится взаимодействие Церкви и государства, в том числе и взаимодействие с правоохранительными органами. Священнослужители систематически проводят встречи с личным составом и членами их семей, направленные на духовно-нравственное воспитание. Особое внимание уделяется разъяснению различных вопросов межконфессиональных и национальных отношений в целях профилактики экстремистских проявления и противодействия терроризму. За проявленные при этом инициативу и творческий подход некоторые священнослужители получают государственные награды – к примеру, митр. Читинский Димитрий был награжден медалью «За вклад в укрепление правопорядка» [3].

22 февраля 2011 г. было подписано отдельное соглашение между ФСИН и РПЦ [15]. К основным направлениям взаимодействия сторон было отнесено: удовлетворение духовных потребностей сотрудников, членов их семей, осужденных и заключенных под стражу, а также восстановление социально полезных связей осужденных, что должно было способствовать снижению уровня преступности в стране.

Приведенные нормативно-правовые акты дают представление о деятельности священнослужителя в местах лишения свободы. Священнослужитель РПЦ обязан вести как индивидуальную, так и массовую работу с осужденными по следующим направлениям: религиозное обучение и духовно-нравственное воспитание, распространение религиозных убеждений и удовлетворение потребности в религиозном культе, защита прав осужденных и осуществление благотворительной деятельности в тюрьмах [18, с. 44–55; 17, с. 453–460].

В пенитенциарных учреждениях на регулярной основе проводятся дни открытых дверей. Традиционно на такие мероприятия приглашаются и православные священнослужители [7, с. 94–98]. Это приводит к приобщению к духовно-нравственным ценностям не только осужденных, но и членов их семей.

В реализации РПЦ своих обязанностей в пенитенциарных учреждениях существуют определенные успехи. Как правило, руководством пенитенциарных учреждений разного уровня высоко оценивается появление священнослужителей РПЦ в следственных изоляторах, тюрьмах и колониях. С помощью представителей религиозного культа руководство надеется решить проблему ресоци-

лизации заключенных, а также положительно повлиять на межличностные отношения в специфическом контингенте мест лишения свободы. В этой связи можно отметить, что в понимании большинства представителей руководства пенитенциарных учреждений священнослужитель является «политработником нового типа» [8, с. 301–302].

Аналитическая справка НИИ ФСИН [2] дает информацию о количестве верующих среди заключенных. В начале 1990-х гг. верующим среди осужденных был лишь каждый десятый. В конце 1990-х гг. ситуация серьезно изменилась: в 1999 г. результаты переписи осужденных показали, что 30,5 % от общего числа считали себя православными (т. е. каждый третий). В 2005 г. показатели возросли вдвое и составили 62,4 %. На первый взгляд произошедшие изменения можно охарактеризовать как значительные. Однако, по данным американского исследовательского центра Pew, количество православных в России с 1991 г. выросло с 37 до 71 % [1]. Таким образом, если принимать данные обеих статистик, то процент верующих в тюрьмах даже несколько ниже, чем по стране вообще. Также нужно учитывать то, что называть себя православным в социологическом опросе – не есть то же самое, что являться действительно православным. Из этого следует сделать вывод об условности статистических данных в вопросе о вероисповедании.

Опрошенные исследователями НИИ ФСИН сотрудники пенитенциарных учреждений отмечали общее положительное воздействие религии на личностные характеристики заключенных. Последнее весьма точно иллюстрируется статистикой: «обретают душевный покой» 29,5 % осужденных, у 31,2 % происходит переоценка ценностей, 26,3 % «открывают для себя смысл жизни». Опрошенные сотрудники пенитенциарных учреждений, кроме того, отмечали позитивный характер воцерковления осужденных – воцерковленные осужденные менее конфликтны, причем зачастую имеют дружеские отношения с представителями других конфессий и атеистами [2].

Стоит сказать, что зачастую воцерковленные осужденные после выхода на свободу продолжают вести вполне религиозную жизнь. К примеру, в ИК-8 УФСИН России по Воронежской области с 1992 г. существует православная община Свято-Никольского прихода Централизованной Православной религиозной организации Воронежской и Борисоглебской епархии РПЦ. За почти 30-летнюю историю этой общины из 8 старост в места заключения не вернулся ни один. Большинство продолжили служить в православных храмах на свободе в качестве церковнослужителей (информация предоставлена в Отделе по тюремному служению Воронежской епархии РПЦ). По этому конкретному примеру видна явная положительная роль воцерковления на исправление осужденных.

К сожалению, составить более подробную статистику о жизни воцерковленных заключенных после освобождения на данный момент невозможно, автору на запрос больше не ответила ни одна православная община. Очевидно, сработал принцип РПЦ как достаточно закрытой, консервативной и статичной организации: нет благословения правящего архиерея – нет и информации о деятельности общин и других структурных подразделений. Рекомендательное письмо от Пятницкого подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры не заменило автору благословения правящего архиерея той или иной епархии.

Число действующих православных объектов религиозного и просветительского характера в местах лишения свободы достаточно велико. В докладе патриарха Кирилла, озвученном в 2010 г., отражены следующие цифры: в местах лишения свободы существует 471 храм, 466 молитвенных комнат, 789 православных общин, 265 воскресных школ [6].

С тюремным служением РПЦ тесно связана и благотворительная деятельность среди заключенных и бывших заключенных. 13 июля 2015 г. Священным синодом было принято решение о разграничении функций синодальных отделов – Синодального отдела по тюремному служению, Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению и Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами [10]. На Синодальный отдел по тюремному служению были возложены функции координации и мониторинга реабилитационной и благотворительной деятельности среди заключенных. В свою очередь, практическое осуществление этих видов социального служения РПЦ в пенитенциарных учреждениях разного уровня было возложено на епархиальные отделы по тюремному служению.

В частности, говоря о реализации реабилитационной и благотворительной деятельности, в пример можно привести учрежденный в Санкт-Петербурге православным приходом святой Анастасии Узорешительницы благотворительный фонд «Центр социальной адаптации святителя Василия Великого». Это негосударственное учреждение открытого типа, где условно осужденные несовершеннолетние, а также подростки, регулярно совершающие административные правонарушения, могут пройти курс социальной реабилитации. В 2012 г. Центр вошел в число лучших диаконических инициатив РПЦ. За 14 лет работы у Центра накоплено много связей с различными приходами и монастырями, которые безвозмездно принимают воспитанников и сотрудников во время поездок и длительных походов. Центр представляет один из наиболее успешных примеров взаимодействия РПЦ и государства в вопросах социального служения

[5, с. 65–71]. Подтверждением того, что Центр является церковным, но с существенной поддержкой государства, являются его ежегодные финансовые отчеты, в которых финансирование из Фонда президентских грантов занимает порядка 40 % от общего объема финансирования [4].

Итак, деятельность РПЦ в уголовно-исполнительной системе связана, прежде всего, с потребностью улучшения характера межличностных отношений в среде специфического контингента пенитенциарных учреждений, а также с ресоциализацией бывших заключенных и профилактикой совершения правонарушений, что является важным элементом борьбы с общим уровнем преступности в стране. Кроме того, инициативы РПЦ в тюремном служении активно поддерживаются государством, что выражается, в частности, в финансовых показателях.

Библиографический список

1. Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe [Электронный ресурс] // Pew Research Center. Religion & Public Life. – URL: <https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения: 30.06.2019).
2. Влияние воцерковления осужденных на их поведение в период отбывания наказания: аналитическая справка НИИ ФСИН // Архив Синодального отдела по тюремному служению Русской Православной Церкви.
3. Глава Забайкальской митрополии награжден медалью МВД России [Электронный ресурс] // АльтесМедиа (Чита): сайт. – URL: <https://altmedia.ru/news/10841-glava-zabajkalskoj-mitropolii-nagrazhden-medalyu-mvd-rossii/> (дата обращения: 20.04.2019).
4. Годовой отчет, 2018 г. // Архив Благотворительного фонда «Центр социальной адаптации святителя Василия Великого».
5. Григорова З.Н. Реализация социального контроля в условиях реабилитационного центра для условно осужденных подростков // Уголовно-исполнительная система и Русская Православная Церковь, другие традиционные для России религиозные объединения – взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–19 сент. 2018 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2018. – С. 65–71.
6. Доклад святейшего патриарха Московского и всея Руси // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 3. – С. 9–38.
7. Мартынов Н.И. Опыт взаимодействия УФСИН России по Республике Мордовия с Русской Православной Церковью по духовно-нравственному окормлению осужденных // Взаимодействие Русской Православной Церкви с государственной

системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 октября 2013 г.). – С. 94–98.

8. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.

9. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 3 нояб. 2005 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 47.

10. Постановление о распределении ответственности трех синодальных учреждений в области церковного попечения о ресоциализации (социальной реабилитации) лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4221717.html> (дата обращения: 2.05.2019).

11. Скоморох О., *прот.* Правовые основы тюремной миссии Русской Православной Церкви в конце XX – начале XXI вв. // Христианские чтения. – 2011. – № 2 (37). – С. 186–199.

12. Совместное заявление Московской патриархии РПЦ и Министерства обороны РФ от 2 марта 1994 г. [Электронный ресурс] // Научный атеизм. – URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/23.phtml> (дата обращения: 18.04.2019).

13. Совместное заявление от 5 сентября 1994 г. между МВД РФ и Московской Патриархией РПЦ // Информационный бюллетень. – М.: ГУИН МВД России, 1995. – № 23 (специальный выпуск). – С. 4–6.

14. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Русской Православной Церковью [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901862066> (дата обращения: 23.04.2019).

15. Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний и Русской Православной Церковью [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414718> (дата обращения: 23.04.2019).

16. Соглашение о сотрудничестве от 30 августа 1996 г. между МВД РФ и Московской Патриархией РПЦ // Преступления и наказания. – 1997. – № 8. – С. 53–55.

17. Тулянов В.А. Влияние политических трансформаций на Русскую Православную Церковь: место церковной благотворительности в социально-экономическом развитии России (1990–2000-е гг.) // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – 2019. – С. 453–460.

18. Тулянов В.А. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл о правах человека (по материалам публичных выступлений) // Наше Отечество. Страницы истории: сб. науч. статей. Сер.: Актуальные вопросы истории России и Европы (XII–XX вв.). – М., 2018. – С. 44–55.

References

1. Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe [Elektronnyj resurs] // Pew Research Center. Religion & Public Life. – URL: <https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения: 30.06.2019).

2. Vliyanie vocerkovleniya osuzhdennyh na ih povedenie v period otbyvaniya nakazaniya: analiticheskaya spravka NII FSIN // Arhiv Sinodal'nogo otdela po tyuremnomu sluzheniyu Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi.

3. Glava Zabajkal'skoj mitropolii nagrazhden medal'yu MVD Rossii [Elektronnyj resurs] // Al'tesMedia (CHita): sajt. – URL: <https://altesmedia.ru/news/10841-glava-zabajkalskoj-mitropolii-nagrazhden-medalyu-mvd-rossii/> (дата обращения: 20.04.2019).

4. Godovoj otchet, 2018 g. // Arhiv Blagotvoritel'nogo fonda «Centr social'noj adaptacii svyatitelya Vasiliya Velikogo».

5. Grigорова Z.N. Realizaciya social'nogo kontrolya v usloviyah reabilitacionnogo centra dlya uslovno osuzhdennyh podrostkov // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema i Russkaya Pravoslavnaya Cerkov', drugie tradicionnye dlya Rossii religioznye ob"edineniya – vzaimodejstvie v duhovno-nravstvennom vospitanii osuzhdennyh: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan', 18–19 sent. 2018 g.). – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2018. – S. 65–71.

6. Doklad svyatejshego patriarha Moskovskogo i vseya Rusi // ZHurnal Moskovskoj patriarhii. – 2011. – № 3. – S. 9–38.

7. Martynov N.I. Opyt vzaimodejstviya UFSIN Rossii po Respublike Mordoviya s Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'yu po duhovno-nravstvennomu okormleniyu osuzhdennyh // Vzaimodejstvie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi s gosudarstvennoj sistemoy ispolneniya nakazaniy: opyt, problemy, perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 16–17 oktyabrya 2013 g.). – S. 94–98.

8. Mitrohin N. Russkaya pravoslavnaya cerkov': sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 648 s.

9. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij: prikaz Minyusta Rossii ot 3 noyab. 2005 g. № 205 // Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. – 2005. – № 47.

10. Postanovlenie o raspredelenii otvetstvennosti trekh sinodal'nyh uchrezhdenij v oblasti cerkovnogo

popечeniya o resocializacii (social'noj rehabilitacii) lic, osvobodivshihya iz mest lisheniya svobody, a takzhe nesovershennoletnih pravonarushitelej [Elektronnyj resurs] // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov': oficial'nyj sajt. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4221717.html> (data obrashcheniya: 2.05.2019).

11. Skomoroh O., prot. Pravovye osnovy tyuremnoj missii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v konce XX – nachale XXI vv. // Hristianskie chteniya. – 2011. – № 2 (37). – S. 186–199.

12. Sovmestnoe zayavlenie Moskovskoj patriarii RPC i Ministerstva oborony RF ot 2 marta 1994 g. [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj ateizm. – URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/23.phtml> (data obrashcheniya: 18.04.2019).

13. Sovmestnoe zayavlenie ot 5 sentyabrya 1994 g. mezhdu MVD RF i Moskovskoj Patriarhiej RPC // Informacionnyj byulleten'. – M.: GUIN MVD Rossii, 1995. – № 23 (special'nyj vypusk). – S. 4–6.

14. Soglasenie o sotrudnichestve mezhdu Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii i Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'yu [Elektronnyj resurs] // Elektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy dokumentacii. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901862066> (data obrashcheniya: 23.04.2019).

15. Soglasenie o sotrudnichestve mezhdu Federal'noj sluzhboj ispolneniya nakazanij i Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'yu [Elektronnyj resurs] // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov': oficial'nyj sajt. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414718> (data obrashcheniya: 23.04.2019).

16. Soglasenie o sotrudnichestve ot 30 avgusta 1996 g. mezhdu MVD RF i Moskovskoj Patriarhiej RPC // Prestupleniya i nakazaniya. – 1997. – № 8. – S. 53–55.

17. Tulyanov V.A. Vliyanie politicheskikh transformacij na Russkuyu Pravoslavnuyu Cerkov': mesto cerkovnoj blagotvoritel'nosti v social'no-ekonomicheskom razvitii Rossii (1990–2000-e gg.) // Rossiya i mir: razvitie civilizacij. Transformaciya politicheskikh landshaftov za period 1999–2019 gody: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. – 2019. – S. 453–460.

18. Tulyanov V.A. Patriarh Moskovskij i vseya Rusi Kirill o pravah cheloveka (po materialam publicnyh vystuplenij) // Nashe Otechestvo. Stranicy istorii: sb. nauch. statej. Ser.: Aktual'nye voprosy istorii Rossii i Evropy (XII–XX vv.). – M., 2018. – S. 44–55.

«ТРОПИНКОЙ ТЕСНОЙ И ГЛУХОЙ / МЕЖДУ ДИВАНом И СТЕНОЙ»: «ИГРА В РОБИНЗОНА КРУЗО» И ЕЕ ПРОСТРАНСТВО (РЕКА, ЛЕС, УСАДЕБНЫЙ ДОМ) В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ (РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)

Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ

№ 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд»

В статье анализируется образ Робинзона Крузо и его интерпретация в детской игре в литературе Великобритании и России конца XIX – начала XX века. Мы анализируем, как и по каким причинам образ Робинзона Крузо оказался так привлекателен для нескольких поколений детей, как он трансформировался и как по-разному проявлял себя в детских играх. В основе нашего анализа будет лежать литературный материал, в основном – произведения детской литературы (поэзия Р.Л. Стивенсона, Р. Киплинга, проза К. Грэма), а также воспоминания писателей о детстве и автобиографическая проза. Отдельное внимание уделяется своеобразию «игры в Робинзона», которая велась по особым правилам и насчитывала несколько вариантов, задействовавших иногда лишь детское воображение, иногда преобразивших окружающий мир, а иногда и требовавших театрального реквизита. Кроме того, «игра в Робинзона» требовала определенного пространства, и ребенок, у которого не было возможности отправиться на действительный остров, был вынужден адаптировать для своих целей окружающий мир, давая предметам новые функции, а землям – новые назначения.

Ключевые слова: детская литература, «робинзонада», Дефо, Висс, «Швейцарский Робинзон», детская игра, круг детского чтения.

Влияние романа Даниэля Дефо (1660–1731) «Робинзон Крузо» («Robinson Crusoe», 1719) на европейскую литературу едва ли можно переоценить. Один из первых романов Нового времени (во многом обозначивший будущие границы этого жанра), он оказал значительное воздействие на мировую культуру и отразился в бесчисленном количестве литературных произведений, рассчитанных на «взрослого», образованного читателя. Однако, как отмечают исследователи, не меньшее влияние он оказал на литературу детскую; в частности, «Оксфордский путеводитель по детской литературе» сообщает, что этот роман Дефо «предоставил модель для несметного множества детских произведений на всех языках» [14, р. 220].

«Робинзон Крузо» стал одной из первых «взрослых» авторских книг (наравне с «Путем паломника» Дж. Беньяна и «Приключениями Гулливера» Дж. Свифта), которые прочно вошли в «круг детского чтения», – и пользовался любовью маленьких английских читателей на протяжении почти трех веков, вплоть до конца XIX столетия¹. В исследовательском труде «Литература для отрочества как она есть» («Juvenile Literature As It Is», 1888) викторианский литературный критик и педагог Эдуард Сэлмон (Edward Salmon) опубликовал результаты опросов «Моя любимая книга» и «Мой любимый автор», проведенных им среди детей обоих полов младшего школьного возраста. У мальчиков во второй категории с уверенностью лидировал Чарлз Диккенс, набравший 223 голоса,

тогда как Даниэль Дефо набрал лишь 24. Однако при этом в номинации «Любимая книга» первое место занял «Робинзон Крузо» (44 голоса), тогда как «Посмертные записки Пиквикского клуба» (единственное произведение Диккенса в перечне) получили лишь 22. Второе место среди «любимых книг» занял «Швейцарский Робинзон» Й.Д. Висса (24 голоса; о нем речь пойдет далее), а Библия «удостоилась» всего 15 голосов [см.: 14, р. 285]. Иными словами, опрашиваемые дети были прекрасно знакомы с книгой о Робинзоне и любили ее, но не знали, кто ее автор, меж тем как имя Диккенса, первого романиста викторианской эпохи, определено было у них на слуху.

Еще в XVIII столетии историю Робинзона пытались адаптировать для детей. Книга вошла в школьную программу, и ее экземпляр имелся на полке любого британского учебного класса. В XIX веке в жанр «робинзонады» проникли и персонажи-дети. Первым образцом такого произведения с участием маленьких героев-островитян стал «Швейцарский Робинзон» («Der schweizerische Robinson», опублик. 1812) Йоханна Давида Висса (1743–1818). Английский его перевод увидел свет уже в 1814 году, осуществленный предположительно Уильямом Годвином и опубликованный его женой Мэри под заглавием «Семейный Робинзон Крузо» («The Family Robinson Crusoe») [см.: 14, р. 510]. Основная идея произведения, как позиционировал ее сам Висс, заключалась в том, чтобы «посредством занимательных наблюдений пробу-

дять в моих сыновьях любознательность, оставив притом время для работы их воображения, а также для исправления тех ошибок, в которые они могут впасть» [цит. по: 21, р. 51]. «Швейцарскому Робинзону» в Англии «наследовали» многочисленные романы-«робинзоны», рассчитанные в том числе на детей и подростков, такие как «Юный островитянин» («The Young Islander», 1842) Дж. Тейлора, «Маленький дикарь» («The Little Savage», 1848) Фр. Марриэта, «Коралловый остров» («The Coral Island», 1857) Р.М. Баллантайна и т. п. Акцент в них, в отличие от романа Висса, был сделан на приключениях и удивительных происшествиях – а это, естественно, привлекало юную (и прежде всего мальчишескую) аудиторию.

На русском языке «Робинзон» Д. Дефо (а также его многочисленные «последователи») впервые появился в XVIII веке; до этого историю островитянина из города Йорка дети и взрослые читали на языке подлинника, а больше – во французских и немецких переложениях. Первый перевод-пересказ романа Дефо, «Жизнь и приключения Робинзона Круза [*sic!*], природного англичанина», был выполнен именно с французского языка Я.П. Трусовым и публиковался в 1762–1764 годах, значительно сокращенный и переосмысленный – как, впрочем, и все первые «переводы» «Робинзона». В 1792 году появилась и «детская» версия книги (правда, не романа Дефо, но его немецкой адаптации) – «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный Кампе, пер. Печерина» (1792) [подробнее об этом см.: 6, с. 49; 11, с. 11]. Кроме того, несколькими годами ранее в «Детском чтении» Новикова – одном из первых детских журналов в России [см. об этом: 10, с. 15–17] – был помещен краткий очерк жизни и приключений Александра Селькирка (английского матроса, послужившего прототипом для Робинзона Крузо). На протяжении XIX века продолжили возникать переложения книги Дефо и ее многочисленных «изводов» – английских, французских и немецких: по сообщению Е.П. Приваловой, систематический каталог торгового дома «Фену и К°» (опубл. 1882), «насчитывал двадцать одно название “Робинзона” и почти столько же робинзонов» [6, с. 52]. Наконец, в 1876 году увидело свет сочинение Н. Сибирякова «Русский Робинзон» – история отставного гусара Сергея Лисицына, которого в наказание за дерзкое поведение и попытку склонить команду к бунту экипаж корабля высадил на острове в Охотском море, оставив ему теплую одежду, провиант и оружие. Юный повеса, оказавшись перед лицом смерти, был вынужден волей-неволей перевоспитываться – и в итоге, пройдя суровую школу, устроил на острове не только жилище, но и хозяйство, – и через десять лет был взят на борт проходившим мимо кораблем, перевоплотившись в образцового человека.

Впрочем, «Робинзон Крузо» дал схему не только для историй, рассчитанных на детей, но и для

детских игр. Как известно, одним из основных катализаторов детского воображения, способов его пробудить, служат прочитанные ребенком книги. Знаменитый шотландский писатель Роберт Луис Стивенсон (1850–1894) в эссе «Детские игры» («Child's Play»)² из сборника «*Virginibus Puerisque*» (1881) и вовсе пишет о том, что чтение является для ребенка единственным источником, откуда он черпает умозрительный материал для игр [см.: 23, р. 212–213].

Как представляется, «игра в Робинзона» была привлекательна для маленького читателя, вдохновенного приключенческой книгой, по целому ряду причин. Прежде всего, она предоставляла ему возможность не только побыть самостоятельным, ни от кого не зависящим, «взрослым», но и обрести свое пространство, самостийный анклав на территории взрослого мира. Ребенок, играющий в Робинзона на острове, дает вещам имена, нарекает земли, очерчивает границы своего «королевства». Этот момент особенно хорошо прослеживается в романе английского писателя-руралиста Ричарда Джеффриса (1848–1887) «Бевис. История одного мальчика» («*Bevis: A Story of a Boy*», 1882). Роман повествует о приключениях двух детей, десятилетнего Бевиса и его друга Марка, на ферме Бевисова отца и в ее окрестностях. Игры развлекающихся на природе друзей отчасти напоминают «игру в Робинзона» (хотя и не являются ею де-факто); в частности, в первых главах романа мальчики строят плот из ящика от картины, сплавляются на нем по реке, «открывают» новые земли и водоемы – и дают им имена, очевидно, считая своими: «Этот клочок земли, большей частью поросший лозняком и ивами, а местами – открытый, с разбросанными тут и там купами деревьев, – был территорией Бевиса, его личной собственностью, над которой он был царем и властителем [*autocrat and king*]» [19, v. 1, р. 36]. Ср. этот пассаж с эпизодом из романа Дефо, когда герой поднимается на открытую площадку на высокой скале и окидывает взглядом окрестности: «Я... с тайным удовольствием... подумал, что всё это мое: я царь и хозяин [*king and lord*] этой земли; права мои на нее бесспорны, и, если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда» [2, с. 94–95].

«Игра в Робинзона» позволяет ребенку оказаться среди естественной (как ему кажется), не обработанной человеком природы – но при этом остаться частью цивилизованного мира. В одной из сцен Бевис отчитывает Марка, предположившего, что они дикари: «Ну и дурак же ты! <...> Никакие мы не дикари, и не буду я в такое играть! Мы только что открыли новую реку – и будем сплавляться вниз по ней на плоту» [19, v. 1, р. 29]. В мечтах о естественной жизни ребенок всё равно сохраняет за собой право на цивилизованность и рациональное знание. Недаром чуть далее Бевис указывает

на дикость окрестных земель: «...здесь на тысячу миль вокруг нет ни одного человека, умеющего читать» [19, v. 1, p. 30], – очевидно, при этом подразумевая тот факт, что сам он читать *умеет*.

Еще одной особенностью «игры в Робинзона» становится для ребенка возможность создать свой мир собственными руками, сочетание ремесла, кустарного дела и творчества. Воплощением такого мира, «плодами прогресса» среди дикой природы становятся простые строения (шалаш или хижина из соломы и прутьев), а также самодельный плот, именуемый нередко в подобных играх «каноз» (canoë) [см.: 14, p. 45]; последнее, в частности, упоминается и у Р. Джеффриса в «Бевисе» [см.: 19, v. 1, p. 40]. Каноз и плот – плавучие средства, созданные одним человеком (в противоположность кораблю, строительство которого – неизменно результат группового труда); недаром в разговоре с деревенским старостой, повстречавшим детей с их ящиком от картины, Бевис возмущенно восклицает: «Никакой это не корабль, это плот!» [19, v. 1, p. 36].

«Робинзон Крузо» стал и одной из первых книг, привнесших в детскую игру профессиональную морскую лексику (в этом отношении ему наследует «Остров сокровищ», о котором речь пойдет далее). Отражается это и в «Бевисе»: бортики ящика, на котором мальчики плывут по реке, Бевис называет планширом (gunwale), веревку, привязанную к носу плота, – фалинем (painter), и т. д. и т. п.

Разумеется, не у каждого ребенка, играющего в «Робинзона», есть возможность отправиться на действительный остров или сплавиться по реке на самодельном плоту. Но в то же время игра требует определенного локуса или локусов; по меньшей мере в их число входит сам остров, разделенный на части (хижина, пляж, джунгли, вершина скалы и т. п.), а в пределе – окружающее море, корабль (либо его останки), лодка Робинзона и др. Таким образом, игра возможна лишь при определенной доле театральности и при активной работе детского воображения. Силами последнего роль острова Робинзона может исполнять не только отдельная часть усадьбы или дачи – густо разросшиеся кусты, заросли лопуха и репейника, или, допустим, лодочный сарай, любимое место игры «болеющих морем» мальчишек, но даже отдельные комнаты, определенный уголок детской (если вся игра происходит в ее пределах) и даже манеж или кровать.

Образ такой игры, происходящей в краю, творимом одним лишь детским воображением, Р.Л. Стивенсон представляет в стихотворении «Вычитанные страны» («Land of Story Books») из сборника «Детский цветник стихов» («A Child's Garden of Verses», 1885): «Now, with my little gun, I crawl / All in the dark along the wall, / And follow round the forest track / Away behind the sofa back» – «И вот, со своим маленьким ружьем, я крадусь / В темноте вдоль стены / И следую по окружной лесной тропинке / За спинкой дивана» [22, p. 65]. В стихотворении

«Путешествие» («Travel») из того же сборника описываются мысли ребенка, мечтающего о дальних странствиях; среди образов, возникающих в фантазии мальчика, упоминается и Робинзон за работой: «I should like to rise and go / Where the golden apples grow; – / <...> / And, watched by cockatoos and goats, / Lonely Crusoes building boats...» – «Я хотел бы отправиться туда, / Где растут золотые яблоки, / <...> / И, наблюдаемые какаду и козлами, / Одинокие Крузо строят лодки» [22, p. 13].

Как отмечает исследователь Э. О'Мэлли, «робинзонады – это истории не только... об открытии необычных, экзотических мест, но также об их “одомашнивании”, превращении в свой дом героями-путешественниками. Иными словами, это истории, в которых, помимо прочего, сделан акцент на женской по сути [feminine-coded] практике домоводства» [21, p. 48]. «Робинзон Крузо» прочно увязывается «с темой дома и семьи» [21, p. 48], а домашние, семейные ценности сочетаются в нем с «мужественными атрибутами империализма и приключений» [14, p. 51]. Как отмечает Р.Л. Стивенсон, «Крузо постоянно занимается кустарным трудом – и должен... *отыгрывать* [play] множество всевозможных профессий» (курсив Стивенсона. – Г. В.) [23, p. 212–213]. Таким образом, мальчик, играющий в Робинзона, получает возможность «безнаказанно» примерять на себя «женские» функции, такие как стирка белья или приготовление пищи. В то же время ребенок-аристократ может побыть строителем, охотником, козопасом, лодочником – словом, перевоплотиться и примерить на себя множество ролей, не подходящих ему по социальному статусу. «Отыгрывание» всевозможных ролей, по Р.Л. Стивенсону, – ключевая суть детской игры [см.: 23, p. 216–217], а в случае с «Робинзоном» она доводится до предела, превращая таким образом эту игру в разновидность театральное представление.

Впервые о чтении «Робинзона Крузо» в контексте театра и театральной игры заговорил еще французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778). Рассуждая о пользе «Робинзона...» Дефо, Руссо отмечал, что чтение этого романа ребенком представляет собой не чтение как таковое, но «игровое общение с книгой, конструирование параллельной реальности, театрализованное разыгрывание роли и ситуации» [7, с. 105]. Такая «игра в Робинзона» становится игрой не для публики, но для самого себя, театром одного актера и, что важнее, одного зрителя. Руссо отмечает «склонность ребенка-читателя к аффективно-игровому восприятию прочитанного, склонности к перевоплощению в любимых персонажей» [7, с. 100]. Об этой же способности столетием позже напишет Р.Л. Стивенсон в уже упоминавшемся эссе «Детские игры»: «Если придуманная игра включает несчастный случай, произошедший на уступе скалы, то ребенок должен взобраться на ко-

мод с ящичками – и броситься оттуда плашмя на ковер; только тогда его воображение будет вполне удовлетворено. <...> Ничто не в силах поколебать веру ребенка в происходящее – и он с готовностью примет самые грубые заменители, будет сглаживать самые острые углы. Стул, который он только что осаждал, будто вражеский замок, или доблестно повергал наземь, словно убитого дракона, могут вдруг забрать для того, чтобы усадить на нем раннего гостя, – но ребенка это ничуть не обескуражит; он может целый час сражаться с ведерком для угля – и не смутится, когда в его зачарованное королевство войдет вдруг садовник с трезвым желанием накопать картошки к обеду» [23, р. 211].

В конце XVIII века «Робинзон Крузо» был впервые адаптирован к сцене (первой его постановкой стала музыкальная драма «*Hannah Hewitt, or Female Robinson*», представленная в Лондонском Королевском театре в 1798 году), а уже в начале следующего столетия появились атрибуты для домашних спектаклей. Так, фирма «*Hodgson & Co*» «производила материалы для более чем семидесяти различных пьес, вкупе с бутафорией, масками персонажей и текстами реплик» [12, р. 17]; в 1824 году увидели свет и первые театральные буклеты. По большей части такой реквизит предназначался для детских постановок домашнего театра; главную роль, как предполагалось, в такой пьесе будет играть сам ребенок; для него же изготавливались костюмы, деревянные ружья, плетеные зонтики – и даже бородатые маски на тесемках и с прорезями для глаз [см.: 21, р. 131–153]. Весь этот реквизит, разумеется, использовался детьми не только на сцене, в представлениях «для родителей», но и в своих собственных играх, в зрители, как уже отмечалось, не нуждавшихся.

Впрочем, как в Англии, так и в России (где атрибуты для «игры в Робинзона» не продавались особо) дети нередко обходились и без подобных приспособлений – и с большей охотой обращались к реквизиту «естественному». Таковым мог стать не только самодельный плот (как в истории Р. Джеффриса), но и настоящая лодка, обнаруженная в отцовском сарае или даже изготовленная по просьбе ребенка. Ср., например, следующий эпизод из детских воспоминаний знаменитого театрального деятеля, актера и режиссера Малого театра А.П. Ленского (1847–1908): «У меня была еще лодка в два аршина длины, сделанная для меня крепостным столяром. Эта лодка изображала тот корабль, после крушения которого Робинзон выбросило на берег необитаемого острова. Игра, конечно, происходила на суше, что не мешало мне проделывать все перипетии крушения с полной добросовестностью. Сидя в лодке и ухватясь руками за ее борта, я раскачивался в ней до одури, воссылая к небу горячие мольбы о спасении; затем вскакивал внезапно на ноги, делал прыжок и падал в воображаемое море, где долго боролся с волна-

ми, затем замирал на некоторое время в картинной позе, точно скопированной с гравюры, воображая себя выброшенным на берег острова» [4, с. 21–22].

Игра в Робинзона, как видим, опять же превращается в театральное действие для одного актера без зрителей, с множеством переживаемых эмоций, и требует от ребенка активной работы воображения. В этой связи характерны наблюдения М.А. Волошина, который в эссе «Театр как сновидение» (1912/1913) выделяет три типа детских игр: (1) «действенные и буйные», «выражающиеся в движении... соответствующем оргическому состоянию динозаврских таинств»; (2) «Греза с открытыми глазами»; (3) «Тип творческого преобразования мира» – а о последнем к тому же замечает: «У человека взрослого этот тип игры становится поэтическим творчеством» [1, т. 6, кн. 1, с. 190]. «Игра в Робинзона», какой мы ее видим на примере воспоминаний Ленского, становится чем-то средним между вторым и третьим (по М. Волошину) типами.

Еще один яркий пример «игры в Робинзона» «без реквизита» описывается в повести Л.Н. Толстого «Детство» (1852). В основе этой игры лежит, впрочем, не роман Д. Дефо, но «Швейцарский Робинзон» Й.Д. Висса; он был переведен на русский язык в 1833–1834 годах, однако рассказчик и другие дети, очевидно, читали его в оригинале: «Игра эта состояла в представлении сцен из “*Robinson Suisse*”, которого мы читали незадолго пред этим» [9, с. 23]. Дети, распределив между собой роли, сажаются в воображаемую лодку (по сути, просто на землю) и делают вид, что работают веслами; при этом Володя, старший ребенок в семье, нарочито демонстрирует презрительное отношение к такому «глупому» развлечению: «Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, не имеющей ничего схожего с позой рыбака. Я заметил ему это; но он отвечал, что оттого, что мы будем больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграем и не проиграем и всё же далеко не уедем» [9, с. 23–24].

Чуть ниже рассказчик говорит о своем старшем брате, что «у него... слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне наслаждаться игрою в Робинзона», хотя и отмечает его «благоразумие»: «Я сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя... <...> Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?...» [9, с. 24]

Об аналогичной игре, проходившей на территории имени «Даровое», вспоминает брат Ф.М. Достоевского Андрей, который был младше Фёдора на четыре года: «Другая игра, тоже выдуманная братом Федею, была игра в Робинзона. В эту игру мы играли с братом вдвоем; и, конечно, брат Федя был Робинзоном, а мне приходилось изображать

Пятницу. Мы *усиливались воспроизвести* в нашей липовой роще все те лишения, которые испытывал Робинзон на необитаемом острове» (курсив наш. – Г. В.) [10, т. 1, с. 73]. К сожалению, А.М. Достоевский не оставил подробного описания этой игры; однако он явно делает акцент на том, что развлечение, выдуманное его старшим братом, требовало от них определенных «усилий» и творческого, «воспроизводящего» воображения.

Впрочем, нередко при «игре в Робинзона» не всё строится исключительно на детской фантазии; возникает и творческое преображение мира (третий тип игр по М. Волошину). Роль острова, лодки, пещеры, хижины начинает играть адаптированное для того пространство; джунглями в такой игре-«пьесе» могут стать «лопухи подле плетня, отделяющего сад от огорода» [4, с. 22], пещерой – шкаф или чулан в усадебном доме, пляжем – берег реки, а хижинкой – овечий закут или сеновал. Даже в тех случаях, когда ребенок пытается быть последовательным в игре, от него всё равно требуется немалая доля условности; так, например, А.П. Ленский вспоминает: «Все труды и невзгоды несчастного мореплавателя проделывались мною в последовательном порядке: я ел корни растений, спал на дереве, жил в пещере...» [4, с. 22]. Упомянув о том, что он спал на дереве, Ленский, скорее всего, имеет в виду, что он *изображал*, отыгрывал сон Робинзона, прикладываясь на несколько минут на толстую ветку или сук (едва ли маленькому барину позволили бы действительно заночевать одному, за пределами дома, да еще и высоко над землей). Таким образом, играющий в Робинзона маленький Саша Ленский, будущий знаменитый режиссер и актер, предстает интерпретатором *par excellence*, глубоко погруженным в творимую им игру. «Я стал жить исключительно в мире фантазии...» – напишет он впоследствии, назвав своими любимыми героями опять-таки Робинзона Крузо и Дон Кихота [см.: 4, с. 22–23].

Особо следует отметить и необычные проявления «игры в Робинзона», где ребенок выступает не актером и режиссером, а – развивая театральную метафору – кукловодом. Пример такой игры представлен шотландским писателем Кеннетом Грэмом (1859–1936) в рассказе «Голубая комната» («The Blue Room») из сборника «Золотой возраст» («The Golden Age», 1895): «...однажды мы вздумали играть с мертвой мышью на [крышке от] пианино: мышь была Робинзоном Крузо, пианино – островом, а потом Крузо как-то проскользнул внутрь острова, застрял между струн, и достать его оттуда не получилось, хотя мы и лазали туда граблями и много чем еще, пока не пришел настройщик» [17, р. 209].

* * *

В 1883 году уже упоминавшийся Р.Л. Стивенсон в романе «Остров сокровищ» («Treasure Island») предложил маленькому читателю новую,

более перспективную модель для знакомой по «робинзонадам» игры. Помимо необитаемого острова, затерянного где-то в бескрайних южных морях, новая игра предполагала еще плавание на корабле, стычки с пиратами, перестрелки, заговоры, пушечную пальбу, сражения на звонких саблях – словом, всё, увлекавшее мальчишек-читателей. Был в этой истории и свой «Робинзон» – бывший пират Бен Ганн, оставленный на острове капитаном Флинттом и впоследствии, подобно Робинзону, «освоившийся». Тот факт, что образ Бена Ганна эксплуатирует и даже пародирует Крузо, был давно отмечен исследователями [цит. по: 18, р. 215], хотя Стивенсон, безусловно, пытается этот образ переосмыслить. Так, к примеру, он сознательно уходит от «естественного» костюма Робинзона – и облачает Бена Ганна в одежду из «лохмотьев старого паруса и матросской рубахи», подпоясанную кожаным моряцким ремнем с медной пряжкой.

Впрочем, интерес к «игре в Робинзона» отчасти сохранился среди английских детей и после публикации романа Р.Л. Стивенсона. В частности, в книге Артура Рэнсома (1884–1967) «Амазонки и ласточки» («Swallows and Amazons», 1930) – первом романе одноименной серии о приключениях четырех детей, издававшейся в 1930–1967 годах, – герои, испросив позволения родителей (отец, капитан дальнего плавания, присылает свое согласие в письме), отправляются с лагерем на озерный остров. Книгу Дефо, одну из своих любимых, дети берут с собой, однако в целом их игра разворачивается совсем не по схеме «робинзонады». Собственно рассуждениям о Робинзоне в книге посвящена отдельная, 18-я, глава, которая по принципу «от противного» доказывает важность игровой условности. После того как дети устраивают на острове лагерь, одна из героинь, Титти, третья по старшинству девочка, пытается почувствовать себя Робинзоном – и никак не может ощутить этого в полной мере; ей постоянно что-то мешает. «Титти обвела взглядом лагерь и сразу почувствовала, что что-то не так. Под деревьями стояли две палатки, а потерпевшему кораблекрушению и живущему на необитаемом острове моряку было положено жить в одной палатке» [8, с. 132]. И далее: «Было совершенно ясно, что в этой палатке обитают два человека, а вовсе не одинокий моряк, выживший после кораблекрушения». Девочка пытается «адаптировать» окружение под антураж «игры в Робинзона»; но в этой ей мешает то гудок проходящего недалеко парохода, то «лишний» тюфяк в палатке (ведь, по сюжету, Робинзон должен жить один), то приезжающая на остров мама. Не будучи погружена в театральную иллюзию, героиня не может ощутить себя выброшенным на остров человеком – и игра, так и не начавшись, оказывается обречена на провал.

Впрочем, если рассматривать роман А. Рэнсома в контексте «игры в Робинзона», то следует сделать еще одну оговорку. Детей в «Ласточках

и амазонках» четверо, тогда как Крузо – по понятным причинам – обязательно одинок. Дети поздней викторианской и эдвардианской литературы, по замечанию Э. Гэвина, – «идеализированные, потерянные, желанные, жизнерадостные, неоромантически сопряженные с миром природы и воображением; они всегда существуют группами и лишь очень редко – поодиночке» [16, р. 12]. Игры их многообразны – но почти всегда предполагают большое число участников; поэтому «игре в Робинзона» они предпочитают игру в рыцарей Круглого стола, в аргонавтов или в «кавалеров и круглоголовых» (английский аналог «казаков-разбойников»)³.

«Игра в Робинзона» предполагает участие только одного – или, в пределе, двоих детей, один из которых вынужден представлять собой Пятницу. Эту «подчиненную» по отношению к Крузо роль может отыгрывать либо младший ребенок по отношению к старшему (как в воспоминаниях А.М. Достоевского), либо снисходительный взрослый (как в «Ласточках и амазонках», где эту роль берет на себя мама Титти), либо ребенок с более низким социальным статусом. Именно таков Марк по отношению к Бевису, сыну хозяина богатой фермы. Еще один пример встречаем в воспоминаниях А.П. Ленского: «До встречи с Пятницей всё шло как нельзя лучше, но отсутствие этого действующего лица сильно меня озабочивало. <...> Выбор мой пал на дворового мальчика, сына скотницы Агафьи, по прозвищу Морька» [4, с. 22]. «Пятница» Морька принимает от барина посвящение: «Тут же был ему дан и первый урок: расprostиться ниц, ставить мою ногу себе на шею, – одним словом, ему были преподаны мной те знаки верноподданничества, коими начинается роль Пятницы» [4, с. 22]. Длившаяся несколько дней «оживленная – до самозабвения – игра» была замечена слугами, которые встревожились и не замедлили донести, что «барчук играет с беспортошным»: «...нас разлучили, наказали, и я снова стал одинок в этом огромном доме и саду...» [4, с. 22].

В английской литературе роль Пятницы по отношению к Робинзону-ребенку нередко исполняет домашний питомец. Ср. в стихотворном эпилоге к повести Редьярда Киплинга (1865–1936) «Кошка, которая гуляла сама по себе» («The Cat that Walked by Himself») из сборника «Сказки просто так» («Just So Stories», 1902): «Pussy will play Man-Friday till / It's time to wet her paw / And make her walk on the window-sill / (For the footprint Crusoe saw)...»⁴ – «Кошечка будет играть Пятницу, а потому / Пора намочить ей лапки / И пустить погулять по подоконнику / (Чтобы [она оставила] следы, которые увидит Робинзон») [20, р. 223].

В русской литературе животные обычно играют роль собственно животных – спутников Крузо либо, контекстуально, дикарей: «Всегдашним содержанием наших игр были приключения Ро-

бинзона Крузо, причем Пупс (собака Ленского. – Г. В.) изображал то прирученную ламу, то собаку Робинзона, и, что бы я ни делал, подражая знаменитому герою, Пупс всегда сопровождал меня, важно сидел на обгрызке своего хвоста и серьезным взглядом своих смысленных глаз следил за мной» [4, с. 21].

Об игре в «Робинзона» с участием собаки вспоминает и Н.К. Крупская (1869–1939) в автобиографическом рассказе «Лёля и я» (1917): «Вечером, когда нас уложили спать и ушли, наказав не разговаривать и засыпать, мы всё же решили поиграть еще немножко в Робинзона. <...> Мидошка (сеттер, любимец семейства Бронских, в доме у которых гостит рассказчица. – Г. В.) лежал под дверью. Услышав, что мы возимся, он стал легонько повизгивать и скрестись в дверь. Лёля побежала ему открывать. Вбежал Мидон. “Индейцы! – закричала я. – Защищайся!” Мы схватили подушки и стали бросать в Мидошку подушками. Началась невероятная беготня, визг, лай. Мы забыли, что на свете есть большие и что нам велено спать» [3, т. 1, с. 23].

Иногда Робинзон удостаивался и вовсе необычных ролей. Один из таких примеров находится в воспоминаниях Т.А. Луговской (1909–1994), относящихся к последним предреволюционным годам; писательница вспоминает любимую куклу Робинзона Крузо, подаренную ей кем-то из родителей в детстве: «Я поиграла в Робинзона поученому, а потом всё сделала наоборот. То он был моим котенком, и я совала его в кружку с молоком. Потом сделался ребенком, и я свивала его старым маминым чулком, учила ходить, таская по полу, учила плавать, спустив его однажды на веревочке в уборную» [5, с. 47].

В первой половине XX века интерес к Робинзону среди детей как в России, так и в Англии постепенно начинает снижаться. Несмотря на то, что в изобилии продолжали выходить детские адаптации (а в СССР – вольные переложения и точные переводы), упоминания «игры в Робинзона» в детской литературе уже практически не встречаются. В Англии история «робинзонад», как принято считать, завершилась в 1954 году, с публикацией в издательстве «Faber & Faber» дебютного романа Уильяма Голдинга (1911–1993) «Повелитель мух» («Lord of the Flies»). Голдинг развенчивает идиллию «Кораллового острова» и «Ласточек и амазонок» (оба произведения упоминаются на страницах «Повелителя...») – и показывает, чем в действительности окажется для оставленных без опеки детей якобы райский остров, где, выражаясь словами Ивана Карамазова, «всё позволено».

В советской литературе 1920–1930-х годов интерес к Робинзону, впрочем, отчасти сохранялся. Как отмечала в 1929 году, говоря о романе Дефо, Е.П. Привалова, «поле его деятельности широко: это не академическая библиотека, а гуца народной и детской аудитории» [6, с. 42]. Важность книги

о Робинзоне отмечалась советскими педагогами (в частности, о нем писали Н.К. Крупская, А.С. Макаренко, М. Горький); во множестве появлялись его адаптированные версии (самой известной из которых является пересказ К.И. Чуковского, впервые напечатанный в 1935 году). В 1923–1925 годах имя любимого героя носил детский журнал «Новый Робинзон», печатавшийся ежемесячно под редакцией З.И. Лилиной и С.Я. Маршака.

Однако в военные и послевоенные годы интерес к игре в одинокого островитянина среди юной аудитории постепенно угас. У детей появлялись новые достойные подражания герои – в том числе и из недавнего военного прошлого: воины-освободители, солдаты и офицеры, пионеры-герои, советские граждане; история же Робинзона постепенно сместилась из театрального дискурса – в дискурс литературный, «книжный». Робинзон становится персонажем книги, по-прежнему читаемой и любимой – но не объектом возможного перевоплощения и не персонажем активной игры. Из детской литературы послевоенных лет описания «игры в Робинзона» исчезают совсем, тогда как отдельные упоминания персонажа Дефо сводятся к «кругу детского чтения» или к сугубо книжным образам. Так, в песне, заключающей аудиосказку «Хоттабыч!» (1979; исп. детский вокальный ансамбль «Мелодия» п/у Г. Гараяна) есть строки: «Мы все Робинзоны, мы все Д’Артаньяны...», сближающие книжных героев двух разных стран и эпох исключительно по принципу читательской к ним любви. Отголоски «робинзонад» звучат в творчестве В.П. Крапивина: бриг «Робинзон» в рассказе «Остров Привидения» (1981), мимоходом намеченная – и тут же оборванная – тема «робинзонады» в романе-пособии «Фрегат “Звездица”» (1998). Отзвуком исторической памяти могут считаться и ежегодные игры-«робинзонады», до сих пор проходящие в имении «Даровое» – в память об увлечении маленьких Фёдора и Андрея Достоевских⁵. Впрочем, всё это, очевидно, – лишь остаточные следы угасшего интереса, но никак не новый виток в развитии некогда популярной игры. «Игра в Робинзона» среди детей безвозвратно ушла в прошлое и стала скорее книжным фактом – впрочем, безусловно интересным и заслуживающим внимания исследователей.

Примечания

¹ Подробнее о «круге детского чтения» в Англии XVII–XIX вв. см., напр.: [15].

² Это эссе оказало большое влияние на детскую литературу золотого века и стало программным для английской детской литературы; см. об этом, напр.: [14, p. 122 ff.].

³ Все они изображаются в сборнике К. Грэма «Золотой возраст», особенно – в рассказах «За сценой – шум битвы» («Alarums and Excursions») и «Аргонавты» («The Argonauts»).

⁴ Это стихотворение даже издавалось отдельно, под заголовком «Игра в Робинзона Крузо» («Playing Robinson Crusoe»).

⁵ См.: Последнее лето детства: фоторепортаж Д. Лысовой. – URL: <http://darovoe.ru/archives/4662> (дата обращения: 26.10.2019).

Библиографический список

1. *Волошин М.А.* Собрание сочинений: в 13 т. / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулёвой. – М.: Эллис Лак, 2000: Азбуковник, 2003–2015. – Т. 6 (1). – 896 с.
2. *Дефо Д.* Робинзон Крузо. История полковника Джека: пер. с англ. / вступит. статья М. и Д. Урновых. – М.: Художественная литература, 1974. – 528 с. – (Сер. «Библиотека всемирной литературы»). Серия первая. Том ЛII).
3. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова; подгот. текста и примеч. Ф.С. Озерской. – М.: Изд-во академии педагогич. наук, 1957–1962. – Т. 1: Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. – 512 с.
4. *Ленский А.П.* Статьи. Письма. Записки / сост. В.В. Подгородинский; предисл. Ю.М. Соломина; ст. А.А. Чепурова, А.Я. Альтшуллера, В.А. Нелидова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 384 с. – (Сер. «Библиотека Малого театра»).
5. *Луговская Т.А.* Как знаю, как помню, как умею. Воспоминания, письма, дневники. – М.: Аграф, 2001. – 384 с. – (Символы времени).
6. *Привалова Е.П.* «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе / публ. А.А. Сенькиной // Детские чтения. – 2012. – № 2. – С. 41–54.
7. *Рогинская О.* Жан-Жак рекомендует, или Как роман «Робинзон Крузо» стал книгой для детей // Логос. – 2013. – № 6 (96). – С. 97–114.
8. *Рэнсом А.* Ласточки и амазонки / пер. с англ. М. Авдониной. – М.: ЭКСМО, 2008. – 480 с. – (Сер. «Всемирная детская классика»).
9. *Толстой Л.Н.* Детство. Отрочество. Юность / изд. подгот. Л.Д. Опульская. – М.: Наука, 1978. – 528 с. – (Сер. «Литературные памятники»).
10. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. статья, сост. и коммент. К. Тюнькина, подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. – М.: Художественная литература, 1990. – 623 с. – (Сер. «Литературные мемуары»).
11. *Хеллман Б.* Сказки и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с. – (Сер. «Научная библиотека». Вып. CLV).
12. *Brown K.D.* The British Toy Business: A History Since 1700. – L.; Rio Grande: Hambledon Press, 1996. – 248 p.
13. *Carpenter H.* Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children’s Literature. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. – 244 p.

14. *Carpenter H., Prichard M.* The Oxford Companion to Children's Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 608 p.
15. *Darton F.J.H.* Children's Books in England: Five Centuries of Social Life. 3rd ed. / rev. Br. Alderson. – Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1982. – 416 p.
16. *Gavin A.* The Child in British Literature: Literary Constructions of Childhood, Medieval to Contemporary / ed. A.E. Gavin. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 266 p.
17. *Grahame K.* The Golden Age. – Chicago: Stone & Kimball, 1895. – 242 p.
18. *Hunt P.* Explanatory Notes // *Stevenson R.L.* Treasure Island / ed. and with an Introd. and Notes by P. Hunt. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 203–220. – (Ser. «Oxford World's Classics»).
19. *Jefferies R.* Bevis: The Story of a Boy: In 3 vol. – L.: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. – 288 + 296 + 296 p.
20. *Kipling R.* Just So Stories / pictures by J.M. Gleeson. – Garden City (NY): Doubleday & C°, 1912.
21. *O'Malley A.* Children's Literature, Popular Culture, and Robinson Crusoe. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 195 p. – (Ser. «Critical Approaches to Children's Literature»).
22. *Stevenson R.L.* A Child's Garden of Verses. – L.: Longmans, Green & C°, 1885. – X + 106 p.
23. *Stevenson R.L.* «Virginibus Pieriqsue» and Other Papers. – Boston: Small, Maynard & C°, 1907. – IX + 256 p.
- pedagogicheskoy literature / publ. A.A. Sen'kinoy // Detskije chteniya. – 2012. – № 2. – S. 41–54.
7. Roginskaya O. ZHan-ZHak rekomenduet, ili Kak roman «Robinzon Kruzo» stal knigoy dlya detej // Logos. – 2013. – № 6 (96). – S. 97–114.
8. Rensom A. Lastochki i amazonki / per. s angl. M. Avdoninoy. – M.: EKSMO, 2008. – 480 s. – (Ser. «Vsemirnaya detskaya klassika»).
9. Tolstoj L.N. Detstvo. Otrochestvo. YUnost' / izd. podgot. L.D. Opuľ'skaya. – M.: Nauka, 1978. – 528 c. – (Ser. «Literaturnye pamyatniki»).
10. F.M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. / vstup. stat'ya, sost. i komment. K. Tyun'kina, podgot. teksta K. Tyun'kina i M. Tyun'kinoy. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 623 s. – (Ser. «Literaturnye memuary»).
11. Hellman B. Skazki i byl': Istoriya russkoj detskoj literatury / avtoriz. per. s angl. O. Buhinoy. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 560 s. – (Ser. «Nauchnaya biblioteka». Vyp. CLV).
12. Brown K.D. The British Toy Business: A History Since 1700. – L.; Rio Grande: Hambledon Press, 1996. – 248 p.
13. Carpenter H. Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. – 244 p.
14. Carpenter H., Prichard M. The Oxford Companion to Children's Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 608 p.
15. Darton F.J.H. Children's Books in England: Five Centuries of Social Life. 3rd ed. / rev. Br. Alderson. – Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1982. – 416 p.
16. Gavin A. The Child in British Literature: Literary Constructions of Childhood, Medieval to Contemporary / ed. A.E. Gavin. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 266 p.
17. Grahame K. The Golden Age. – Chicago: Stone & Kimball, 1895. – 242 p.
18. Hunt P. Explanatory Notes // *Stevenson R.L.* Treasure Island / ed. and with an Introd. and Notes by P. Hunt. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 203–220. – (Ser. «Oxford World's Classics»).
19. Jefferies R. Bevis: The Story of a Boy: In 3 vol. – L.: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. – 288 + 296 + 296 p.
20. Kipling R. Just So Stories / pictures by J.M. Gleeson. – Garden City (NY): Doubleday & C°, 1912.
21. O'Malley A. Children's Literature, Popular Culture, and Robinson Crusoe. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 195 p. – (Ser. «Critical Approaches to Children's Literature»).
22. Stevenson R.L. A Child's Garden of Verses. – L.: Longmans, Green & C°, 1885. – X + 106 p.
23. Stevenson R.L. «Virginibus Pieriqsue» and Other Papers. – Boston: Small, Maynard & C°, 1907. – IX + 256 p.

References

1. Voloshin M.A. Sobranie sochinenij: v 13 t. / pod obshch. red. V.P. Kupchenko i A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulyovoj. – M.: Ellis Lak, 2000: Azbukovnik, 2003–2015. – T. 6 (1). – 896 s.
2. Defo D. Robinzon Kruzo. Istoriya polkovnika Dzheka: per. s angl. / vstupit. stat'ya M. i D. Urnovyh. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 528 s. – (Ser. «Biblioteka vseмирnoj literatury». Seriya pervaya. Tom LII).
3. Krupskaya N.K. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. / pod red. N.K. Goncharova, I.A. Kairova, N.A. Konstantinova; podgot. teksta i primech. F.S. Ozerskoj. – M.: Izd-vo akademii pedagogich. nauk, 1957–1962. – T. 1: Avtobiograficheskie stat'i. Dorevolucionnyye raboty. – 512 s.
4. Lenskij A.P. Stat'i. Pis'ma. Zapiski / sost. V.V. Podgorodinskij; predisl. YU.M. Solomina; st. A.A. CHepurova, A.YA. Al'tshullera, V.A. Nelidova. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 384 s. – (Ser. «Biblioteka Malogo teatra»).
5. Lugovskaya T.A. Kak znayu, kak pomnyu, kak umeyu. Vospominaniya, pis'ma, dnevniki. – M.: Agraf, 2001. – 384 s. – (Simvolj vremeni).
6. Privalova E.P. «Robinzon Kruzo» v detskoj i

Метелева Олеся Андреевна

Вятский государственный университет, г. Киров

olesyaste@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «УСАДЕБНОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЭЗИИ В.И. МАЙКОВА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Исследование посвящено комплексному анализу «Оды графу З.Г. Чернышёву...» В.И. Майкова. Это произведение можно считать одним из ключевых в процессе становления усадебной поэзии в русской литературе. Стихотворение В.И. Майкова рассматривается как литературный диалог с творчеством современников – А.А. Ржевского и М.М. Хераскова. Майков продолжает развивать в своей «усадебной» оде мотивы покоя, золотого века, поиска душевной гармонии. В произведении широко представлены масонские мотивы нравственной работы над собой и сентиментальный мотив постижения мира не разумом, а сердцем. Поэт одним из первых ввел в свои стихи вещественную конкретику, соотносимую с реалиями конкретной усадьбы и жизнью своего современника, что связано с ведущей тенденцией литературы последней трети XVIII века к отказу от классицистической абстрактности и индивидуализации в создании художественного образа.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, литературный диалог, пастораль, идиллия, горацанская ода, анакреонтика, «масонский текст».

Своего апогея в России «усадебный текст» достиг в последней трети XVIII – начале XIX века, когда появился ряд произведений, «которые можно условно назвать “поэтическими программами” усадебной жизни» [3]. Однако первыми усадебными текстами, сформировавшими основы этого феномена, принято считать стихотворение А.Д. Кантемира «О жизни спокойной» и его сатиру «О истинном блаженстве», а также «Строфы похвальные поселянскому житию» В.К. Тредиаковского. Для данных произведений ключевыми становятся следующие мотивы: усадьба – место, где царит спокойствие, отсутствует развращающее влияние света, есть возможность уединения на лоне природы. К тому же В.К. Тредиаковский вводит в традиционные горацанские оды национальные элементы и женское культурное начало, облагораживающее сельскую жизнь, создающее уют, душевную атмосферу.

Свое развитие «усадебный текст» получает в 1760-е годы в поэзии авторов, публиковавшихся в журнале М.М. Хераскова «Полезное увеселение», в котором появилась и пастораль В.И. Майкова «Цитемель». В своем творчестве В.И. Майков идет по пути демифологизации пасторального жанра, намечившегося в поэзии авторов университетских журналов начала 1760-х годов. Как отмечает Т.В. Саськова, именно пространственно-временная демифологизация пасторали предвещает в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга «сентименталистскую устремленность к узнаваемой реальной конкретности окружающей героев среды», создает, как и в европейской традиции, условия «приобщения национального пейзажа к буколической топике, перенесения идеального ландшафта в конкретные географические пределы» [9, с. 51]. Пасторальный топос, как подчеркивает А.Г. Маслова, «становится основой для формирования нового в русской литературе “усадебного” топоса, что связано с характерными для сентиментализма идеями

жизнестроительства: чертами идиллического пространства наделяется конкретное место жительства поэта и его друзей» [7, с. 48]. Если в ранней поэзии В.И. Майкова, в частности в его пасторали «Цитемель», мы не обнаруживаем ещё конкретных примет русского усадебного быта, то в стихах других авторов этого журнала можно заметить обозначенные тенденции. Так, сельская природа конкретной усадьбы предстает в «Стансе, сочиненном 1761 года июля 19 дня по выезде из деревни г. Х...» А.А. Ржевского. В «Стансе...» А.А. Ржевский прославляет усадьбу М.М. Хераскова как место, где «...птички воспевают / По рощам меж кустов!» и «...люди все без злости пребывают; / Там нет клеветников» и «...век цветет золотой» [8, с. 258]. В этом стихотворении звучит традиционный пасторальный мотив противопоставления спокойной жизни на лоне природы суете светской жизни. Следует также отметить, что в «Стансе...» А.А. Ржевского единственным указателем на конкретную усадьбу и владельца является заглавие и упоминание имени М.М. Хераскова в VI строфе. Все остальные описания усадьбы далеки от конкретики и заимствуются автором из сложившихся в классицистической пасторальной и горацанской традициях абстрактных описаний «покойной» сельской жизни. Тем не менее можно констатировать намечившуюся в стихах А.А. Ржевского тенденцию к отходу от традиционной для классической поэтики абстрактности.

Ответом на это стихотворение стала ода М.М. Хераскова «Сельская жизнь», опубликованная в «Полезном увеселении». В этом произведении мы видим развитие темы, легшей в основу стихотворения А.А. Ржевского, адресованного автору «Сельской жизни». В произведениях, посвященных описанию усадьбы и поэтизирующих сельскую жизнь, присутствуют мотивы противостояния губительному воздействию социальной среды и сохранения внутренней гармонии. Оба поэта упо-

минают о бремени светской злости, о клеветниках, о зависти, царящих в городском мире. Спасение лирические герои могут найти, только удалясь от городской суеты в мир своей усадьбы. У М.М. Хераскова появляется символический образ «света», связанный с мотивом духовного света – истины, доступной «знающим». Кроме горацанских мотивов с их дидактикой, в этом произведении автор «Сельской жизни» обращается и к анакреонтике с её идиллическим зарисовками: таинственными уголками леса – «На зеленом сидя поле, / Деревес густых в тени», журчащему ручейку – «Я сии слагающая строки, / Внемлю, как стремясь потоки / Вкруг меня в брегах журчат» [10, с. 98].

В произведениях А.А. Ржевского и М.М. Хераскова присутствуют мотивы, которые, как отмечает А.Г. Маслова, станут сквозными как в поэзии масонских авторов, так и в творчестве сентименталистов: топос уединения, противопоставление городской суеты, исполненной злобы и зависти, сельской гармонии и покою [7, с. 77]. Если в стихотворении А.А. Ржевского мы не обнаружили конкретных примет имения М.М. Хераскова, то в «Сельской жизни» автор упоминает такие элементы усадебного пейзажа, как густые аллеи, водные пространства, окруженные холмами; а также произведение осложняется философскими мотивами: звучит тема быстротечности жизни «Что так скоро время мчится / Как струи здесь воду мчат» [10, с. 98] и предлагается путь преодоления законов неостановимого бега времени: «Естьли время погубляет / Скоротечно дни мои, / Здесь веселье прибавляет / Век минуты мне твои» [10, с. 99]. На наш взгляд, именно эти произведения послужили для В.И. Майкова образцом, и в 1776 году он пишет «Оду графу Захару Григорьевичу Чернышёву, сочиненную в Ярополче искреннейшим его почитателем».

В усадьбе графа постоянно собиралось много народа, и однажды, не позднее июня 1776 года, в ней побывал и В.И. Майков: «Во Ярополче веселясь, / Приятность оного пою» [6, с. 255].

«Ода...» не первое произведение, которое поэт адресовал З.Г. Чернышёву. В 1770 году В.И. Майков посвятил графу стихотворное послание, в котором адресат предстаёт в образе великого мужа России: завоевателя, слуги государства и императрицы. Спустя шесть лет поэт прославляет уже не только государственные заслуги З.Г. Чернышева, но и покой, устроенный хозяином усадьбы в своем селе: «Велик ты войск во управленьи, / Велик в своем уединеньи!» [6, с. 257].

Майков вступает в полемику с принятым мнением о службе как основе жизни дворянина: для автора оды равной ценностью обладают и государственные заслуги адресата оды, и его способность создать свой уединенный уголок, свободный от городского шума и военных сражений:

Я зрю почтенного героя
С почтенною супругой здесь,
Ведущих сельску жизнь в покое.
О жизнь, о время золотое! [6, с. 255]

Мотив противопоставления города усадьбе является магистральным и встречается у многих поэтов XVIII века. Как отмечает Г.А. Гуковский, «...идеал активного просветительства сменяется... идеалом более кабинетного характера, идеалом мудреца, борющегося не за исправление мира, а за ограждение собственной души от унижающих человека мелких страстей и за просвещение собственного ума» [1, с. 56].

Нравственность/безнравственность того или иного типа бытия оценивается с точки зрения его близости к естественности, простоте, свойственной человеку с архаическим типом сознания [2]. Модель мира, где «простота святая» противопоставлена «пышности», достойна воспевания и прославления, по мнению поэта. Ю.М. Лотман отмечал, что в это время «...литература создала два контрастных этических идеала: идеал деятельного патриотизма, выразившийся... в форме служения государству, и идеал частной жизни, дающий личную независимость и свободу от государственных обязательств. В духе времени один облекся в одические одежды, а другой – находил себе выражение в образах, заимствованных из Горация» [5, с. 99].

В.И. Майков и поэты, близкие ему по духу, избирают для себя второй путь, который продиктован их близостью к масонству. Именно для масонов характерно стремление к уединению и внутренней работе над необтесанным камнем своей души.

Вступая в диалог со своими современниками, автор включается в создание «усадебного текста» русской литературы. Мотивы уединения, золотого века, простоты и слияния с природой мы встречаем в его «Оде графу Чернышёву...»:

Я, ввек пленяясь чистотою
Великия души твоей,
Прельщаюсь сельскою простотою,
Устроенной в округе сей:
Места сии подобны раю,
С восторгом я на них взираю [6, с. 256].

Простая уединенная сельская жизнь сравнивается поэтом с раем. Усадьба как рай на земле – устойчивая метафора поэзии XVIII века, восходящая к мифологеме Эдема. Тот же мотив мы видим и в оде В.И. Майкова. Граф З.Г. Чернышев проводил в имении летние месяцы, что и послужило превращению его усадьбы в «Русский Версаль», как тогда его называли:

Я чистым воздухом питаюсь,
Прогнав от глаз коварства тень,
В эдеме ныне обретаюсь... [6, с. 255].

В усадебной поэзии образ рая на земле имеет обязательные пейзажные формулы, заимствованные русскими поэтами из пасторальных идиллий Феоклита и эклог Вергилия. Так, любой райский пейзаж, по мнению многих поэтов XVIII века, дол-

жен был включать в себя четыре составляющие бытия: воду, землю, огонь и воздух.

В.И. Майков придерживается этой традиции и включает в свою оду образы: воды – «Где льются чистых вод потоки» [6, с. 256], «Течет с приятным шумом Лама» [6, с. 256], земли – «Там далее луга широки / Цветами все испещрены» [6, с. 256], огня – «Подобны солнцевым чертоги» [6, с. 256] и воздуха – «Я чистым воздухом питаюсь» [6, с. 255]. Кроме того, поэт сохраняет устойчивую поэтическую образность, включающую в себя описание дома-усады, сравнив его с резиденцией солнца, сада, описание которого вызывает у внимательного читателя аллюзии с садом М.В. Ломоносова, «поля где небу подражают, себя цветами испещряют» [4, с. 129].

Итак, как мы отметили выше, идиллическому усадебному топосу присущ устойчивый комплекс мотивов, связанных с поэтизацией гармоничной и способствующей нравственному очищению естественной среды, и вещественная конкретность бытия. В.И. Майков развивает мотивы внутреннего самоусовершенствования вдали от государственных забот, актуальные для владельца усадьбы З.Г. Чернышева и самого В.И. Майкова как представителей масонского братства, а также следует по пути конкретизации изображения, наметившемуся у А.А. Ржевского и М.М. Хераскова. Он вводит описание конкретной усадьбы: Ярополча.

Читая строчки оды, мы без труда можем воссоздать облик усадьбы З.Г. Чернышева, так как В.И. Майков упоминает конкретные архитектурные сооружения, скульптуры, водные объекты, присутствующие в описываемом имении: «И позади ее [Ламы] сияет / Срацинска храма красота» (из пояснений А.В. Запавова мы узнаём, что «хинейский храм» – это беседка в китайском стиле, а «срацинский храм» – беседка в мавританском [6, с. 471]), «И се ко украшенью вида, / Где мест прекрасных сих конец, / Стоит огромна пирамида, / Всех дел Румянцева венец», «Среди прекраснейшего сада / Всего прекрасней, что ни есть, / Огромна внесена громада / Императрице росской в честь» [6, с. 257]. Точность и яркость описания предметного мира становится с этого времени основной чертой усадебной лирики. Поэт в оде уделяет внимание не только описанию сада, но и, как истинный художник, красочно рисует господский дом: «Коль все они [друзья] к тебе вселятся, / В пространн дом твой не вместятся» [6, с. 255]. Описывая господский дом, поэт как будто невзначай добавляет к образу графа ещё одну характерную портретную деталь, изображая Чернышева не только как человека, нашедшего покой и умиротворение, но и как радушного хозяина, у которого много верных друзей:

Я зрю: собор друзей нелестных
Здесь Чернышева окружил,
Собор мужей, ему известных,
С которыми он в свете жил,

Которых чести он свидетель

И был всегда им благодетель [6, с. 255].

Сельскому покою противопоставлен мир города, что было характерно и для рассмотренных выше стихотворений А.А. Ржевского и М.М. Хераскова. Точно так же, как и близкие В. И. Майкову поэты, автор оды, адресованной З. Г. Чернышёву, упоминает клевету, коварство, зависть и обман городского мира, которому противопоставлен усадебный Эдем, в котором «сияет правды день» [6, с. 255].

Для поэзии второй половины XVIII века характерна не только единая философия и мировоззренческие установки, основанные на взглядах Горация, Сенеки, Плиния Младшего и других философов, но и получившая в то время широкое распространение масонская идеология.

Масонские сады были местом, которое служило земным раем. Местом, где можно было уединиться и подумать о смысле бытия, поразмышлять о душе и том, как стать со-Творцом. Поскольку задача масонов помочь Богу в преображении этого бренного мира, сады братьев были наполнены огромным смыслом, заключенным во всевозможных символах, наполнявших приусадебные земли. Согласно масонской этике, каждый брат обязан трудиться над своей душой, чтобы из профана стать посвященным, из необработанного камня – гладким. Сады служили местом работы над собой, обращаясь не столько к разуму гуляющего, сколько к его сердцу.

В.И. Майков в своем стихотворении говорит о невозможности передать словами всё то, что он чувствует, таким образом подчеркивается значимость внутреннего духовного восприятия мира, что вписывается в концепцию воздействия усадебной культуры в первую очередь на сердце человека: «Но что мне мысль моя вмещает, / Не силен изрещи язык, / Лишь сердце прямо ощущает» [6, с. 257].

Кроме того, для масонов одним из важнейших качеств была честность. Неслучайно мы читаем у В.И. Майкова:

Но пусть завистник устремится
Хулы неправы мне сплетать,
Вовеки правда не затмится
И будет, яко луч, блистать [6, с. 256].

Антитеза неправда – тьма / истина – свет в этих строчках является не только литературным приёмом, но и раскрывает идеологию масонства: мир гармоничен в его дуализме.

При описании сада мы читаем: «Там дубы, липы, вяза, клены», при этом в исторических описаниях усадьбы встречается частое упоминание только липовых аллей. Тем не менее В.И. Майков первым упоминает дуб, который является символом мужского начала, опоры. За дубом мы видим липу – символ женского начала, ее было принято сажать возле храмов и домов, а под кронами дерева праздновать победы, вершить суды, заключать договоры и отмечать праздники. Вероятно, упомина-

ние садовых деревьев неслучайно и перекликается как с дуализмом и мыслью о биполярности, так и с идеей семьи: «Я зрю почтенного героя / С почтенною супругой здесь» [6, с. 255].

Вяз – символизирует достоинство. Можно предположить, что, упоминая это дерево третьим, В.И. Майков подчеркивает исключительность хозяина усадьбы. Наконец, последнее дерево, о котором упоминает поэт, – клён. Клен является особым символом для масонов. Так как листья клена похожи на пятилучевую звезду Соломона, которая к тому же обозначает и человека: две ноги, две руки и голова. Соломонова звезда символизирует в масонстве мудрость – мудрость мира, постижения и покоя – мотив, ставший сквозным в оде В.И. Майкова.

В комплекс масонских мотивов вписывается и образ пути, возникающий в финале стихотворения В.И. Майкова. Лирический герой, совершающий прогулку по саду, обращается в свой внутренний мир в поисках истинного духовного пути:

Куда ни обращаю взоры,
Везде красы природы зрю,
Чрез рощи, чрез высоки горы
Я в мысли путь себе творю:
Там воды протекают ясны,
С душой владетелей согласны [6, с. 257].

Так, осмысление В.И. Майковым садового пространства вписывается в мифопоэтическую традицию масонских садов, призванных настроить братьев на обращение к своему «внутреннему человеку», на поиск гармонии со своим внутренним «я».

Кроме тех отличий, о которых мы уже сказали, стоит отметить ещё одну особенность этой оды. В отличие от классических од, поэт пишет не десятистрочной строфой, как было принято в русской похвальной оде, а шестистрочной, и прославляет В.И. Майков не государственные заслуги Чернышева, а покой, в котором пребывает граф в своем имени.

В.И. Майков входит в литературную группу поэтов-масонов, обратившихся в своем творчестве к теме «внутреннего» человека и проблемам нравственного самосовершенствования. Канон классической торжественной оды, призванной выражать коллективные государственные интересы и переживания, не подходил для отражения обозначенной масонской темы. В.И. Майков и его современники ищут новые формы, и утверждающаяся «усадебная» культура, становление «усадебного» текста позволяют эти формы разрабатывать.

Усадебная поэзия В.И. Майкова интересна тем, что вступила в диалог с произведениями современников поэта – А.А. Ржевского и М.М. Хераскова. Созвучные другим поэтам мотивы покоя, золотого века, внутренней работы над душой раскрыты у В.И. Майкова по-своему. Поэт утверждает возможность быть великим не только в рамках государственной службы и светской жизни, но и в конкретном маленьком уголке земли – усадьбе. Автор

утверждает, что, работая над усовершенствованием своей души на лоне природы, человек, изменяясь сам и возвеличивая свой дом (усадьбу), делает настолько же благое дело, как и на службе государю. Честность, истина и простота ценятся В.И. Майковым более светских почестей. Поэт, утверждая свою мысль, одним из первых ввел вещественную конкретику, соотносимую с реалиями конкретной усадьбы и жизнью своего современника, в свои стихи. Тенденция к отказу от классицистической абстрактности, к индивидуализации в создании художественного образа, обозначившаяся в «усадебном» стихотворении В.И. Майкова, адресованном З.Г. Чернышеву, станет одной из магистральных в русской литературе последней трети XVIII века, освобождающей от риторического «готового» слова и формирующей новый тип индивидуально-авторского изображения действительности.

Библиографический список

1. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII в. – М., 2003. – 452 с.
2. История русской поэзии: в 2 т. – Т. 1. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1968. – 560 с.
3. *Кулешова С.В.* Становление «усадебного текста» в русской поэзии 30–50-х годов XVIII века (А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов) [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение: электрон. науч.-практ. журнал. – 2014. – № 2 (29). – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/683> (дата обращения: 01.04.2019).
4. *Ломоносов М.В.* Ода, в которой ее величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года // Ломоносов М.В. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 127–133.
5. *Лотман Ю.М., Живов В.М., Аверинцев С.С., Панченко А.М.* и др. Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 831 с.
6. *Майков В.И.* Избранные произведения. – М.: Л.: Советский писатель, 1966. – 509 с.
7. *Маслова А.Г.* Поэтика пространства и времени в русской поэзии 1760–1780-х годов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 212 с.
8. Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 1. – М.: Сов. писатель, Ленингр. отд., 1972. – С. 257–258.
9. *Саськова Т.В.* Пастораль в русской поэзии XVIII века. – М.: МГОПУ, 1999. – 166 с.
10. *Херасков М.М.* Сельская жизнь // Полезное увеселение. – 1762. – Сентябрь. – С. 98–101.

References

1. Gukovskij G.A. Russkaya literatura XVIII v. – M., 2003. – 452 s.
2. Istoriya russkoj poezii: v 2 t. – T. 1. – L.: Nauka, Leningr. otd., 1968. – 560 s.

3. Kuleshova S.V. Stanovlenie «usadbnogo teksta» v russkoj poezii 30–50-h godov XVIII veka (A. Kantemir, V. Trediakovskij, M. Lomonosov) [Elektronnyj resurs] // Filologiya i literaturovedenie: elektron. nauch.-prakt. zhurnal. – 2014. – № 2 (29). – Rezhim dostupa: <http://philology.snauka.ru/2014/02/683> (data obrashcheniya: 01.04.2019).

4. Lomonosov M.V. Oda, v kotoroj ee velichestvu blagodarenie ot sochinitelya prinositsya za okazannuyu emu vysochajshuyu milost' v Sarskom Sele avgusta 27 dnya 1750 goda // Lomonosov M.V. Izbrannye proizvedeniya. – L.: Sovetskij pisatel', 1986. – S. 127–133.

5. Lotman YU.M., ZHivov V.M., Averincev S.S.,

Panchenko A.M. i dr. Iz istorii russkoj kul'tury. T. IV (XVIII – nachalo XIX veka). – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1996. – 831 s.

6. Majkov V.I. Izbrannye proizvedeniya. – M.; L.: Sovetskij pisatel', 1966. – 509 s.

7. Maslova A.G. Poetika prostranstva i vremeni v russkoj poezii 1760–1780-h godov. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. – 212 s.

8. Poety XVIII veka: v 2 t. T. 1. – M.: Sov. pisatel', Leningr. otd., 1972. – S. 257–258.

9. Sas'kova T.V. Pastoral' v russkoj poezii XVIII veka. – M.: MGOPU, 1999. – 166 s.

10. Heraskov M.M. Sel'skaya zhizn' // Poleznoe uveselenie. – 1761. – Sentyabr'. – S. 98–101.

Тихомиров Владимир Васильевич

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет
vtihom@mail.ru

И.С. АКСАКОВ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

В статье отмечается, что И.С. Аксаков продолжил линию развития литературной критики своих предшественников-славянофилов (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина) и значительно изменил принципы и подходы анализа русской литературы. Он менее категоричен в требованиях верности русских писателей православным основам, для него важен прежде всего интерес писателя к русскому народу, его традициям, к русской истории. Автор статьи констатирует, что Аксаков более объективно, по сравнению со своими предшественниками-славянофилами, оценил творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева. В своих критических оценках И. Аксаков отчасти сближается со сторонниками почвеннической критики.

Ключевые слова: И.С. Аксаков, эволюция русской славянофильской критики, славянофилы, почвенники, русская история, народ.

И.С. Аксаков (1823–1886), которого можно назвать «младшим» славянофилом, на протяжении всей своей жизни, почти до конца XIX века, поддерживал традиции старшего поколения в отстаивании основных принципов славянофильской программы общественной и литературной мысли, или, как утверждал он сам, «народного направления». В то же время в том, что касалось отношения к русской литературе и понимания задач литературной критики, он был менее категоричен в оценке своих идейных оппонентов – западников.

Сам И.С. Аксаков следующим образом сформулировал свою общественную позицию, которая, несомненно, повлияла и на позицию литературную: «Наше знамя – русская народность. Народность вообще – как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самими, которые стоят и ратуют за право личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной!» [3, с. 254]. Это цитата из опубликованной в журнале «Русская беседа» статьи «Об издании в 1859 году газеты “Парус”» (1858. Т. 6. Кн. 12), однако изложенные здесь мировоззренческие принципы были дороги И. Аксакову всегда. В его высказывании ощутим полемический выпад в адрес сторонников европейской цивилизации, ставящих во главу общественного развития права личности, в то время как русские славянофилы отстаивали первенство «личности народной», то есть общины, мира, коллектива. Естественно, этот философско-исторический и этический принцип проявился и в литературной позиции И. Аксакова.

Началом литературно-критической деятельности И. С. Аксакова можно считать опубликованную в «Московском сборнике» 1852 года некрологическую статью «Несколько слов о Гоголе» в связи с кончиной писателя. В соответствии с жанровыми особенностями некролога речь в нём идёт преимущественно о Гоголе-человеке, однако его человеческие качества, несомненно, проецируются на художественное творчество. Гоголь всегда был для

И. Аксакова, как и для его старших коллег-единомышленников, образцом православного писателя-подвижника и нравоучителя, однако автор статьи обратил преимущественное внимание на сложности и противоречия духовного и художественного пути покойного.

По мнению автора некролога, не скоро «уразумеемся вполне всё глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи!.. <...> Долго страдал он, отыскивая светлой стороны и пути к примирению с обществом, как того жаждала любящая душа художника, искал, заблуждался (только тот не заблуждается, кто не ищет), уже не однажды думал, что найден ответ. Но не удовлетворялось правдивое чувство поэта» [3, с. 250].

И. Аксаков нашёл своё объяснение тесной связи художественных и нравственных принципов в творчестве Гоголя, источник которой – глубокая религиозность писателя с осознанием противоречивой природы человека. На этом основано мнение критика о том, что «едва ли найдётся душа, которая бы с такой нежностью и горячностью любила добро и правду в человеке и так глубоко и искренно страдала при встрече с ложью и дрянью человека. Как на нравственный подвиг, требующий чистого деятеля, смотрел он на свои литературные труды...» [3, с. 251].

Писатели XIX века достаточно часто высказывали своё мнение о литературных произведениях в частных письмах, поскольку эпистолярный жанр в ту эпоху был очень популярен. Не было исключением и И.С. Аксаков. Он в течение ряда лет активно переписывался с И.С. Тургеневым, несмотря на то, что их взгляды на общественно-исторические и литературные проблемы значительно отличались. Личные контакты нередко оказывались сильнее идейных разногласий, к тому же Тургенев и Аксаков оба обладали незаурядным художественным вкусом и чутьём, любили и ценили русскую литературу, что позволяло им находить общий язык в оценке многих литературных явлений.

4 октября 1852 года Аксаков пишет Тургеневу: «Я сам перечитываю теперь “Записки охотника” и не понимаю, каким образом Львов (В.В. Львов – московский цензор. – В. Т.) решился пропустить их. Это стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта. Всё это даёт книге огромное значение, независимо от её литературного достоинства». Давая высокую оценку книге в целом и отдельным рассказам в частности («Контора», «Бурмистр», «Бирюк», «Хорь и Калиныч» и др.), Аксаков, при всём уважении к И.С. Тургеневу, высказал достаточно принципиальные замечания, касающиеся в основном речевых характеристик героев книги. Он пишет: «В “Записках охотника” встречаются очень часто такие натянутые сравнения, такие претенциозные остроты, такая изысканная наблюдательность, как будто любующаяся собою и всем говорящая: какова наблюдательность, а? – что я удивляюсь, как ваш строгий и разборчивый вкус допустил всё это. К чему все эти шуточки и остроты, часто ни к селу ни к городу, насчёт старых девок, кислых фортепьян... рыхлых купчих... и проч., и проч? <...> На этот счёт так остроумно острят водевильные писатели, что вы могли бы не оспаривать у них первенства в этом отношении. Ничего подобного нет в “Муму”» [1, с. 224].

Замечания Аксакова относительно художественности книги Тургенева достаточно строги и демонстрируют не всегда присущий славянофилам интерес именно к эстетическим особенностям литературных произведений. Не менее категоричными оказались его претензии к передаче писателем народной речи – в сравнении с другими авторами книг о народе. «Я вообще против употребления крестьянской речи в литературе так, как она является у Григоровича и отчасти у Вас, – отмечает Аксаков. – Это не свободная крестьянская речь, а копировка, стоящая, по-видимому, больших усилий. Григорович, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, Вы – орловским, Даль – винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без резких ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковых в каждом месте. Видно, что Вы копируете и к тому же частёхонько не доглядываете; у Вас, например, мужик беспрестанно говорит: *удивительно*. Вы могли, конечно, услышать это слово от *одного* мужика, но вообще крестьяне этого выражения не употребляют. Думая уловить русскую речь, Вы улавливаете только местное наречие» [1, с. 224]. Критические замечания автора письма, как видим, достаточно строги.

Интересно, что И.С. Тургенев даже не попытался защититься от этой критики. Он согласился с замечаниями И.С. Аксакова. В ответном письме

от 28 октября 1852 года он пишет: «Всё, что Вы говорите о “Записках охотника” – я подписываюсь обеими руками... Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется, будто эта книга писана не мною, так уж я далёк от неё. Напряжённость и натянутость, которые слишком часто в ней попадают – отчасти могут быть извинены тем обстоятельством, что когда я писал её – я был за границей». И далее читаем: «Ваше замечание насчёт мужицкой речи совершенно справедливо». Подобную «дагерротипность» «надо бросить – или, если без неё не выходит живо – бросить перо» [6, с. 288, 289].

Своеобразные суждения И.С. Аксакова о комедии А.Н. Островского «Не в свои сани не садись» были высказаны в письме И.С. Тургеневу от 11 марта 1853 года. Вот его мнение: «Впечатление, производимое этою пьесой на сцене, не только силою своею побеждает все предубеждения, но едва ли с каким-либо прежде испытанным впечатлением сравниться может. Вполне понятна эта пьеса только в театре. Но пьеса – чисто временщица, то есть вполне принадлежит времени и глубже не зачерпывает. Бородин – главное лицо – не характер, а представитель известного сословия и положения. Нравственное достоинство человека, заслонённое до сих пор смешною внешностью и купеческою ложною образованностью, здесь ярко выступает на сцену в состязание с представителем другого сословия, в котором нет ничего смешного, всё *comme il faut* и уместно, но в котором зато не оказывается никакого нравственного достоинства. Впрочем, едва начнёт стираться эта смешная купеческая внешняя физиономия, тогда поблёкнет контраст между внутренним достоинством и внешним его выражением и пьеса утратит своё теперешнее общественное значение» [2, с. 28].

В отзыве Аксакова о пьесе Островского следует обратить внимание на два момента. Во-первых, И. Аксаков, как и другие славянофилы, признаёт возможной тенденциозность, ангажированность искусства (отсюда выражение, что «пьеса – чисто временщица»), хотя художественная сторона литературного произведения, как это было видно из характеристики «Записок охотника», тоже приветствуется, и не в последнюю очередь. Во-вторых, судя по оценке автором письма характера и нравственных качеств купеческого сына Бородина в сравнении с дворянином Вихоревым, славянофилы видели в русском купечестве, в отличие от почвенников, не средоточие народной культуры (таковым представлялась лишь стихия крестьянской жизни), а нечто межеумочное, испорченное городской полудивилизованной средой, своего рода русский вариант буржуазного быта.

Центральной работой И.С. Аксакова а историко-литературном и литературно-критическом плане, несомненно, стал биографический очерк «Фёдор Иванович Тютчев», написанный вскоре

после смерти поэта и впервые опубликованный в 1874 году. Значительное место в очерке занимает характеристика поэтического творчества Тютчева, на её изложении мы и остановимся.

По мнению автора очерка, Тютчев – «чистокровное порождение европеизма», и в тоже время он «один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского самосознания», несомненно, близкий славянофилам. Тютчев-поэт сформировался, когда русская мысль стремилась «стать в сознательное, философское отношение к русской народности» [3, с. 308]. Далее И. Аксаков утверждает: «Тютчев не только пришёл к выводам, совершенно сходным с основными славянофильскими положениями, но и к их чаяниям и гаданиям... <...> Он с самого начала как бы судил Запад» [3, с. 311]. Но при этом поэт, констатирует критик, в отличие от последовательных славянофилов, жил «вне церковной бытовой русской стихии», что не помешало ему «уразуметь русские народные нравственные идеалы» [3, с. 318, 319].

Автор очерка рассматривает поэзию Тютчева как исторически и национально обусловленную. По его мнению, «Тютчев принадлежал... к так называемой пушкинской плеяде поэтов. <...> ...На его стихах лежит тот же исторический признак, которым отличается и определяется поэзия той эпохи» [3, с. 321]. Интересна мысль Аксакова об особой исторической роли русской литературы, на долю которой «досталось высокое призвание быть почти единственной воспитательницей русского общества», причём «от самых первых, слабых искр европейского знания, пользуясь готовой чужой... формой». Это признание особенно знаменательно в устах сторонника славянофильской идеи. По его мнению, именно русской поэзии «предстояло, силой высших художественных наслаждений, совершить в русском обществе тот духовный подъём, который был ещё не под силу нашей... несамостоятельной науке, и ускорить процесс нашего народного самосознания». Русская поэзия выявила «всё разнообразие, всю силу и красоту русского языка... до гибкости и прозрачности, способной выражать наитончайшие оттенки мысли и чувства» [3, с. 322]. В России поэзия – «вид какого-то священнодействия», «самостоятельное явление духа», образец «поэзии бескорыстной, самой для себя, свободной, чистой, не обращённой в средство для достижения посторонней цели» [3, с. 323].

Славянофилы вообще не были сторонниками чистого искусства, но в данном случае Аксаков рассуждает о том периоде развития русской поэзии, когда «свежесть формы и искренность чувства» «были нужны, были серьёзным, *необходимым*, историческим, а потому в высшей степени полезным делом» [3, с. 324]. В таком плане рассматривается Аксаковым и творчество Тютчева, отличающееся «внутренней искренностью» как «при-

знак прежней поэтической эпохи» или «какой-либо старой живописной школы» (по «непосредственности творчества») [3, с. 325]. Рассуждения о поэзии у Аксакова близки романтической эстетике, у Тютчева он находит образец субъективного творчества, повод для которого – «всегда в личном ощущении, впечатлении и мысли». Отсюда в его стихах – «особенная прелесть задушевности и личной искренности» [3, с. 328]. В отличие от многих исследователей творчества Тютчева, относящих его лирику к разряду философской поэзии, поэзии мысли, Аксаков подчёркивает, что «мыслью и чувством трепещет вся его поэзия. Его музыкальность не в одном внешнем гармоническом сочетании звуков и рифм, но ещё более в гармоническом соответствии формы и содержания» [3, с. 329].

В лирике Тютчева Аксакова более всего привлекают картины природы, исполненные, по его мнению, «такой же бессмертной красоты, как бессмертна красота самой природы!» У поэта нет «фотографической точности» пейзажных картин, его задача не в «описании» природы, а «*в воспроизведении того же именно впечатления*, какое произвела бы на нас сама живая натура». Такой способностью, по мнению критика, кроме Тютчева обладал только Пушкин. Аксаков склонен объяснять яркую образность и в то же время «простоту» и «краткость» тютчевского стиха отчасти тем, что поэт как будто хранил русский язык для поэзии, «в более целостном виде, не искажённом через частое употребление» [3, с. 336], так как в быту пользовался им редко.

В любовной лирике Тютчева Аксаков отмечает «совершенное отсутствие грубого эротического содержания» и то, что «жизнь сердца» в ней «отразилась... только той стороной, которая одна и имела для него цену, – стороной чувства, всегда искреннего, со всеми своими последствиями: заблуждениями, борьбой, скорбью, раскаянием, душевной мукой» [3, с. 342].

Самым важным отличием Тютчева-поэта И. Аксаков считает «неразлучный с его поэзией элемент мысли. <...> Большею частью мысль и образ у него нераздельны. <...> Он... *мыслил образами*» [3, с. 343]. Очевидно, учитывая сложившееся представление о Тютчеве как «поэте мысли», критик сопоставляет его лирику с творчеством других поэтов этого направления в русской поэзии, прежде всего с А.С. Хомяковым и Е.А. Баратынским, и подчёркивает преимущество Тютчева в умении художественно воспроизвести «саму плоть мысли». По его мнению, у Хомякова мысль «перевешивает художественную форму в ущерб себе и ей», а у Баратынского «чувство всегда мыслит и рассуждает. <...> Он трудно ладит с внешней художественной формой; мысль иногда торчит сквозь неё голая». У Тютчева же «не то что *мыслящая* поэзия, – а поэтическая мысль... не чувство

рассуждающее, мыслящее, – а мысль чувствующая и живая» [3, с. 344].

Аксаков не останавливается на философских истоках лирики Тютчева, однако отмечает, что во многих его стихотворениях «раскрывается... нравственно-философское созерцание поэта», его «внутренняя душа», «ноющая тоска, какают скорбная ирония», причём «тоска у Тютчева происходила... от присутствия... идеалов в его душе – при разладе с ними всей окружающей действительности» [3, с. 349].

Особняком представляются критику стихи Тютчева политической направленности, откровенно тенденционные, которые, по мнению Аксакова, не подлежат эстетической критике, зато в них нет «духовного раздвоения», самоиронии, «нравственной тоски», поскольку политические убеждения поэта были «цельны до односторонности», до «героических звуков», в целом ему чуждых [3, с. 351]. Политическая лирика – не его стихия, хотя «талант его был способен... к разнообразному стихотворному строю» [3, с. 352]. Будучи не только родственником поэта (женат на старшей дочери Тютчева Анне Фёдоровне), но и духовно близким ему человеком, И. Аксаков подчёркивает в его поэзии самовыражение личности, отмечает, что поэзия эта трепещет «внутренней жизнью души поэта», что для неё характерна «художественная зоркость и воздержанность в изображениях... пушкинская трезвость, точность и меткость эпитетов», «во всём и всюду дыхание мысли, глубокой, тонкой, оригинальной... всегда согретой сердцем... при совершенной простоте, естественности, свободе... <...> ...Без малейшего отзвука тщеславия, гордости... суетности, шегольства» [3, с. 354]. Понимание лирики Тютчева как проекции внутреннего мира поэта – основной посыл критического анализа Аксаковым его поэзии.

Отношение славянофилов к творчеству А.С. Пушкина было неоднозначным и претерпело значительную эволюцию. Старшее поколение (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков), признавая талант поэта и роль в русской литературе, считали его слишком «европейцем», чтобы признать «своим». Позиция И.С. Аксакова в этом отношении была иной, более терпимой и объективной. В очерке о Тютчеве он несколько раз с большим сочувствием упоминает Пушкина. Характеризуя эпоху 1820-х годов, когда формировался Тютчев-поэт, автор отмечает: «Гений Пушкина ищет содержания в народной жизни» [3, с. 307]. В другом месте Аксаков пишет, имея в виду творчество Пушкина: «Приходится поистине изумляться упругости и мощи этого гения, который – не благодаря, а вопреки всем внешним условиям – успел в короткий срок своего поприща дойти до той художественной трезвости и полноты, какую явил он в позднейших своих творениях» [3, с. 241].

Систематизировавшая многочисленные факты творческих переключек и оценок творчества Пушкина И. Аксаковым Н.Н. Вихрова констатирует: «И. Аксаков пронёс благоговейную любовь к Пушкину через всю жизнь и, как представитель славянофильства, неоднократно предпринимал попытки “вписать” пушкинское творчество в славянофильскую концепцию народности литературы» [4, с. 3]. Из всех литераторов-славянофилов именно И.С. Аксаков дал самую высокую оценку творчеству великого русского поэта.

Центральным и итоговым суждением И. Аксакова о Пушкине стала, несомненно, его речь, произнесённая 7 июня 1880 года на торжественном заседании, посвящённом открытию памятника поэту в Москве. По значимости её можно сравнить и известной речью Ф.М. Достоевского по этому же случаю. Знаменательно, что И. Аксаков своё выступление начал цитатой из столь дорогого ему Ф.И. Тютчева: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет!» Он постоянно подчёркивает связь «художественных достоинств» Пушкина с «народной стихией», «которой вся обвеяна и согрета его поэзия». Аксаков как будто пересматривает характерное для его предшественников-славянофилов более старшего поколения сдержанное отношение к Пушкину, подчёркивая, что в его поэзии присутствует «вечная... историческая печать весны и её свежести... новоявленной радости, первого озарения русских сердец светом неложного русского искусства. При этом, утверждает оратор, только «печать даров... народного духа» позволяет поэту «явить миру новые стороны духа общечеловеческого» [3, с. 264, 265]. Аксаков подчёркивает «особенное историческое» значение русской поэзии и прежде всего Пушкина в формировании «нашего народного самосознания», и решающую роль в этом, по его мнению, сыграло мастерство художественной формы: «Только великий... мастер-художник, только... жрец чистого искусства, никаких задач вне искусства не знающий, но притом с живой русской душой, мог совершить такой великий исторический общественный подвиг» [3, с. 269].

В силу специфики жанра публичной речи Аксаков не даёт подробного анализа творчества Пушкина, но находит такие глубокие, ёмкие и самостоятельные характеристики, нередко обусловленные особенностями его мирозерцания, что их трудно изложить иначе, кроме подробного цитирования. Мало кто из современников И.С. Аксакова так глубоко понимал значимость и содержательность художественной формы. Дух славянофильской идеи, утверждавшей приоритет русской народности во всех сферах жизни, проявился у Аксакова в утверждении взаимозависимости и обусловленности национального, общечеловеческого и эстетического факторов: «Правда русской народности могла завоевать себе всемирное гражданство

в искусстве только через безусловную в самой себе правду искусства. <...> Именно потому, что Пушкин был служителем чистого... искусства, не обращал поэзию *умышленно* в орудие разных предвзятых идей и теорий... не ставил себе внешнею целью “пользу”... *только потому* и явился он таким беспредельно *полезным* общественным деятелем». Он был «цельный художник с живою русскою душою» [3, с. 269], в котором вопреки воспитанию сохранился русский человек. Пушкин не ставил перед собою целью быть народным, «народная стихия» возникает в его творчестве естественно, свободно и искренне, и никто до него «не воспроизводил ни в стихах, ни в прозе нашей простой сельской природы с такою простотою истины и с такою теплотой сочувствия» [3, с. 272].

В самой художественности Пушкина И. Аксаков находит национальное русское начало: «Пушкин как художник тем именно и дорог и замечателен и отличается от большинства... европейских поэтов, что он всегда *искренен*, всегда *прост*, всегда *свободен*, никогда не *позирует*, не *рисуется*... не *носитя с своим “я”*». Ещё одно специфическое качество Пушкина-поэта подчёркивает критик – «это чувство реальной, жизненной правды, чуждающейся фальшивых идеалистических прикрас, но в то же время, сквозь отрицательные стороны предмета, умеющее распознать и положительные его стороны, с присущей им красотой» [3, с. 273].

Высоко оценивая художественность пушкинского творчества и как будто принимая самодостаточность художественной формы в его поэзии, И. Аксаков, кажется, противоречит принятой славянофилами установке на обязательную нравственную, поучительную составляющую искусства. В то же время критик как будто прозревает глубинные смыслы пушкинских образов и в самой их эстетической сущности обнаруживает нравственное, духовное начало. В его представлении о творчестве Пушкина эстетическое и этическое в нём сопрягаются, а духовные ценности приобретают национальный характер. По мнению Аксакова, Пушкин «*первый* в нашей литературе отнёсся... к воспроизведённым им явлениям русской бытовой жизни с их положительной стороны», жизненная правда у него «согрета и освещена тёплым светом сочувствия, но в то же время ограждена... от ложной окраски тонкою, незлобивою *иронией!* <...> Вот эта способность *шутки*, это присутствие *иронии* в уме – тоже коренная, народная черта истинно русского человека, – утверждает Аксаков. – Такой грациозной шуткой и доброй умной иронией, прикрывающей иногда лёгкой формой глубокую серьёзную мысль... изобилует поэзия Пушкина» [3, с. 273]. В то же время поэт прекрасно сознавал раздвоение собственной прозаической жизни и высокого искусства.

Постоянно подчёркивая, возможно излишне категорично, «русскость» Пушкина, И. Аксаков как

будто стремится сблизить его творчество со своими представлениями о том, каким оно должно быть по его мнению. Следует признать, что он во многом прав, исправляя то несколько прохладное отношение к Пушкину, которое имело место у его более старших единомышленников. Не только эстетическая, но и этическая позиция Пушкина, по мнению критика, имела национальные истоки. Аксаков утверждает, например, что в Пушкине не было байроновской гордыни, что «он был поэтом дневного белого света, а личной гордости в нём нет и тени». Сама объективность Пушкина, способность «постигать предмет в нём самом, как он действительно есть... гнездится в глубинах русского духа. <...> Воспитывается она в русском народе самым общинным хоровым строем его жизни» [3, с. 276].

Интерес Пушкина к истории Аксаков тоже связывает с его глубоким национальным «историческим чувством», утверждая, что он «и в современности чувствовал себя всегда как в исторической рамке, в *пределах живой, продолжающейся истории*» [3, с. 278]. Немаловажное качество Пушкина-поэта и человека констатирует Аксаков, подчёркивая, что, «сохраняя всегда во всём полную нравственную свободу и независимость художника, Пушкин не был певцом ни официальных торжеств, ни официального величия; был чужд и слепого, узкого национального эгоизма». Ему свойственно «уважение к своей земле, признание прав своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитие». В представлении Аксакова Пушкин становится по существу нормой, эталоном русского народного писателя, как его понимали славянофилы. И не просто писателя, поскольку, по мнению критика, «не одному только искусству указал он путь, но всей вообще русской мысли... в слове и в жизни» [3, с. 279]. Подобное представление об исторической роли Пушкина – писателя и мыслителя оказывается близким к известной формуле идеолога русского почвенничества А.А. Григорьева «Пушкин – наше всё».

Славянофильская тенденция явно присутствует в характеристике Аксаковым пушкинского творчества, в выводах автора речи: Пушкин «звёт» «к плодотворному служению *истине* на поприще правды народной» [3, с. 280]. Однако сама эта характеристика оказалась достаточно интересной, самостоятельной и заслуживающей внимания. Критик совмещает эстетический принцип анализа с национально-историческим и нравственно-психологическим, однако, что не свойственно традиционным взглядам славянофилов на литературу, без ссылок на необходимость религиозной сущности художественного творчества.

Сравнительно небольшие, но в своём роде примечательные наблюдения о русских писателях, в частности о Л.Н. Толстом и И.С. Тургеневе, записал И.С. Аксаков в отдельных газетных заметках,

опубликованных в издававшейся им в 1880-е годы газете «Русь». Например, по поводу рассказа Л. Толстого «Чем люди живы» (Толстой Л. Чем люди живы // Русь. 1881. 19 декабря) автор заметки пишет, что в творчестве этого писателя «кроется способность выразить в строго реалистической форме самые неуловимые, тончайшие, самые возвышенные, именно христианские движения души, дать им... художественную, такую же тонкую плоть и воздействовать ими на душу читателя». Л.Н. Толстой «стал художником внутренне просветлённым, для которого освятилось искусство, раскрылся целый новый мир художественного творчества и нравственного служения» [3, с. 281]. Интересно, что в эти же годы мысли о глубинной религиозности художественного творчества Льва Толстого неоднократно высказывал почвенник Н.Н. Страхов [5, с. 67–72]. Именно о такой литературе, в которой художественность пронизана религиозно-этическим смыслом не в качестве дидактического привеска, а органично, когда эстетизируется само нравственное начало произведения, мечтали славянофилы. Нужно отдать должное проницательности И. Аксакова – читателя Л.Н. Толстого.

Совсем другие достоинства оценил Аксаков в творчестве И.С. Тургенева после смерти писателя. Ему посвящены два небольших критико-публицистических отрывка, опубликованные в газете «Русь» соответственно 1 сентября и 1 октября 1883 года. Автор отмечает, что Тургенев всегда раскрывал «нашему... сознанию какую-нибудь новую сторону русской общественной жизни, внутренний смысл возникающих в ней явлений и направлений... <...> ...Смерть его образует пустоту, которую заменить нечем и нечем, вызывает – по крайней мере в литературно-общественной среде – скорбное чувство обеднения и сиротства» [3, с. 282].

Аксаков не против общественной роли литературы, но, как и другие славянофилы, он предпочёл бы авторскую тенденцию, близкую к своей литературно-общественной позиции. Поэтому он, правда, в достаточно мягкой форме полемизирует с тургеньевским «западничеством» – «несомненно возвышенным и гуманным, но более или менее неопределённым, малосодержательным, почти беспочвенным, более эстетическим, чем нравственно-доблестным... сильно космополитическим...». Стоит заметить, что упреки в адрес Тургенева в неопределённости его идеалов с тем же успехом можно адресовать и самому Аксакову и всему течению славянофильства, тоже отличавшемуся утопичностью общественной программы.

Между тем Аксаков признаёт, что у русских «западников» имеются немалые общественные заслуги, прежде всего в противостоянии с таким социальным злом, как крепостничество. Он считает, что Тургенев «своими “Записками охотника” – едва ли не самым лучшим из его созданий – сослужил...

своему отечеству и народу поистине добрую службу», причём писатель «умел воспроизводить не одни только отрицательные, но иногда, с невольным сочувствием, и некоторые положительные черты русской народной жизни» [3, с. 282]. Веря в «западноевропейскую цивилизацию» и «прогресс», Тургенев, как утверждает Аксаков, в движении прогресса в России «с свойственной ему чуткостью... угадал и возвёл в типы многие болезненные явления нашего развития; при этом правда художника, вопреки его собственному желанию, брала верх над неправдою мыслителя» [3, с. 283].

Противопоставление сфер художественной и мыслительной в творчестве того или иного писателя стало традицией в русской критике ещё со времён Белинского (достаточно вспомнить его оценку творчества Гоголя в соотнесении с натуральной школой) и оказалось близким в том числе и славянофилам, как и всем литераторам, которые принимали принцип ангажированности искусства и стремились использовать его в своих целях.

В другом критико-публицистическом фрагменте из газеты «Русь» 1883 года, условно названном издателями «Тургенев и молодые поэты», Аксаков утверждает: «К чести нашего знаменитого писателя можно сказать, что тенденциозность его была чрезвычайно бледна, почему именно и не навредила высшим условиям искусства». В своих персонажах Тургенев «воспроизвёл в ярких образах всю духовную бескостность и дряблость или озлобленную несостоятельность российского беспочвенного человека» [3, с. 285]. По мнению критика, творчество Тургенева – урок подлинного искусства для молодого поколения, которое, «попав под полосу писаревского влияния, под видом “прогресса” попятилось назад и осталось, по крайней мере в области литературного развития, духовно искалеченным и круглым невеждой» [3, с. 284]. Следовательно, Тургенев в своём критическом отношении к русским «прогрессистам» (читай – «нигилистам») в глазах И. Аксакова оказывается чуть ли не его союзником.

По сравнению со своими предшественниками – славянофилами старшего поколения – И.С. Аксаков оказался человеком с более широким кругозором в отношении к литературе и литературной критике. Сохраняя верность основным постулатам славянофильской литературной программы, он был более терпим к инакомыслию, к художественному творчеству и литературной позиции своих оппонентов, в частности западников. Он признавал значимость и общественной направленности, и художественной формы в литературном произведении, причём, в отличие от многих радикально настроенных литераторов своего времени, в самой художественной форме находил содержательное начало. Большой заслугой И. Аксакова-критика стало более глубокое понимание, по сравнению с другими славянофилами, творчества А.С. Пушкина.

Библиографический список

1. Аксаков И.С. Письмо И.С. Тургеневу 4 октября 1852 года // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. – М.: Соцэкгиз, 1939. – Сб. 4. – С. 224.
2. Аксаков И.С. Письмо И.С. Тургеневу 11 марта 1853 года // Русское обозрение. – 1894. – № 9. – С. 28.
3. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – 384 с.
4. Вихрова Н.Н. И.С. Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород., 1999. – 24 с.
5. Тихомиров В.В. Н.Н. Страхов о своеобразии литературно-эстетической позиции Л.Н. Толстого // Русское литературоведение на современном этапе: материалы VII Междунар. конф. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 1999. – С. 67–72.
6. Тургенев И.С. Переписка: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1986. – Т. 1. – 608 с.

References

1. Aksakov I.S. Pis'mo I.S. Turgenevu 4 oktyabrya 1852 goda // Trudy Vsesoyuznoj biblioteki im. V.I. Lenina. – M.: Socekgiz, 1939. – Sb. 4. – S. 224.
2. Aksakov I.S. Pis'mo I.S. Turgenevu 11 marta 1853 goda // Russkoe obozrenie. – 1894. – № 9. – S. 28.
3. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika. – M.: Sovremennik, 1981. – 384 s.
4. Vihrova N.N. I.S. Aksakov i «pushkinskij vopros» v russkoj literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Velikij Novgorod., 1999. – 24 s.
5. Tihomirov V.V. N.N. Strahov o svoeobrazii literaturno-esteticheskoj pozicii L.N. Tolstogo // Russkoe literaturovedenie na sovremennom etape: materialy VII Mezhdunar. konf. – M.: MGGU im. M.A. SHolohova, 1999. – S. 67–72.
6. Turgenev I.S. Perepiska: v 2 t. – M.: Hud. lit., 1986. – T. 1. – 608 s.

**«МЫ НЕ ВИДИМ ИДЕАЛА... МЫ ВИДИМ МЕЛОЧЬ И МЕЛОЧЬ...»
ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А.Н. ОСТРОВСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00070

На примере газетно-журнальных отзывов о произведениях А.Н. Островского, опубликованных в 1850–70-х гг., в статье рассматривается проблема литературно-критической оценки художественного текста. Автор статьи исходит из положения, что оценка художественного текста напрямую связана с идеологией и главным запросом времени, в рамках которого текст получает эту оценку.

По справедливому замечанию Г. Фридендера, одной из важнейших задач, поставленных русской общественной жизнью второй половины XIX века перед литературой, было создание образа жизненно реального и вместе с тем положительного героя. А.Н. Островский в своём творчестве был сориентирован на то, чтобы отвечать на самые острые социальные запросы. Тем не менее его произведения зачастую не удовлетворяли, а иногда и оскорбляли нравственные чувства современников. В статье предпринята попытка проследить, чем обуславливалась негативная нравственно-этическая оценка творчества драматурга и какую роль играла газетно-журнальная критика в формировании литературного процесса.

Ключевые слова: литературная критика, художественный текст, образ, герой, идеал, нравственный ориентир, нравственно-этическая оценка.

Когда мы говорим о литературной критике, то предполагаем, что одна из главных её функций – интерпретация художественного текста. В системе суждений Г. Гадамера роль читателя («первого»), ставшего посредником в коммуникации «произведение – другой читатель», сводится к тому, чтобы максимально способствовать достижению понимания художественного текста реципиентом, снять напряжение «между горизонтом текста и горизонтом читателя» [5, с. 53]. Но эта функция заметно видоизменяется, когда расширяется коммуникативное пространство, и вместо диспозиции «литературное произведение – читатель», как это есть у Гадамера, возникает более сложная коммуникативная модель: «произведение – общество – читатель». Став участником этой коммуникации, «интерпретатор» (посредник) превращается в критика. В отличие от «интерпретатора», критик не имеет главной своей задачей прийти к пониманию текста. Его задача – оценить текст, соотнеся его с общественными запросами сегодняшнего дня. Текст для него важен и значим в силу того, насколько он работает на время. Потому критик не только не снижает напряжение и не снимает отчуждение, возникающее в процессе чтения, а зачастую усиливает их. При подробном изучении газетно-журнальной периодики в процессе работы над изданием собрания сочинений А.Н. Островского, мы ещё раз утвердились не только в этом суждении, но и в том, что вектор развития творчества писателя формируется в неразрывной связи с критикой, в рамках которой постепенно обозначается идеологический запрос современности.

В период 1850–70-х гг. наиболее явственно заявляет о себе проблема, сформулированная одним

из рецензентов Островского: «Мы не видим идеала» (Отечественные записки. 1851. Май. № 5. Отд.: Критика. С. 7). В середине XIX века вопрос о нравственных основаниях российской культуры приобрёл особое значение в связи с переоценкой влияния европейского просвещения на патриархальную Россию. В 1852 г. А.Д. Галахов, размышляя о новой отечественной словесности, писал: «По нашему мнению, авторы обращаются за идеалами не в ту сторону» (Отечественные записки. 1852. № 1. Отд. 5. С. 13). В 1854 г. Т.И. Филиппов в публичной речи о принципах современного воспитания призывал общественность «подумать ... как бы привести в ясность наши неопределённые отношения к европейскому просвещению, как отделить в нём нужное и полезное для нас от того, чего нам должно избегать как лишнего и даже вредного» [14, с. 27].

Начинающий драматург А.Н. Островский также понимал нравственный вопрос как вопрос общественный. В 1850 году в отзыве на повесть Е. Тур «Ошибка» он отмечает: «Отличительная черта русского народа, отвращение от всего личного, эгоистически отторгнувшегося от общечеловеческого, кладет и на искусство особенный характер; назовем его характером обличительным. <...> Это обличительное направление нашей литературы можно назвать нравственно-общественным направлением» [10, т. 10, с. 7]. Именно обличительный пафос преобладает в его комедии «Банкрот», восторженно принятой и публикой, и критикой. Однако следующий шаг молодого драматурга обнаруживает изменение его устремлений. Вдохновлённый первым успехом, он решается на эксперимент и пишет пьесу-эпидемию «Неожиданный случай», где вместо прямого и жёсткого обличения нравов прибегает к лёгкой

иронии, рискнув изобразить «такое смешное», «на которое можно смотреть только с улыбкой, а такого много в жизни» (Москвитянин. 1851. Июнь. № 11. Отд.: Критика и библиография. С. 334). И тут же возникает волна неприятия. Критикам недостаёт обличения героев нравственно ничтожных и предъявления героев нравственно высоких: «Мы видим мелочь и мелочь, больше мелочи ничего здесь не видно» (Отечественные записки. 1851. № 5. Отд.: Критика. С. 7). Негативные отклики заставили Островского обратиться к написанию произведения, где будет обличён порок и представлен идеал. В 1852 г. опубликована комедия «Бедная невеста», но вновь нравственное чувство взыскательных читателей оказалось оскорблено. Критики находили, что герои пьесы «нелепые и прескучные создания. Даже трудно понять, что хотел выразить ими автор, так они неопределённо пошлы» (Северная пчела. 1853. 11 июня. № 128. С. 509).

Однако обличительная нота, хорошо слышимая в комедии, заставила признать за ней право на серьёзный разбор. Одну из главных заслуг драматурга И.С. Тургенев увидел в том, что наконец-то в литературе оказалась «затронута одна струна, которая до сих пор в области искусства издавала только слабые звуки, а именно: струна наивности, нецеремонности, какой-то детской откровенности в эгоизме», особенно в образе Мерича, сниженном варианте лермонтовского Печорина (Современник. 1852. № 3. Отд. 3. С. 2). В среде русского общества 1850-х годов сохранялась тенденция идеализации печоринского типа личности, обособленного от мира и пренебрегающего этическими нормами. Особую обеспокоенность в связи с нравственной дезориентацией юношества выражали публицисты «Москвитянина», отмечавшие, что «"Герой нашего времени" оказал вредное влияние на молодых людей», которые «жалким идеалом исказили в себе естественные движения» (Москвитянин. 1851. № 7. С. 405–406). Со страниц журнала звучал призыв к сатирическому изображению «дендизма» и предъявлению читающей публике нового идеала, более связанного с народной почвой. Образ Мерича, воплотивший в себе идеологию индивидуализма в её крайне сниженном звучании, работал на развенчание героя печоринского типа. Но если Тургенев увидел в этом достоинство комедии, то обозреватель «Отечественных записок» С. Дудышкин – серьёзный недостаток. «Скрытую мысль» Островского рецензент усмотрел в его намерении исказить неугодный идеал, создать низкопробную пародию, «лицо, щеголяющее фразами, которые лежали подле печоринских, и отражающее в себе печоринский элемент» (Отечественные записки. 1852. № 4. С. 127–128). Остальные герои пьесы виделись рецензентам мелкими, нравственная идея ничтожной: «Основанием *Бедной Невесты* служит мысль, избитая во множестве повестей и драмати-

ческих сочинений – мысль, как трудно выйти замуж бедной девице. <...> Надобно открывать в этом общественном недостатке новые стороны, глубокие причины его, показывать странные его следствия: тогда справедливое негодование может возвыситься до поэзии <...> Не такими пьесами можно показать истинные идеалы современной драмы» (Северная пчела. 1853. 11 июня. № 128. С. 509).

Некоторые нравственные уроки из «океана житейской пошлости» критика всё-таки извлекала. В более поздних публикациях 1860-х годов уже отмечалось, что пьеса даёт повод к размышлению о русской семье, о проблемах воспитания и взаимоотношений поколений: «Родители забывают, какой страшной ответственности подвергают они своих детей», принуждая к отношениям, выстроенным без любви, согласно требованиям выгоды (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 1 сент. № 232. С. 2). «Сама же героиня, бедная невеста – вся как будто в тумане», – писал рецензент журнала «Пантеон», заметив, что «отношения бедной невесты к кругу, в котором она вращивается, определены весьма неясно» (Пантеон. 1852. № 4. Отд. 4. С. 4–5). «Гораздо бы лучше было, если б автор, не увлекшись мыслью о героизме, вывел просто девушку, которая своим безвыходным положением возбуждает искреннее сочувствие», – писал о ней Дудышкин (Отечественные записки. 1852. № 4. Отд. 6. С. 126).

Этот запрос на изображение «просто девушки», но не в будничных заботах, а в «безвыходном положении», был воспринят Островским. Со временем рецензенты будут находить, что образы его героинь обретают земные, естественные черты, а в созданных женских характерах проявлена истинная нравственность (нравственность чувств) в противовес нравственности показной (поведенческой нравственности). Критика признает за драматургом способность создавать женские характеры, в которых «слышится достоинство женщины». В образах Нади («Воспитанница», 1858), Катерины («Гроза», 1859), Олиньки («Старый друг лучше новых двух», 1860) критики отметят «сознание своей личности, своей гражданской свободы» (Русский мир. 1859. 6 марта. № 10. С. 235), проявление природы, смотрящей «на вещи с своей точки зрения, и не изменяющей ни на минуту своим понятиям» (Московский вестник. 1860. 1 октября. № 40. С. 640). Казалось бы, некоторые очертания ожидаемого общественного «идеала» современности обозначались всё более отчётливо. Но, во-первых, преимущественно это касалось женских образов, во-вторых, формирующийся творческий почерк драматурга вызывал новые нарекания: «Реализм доходит у г. Островского до излишества: изображая действительную жизнь, он уже совершенно забывает всякие требования искусства и очень часто выводит перед нами на сцене такие вещи, которые гораздо лучше бы оставить в тени... выведение их на сцену только понапрасну оскор-

бляет вкус и даже приличие» (Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 31 декабря. № 284. с. 1280). Драматурга обвиняли в изображении «возмутительной безнравственности» [15] и отсутствии в его произведениях «всякой идеи или нравственной мысли» (Русское слово. 1860. № 11. Отд. 3. С. 75).

Вот один из фрагментов разбора комедии «Воспитанница» критиком Н. Ахшарумовым, чьё эстетическое и нравственное чувство оказалось оскорблено поведением «мерзкой старухи» Уланбековой, обликом «ехидны с косым пробором и жёлтой шалью» Василисы Перегриновны [3, с. 349] и особенно фигурой Неглигентова: «Это какая-то гнусная и развратная обезьяна, вместо души пропитанная насквозь эссенциею всевозможных низостей, какие только существуют в приказном быту» [3, с. 347]. Рецензент задаётся вопросом, «может ли в деревне и в подгородном селе русской помещицы происходить что-нибудь подобное тому, что происходит в доме Уланбековой? Конечно, может; но делают ли нам сцены г-на Островского типичную картину жизни подобного рода, это уже довольно сомнительно. – Скопировать грязные пятна с какой-нибудь сферы жизни и очертить самую жизнь, – две вещи разные» [3, с. 352–353]. «Критик упрекает Островского – в чём бы вы думали?.. – в том, что он *представил не идиллию*, что изобразил только *грязные пятна жизни*, а не самую жизнь», – пишет в ответ на эту рецензию Добролюбов (Современник. 1859. № 9. Отд.: Современное обозрение. С. 103). Автор «Тёмного царства» видит главную идею пьесы в обозначенной драматургом нравственной проблеме русского общества: «Весь цинизм самодурной морали и логики выражен здесь очень рельефно. Личность самодура ставится здесь центром всего нравственного мира...» (Современник. 1859. № 9. Отд.: Современное обозрение. С. 103).

В ответ на обвинения Островского в копировании «грязных пятен» жизни была опубликована статья Вс. Крестовского (Светоч. 1861. № 2. Отд. 3. С. 1–22), заметившего, что подобные претензии «происходят исключительно от слабости нашей критики, позволяющей себе глумиться над поэтами, не умея по достоинству оценить их дарование». «Требую прежде всего "благопристойности", – продолжает автор статьи, – наши критики не удовлетворяются никаким представленным в литературе женским идеалом: Елену Стахову казнят они за неподчинение родительской воле, Катерину Кабанову – за нелюбовь к пьянице-мужу... наконец, Оленьку (комедия «Старый друг». – Е. Б.), казним мы за то, как ты, мещанка, портниха, смеешь подумать, чтобы выйти за любимого человека, который к несчастью ещё *чиновник...*» (Светоч. 1861. № 2. Отд. 3. С. 11). Остановив внимание на женихе Олиньки, Васютине, в образе которого проявлены далеко не лучшие черты российского

чиновничества, Крестовский делает неожиданный вывод: «Конечно, это человек старого закала; у нас в обществе принято теперь восставать противу таких. Но что же дало нам это общество наше взамен Прохоров Гаврилычей? <...> Где идеалы этого общества? Надимовы, Львовские герои, Штольцы, Калиновичи? Но ведь эти только либо фразы громкие кидают на ветер да удивляют ими различных барынь, либо колобродят в потёмках и сами не ведая где. <...> Нет ещё в современном обществе этих идеалов, не выработало, не создало оно ещё их! <...> Прохоры Гаврилычи отходят, новых безукоризненных нет... Или мы ещё только *накануне*? <...> Не просто ли: *в ожидании лучшего!*» (Светоч. 1861. № 2. Отд. 3. С. 21). Так в очередной раз оказалась обозначена проблема современной литературы: она не может предъявить обществу нравственный идеал, тем более тот идеал, который был бы связан с народной почвой.

На протяжении 60-х годов XIX в. вопрос о бессилиии литераторов представить образ положительного человека звучит особенно остро. «Идея нового человека в русской литературе оказывается одной из самых многогранных, – отмечает В.Г. Андреева. – Писатели разных взглядов и направлений, констатируя множество общественных бед, предлагают свой образ нового героя, нередко формируемый в споре между романистами. В литературной среде второй половины XIX века каждое новое значимое слово становилось элементом обсуждения, проверки жизнью, звеном в поиске новой художественной формы, идеального героя» [1, с. 267]. В каком-то смысле именно неутолимая потребность в идеале обусловила успех романа «Что делать?» (1863). Образы «новых людей» были восторженно приняты читателями-позитивистами. У читателей другого круга герои Н.Г. Чернышевского, для которых характерно «холодное, почти нечеловеческое отрицание страданий», вызывали не восхищение, а «тонкий холод ужаса» [12, с. 238; 237]. В 1867 г. П.В. Анненков констатирует закономерность отсутствия «светлых личностей» в нашей литературе, способной лишь «верно выразить драму общества, лишённого идеалов» [2, с. 342]. О той же проблеме свидетельствует и замечание К. Случевского в работе «Явления русской жизни под критикою эстетики» (1866 г.): «Мы не имеем цельных характеров. Недаром жила наша литература типами отрицательными <...> Юродство нравственное – вот наше отличие за последние пять лет» [11, с. 60–61].

С попыткой решить поставленную проблему и выработать «положительный» тип, предъявить цельный характер отчасти связано и обращение Островского к исторической драматургии («Козьма Захарыч Минин-Сухорук» 1862, «Воевода» 1864, «Тушино» 1866). Но герои «из далёкого прошлого», по замечанию Н.Л. Ермолаевой, современниками «были встречены с недоверием» [7, с. 94]. При этом

исследователь одним из главных неоправданных читательских ожиданий называет потребность «видеть в литературе своего времени истинно героические натуры, способные вдохновить и повести за собой читателя-современника» [7, с. 94]. Думается, представленные драматургом герои мало отвечали этому требованию. Островскому были интересны не столько герои-вожаки, безоглядно идущие к заветной цели, сколько герои размышляющие, оглядывающиеся назад, постоянно ищущие подтверждения собственного права на счастье, на любовь. Потому, по замечанию И.А. Овчининой, «и либерально настроенные критики, и сторонники радикальных взглядов нередко обвиняли драматурга в защите косности и отсталости...» [9, с. 87]. В отношении многих рецензий на пьесы Островского применимо высказанное исследователем суждение: «Проанализированные отзывы наглядно показали несправедливость оценок современников драматурга, которые... упрекали Островского в карикатурном изображении жизни, а новые средства художественной выразительности квалифицировали как свидетельство упадка его таланта» [9, с. 87].

Упрёки в «аномальности» представленных событий и характеров, в излишней смелости при изображении неприглядных сторон повседневной действительности в критике 1860–70-х годов звучат в адрес Островского регулярно. Приведём примеры из нескольких рецензий на пьесу «Бешеные деньги» (1870). Критик «Новороссийских ведомостей» отмечает, что главная героиня комедии «Лидия даже не тип, а нравственный урод» (Новороссийские ведомости. 1870. 19 марта. № 62. С. 2), а главный герой Васильков «составляет плод расстроенной фантазии г. Островского» (Новороссийские ведомости. 1870. 19 марта. № 62. С. 2). Рецензенту «Нового времени» Лидия «представляется... какою-то отвратительною, прошедшею все ступени разврата и погрязшею в цинизме женщиной». «Подобных женщин нет», – утверждает автор статьи, – «по крайней мере, в том кругу, из которого автор взял свою героиню» (Новое время. 1870. 22 апреля. № 109. С. 1). Едва ли не единственный положительный отклик о пьесе был опубликован в газете «Одесский вестник» (1870. 5 апреля. № 75. С. 229–230; 7 апреля. № 76. С. 233–234). Главным достоинством пьесы, по мнению рецензента, является «отсутствие в ней всяких идеализированных героев, резонёрства и т. п.» [8, с. 117]. Однако нельзя отказаться от мысли, что именно отсутствие идеализации явилось одной из главных причин неприятия комедии большинством критиков. 1870-е годы в России С.А. Венгеров назвал эпохой «высшего развития альтруизма», когда «все фракции радикальной мысли» соединились «в одном общем, страстном стремлении всецело отдать себя служению народу, жертвуя ради этого всеми личными интересами. Ни одна эпоха русской истории

не видела такого накопления идеальных стремлений. <...> Сословный и личный эгоизм кажется прямо отвратительным, и только полное подчинение единичных интересов общественному благу удовлетворяет нравственно чуткого человека» [4, с. 80–81]. В эти годы потребность в обозначении общественного идеала не только не исчезает, но заметно усиливается, а требования к художественному образу, отвечающему нравственным запросам времени, повышаются.

Вряд ли можно однозначно ответить на вопрос, чем в большей мере была обусловлена негативная оценка пьес Островского. В одних случаях драматургу ставили в упрёк патриархальность взглядов, в других – излишнюю смелость в изображении современных нравов. Критики не готовы были видеть на сцене театра ни взятые из самой жизни сцены распадающихся связей и циничных отношений, ни идеализированные образы мифологических сказаний (так, В.В. Тихомиров отмечает, что «из десятка рецензий, посвящённых премьере "Снегурочки" в мае 1873 года, только одна была по-настоящему положительной» [13, с. 109]).

Нельзя сказать, что Островский являлся исключительной мишенью для русской критики второй половины XIX века. Те же ноты непонимания и неприятия звучали в отношении других авторов, рискнувших представить публике череду «аномальных» событий и характеров. Более всего напрашивается параллель с Ф.М. Достоевским. Автор романа о «положительно-прекрасном» человеке, в котором критики также увидели «собрание нелепых лиц, выдаваемых автором за действительные» (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 6 апреля. № 92. С. 1), не мог согласиться с предъявленными ему обвинениями: «Неужели фантастичный мой "Идиот" не есть действительность, да ещё самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, – слоях, которые в действительности становятся фантастичными» [6, т. 29 (1), с. 19–20].

В этой оценке Достоевский особенно близок Островскому, который в поисках нравственного идеала оторвался от «фантастичной» действительности и обратился к «почве»: к русской истории и народным преданиям. Драматург осознавал необходимость создания героя нового типа и решался на творческий эксперимент, представляя обществу характеры и события, противоречащие нормам привычной морали. В одних случаях это было связано с предчувствием нового типа героя, с открытием или утверждением нового нравственно-этического кода («Гроза», «Воспитанница»). В других – с острым неприятием вульгарности и цинизма современного миропорядка, обнажение которых в ткани художественного текста казалось особенно вызывающим («Бешеные деньги», «Лес»). Всё творчество Островского в определённой степени

оказалось обусловлено диалогом с литературной критикой своего времени, а ответом на обвинения в отступлении от художественных и этических норм был поиск духовного смысла, отвечающего запросам современной действительности.

Библиографический список

1. Андреева В.Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома: КГУ, 2016. – 492 с.
2. Анненков П.В. Русская современная история в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867 г.) // Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Отд. 2: Собрание статей и заметок, 1849–1868. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879. – С. 342–364.
3. Ахшарумов Н.Д. «Воспитанница» А.Н. Островского // Весна: Литературный сборник на 1859 год. – СПб., 1859. – С. 345–357.
4. Венгеров С.А. Общий очерк истории новейшей русской литературы. // Венгеров С.А. Очерки по истории русской литературы. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1907. – С. 25–163.
5. Гадамер Г.-Г. Текст и интерпретация: (из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамера, Й. Грайша и Ф. Лаурелля) / пер. с нем. Е.М. Ананьевой. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 81 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
7. Ермолаева Н.Л. Драматические хроники А.Н. Островского о самозванцах в оценке русской критики 1860–70-х годов // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 92–96.
8. Зелинский В.А. Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. – Т. 4. – М., 1904. – С. 1–17.
9. Овчинина И.А. Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 84–89.
10. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
11. Случевский К. Явления русской жизни под критикою эстетики. I. Прудон об искусстве, его переводчики и критики. – СПб.: Печ. В. Головина, 1866. – 65 с.
12. Страхов Н. Счастливые люди // Страхов Н. Из истории литературного нигилизма, 1861–1865: Письма Н. Косицы. Заметки летописца, и пр. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890. – С. 309–343.
13. Тихомиров В.В. «Снегурочка» А.Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 107–113.
14. Филиппов Т.И. О началах русского воспитания // Филиппов Т.И. Русское воспитание. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 25–39.

15. Цензурный отчет о пьесе «Воспитанница» // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 780. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 158.

References

1. Andreeva V.G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka. – Kostroma: KGU, 2016. – 492 s.
2. Annenkov P.V. Russkaya sovremennaya istoriya v romane I.S. Turgeneva «Dym» (1867 g.) // Annenkov P.V. Vospominaniya i kriticheskie ocherki. Otd. 2: Sbranie statej i zametok, 1849–1868. – SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1879. – S. 342–364.
3. Ahsharumov N.D. «Vospitannica» A.N. Ostrovskogo // Vesna: Literaturnyj sbornik na 1859 god. – SPb., 1859. – S. 345–357.
4. Vengerov S.A. Obshchij ocherk istorii novejshej russkoj literatury. // Vengerov S.A. Ocherki po istorii russkoj literatury. – SPb.: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1907. – S. 25–163.
5. Gadamer G.-G. Tekst i interpretaciya: (iz nemecko-francuzskih debatov s uchastiem Zh. Derrida, F. Forgeta, M. Franka, H.-G. Gadamera, J. Grajscha i F. Laurellja) / per. s nem. E.M. Anan'evoj. – M.: Direkt-Media, 2010. – 81 s.
6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – L.: Nauka, 1972–1990.
7. Ermolaeva N.L. Dramaticheskie hroniki A.N. Ostrovskogo o samozvancah v ocenke russkoj kritiki 1860–70-h godov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – S. 92–96.
8. Zelinskij V.A. Kriticheskie kommentarii k sochineniyam A.N. Ostrovskogo. – T. 4. – M., 1904. – S. 1–17.
9. Ovchinina I.A. Novye podhody k sozdaniyu Polnogo sobraniya sochinenij i pisem A.N. Ostrovskogo // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – S. 84–89.
10. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
11. Sluchevskij K. YAvleniya russkoj zhizni pod kritikoyu estetiki. I. Prudon ob iskusstve, ego perevodchiki i kritiki. – SPb.: Pech. V. Golovina, 1866. – 65 s.
12. Strahov N. Schastlivye lyudi // Strahov N. Iz istorii literaturnogo nigilizma, 1861–1865: Pis'ma N. Kosicy. Zametki letopisca, i pr. – SPb.: Tip. brat'ev Panteleevyh, 1890. – S. 309–343.
13. Tihomirov V.V. «Snegurochka» A.N. Ostrovskogo: problemy ocenki i interpretacii (1873–1900) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2016. – T. 22. – № 6. – S. 107–113.
14. Filippov T.I. O nachalah russkogo vospitaniya // Filippov T.I. Russkoe vospitanie. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2008. – S. 25–39.
15. Cenzurnyj otchyot o p'ese «Vospitannica» // Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). – F. 780. – Op. 1. – D. 36. – L. 158.

СЛОВО СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА И ОБРАЗ РЕБЕНКА
В ПРОПОВЕДЯХ К ДЕТЯМ И ТРУДАХ О ВОСПИТАНИИ

В статье анализируются четыре проповеди святителя Феофана Затворника, обращенные к детям, а также его труды о воспитании. Автор обнаруживает параллели и идейные сходства наследия свт. Феофана и русской литературы XIX в., отмечает, что проповеди свт. Феофана имеют своей целью укрепление духа детей и подростков, воспитание их в любви к Богу. В статье рассматривается ряд идей и положений о духовно-нравственной жизни человека, общих для проповедей свт. Феофана и русских писателей-классиков. В наследии Феофана Затворника и большинства писателей XIX в. мы видим представление правильного пути человека, обоснование тех ценностей, которые формируют духовно развитую личность. Отдельное внимание уделяется в статье композиционному построению проповедей свт. Феофана. Общность духовно-нравственной проблематики, близость задач наследия святителя и русской классики говорят о невозможности изучения последней вне православной святоотеческой традиции.

Ключевые слова: Феофан Затворник, проповеди, православное воспитание, русская классическая литература, образ ребенка, детская тема, психологизм.

Святитель Феофан – представитель золотого века русской культуры, вобравшей в себя не только литературу, живопись, музыку и т. д., но и русское богословие и проповедничество. В духовном наследии свт. Феофана есть уникальные страницы: проповеди, адресованные детям, и труды об основах православного воспитания. Несколько таких проповедей свт. Феофан произнес в годы своего архипастырского окормления Владимирской епархии (1863–1866 гг.) в созданном им училище для девиц духовного звания. В данной статье мы остановимся на них подробнее, постараемся понять основную идею проповедей, проследить за их изменением в зависимости от возраста слушателей и стадии их духовного развития. Кроме того, мы обратимся к книге свт. Феофана «Путь ко спасению» (1868–1869). Одной из глобальных задач статьи является выявление общих духовных основ гомилетического наследия свт. Феофана и православной по своей сути русской литературы XIX в.

Как правящий архиерей свт. Феофан оказал большое влияние на духовное и нравственное развитие одной из крупнейших епархий России. И хотя пребывание преосвященного на этой кафедре было не столь продолжительно, его просветительская деятельность как выдающегося богослова и самобытного философа оставила бесценный след. Убедительный пример тому – Владимирское училище для девиц духовного звания. Оно было открыто в феврале 1865 г. и предназначалось для девочек-сирот из семей духовенства или бедных родителей. «Владимирские епархиальные ведомости» сообщали об открытии училища как о важном для города событии: «Освящение храма и открытие училища предположено было 12 февраля, в день празднования святителю Алексию, Митрополиту Московскому и всея России Чудотворцу. Но как ныне этот праздник пришелся в сырную пятницу,

отчего и перенесен был на четверг – 11 число, то и освящение храма с открытием училища совершенно 11 числа. Вспоминать же свое открытие училище будет ежегодно 12 февраля в день празднования святителю Алексию» [3, с. 280].

Присущая всем проповедям свт. Феофана особая спокойная и молитвенная атмосфера, в которую пастырь всегда погружал слушателей своих проповедей (или читателей), раскрывала сердца, подготавливала их к восприятию евангельского слова. Между тем важен адресат проповеди, ее слушатель. В случае с детской гомилетикой – это ребенок, внимающий пастырю; он должен проникнуться главной мыслью сказанного с амвона, впитать ее всем своим сердцем и настолько прочно закрепить в душе, чтобы еще долго нести заповеданное, не расплескав и не растеряв в присущей детям круговерти каждодневных мелких событий. Опыт подсказывал свт. Феофану необходимость найти для детей новые слова, новые образы, новые интонации, что и было сделано преосвященным в его детской гомилетике.

Н.Е. Никулина справедливо отметила, что свт. Феофан особенно выделял такое свойство личности, как жизненность, которое «отражает известную характеристику личности как данности и заданности одновременно» [4, с. 168].

Несомненно, проповеди свт. Феофана имеют своей целью укрепление духа детей и подростков, воспитание их в любви к Господу. Чрезвычайно важными видятся нам утверждения свт. Феофана об одиночестве человека, лишённого Божественной поддержки, также высказанные многими русскими писателями XIX в.

Одна из любимых параллелей свт. Феофана связана с сопоставлением внутреннего мира человека и мира природы, происходящих в них изменений. Так, книга «Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике» начинается с развернутого сравнения,

построенного на основе евангельских образов: «Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и чрез них – всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия» [5, с. 14]. Вспомним теперь эпиграф Ф.М. Достоевского к роману «Братья Карамазовы», взятый из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан., 12:24). Обращение к Евангелию, к его образам и символам пришло в русскую классическую литературу от святых отцов, чья проповедь была по своей природе и задачам открыто предлагаемым пред многими учением о Христе.

Проповеди и творения свт. Феофана о воспитании детей отличаются легкостью слога. Их цель – преобразование душ человеческих, духовно-нравственные и воспитательные уроки. «Обращаясь к сочинениям святителя Феофана, мы видим, насколько внимателен он именно к внутреннему миру человека», – отмечает М.И. Щербакова [9, с. 21]. Действительно, пастырское слово свт. Феофана проникает глубоко в душу; ему присуща та образность и сила, которой обладают вершинные творения русских писателей-классиков; оно укрепляет веру в христианские идеалы, ведет за собой.

С таинством крещения свт. Феофан связывает духовное преобразование человека: «Он изъемлетя из-под владычества сатаны, который теперь теряет власть над ним и силу самовольно действовать в нем. <...> Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает здесь Божественный порядок во всей его красоте, врачует расстройство как в составе и отношении сил и частей, так и в главном направлении от себя к Богу» [5, с. 18]. О том же самом говорит читателям И.А. Гончаров в романе «Обрыв», показывая, что истинный прогресс человечества заключается не в развитии цивилизации, а в приближении к богооткровенным истинам. Героиня Гончарова Вера мечется между обрывом и старой часовней с изображением лика Спасителя. И она рвется и убегает к Марку Волохову, в котором ясно прослеживаются сатанинские начала.

Первая из четырех рассматриваемых нами проповедей была произнесена при освящении храма. При публикации в 1869 г. проповедь получила название «Слово преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, на освящение храма в училище для девиц духовного звания и на открытие сего училища». По этому же образцу поименованы и другие проповеди епископа Феофана, обращенные к ученицам Владимирского училища для девиц духовного звания:

«Слово преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, произнесенное в церкви училища девиц духовного звания, по причащении Св. Таин» (21 февраля 1865 г.), «Слово преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, по причащении воспитанниц девического духовного училища в Успенский пост» (14 августа 1865 г.), «Слово преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, в Великий Четверток по причащении воспитанниц в училище девиц духовного звания» (24 марта 1866 г.). А девицам, стоявшим перед архипастырем, было 8–10 лет от роду. Во многом именно поэтому «Слово на освящение храма» отличается простотой формы, ясностью выводов и доступностью речевых оборотов, намеренно выбираемых епископом Феофаном для детского понимания.

С первых слов владыка обозначил две главные задачи воспитанниц и указал на два мира, устроенных под одной крышей училищного здания: «Вот, дети, освящена для вас и церковь, которая отныне стала святою. Внизу будете вы учиться, а сюда будут приводить вас молиться Богу. Смотрите, всякий раз, как приходите будете сюда, держите себя здесь так, как требует святость места» [3, с. 268]. Как видим, каждая из трех фраз лаконично и прямо ведет внимание малолетнего слушателя, как по ступеням, к пониманию истины: святость данного места требует от тебя устремления к Богу. Следующий шаг – разъяснение только что совершившегося таинства освящения храма: «Отныне это дом Божий и Господь стал обитать здесь особенным Своим благоволением. Господь везде есть; но о храмах освященных Он Сам сказал: будут очи Мои ту и уши, чтоб внимать молитвам рабов Моих...» [3, с. 269]. Преосвященный Феофан напоминает детям о поведении в Божием храме, поучая с любовью, но твердо. Конечно, особенное значение имеет тут упоминание о молитве. Позднее этот опыт молитвенного общения с детьми войдет в книгу «Путь ко спасению»: «Страх Божий рождает молитву и просвежает совесть. Нет нужды, что все это обращается к иному, невидимому миру. У детей есть к тому предрасположение, и они скоро усваивают себе эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют в домашних молитвах и церковном Богослужении, и рады этому» [5, с. 42]. Из достаточно большого списка примеров сердечных молитв детей, изображенных русскими писателями-классиками, вспомним молитву Николеньки Иртеньева в повести «Детство» Л.Н. Толстого: «После этого, как, бывало, придешь на верх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: “Спаси, Господи, папеньку и маменьку”. Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и лю-

бовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» [7, т. 1, с. 44].

К личности ребенка в трудах свт. Феофана и в произведениях русских классиков особое отношение. С ним связываются надежды на лучшее, на Божественную помощь. Так, сглаживая строгость слов, которая может обескуражить малолетнюю паству, свт. Феофан убеждает: «Господь всех любит, а детей больше всех любит, и всем Он помогает, а детям больше всех готов помогать. Когда еще был Он на земле, в одном месте, матери стали приносить к Нему детей, чтоб Он благословил их. Господь благословлял их, возлагал на них руки и на руки брал к Себе. Другие, думая, что это беспокоит Господа, не хотели допускать до Него более детей. Но Господь не велел им это делать, говоря: не мешайте детям приходить ко Мне. Видите, как Он милостив к детям» [3, с. 269]. Отметим, как непринужденно введен Евангельский текст в структуру проповеди, обращенной к детям. Слова «будут очи Мои ту и уши, чтоб внимать молитвам рабов Моих» епископ Феофан, повторив мысль Евангелия, перевел так: «Помните, что Господь видит вас и готов услышать, о чем будете просить Его». Далее в проповеди выстроен мост между *тогда* и *теперь*: «Но как тогда, так и теперь все Он тот же. И теперь Он так же любит детей, как и тогда. И вас любит. И когда вы будете приходить сюда, Он верно будет приближаться к вам, хоть невидимо, но действительно. И если вы будете держать себя, как следует, и душевно и телесно, верно благословит вас, и руки Свои возложит на вас и обымет вас, и душе вашей даст почувствовать это Свое приближение и прикосновение» [3, с. 270].

Вторую часть своего слова епископ Феофан посвятил Пресвятой Богородице и празднику Ее Введения во храм как престольному. «Божией Матери посвящаем мы храм сей и Ее покрову и заступлению поручаем вместе с храмом и училище, и вас» [3, с. 270-271]. Святитель обращает внимание детей на икону праздника: «Божия Матерь восходит по ступеням, а по бокам стоят маленькие девочки с свечами. Это они провожали Ее до храма...» [3, с. 271]. Свт. Феофан говорит далее детям о символичности лестницы, ведущей к их храму, о духовной сущности Божией Матери, могущей негласно сопровождать их.

Третья часть проповеди содержит наставление о покаянной молитве к Господу и Богородице. «Всякую свою нужду откровенно сказывайте и просите о ней» [3, с. 272]. Завершил епископ Феофан свою проповедь к детям повторением главной мысли, призывом исполнять услышанные наставления, увещанием помнить, что Господь и Богородица рядом, все видят и слышат.

Тема ребенка, его воспитания и духовного взросления, чистого восприятия окружающего мира, сопротивления злу, борьбы с грехом, пра-

вильного движения по жизни является постоянной в творениях свт. Феофана, что сближает его со многими русскими классиками, большое внимание уделявшими образу заблудшего героя, впоследствии находившего путь к изменению и преображению. Таковы герои Л.Н. Толстого. Не случайно Платон Каратаев при встрече с Пьером Безуховым сразу же интересуется, есть ли у него хозяйка и живы ли его родители. Семейная сущность человека чрезвычайно много значила не только для Толстого, но и всех русских классиков. Путь из семьи в общество всегда был и остается самым правильным и счастливым для ребенка. Свт. Феофан не раз отмечал важность направления ребенка родителями: «После крещения младенца очень важное дело принадлежит родителям и восприемникам: так вести крещенного, чтобы он, пришедши в сознание, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием воспринял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни» [5, с. 60]. Большинство примеров жизненного становления человека в русской литературе связано, в том числе, и с этой мыслью о правильном воспитании. Иногда мысль эта подана от противного: так случается в романе «Господа Головлевы», где история распада семьи перерастает в ее крах на фоне тирании Иудушки Головлева. Наглядным примером искушения юной души и унижения человеческого достоинства является отношение Федора Павловича Карамазова к своим сыновьям в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

Углубление в духовный мир человека – «сторона, отличающая преосвященного Феофана от других церковных писателей и сообщающая его системе нравов учения оригинальный характер», – пишет М.И. Щербакова [9, с. 21]. Свт. Феофан проницательно рассуждает о первых чувствах и впечатлениях, имеющих особенную силу и хорошо запоминающихся ребенку. Уместно вспомнить тут чистоту нравственного чувства, которой обладает герой «Детства» Л.Н. Толстого. Именно это чувство, обретенное в детстве, становится залогом возможности выйти к свету даже после ошибок и помрачений.

Н.М. Аверин точно подметил, что свт. Феофан «не разделяет, как это довольно часто бывает, мораль на религиозную и мирскую, светскую, общественную. Для него христианское начало и есть подлинно нравственное, а морально доброе в свою очередь есть воплощение христианского духа» [1, с. 8]. Обратим внимание, что проповеди свт. Феофана, обращенные к детям, и его практические поучения для родителей и воспитателей ориентированы на сохранение живой души, ее преображение.

О соотносении ума, воли и души пишет Г.З. Агафонова, основываясь на толковании свт. Феофана: «С возрастом следует развивать все силы души: ум, волю и сердце, а также научиться

следить за их развитием. Ум наполняется здоровыми рассуждениями и понятиями, различением добра и зла. Это достигается, по мнению святителя, посредством бесед и вопросов. Волю укрепляют через послушание, через отсечение своеволия, через приучение ребенка делать добро, используя его «любопытность» (любопытность)» [2, с. 194–195]. Свт. Феофан большое внимание уделяет и различным внешним факторам, влияющим на развитие ребенка. Тут первостепенными оказываются мудрое воздержание от излишеств, укрепление тела и воли.

На родителей, по мнению свт. Феофана, ложится большая ответственность за душу ребенка, которая потом, в определенный момент, обретет самостоятельность. И в этой самостоятельной жизни окрепшей души очень важны те вехи, которые были оставлены духовными наставлениями в детстве. Главным содержанием христианской проповеди, начиная с апостольских времен, всегда оставалось провозглашение Царства Божия; в них открывались новые истины. В Послании к Колоссянам апостол Павел дал точное и емкое определение как самой проповеди, так и ее назначению: проповедь обозначена как ключевое событие на пути человека к Богу. Этому важному предназначению проповеди свт. Феофан всегда отдавал предпочтение в своем архипастырском служении.

Спустя неделю после открытия училища и освящения храма епископ Феофан служил в нем литургию и сам приобщал учениц Св. Таин. Слово преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, произнесенное 21 февраля 1865 г. в церкви училища девиц духовного звания, по причащении Св. Таин – еще один образец детской проповеди в гомилетическом наследии святителя [6, с. 571–574].

Как и в первой проповеди, преосвященный облекает глубокие мысли о таинстве святого причащения в краткие и четко выстроенные синтаксические конструкции, которые без труда воспринимаются ребенком. «То, что вы приняли, есть тело и кровь Господа; а где тело и кровь Господа, там и Сам Он. По виду вы приняли хлеб и вино; а самым делом это есть тело и кровь Господня! Когда Господь в первый раз причащал св. Апостолов, то Он тоже подавал им хлеб и вино; но, подавая хлеб и вино, к хлебу сказал: сие есть тело Мое! а к вину: сие есть кровь Моя! И как Он есть Бог – то, как сказал, так и сделалось: хлеб стал телом, а вино – кровью. <...> И вас Он Сам причащал истинным Своим телом и истинною Своею кровью! И вместе с сим Сам вселился в вас и стал обитать в вас!» [6, с. 571]. Для проповеди характерна невероятная простота и прозрачность в объяснении детям величайшего таинства причащения. Основной задачей святителя было то, чтобы эти простые уроки дети усвоили и запомнили на всю жизнь.

Божественная высота совершившегося передается в проповедях в точных образах, доступных детскому пониманию. «Может быть, вам робко думать, что Господь в вас, или вы затрудняетесь думать, как это Он в вас? Но так есть... <...> Господь есть в каждом из вас, не частью какою, а весь; так, однако ж, что хотя Он есть в каждом из вас, все же Сам не разделяется и не размножается, а цел и неразделен пребывает!» [6, с. 572]. Чтобы утвердить понимание этого таинства в детском сознании, епископ Феофан обращается к сравнению: «Все одно, как теперь вот я говорю какое-либо слово: каждый из вас слышит сие слово и принимает его все; слово мое одно и один раз я говорю его; а входит оно в каждого из вас, и входит все – не часть какая его, а целое слово. И хоть бы тут тысяча народа стояло, все услышали бы и приняли все мое слово, а не часть какую! Так и в св. Причастии: сколько бы ни причащались людей, все причащаются от единого тела, и все имеют его все, а не часть какую! И Господа имеют они в себе всего, а не часть какую! Сам же Господь чрез сие не разделяется, а цел и неразделен пребывает» [6, с. 572–573].

В числе приятного Господу названы посылки для детей поступки: перестать сердчать и браниться, быть тихим и кротким; перестать лежать и лениться, начать усердно работать и трудиться; не гордиться и не презирать других, а смиряться и почитать себя хуже всех.

Через полгода, 14 августа 1865 г., в Успенский пост, епископ Феофан также причащал воспитанниц училища и обратился к ним с проповедью. Сравнивая оба слова, можно видеть тот духовный путь, который, как полагал преосвященный, должен был быть уже пройден детьми под руководством наставниц.

Начинается проповедь с прямого цитирования Евангелия от Иоанна: «Сам Господь говорит, что кто будет вкушать Его плоть и кровь, тот будет жив Его ради, или будет иметь живот в себе; а кто не будет вкушать Его плоти и крови, тот живота не будет иметь в себе» (Иоан. 6:50, 54, 57). Для пояснения этих слов епископ Феофан выбирает пример дерева, ветка которого, отломившись, не может получить из него сока, «а тот, который был в ней, то вытекает, то высыхает; без соку же нечем ей питаться и жить; вот она и умирает». «Так и мы, – продолжает свою мысль епископ Феофан, – когда соединены с Господом, приемлем от Него силы и жизнь, и живем; а когда не соединены с Господом – не живем, хоть и кажемся живущими!» [6, с. 618].

Опираясь на уже имеющийся у детей, пусть и небольшой, опыт, преосвященный напоминает им, как прививают деревья. Следует сказать, что программа обучения девочек включала, наряду с классными занятиями, работы в саду и огороде. «Видали вы, как прививают деревья? Берут веточку, влагают ее под кожу другому дереву и завязывают;

она начинает брать соки из того дерева и сростается с ним: так и мы чрез св. Причастие берем от Господа силы, как бы соки из дерева, и сростаемся с Ним, или соединяемся и начинаем жить Его жизнью; жизнью истинной, которая из Него!» [6, с. 619]. И заключение проповеди вполне понятно ребенку. Перед нами пример, перерастающий в воспитательную беседу с молодым поколением. Примечателен тут мотив труда, дела, исполняемого хорошо, по совести. Не случайно таинство причастия, обряд и молитвы оказываются в одном ряду с работой: «Чем чаще кто причащается, тем ближе бывает к Господу; тем ему лучше бывает, и сам он лучше становится. Работающий – лучше работает; хозяин – лучше хозяйничает; начальник – лучше начальствует; всякому лучше бывает, и всякий лучше становится от св. причащения; становится живее, добрее, умнее!» [6, с. 620].

Образ труженика, верующего человека из народа станет одним из центральных в произведениях Н.А. Некрасова. Для любого честного и совестливого героя русской литературы жизнь немислима без работы: наоборот, эти герои ищут работу, преображающую душу человеческую. Так, Константин Левин, герой романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», даже избрал особый термин – «лечение работой».

Четвертая проповедь святителя, обращенная к «девицам духовного звания», прозвучала по прошествии еще семи месяцев, 24 марта 1866 г., в Великий Четверток [6, с. 676–680]. Тема проповеди осталась та же: значение Таинства Причастия. Но пастырь теперь уверенно обращается к слушающим, как ко взрослым: «Радуйтесь, христиане православные, что сподобились причаститься Святым Христовым Таин; и тем паче радуйтесь, что сподобились вы сего ныне, когда установлено самое Таинство» [6, с. 676]. Лексический ряд проповеди заметно приближен к традиционному возвышенному стилю гомиластики (храмина для Господа, неверные иудеи, прискорбно, почтить, охранение, благоговейное чествование, благоухание, возыметь благообразное поведение и пр.).

Пример для уяснения главной мысли взят уже не из жизни самих детей или деревьев, как в двух предыдущих проповедях; епископ Феофан пересказывает случай, бывший с одним раскольников из молокан: историю его раскаяния, разрыва с молоканством и обращения в лоно православной церкви. Этот человек по какой-то причине приступил к Святым Тайнам вместе с православными христианами, но частицу Святых Даров спрятал в платок, а потом положил в улей к пчелам – он был пчеловод. Пчелы «тотчас бросили свою обычную работу, перестали строить соты, а со всею заботою и скоростью начали строить приличное помещение для Святого тела Господня: устроили малый престол, потом дискос, и на сей дискос положили святую частицу и все оградили сводом, как

бы храм устроили или алтарь. Затем сели кругом в порядке и жужжали потихоньку, будто хвалу Богу воссылали и молились» [6, с. 679–680]. Хозяин пасеки, заметив, что пчелы не летают, «открыл улей и ужаснулся, видя, как пчелы отдают благоговейное чествование телу Господа, которое он презрел». За назидательным рассказом в составе проповеди следует образное сравнение высокого духовного смысла и назидание: «Уподобьтесь пчелам тем и всякое благоговение покажите к принятому вами Дару» [6, с. 680].

Немногим более года разделяет первую и последнюю проповеди, обращенные к девочкам из Владимирского училища. В них отразились результаты энергичной духовно-просветительской деятельности свт. Феофана, его пастырского внимания, педагогического и наставнического опыта; воплощены не только итоги первого года обучения девочек, но и предначертанный залог их будущей жизни.

От наставлений, обращенных к родителям детей, свт. Феофан переходит собственно к педагогической системе, основную роль в которой играет православное воспитание. А.Б. Хохлова справедливо отметила, что свт. Феофан Затворник предложил «новое системное видение духовно-нравственного развития человека» [7, с. 121]. Таким образом, и проповеди свт. Феофана Затворника, и его труды о детях и их воспитании проникнуты мыслью о том, что единственно верный и гармоничный путь становления человека немислим без веры в Бога. Как мы показали на ряде примеров, об этом же писали и многие русские классики XIX в. Сравнение проповедей и учения святителя Феофана с лучшими образцами русской классической литературы, выявление их генетического родства говорит о возможности изучения русской литературы вне православной святоотеческой традиции.

Библиографический список

1. *Аверин Н.М.* Феофан Затворник – православный моралист и жизнеучитель // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2002. – № 1 (25). – С. 3–8.
2. *Агафонова Г.З.* Воспитание духовности в святоотеческом наследии святителей Феофана, Вышенского затворника, и Фаддея (Успенского) // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 5. – С. 192–197.
3. Владимирские епархиальные ведомости. – 1865. – № 5. – 1 марта.
4. *Никулина Н.Е.* Понятие личности в антропологии святителя Феофана Затворника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. – 2007. – № 2 (5). – С. 165–176.
5. *Свт. Феофан Затворник.* Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. – Минск.: Изд. Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. – 320 с.

6. Слова к Владимирской пастве преосвященного Феофана. – Владимир: Тип. губернского правления, 1869. – 684 с.

7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

8. Хохлова А.Б. Проблема духовно-нравственного воспитания человека в трудах Феофана Затворника // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 117–122.

9. Щербак М.И. Святитель Феофан – наставник психологии в Новгородской духовной семинарии // Святитель Феофан Затворник – основатель христианской психологии. – СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2018. – С. 17–41.

References

1. Averin N.M. Feofan Zatvornik – pravoslavnyj moralist i zhizneuchitel' // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2002. – № 1 (25). – S. 3–8.

2. Agafonova G.Z. Vospitanie duhovnosti v svyatootecheskom nasledii svyatitelej Feofana, Vyshenskogo zatvornika, i Faddeya (Uspenskogo) // Vestnik SChuvashskogo universiteta. – 2006. – № 5. – S. 192–197.

3. Vladimirskie eparhial'nye vedomosti. – 1865. – № 5. – 1 marta.

4. Nikulina N.E. Ponyatie lichnosti v antropologii svyatitelya Feofana Zatvornika // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4: Pedagogika. Psihologiya. – 2007. – № 2 (5). – S. 165–176.

5. Svt. Feofan Zatvornik. Put' ko spaseniyu. Kratkij ocherk asketiki. – Minsk.: Izd. Svyato-Elisavetinskogo monastyrya, 2005. – 320 s.

6. Slova k Vladimirskoj pastve preosvyashchennogo Feofana. – Vladimir: Tip. gubernskogo pravleniya, 1869. – 684 s.

7. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. – М.: Hud. lit., 1928–1958.

8. Hohlova A.B. Problema duhovno-nravstvennogo vospitaniya cheloveka v trudah Feofana Zatvornika // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – № 3. – S. 117–122.

9. SHCHerbakova M.I. Svyatitel' Feofan – nastavnik psihologii v Novgorodskoj duhovnoj seminarii // Svyatitel' Feofan Zatvornik – osnovatel' hristianskoj psihologii. – SPb.: Izd. Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2018. – S. 17–41.

**НОВЕЛЛА К. ШОПЕН «ВЛЮБЛЕННОСТЬ ФЕДОРЫ»
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О «ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ» КОНЦА XIX ВЕКА**

В статье рассматривается своеобразие воплощения в новелле американской писательницы Кейт Шопен такого полемичного для культурной жизни конца XIX века концепта, как «новая женщина». Рассматривается проблематика гендерного вопроса в социальном и литературном контексте эпохи. Приводятся стереотипные черты, характерные для образа «новой женщины», которые сложились в литературе того времени. Анализ произведения позволяет выявить особенности авторского отношения к новому общественно-культурному феномену. Позиция К. Шопен двойственна. Более откровенная трактовка женской чувственности, чем это было принято в американской литературе того времени, идет вразрез с викторианскими представлениями о женщине, а ироничная подача прогрессивных воззрений героини подчеркивает их жизненную несостоятельность. Неоднозначность позиции высвечивает сложность и противоречивость женского вопроса, а также особенность того периода времени, носившего переходный характер в этом вопросе.

Ключевые слова: Кейт Шопен, американская литература, женская проза, «новая женщина», эмансипация, феминизм, антифеминизм.

Одним из главных общественно-культурных споров второй половины XIX в. явился спор о роли и месте женщины в обществе. По примеру Национальной федерации суфражистских обществ Великобритании в 1869 г. в США была создана женская суфражистская ассоциация. Благодаря ее деятельности в ряде американских штатов женщины оказались допущены к голосованию, так, в 1869 г. об этом объявил Вайоминг, в 1893 – Колорадо, в 1896 – Айдахо и Юта. Представительницы женского движения утверждали, что женщина должна обрести права, равные с мужчиной, потому что обладает таким же духовным потенциалом и теми же социальными запросами, что и мужчина. Своей целью суфражистки ставили получение женщинами права голоса, права на развод, на образование, на личную свободу, на свободное пользование собственностью (подробнее об этом см.: [4]). Они посягнули на разграничение гендерных ролей, которое было канонизировано в викторианской этике¹, где женщине отводилась роль «ангела в доме»², а основной целью ее существования было служение мужу и детям. Многим представителям общественности требования представительниц женского движения казались дерзкими и даже безумными. Появилась целая плеяда талантливых писателей и мыслителей, которые в своих работах зачастую представляли женщин лишенными духовного и морального содержания («Метафизика половой любви» (1818) А. Шопенгауэра [5; 6], книги новелл «Браки» (1884, 1885), «Отец» (1886), «Слово безумца в свою защиту» (1893) А. Стриндберга [3], ставшая сенсацией в свое время работа О. Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903) [1]). Авторитетный в XIX в. в США журнал «Конгрегационалист» (The Congregationalist) имел явную антифеминистскую направленность. Там регуляр-

но появлялись статьи противников расширения прав женщин. Примером может служить колонка Остина Фелпса «Великая тема: реформа политического статуса женщин» (Great Subjects: Reform in the Political Status of Women), где он, опираясь на Библию, обосновывал пагубность и неестественность стремления женщин к равноправию [9].

О том, что женский вопрос был необычайно популярен в литературе того времени, говорит тот факт, что в период с 1883 по 1900 г. было опубликовано свыше ста романов о «новой женщине» [10, р. 2–3]. Сложились и стереотипные черты, присущие подобным героиням. «Новая женщина» в этих произведениях предстает не стремящейся к замужеству интеллектуалкой, которая увлекается спортом, носит практичную одежду, очень часто очки, а самые отчаянные из подобных героинь курят и коротко стригут волосы.

Американская писательница Кейт Шопен (1850–1904) во многих своих произведениях размышляет над вопросом о женской судьбе. Так, ее новелла «Влюбленность Федоры» (The Falling in Love of Fedora, 1895) почти не содержит действия, а целиком состоит из переживаний главной героини. Журнал «Атлантик» даже отказался публиковать новеллу из-за отсутствия сюжета как такового («scarcely any story at all» [11, р. XXII]). Позднее, в 1897 г., она вышла в «Сент-Луис Критерион» под псевдонимом «La Toug». «Влюбленность Федоры» представляет собой вариацию на тему страсти, непрожитой упущенной молодости и осознания героиней чувственной стороны своей натуры. Само имя главной героини произведения отсылает к еврипидовской и расиновской Федре (из одноименной пьесы), чья страсть-влечение разрастается до безумия и напасти. Шопен сохраняет трагедийность страсти. Однако при этом повествование событийно не соприкасается с областью политики

и законопорядка, вокруг ее героини не строятся злодейские козни, не плетутся коварные интриги. Сюжет произведения пробивает себе дорогу сквозь толщу быта. Любовь, подобная стихии, возникает в атмосфере житейской суеты, привычных забот, вплоть до самых пуштыковых.

Из краткой экспозиции читатель узнает, что главная героиня Федора едет на вокзал встречать гостью. Шопен прибегает к композиционному приему ретроспекции для дальнейшего знакомства с героиней и с ее внутренней драмой. Федора заменила своим младшим братьям и сестрам мать, «следила за их здоровьем и самочувствием, заботилась об их развлечениях, в которых сама никогда не участвовала» («looked after their health and well-being; contrived for their amusements, in which she never joined») [7, p. 115]. Портрет Федоры очень лаконичен. Такая краткость носит явно оценочный характер, подчеркивая сухость и эмоциональную скованность героини. «Федора была высокой и худощавой, держала голову надменно, носила очки и имела строгое выражение лица» («Fedora was tall and slim, and carried her head loftily, and wore eye-glasses and a severe expression») [7, p. 115]. Очки, уверенность в себе, явное нежелание обременять себя попытками быть привлекательной и кокетливой – все это черты, присущие образу «новой женщины». Легкая ирония сквозит в описании героини, которая слишком уж настойчиво стремится убедить окружающих в своем превосходстве и зрелости. Так что, хотя ей тридцать лет, некоторые из ее знакомых, «глупцы, конечно, полагали, что ей будто бы уже сто лет» («the silliest – felt as if she were a hundred years old») [7, p. 115].

Для Федоры ее представления об идеале вытесняют из жизни реальность. Она живет в мире вымороченных иллюзий, а не среди людей: «Слишком рано Федора создала для себя идеал и очень его ценила. С этим идеалом она соотносила тех мужчин, которые привлекали ее внимание, стоит ли говорить, что, по ее мнению, они не выдерживали сравнения» («Fedora had too early in life formed an ideal and treasured it. By this ideal she had measured such male beings as had hitherto challenged her attention, and needless to say she had found them wanting») [7, p. 114].

Импульсом к осознанию того, что существует другое, неведомое ей измерение в жизни, становится случайная встреча с молодым Малтерсом. «Она знала его уже восемь лет, с тех пор когда он был пятнадцатилетним юношей, и для нее он всегда и оставался юношей пятнадцати лет» («She had known him eight years, since he was a lad of fifteen, and to her he had never been other than the lad of fifteen») [7, p. 115]. Обращает на себя внимание, что момент зарождения чувства героини сопровождается достаточно стереотипной сценой. Федора, глядящая на Малтерса снизу вверх (символ слабо-

го, женского), внезапно осознает, что Малтерс вырос и стал мужчиной. К бытовым заботам начинает примешиваться нечто новое: «Ей хотелось, чтобы он был рядом, хотя его близость ее пугала. Когда его нельзя было увидеть или услышать, ею овладевало беспокойство, нетерпение, ожидание. Когда он был рядом, беспокойство возрастало – внутренний протест, удивление, наслаждение, презрение к самой себе; стремительная жестокая борьба мысли и чувства» («She wanted him by her, though his nearness troubled her. There was uneasiness, restlessness, expectation when he was not there within sight or sound. There was redoubled uneasiness when he was by – there was inward revolt, astonishment, rapture, self-contumely; a swift, fierce encounter betwixt thought and feeling») [7, p. 115–116].

Страсть героини обуславливает внутреннюю напряженность, которая прорывается в неконтролируемых самой героиней поступках, которые она не в силах объяснить («unaccountable»). Движимая подсознательными импульсами, героиня испытывает непреодолимое желание украдкой прикоснуться к шляпе Малтерса, которая висит в коридоре, или зарыться лицом в складки его пальто. Повинуясь тому же необъяснимому желанию, она едет на вокзал встречать его сестру.

Станция расположена в живописном уголке. Пейзаж становится отображением внутреннего мира героини. Природа дышит свежестью, наполнена красками: «green and fragrant», «a field of yellow grain». Эта красота природы находит отклик в душе героини: «Федора любила все это – небо, лес, солнечный свет; звуки и запахи» («Fedora loved it all – sky and woods and sunlight; sound and smells»). Атмосфера умиротворенности, природной гармонии, усиливает неестественность внешней эмоциональной холодности Федоры, которая привычно подавляет свои чувства: «Ее манера – элегантная, спокойная, сдержанная не выдавала никаких эмоций» («her bearing – elegant, composed, reserved – betrayed nothing emotional») [7, p. 116].

Эмоциональной кульминацией становится момент, когда, встретив сестру Малтерса, удивительно на него похожую («сходство девушки с ее братом бросалось в глаза» («resemblance of the girl to her brother was vivid» [7, p. 117]), Федора целует ее в губы («она прижалась долгим проникновенным поцелуем к ее губам» («pressed a long, penetrating kiss upon her mouth») [7, p. 117]). Мисс Малтерс неприятно удивлена, Федора же «с кажущимся невозмутимым спокойствием взяла вожжи и оставшуюся часть пути прямо смотрела перед собой» («with seemingly unruffled composure, gathered the reins, and for the rest of the way stared steadily ahead of her») [7, p. 117]. Американская исследовательница Б. Эвел вполне справедливо обращает внимание на символичность заключительного эпизода. Федора берет вожжи и правит норовистой лошастью

(«restive brute»), с которой, как утверждает героиня в начале новеллы, только она может справиться. Подобным образом она контролирует и свои чувства [8, р. 115]. Следует заметить, что в тексте есть прямая авторская оценка состояния Федоры, которая позволяет говорить о видимости спокойствия, являющегося не только второй натурой, но и защитной оболочкой («with seemingly unruffled composure»), выделено мной. – Т. III).

Если у Расина, как подмечает Л.Я. Гинзбург, «мы находим анализ страсти, а не человека, который проще, элементарнее своих страстей» [2, с. 273], то произведению Шопен свойственно перемена интереса на индивидуальность, трактуемую как комплекс дробных, множественных факторов, действующих одновременно и противоречиво. Писательницу занимает психологический парадокс неадекватности мотива и поступка. Лицо сестры Малтерса, удивительно похожей на брата, вызывает из тайников души героини подавленное влечение к Малтерсу, что и становится причиной ее поступка, не вписывающегося в общепринятую схему поведения. В иронии и сочувствии, которые явно прослеживаются в описании чувств и поступков героини, проступает скепсис и неверие автора в возможность обретения женщиной счастья и гармонии в самоутверждении, наваянном прогрессивными идеями.

Примечания

¹ Здесь необходимо заметить, что в англоязычной критической литературе такие понятия, как «викторианские ценности», «викторианская эстетика» и т. д. применяются для характеристики данного периода культурной жизни не только Великобритании, но также и США, что допускает существование таких словосочетаний, как, например, «Victorian America».

² Ковентри Пэтмор (1823–1896) в 1854 г. написал поэму «Ангел в доме» (The Angel in the House). Поэма пользовалась большой популярностью и многократно переиздавалась в XIX в.

Библиографический список

1. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. – М.: Терра, 1992. – 480 с.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Худож. лит., 1977. – 449 с.
3. Стриндберг А. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1986.

4. Феминизм: проза, мемуары, письма / ред. О.М. Дегтярева, А.Н. Панкова, М. Шнейр. – М.: Прогресс, 1992. – 475 с.

5. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 219 с.

6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 250 с.

7. Chopin K. The Falling in Love of Fedora // Chopin K. A Vocation and a Voice. – N. Y.: Penguin Books, 1991. – P. 114–117.

8. Ewell B.C. Kate Chopin. – N.Y.: Ungar Pub. Co., 1986. – 250 p.

9. Heller T. Speaking Softly to Be Heard: Jewett's Feminist Reform Contributions to The Congregationalist, 1882–1884 // Colby Quarterly. – 2000. – Vol. 36. – № 3. – P. 209–225.

10. The New Woman in Fiction and in Fact: Fin-de-Siecle Feminism / ed. by A. Richardson, Ch. Willis. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – 276 p.

11. Toth E. Introduction // Chopin K. A Vocation and a Voice. – N. Y.: Penguin Books, 1991. – P. VII–XXVI.

References

1. Vejninger O. Pol i karakter. Principial'noe issledovanie. – M.: Terra, 1992. – 480 s.

2. Ginzburg L.YA. O psihologicheskoy proze. – L.: Hudozh. lit., 1977. – 449 s.

3. Strindberg A. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. – M.: Hudozh. lit., 1986.

4. Feminizm: proza, memuary, pis'ma / red. O.M. Degtyareva, A.N. Pankova, M. SHneir. – M.: Progress, 1992. – 475 s.

5. SHopengauer A. Metafizika polovoj lyubvi. – SPb.: Azbuka-klassika, 2006. – 219 s.

6. SHopengauer A. Aforizmy zhitejskoj mudrosti. – SPb.: Azbuka-klassika, 2005. – 250 s.

7. Chopin K. The Falling in Love of Fedora // Chopin K. A Vocation and a Voice. – N. Y.: Penguin Books, 1991. – P. 114–117.

8. Ewell B.C. Kate Chopin. – N.Y.: Ungar Pub. Co., 1986. – 250 p.

9. Heller T. Speaking Softly to Be Heard: Jewett's Feminist Reform Contributions to The Congregationalist, 1882–1884 // Colby Quarterly. – 2000. – Vol. 36. – № 3. – P. 209–225.

10. The New Woman in Fiction and in Fact: Fin-de-Siecle Feminism / ed. by A. Richardson, Ch. Willis. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – 276 p.

11. Toth E. Introduction // Chopin K. A Vocation and a Voice. – N. Y.: Penguin Books, 1991. – P. VII–XXVI.

КРИТИКА ЯЗЫКА В ЦИКЛЕ ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС АРТУРА ШНИЦЛЕРА «КОМЕДИЯ СЛОВ»

В статье рассматривается проблема соотношения языка и действительности в цикле пьес Артура Шницлера «Комедия слов». Подчеркивается, что данная тематика была весьма актуальной в философской и литературной среде рубежа XIX–XX веков, причем рассматривалась она преимущественно в негативном ключе: язык признавался неспособным адекватно отражать окружающий мир. В цикле пьес Шницлера «Комедия слов» указанная проблематика осложняется тем, что речь идет о конфронтации обывателей и людей искусства. Доказывается, что, в то время как для большинства людей язык является средством передачи фактической информации, люди творческих профессий используют его в личных целях, и в этом случае они всегда имеют превосходство над обывателями. Таким образом, в пьесах постулируется невозможность адекватного отражения действительности с помощью языка.

Ключевые слова: Артур Шницлер, критика языка, действительность, цикл пьес, речевая деятельность, диалог.

Австрийский писатель и драматург Артур Шницлер (1862–1931) рассматривался в отечественной и зарубежной критике прежде всего как последователь или творческий преобразователь психоаналитических идей своего современника и соотечественника Зигмунда Фрейда [4; 9]. Однако иллюстрация психологических воззрений разворачивается у Шницлера в достаточно широком дискурсивном поле. В частности, в цикле «Комедия слов» (1913–1914) писатель обращается к проблематике языка, к вопросу о том, насколько эффективно язык может быть применен одним субъектом по отношению к другому. Существует ряд исследований, посвященных проблеме языка в творчестве писателя [2; 5–7], однако эта тема представляется далеко не исчерпанной и требует дальнейшего осмысления и уточнения. Особый интерес видится в том, чтобы выявить связь критики языка у Шницлера с широким спектром проблем его творчества, чем и обусловлена актуальность данной работы.

Следует отметить, что проблема взаимоотношения языка и действительности занимала умы многих выдающихся мыслителей эпохи рубежа XIX–XX веков. Так, Ф. Ницше в ранней работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» писал: «Что такое слово? Передача звуками первого раздражения. Но делать заключение от раздражения нервов к причине, лежащей вне нас, есть уже результат ложного и недопустимого применения положения об основании» [3]. Позднее создатель теории «языковых игр» Л. Витгенштейн также упоминает о невозможности языка в полной мере отразить окружающий мир: «О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть» [1, с. 219].

Шницлер неоднократно обращался к созданию циклов одноактных пьес («Анатоль», «Хоровод»). Следует отметить, что данная жанровая форма обладает бесспорными преимуществами. Как правило, пьесы цикла не связаны сюжетно, но обусловлены общей тематикой, что помогает ав-

тору всесторонне осветить ту или иную проблему. Небольшой объем каждой пьесы позволяет ограничить список действующих лиц двумя-тремя протагонистами, к которым приковывается внимание зрителя. В то же время в рамках одноактной пьесы почти невозможно осуществить смену декораций, поэтому вся нагрузка драматического действия ложится на диалог, речевую деятельность персонажей.

«Комедия слов» состоит из трех одноактных пьес. В первой пьесе – «Час познания» (Stunde des Erkennens) – речь идет прежде всего не о языке, но об отсутствии языка. Пьеса повествует о разрыве супружеской пары – доктора Карла Экольда и его жены Клары. Из разговора Клары с другом семьи Ормином выясняется, что десять лет назад Клара изменила мужу. Теперь же, когда их дочь вышла замуж, Экольд больше не видит причины, чтобы им быть вместе. Поэтому он заявляет, что Клара должна покинуть его дом. При этом выясняется, что он был осведомлен об измене супруги и десять лет ждал дня своего триумфа. Клара, разумеется, шокирована тем, что ее супруг десять лет «играл комедию» – «Komödie gespielt» [8, s. 36]. По ее мнению, такое поведение противоречит природе человеческого существа: «Das ginge wohl über alle menschliche Kraft» [8, s. 36] – «Это же выше человеческих сил!» (здесь и далее перевод наш – Л. К.)

Положение Экольда усугубляется тем, что он числит бывшим любовником своей жены друга семьи Ормина, знаменитого профессора, который добился в жизни гораздо большего и поэтому является для обманутого мужа успешным конкурентом и в плане сексуальном. В разговоре с Klarой Экольд признается, что, если бы ее любовником стал не Ормин, а кто-либо другой, он мог бы ее простить. Психологическая мотивировка его десятилетнего молчания обусловлена необходимостью посредством вербального акта (предъявление обвинения и объяснение, что на протяжении десяти лет его жена была ему никем) преобразовать свою

сексуальную и профессиональную неудачу в доминирование над супругой.

Хотя Экольд ошибается, Клара из гордости не развенчивает его ошибку, но подтверждает слова мужа. Конфликт, таким образом, заходит в тупик и не может быть разрешен вербально. В конце разговора Экольд все-таки предлагает поговорить позднее в спокойной обстановке, на что жена реагирует молчанием, то есть принимает за образец поведение своего мужа, продемонстрированное десятью годами ранее. Клара уходит из дома, не оставив записки. «Worte lügen» – «Слова лгут» [8, s. 41], значит в заключительных словах пьесы. Таким образом, выяснение правды и разъяснение ситуации на вербальном уровне оказывается абсолютно невозможным.

Безуспешность попыток найти общий язык обусловлена психологическими причинами. Проблема духовного отчуждения между супругами является скрытой пружиной драматического действия и отражается в речи персонажей. Кульминационный диалог Экольда и Клары начинается и заканчивается молчанием. Авторские ремарки подчеркивают нервозность, эмоциональное напряжение героев: Schweigen; Pause; Befremdet, sieht ihn an и др. (молчание; пауза; смотрит на него, неприятно удивлена). Текст изобилует многоточиями, восклицаниями, речь героев неоднородна, им трудно подбирать слова, когда они пытаются выразить свои чувства: «Nun, das ist ja gleich... Jedenfalls ließ es sich ganz leidlich ertragen... das Verhängnis... besonders, da man seine bestimmten Pläne für die Zukunft hatte.» [8, s. 35] – «Ну, все равно... С этим можно было кое-как мириться... со злой судьбой... особенно когда имеешь определенные планы на будущее». С другой стороны, диалоги, посвященные обсуждению семейных дел и бытовых мелочей, отличаются уравновешенностью, спокойным тоном. Десятилетнее духовное отчуждение супругов не может быть преодолено в рамках одной беседы, закономерно свидетельствует финал пьесы.

«Великая сцена» (Große Szene), безусловно, центральная и композиционно, и идейно в данном цикле. Ее смыслообразующее начало в отделении правды ото лжи и роли языка в этом сложнейшем процессе подчеркивается тем, что в данной пьесе мы имеем дело с людьми искусства, с актерами, для которых правда и ложь – понятия не столько обыденного, сколько театрального дискурса. Конрад Хэрбот – талантливый актер, и «играть комедию» – его призвание. Он не признает условностей и моральных норм, поскольку для него не существует границ между реальностью и иллюзией. Его жена София так характеризует данную особенность Хэрбота, говоря о письмах, которые он писал ей в то время, когда они были в разрыве: «Man hätte wirklich glauben können, glauben müssen, daß er keinen andern Gedanken, keine andere Sehnsucht

hätte als nach... mir!» [8, s. 52] – «Можно было и в самом деле подумать, что венцом всех его мыслей, всех стремлений была... я!»

«Адвокатом» Хэрбота выступает театральный директор доктор Фальк: «Es gibt überhaupt keine Lüge auf der Welt. Es gibt nur Leute, die sich anschmieren lassen» [8, s. 51] – «Лжи вообще в мире не существует. Есть только люди, которые дают себя околпачить». Поэтому актер, не смущаясь, пользуется своим профессиональным мастерством и в личной жизни. Изменив своей жене, на этот раз – с невестой своего хорошего знакомого, он разыгрывает грандиозную сцену перед требующим правды обманутым женихом Эдгаром Глем. Дело представлено Хэрботом так, будто он без памяти влюбился в невесту Глея, которая, будучи польщенной страстью актера с именем, все-таки устояла и сохранила верность жениху. В качестве доказательства приводится письмо, в котором молодая женщина просит Хэрбота уехать как можно скорее, чтобы они не могли встречаться и не случилось непоправимое. Однако впоследствии выясняется, что подобный исход любовники предвидели, и письмо, которое актер предъявил жениху как доказательство невиновности невесты, было написано девушкой в самом начале их романа. Хэрбот же приписал к дате одну цифру, перенеся таким образом невинный тон письма на время, когда в действительности отношения их с Дэйзи давно вышли за границы флирта.

Так велика сила искусства этого безусловно талантливого актера, что не только подслушивающая в соседней комнате София, но и сам Хэрбот почти убеждается в том, что ничего между ним и Дэйзи не было: «Mir war gegen Schluß der Szene, als hätte ich mit dem Mädels – als wär wirklich gar nichts passiert... Die Macht des Genies könnte man sagen» [8, s. 80] – «В конце сцены мне стало казаться, как будто я с Дэйзи... как будто и в самом деле ничего не было... Сила гения, так сказать».

Примечательно, что вся пьеса разыгрывается в комнате отеля, расположенного напротив театра. Тем самым стираются границы между театральным дискурсом и действительностью. «Was sind Worte?» [8, s. 72] – «Что значат слова?» – таков вектор движения мысли Хэрбота, и он с успехом использует этот принцип. Слова – лишь средство достижения цели, в данном случае – искусно смешать правду с ложью, чтобы возникла иллюзия абсолютной действительности произошедшего. Люди вроде Хэрбота всегда будут иметь психологическое преимущество перед людьми типа Глея, которые хотят четкого и определенного ответа: да или нет.

Психологический поединок Хэрбота и Глея – это прежде всего словесный поединок. Разумеется, персонажи используют и средства невербального общения, однако они не играют определяющей роли в диалоге. Эти авторские ремарки призваны

лишь подчеркнуть истинный смысл и мотивы речи героев, чтобы и зритель не был введен в заблуждение мастерской игрой. Речь Глея направлена на выяснение правды и призвана воззвать к совести актера. Он хорошо понимает, что Хэрбот – представитель мира искусства, и над его повседневной речью довлеет некая «театральность»: «Wir wollen hier keine Szene mit großen Worten spielen, Herr Herbot» [8, s. 71] – «Давайте не будем разыгрывать здесь сцену с громкими фразами, господин Хэрбот», Тем не менее в ходе разговора с актером он все больше подпадает под влияние таланта Хэрбота, для которого речевая деятельность составляет сущность его профессии. Актер с легкостью справляется с поставленной перед ним вербальной задачей: убедить жениха в невинности невесты. Проблема заключается в том, что язык здесь используется не для достижения взаимопонимания между людьми и установления истины.

Противоречие между людьми искусства и обывателями лежит в понимании первыми цели речевой деятельности. Актеры хотят прежде всего получить эмоциональный отклик, их мало интересует, было или нет событие в действительности. Что же касается их морального облика, то в пьесе Хэрботу дается такая характеристика: «zu elementare, zu gesunde Natur» [8, s. 57]. Именно «здоровая природа» Хэрбота ведет его по жизни, он не считает нужным сдерживать свои желания, так как вся жизнь для него – большая сцена. Тема взаимодействия и взаимопроникновения театра и жизни – магистральная в творчестве Шницлера, она имеет место в таких драмах, как «Зеленый попугай», «Покрывало Беатриче» и многих других. В цикле пьес «Комедия слов» данная проблематика раскрывается в контексте кризиса языка: роль его как средства объективного отражения действительности признается несостоятельной, а на первый план выходит манипулятивная функция, способность человека посредством речевой деятельности исказить факты ради личной выгоды. Таким образом, мы снова сталкиваемся с невозможностью достичь правды в данном произведении Шницлера.

Третья пьеса цикла – «Празднество Бахуса» (Das Bacchusfest) – продолжает тему речевого превосходства людей искусства над обывателем. Жена писателя решает уйти от него, выбрав ничем не примечательного бюргера. Любовники решают вместе провести финальную сцену разрыва, сообщив обманутому мужу о своей любви. Встреча происходит на вокзале, супруг сходит с поезда и по тончайшим нюансам, мимике и жестам любовников разбирается в произошедшем. Ему не требуется много времени, чтобы посредством вербального контакта полностью разрушить планы влюбленной пары и отвоевать жену у соперника. Ключевым моментом его речи является название пьесы – «Празднество Бахуса», над которой Феликс якобы работает.

Он просит совета у Агнес, как ему лучше озаглавить пьесу и попутно разъясняет смысл заголовка. Древняя традиция празднества Бахуса, когда человек мог провести ночь с кем угодно, но после этого обязательно вернуться в семью, проецируется всеми тремя участниками диалога на их личную ситуацию. Попытки Агнес и Гвидо внести послабления в этот обряд в случае, если случайные партнеры полюбили друг друга, развенчивается Феликсом. Это грозит смертью или изгнанием из общины. В результате такой железной логики Агнес остается с Феликсом, а соперник терпит поражение.

Заслуживает внимания стратегия Феликса в разговоре. Здесь опять возникает противостояние обывателей и людей искусства в плане использования ими языка. В то время как Агнес и Гвидо пытаются вербально совершить с общим-то простую вещь – сообщить об уходе жены к любовнику, Феликс с самого начала завладевает инициативой разговора, прерывает собеседников, в результате чего ключевая фраза так и не была сказана. Авторские ремарки, пунктуационные особенности текста маркируют неожиданные повороты диалога, искусно направляемого главным героем. Язык в том аспекте, в каком его использует Феликс, несет в себе ярко выраженную манипулятивную функцию и не имеет отношения к реальной действительности, так как, хотя слова о разрыве произнесены не были, Феликс прекрасно понял суть ситуации. Агнес же и Гвидо понимают язык буквально – в качестве передачи реальной информации. Особую функцию несет в себе заголовок пьесы. Древность традиции и заключенный в ней сакральный смысл лишают любовников психологической опоры и способствуют успеху манипуляции Феликса. Таким образом, двойственность языка ясно показана в последней одноактной пьесе цикла.

Разговор о цикле пьес был бы неполным без упоминания роли образов женщин в данном произведении. Следует отметить, что главным реципиентом речи протагонистов во всех пьесах являются их жены. (В «Великой сцене» разговор происходит между Хэрботом и Глеем, но жена София подслушивает в соседней комнате.) Женам адресуют свою речь все три героя. И хотя цели их различны (в первой пьесе – унижить, в двух других – заново подчинить обаянию своей личности), можно сделать вывод, что женщины в цикле пьес являются объектом сексуального и эмоционального давления.

Подведем итоги: проблема соотношения правды и вымысла в речевой деятельности и роли языка как средства отражения реальности решается у Шницлера в духе его времени – отрицательно. Подчеркивается амбивалентность языка и невозможность использовать его для адекватной передачи фактов. Однако писатель отличается оригинальным подходом к рассмотрению данной проблематики. Так, он выбирает для освещения

темы форму цикла одноактных пьес, пружиной драматического напряжения в которой является именно диалог. Тем самым наиболее выпукло предстает выхолощенность языка, невозможность обсуждать на нем самые животрепещущие нравственные вопросы: любви, супружеской верности, уважения к женщине. Отделение означаемого от означающего, смысловая «ненагруженность» важнейших понятий превращает язык в набор громких фраз, а жизнь – в театральные подмости. Герои цикла вольно или невольно оказываются вовлеченными в процесс примерки масок. Протагонисты сами играют выбранную ими роль и навязывают роли другим персонажам. Проблема языка, таким образом, связана у Шницлера с другими магистральными темами его творчества: соотношение правды и вымысла, реальности и иллюзии, игры и действительности. В этом случае простор и вариативность такого «экспериментального» жанра, как цикл одноактных пьес, оказались весьма перспективными.

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Канон, 2008. – 288 с.
2. *Дубах Т.М.* Вариации осмысления кризиса языка в новеллистике А. Шницлера // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. – 2014. – № 6. – С. 26–29.
3. *Ницше Ф.* Об истине и лжи во вне нравственном смысле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nietzsche.ru>works>other>about-istina> (дата обращения: 22.08.2019).
4. *Hinck V.* Träume bei Arthur Schnitzler. – Köln: Hansen, 1986. – 327 S.
5. *Jürgensen Ch., Lukas W., Scheffel M.* Strukturen, Schreibweisen, Themen // Schnitzler-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2014. – S. 291–345.
6. *Marzinek R.* Das Problem der Sprache in Arthur Schnitzlers Novelle «Die Toten schweigen»: zur erzählerischen Vermittlung des Figurenbewußtseins // Das magische Dreieck: Polnisch-deutsche Aspekte zur österreichischen und deutschen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts. – Frankfurt a. Main: Hans-Ulrich Lindken, 1992. – S. 29–48.
7. *Schlicht C.* Sprachkritik // Arthur Schnitzler. – Marburg: Teclum, 2013. – S. 63–66.
8. *Schnitzler A.* Komödie der Worte Dramen 1914–1916. – Frankfurt a. Main: Fischer, 1993. – 225 S.
9. *Thomé H.* Kernlosigkeit und Pose. Zur Rekonstruktion von Schnitzlers Psychologie // Fin de siecle: Zu Naturwissenschaft und Literatur der Jahrhundertwende im deutsch-skandinavischen Kontext. – Kopenhagen; München: Fink, 1984. – S. 62–87.

References

1. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. – M.: Kanon, 2008. – 288 s.
2. Dubah T.M. Variacii osmysleniya krizisaazyka v novellistike A. Shniclera // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – 2014. – № 6. – S. 26–29.
3. Nische F. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://nietzsche.ru>works>other>about-istina> (data obrashcheniya: 22.08.2019).
4. Hinck V. Träume bei Arthur Schnitzler. – Köln: Hansen, 1986. – 327 S.
5. Jürgensen Ch., Lukas W., Scheffel M. Strukturen, Schreibweisen, Themen // Schnitzler-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2014. – S. 291–345.
6. Marzinek R. Das Problem der Sprache in Arthur Schnitzlers Novelle «Die Toten schweigen»: zur erzählerischen Vermittlung des Figurenbewußtseins // Das magische Dreieck: Polnisch-deutsche Aspekte zur österreichischen und deutschen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts. – Frankfurt a. Main: Hans-Ulrich Lindken, 1992. – S. 29–48.
7. Schlicht C. Sprachkritik // Arthur Schnitzler. – Marburg: Teclum, 2013. – S. 63–66.
8. Schnitzler A. Komödie der Worte Dramen 1914–1916. – Frankfurt a. Main: Fischer, 1993. – 225 S.
9. Thomé H. Kernlosigkeit und Pose. Zur Rekonstruktion von Schnitzlers Psychologie // Fin de siecle: Zu Naturwissenschaft und Literatur der Jahrhundertwende im deutsch-skandinavischen Kontext. – Kopenhagen; München: Fink, 1984. – S. 62–87.

«ЗЕРКАЛЬНОСТЬ» КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «ГОФМАНОВСКОГО КОМПЛЕКСА» В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ З. ГИППИУС «ЗЕРКАЛА»

Статья продолжает ряд исследований по изучению «гофмановского комплекса» в творчестве русских писателей-символистов. В данной работе рассматривается принцип зеркальности как форма двоемирия в цикле рассказов Гиппиус «Зеркала», через который происходит актуализация и других элементов «гофмановского комплекса»: проблемы механизации жизни и человека, проявляющейся в оппозиции «живое» – «неживое», образах двойника, куклы, автомата, а также образе зеркала – символа перехода в другой мир. Опираясь на гофмановскую традицию, Гиппиус по-своему переосмысливает некоторые образы: люди воспринимаются как лишённые души отражения или куклы («Зеркала»), двойник становится другом («Луна»). Образ луны является символом мира идеального, переход в который даже через смерть символизирует обретение свободы духа. Новым вариантом оппозиции «живое» – «неживое» у Гиппиус становится противопоставление культуры России и Запада.

Ключевые слова: З. Гиппиус, Э.Т.А. Гофман, принцип зеркальности, образ зеркала, образ луны, оппозиция *живое* – *неживое*, образ двойника и куклы.

Творчество немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана становится особенно популярным в русской литературе первой половины XIX века благодаря глубокому психологизму, актуальности проблематики и неповторимому стилю. Черты гофмановской поэтики можно проследить в произведениях Н.В. Гоголя, А. Погорельского, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А. Толстого, о чем в литературоведении писалось в трудах А.Б. Ботниковой [1], А.С. Янушкевич [16], С.С. Игнатова [6], К.С. Родзевича [13], А.И. Кирпичникова [8], З. Серапионовой [14] и др.

В конце XIX века можно наблюдать возрождение интереса к Гофману, особенно в творчестве символистов, которые ощущали близость своих художественных принципов с романтизмом. Отчасти это было связано с выходом в России собрания сочинений немецкого романтика в 1896–1899 гг., а также увлечением творчеством Гофмана В. Соловьёва, который в 1880 году перевел «Золотой горшок» и использовал гофмановские образы и мотивы в своих шуточных пьесах «Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт» [9].

Реакцией на эти события становится появление в малой прозе символистов черт гофмановской поэтики, которые формируются как единое целое в виде идейно-тематического «гофмановского комплекса», включающего в себя романтическую иронию и гротеск; психологизм, своеобразное решение проблемы механизации жизни и человека, проявляющейся в образах-символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека; образе-символе зеркала, множественности сущности; символе глаз как способа распознавания подлинности *живого* – *неживого*.

Сначала гофмановский комплекс находит отражение у символистов в произведениях малой прозы: в цикле рассказов Гиппиус «Зеркала» (1898), Брюсова «Земная ось» (1901–1907), рассказах Бе-

лого «Рассказ № 2» (1902), Чулкова «Что-то черное» (1904) и др. и в ранних рассказах Андреева, а затем становится важным литературным приемом, который трансформируется в романах символистов: Брюсова «Огненный ангел», Белого «Петербург», Сологуба «Мелкий бес», Мережковского «Воскресшие боги Леонардо да Винчи» и др.

Одним из первых символистов, кто обратился к гофмановским приемам, стала З. Гиппиус. В цикле рассказов «Зеркала» русская писательница использует традиционные романтические образы и мотивы: двоемирие, оппозицию *живое* – *неживое*, образ зеркала как способ создания другой реальности. Проблема механизации жизни и человека, ставшая, по мнению символистов, одной из главных в современном обществе, проявляется в образах-символах маски, куклы и двойника, которые подменяют человека. В основу своего цикла «Зеркала» Гиппиус кладет образ зеркала, который является символом границы между взаимодействующими мирами. За этим образом подтягиваются остальные элементы «гофмановского комплекса», отражающие современные проблемы конца XIX – начала XX века в творчестве Гиппиус, которые по своему мироощущению восходят к романтикам: призрачность современной реальности, проблема бездуховности современного мира, одиночество души, прославление мира нездешнего, поиск новых идеалов. На романтический характер первых сборников Гиппиус указывает и В. Брюсов, который утверждает, что в ее рассказах раннего периода в центре повествования герои, которые «живут исключительно эмоциями, какими-то смутными влечениями души» [3, т. 5, с. 399]. Гиппиус пишет несколько рассказов в цикле «Зеркала» в рамках гофмановской традиции: «Зеркала», «Среди мертвых», «Сумерки духа», «Луна», «Ведьма» и др.

В первую очередь, Гиппиус в своем цикле использует одно из ключевых понятий романтизма –

двомирие, опираясь при этом на гофмановскую традицию, так как немецкий романтик в своих поздних произведениях разрушает традиционное двомирие: мир реальный у него проникает в мир идеальный и наоборот. В результате происходит развенчивание мира идеального, как в новелле «Повелитель блох», где мир мифический становится частью мира реального, и герои находят свое счастье в обычном мире. Символисты продолжают развивать эту идею и воспринимают мир идеальный лишь как отражение мира реального, поэтому гофмановские традиции становятся для них особенно актуальными.

Одним из главных способов увидеть другую реальность было для Гофмана зеркало или стекло. Так, в новелле «Песочный человек» Натанаэль попадает под влиянием стекла в мир, где кукла Олимпия кажется ему живой. Позже такое метафизическое пространство стало именоваться «зазеркальем». Благодаря Гофману образ зеркала становится концептом, получив новое смысловое наполнение в эпоху Серебряного века.

В рассказе Гиппиус «Зеркала» образ зеркала – один из центральных, через него актуализируются другие элементы «гофмановского комплекса». Гиппиус обращает внимание на то, что жизнь человека протекает в особом пространстве, которое представляет собой мир зазеркалья или отражения в зеркале. Он является метафорой пустоты и ничтожности внутреннего мира героев. Ян воспринимает реальный мир как отражение. Ему кажется, что этот мир иллюзорный, поэтому он боится его и потерялся между мирами.

Одна из главных проблем рассказа – бездуховность современного общества, где человек перестает сопереживать другому, одевает маску равнодушия, превращаясь в куклу. Такой мир абсурден, так как *живое* в нем поглощается *неживым*. Особенно ярко это проявляется в описании психбольницы, которая выступает символом современного *мертвого* общества: «Дом был не мрачен и не весел – он был похож на труп. Большой, окоченевший труп с незакрытыми, но невидящими глазами, с серыми тенями и грязными налетами на холодном теле» [3, т. 2, с. 17]. Это место, где человек теряет душу. Создается впечатление, что в психбольницу попадают нормальные люди, а там они превращаются в бездушных кукол: «Разве я виновата, что мое тело чувствует? Они пользуются – и мучат» [3, т. 2, с. 22], «Если можешь, возьми меня, освободи! Ведь я человек, я не виновата, что могу мучиться...» [3, т. 2, с. 24] – говорит Вера. В больнице люди постепенно утрачивают и человеческий облик. Например, вот как описывается дочка чиновницы: «Лицо худое, как у черепа, обтянутое черной кожей, выражало немое, окаменевшее страдание. <...> Маленькая головка качалась на очень длинной, тонкой, как стебель, шее» [3, т. 2, с. 23].

И работники, и пациенты больницы напоминают автоматы: «Ян опять обратился к сиделке с лицом деревянным и ожесточенным» [2, т. 3, с. 62], «Серые фигуры, бесконечные, маленькие и большие, юркие и медленные, наполняли коридор, теснясь и толкая друг друга» [3, т. 2, с. 20].

Гофман стал одним из первых писателей, у кого нашла отражение проблема превращения человека в автомат, причина которой, по его мнению, в самой действительности, разрушающей человеческую личность. По мнению В.В. Ванслова, «Эгоистическое бездушие в моральном смысле художественно трансформируется романтиками в бездушие в физическом смысле, и механизм-автомат становится образной формой выражения характерных черт современного человека» [2, с. 83]. Очень точно формулирует процесс механизации человеческой личности в эстетике Гофмана исследовательница Н.А. Жирмунская: «...ложные идеи обретают гипнотическую власть над человеческим сознанием, парализуют волю, толкают на непредсказуемые, порою роковые поступки. Мертвый предмет, построенный на основе физических законов, «хватает» живое существо. Тем самым стирается грань между живым и неживым в окружающем мире, пограничной зоной становится психика человека с ее непознанными “безднами”, точка пересечения физических и духовных начал» [5, с. 385].

В рассказе «Зеркала» Гиппиус дает свое объяснение причинам утраты людьми души, превращения их в куклы, автоматы. Это становится понятно из слов сестры Яна – Веры, которая считает, что все люди – это только отражения великого Духа, и эти отражения разные: кривые, косые, ясные, мутные и т. д. Зеркало – это ворота в другой мир, а телесная оболочка человека – это место, где скрываются души людей, которые являются отражением: «кругом отражения, и выйти из них, из отражений, нельзя, пока зеркало не разбилось. <...> Когда человек умирает, его зеркало разбивается и душа освобождается» [2, с. 3, с. 64].

Мир, в котором живут герои, лишен душ, они прячут свои чувства за оболочкой отражений, поэтому не умеют любить. Например, Раиса оставляет Яна, отдав предпочтение в последний момент Игнатию, а затем, когда получает свободу после смерти мужа, вновь бросает его. Ее любовь больше похожа на игру, эксперимент. Не удивительно, что Ян боится мира реального, так как он так же обманчив, как и мир отражений: «Вот вы купаться ходили, – продолжал Ян, – верно, видели свое лицо в воде. Видеть можно, а попробовали пощупать? Все и разлетелось» [3, т. 2, с. 32].

Другой причиной механизации человека, по мнению Гофмана, становятся автоматы, которые вытесняют все живое вокруг и пытаются завладеть человеческой душой. Об этом Гофман пишет в новелле «Автоматы», где механизмы не просто сосу-

ществуют в обществе, они пытаются претендовать на роль оракула человеческой судьбы, тем самым разрушая ее. *Живое* у Гофмана теряет жизненные силы и вытесняется искусственным, *мертвым*. Эта проблема поднимается немецким романтиком и в других новеллах, например «Песочный человек», «Выбор невесты». Произведения Гофмана наполнены искусственными куклами, автоматами, марионетками, которые символизируют мертвенность жизни. Трагизм ситуации в том, что они пытаются влиять на живых людей, подчиняя их себе. Человек же в этой ситуации утрачивает душу и сам превращается в автомат, с которым начинают обращаться как с неживым или как куклой.

У Гиппиус в рассказе «Зеркала» можно наблюдать и такой тип механизации человека. С той лишь разницей, что люди, ставшие «автоматами», пытаются управлять другими, в ком еще жива душа. Например, Самохин и Ян выступают в рассказе как двойники друг друга, где Ян – *живое* начало, а Самохин – *неживое*. Самохин пытается доминировать над Яном: «Ян видел, что хочет с ним сделать Самохин. Ему было мало отнять у него душу Раисы, он хотел идти до конца, сделать Яна вечным свидетелем этой победы, которую он считал полной. Жертва была еще жива» [3, т. 2, с. 73]. Самохин управляет Яном, он нужен Самохину как зеркало, чтобы отражать его чувства, так как у Самохина чувств нет, он как кукла, бесчувственный автомат: «Последнее время Игнатий почти беспрестанно бывал у Яна, точно уже не мог без него обходиться» [3, т. 2, с. 43], «Игнатий всегда со мной... не то что насмешки, а так, точно злость свою на мне хочет сорвать. И оскорбляет... Но он не на меня зол, а на себя, и когда оскорбляет, ему легче...» [3, т. 2, с. 43].

Оппозиция *живое - неживое*, которая восходит к поэтике Гофмана, в творчестве Гиппиус становится ярким авторским приемом. При этом элементы оппозиции, как у Гофмана, нередко меняются местами: *живое* становится подобно *неживому* (кукольность Раисы), а *неживое* продолжает жить (бабушка), либо *живое* растрчивает свою энергию на *неживое*, например, Ольга, полная любви к жизни, тратит свои силы на уход за *неживым* (бабушка). Бабушка утратила душу, превратившись в неживой предмет, в «бесчувственное существо». Гиппиус, описывая ее, специально делает акцент на ее мертвенности: «Лицо это, желтое, как пергамент, выражало спокойствие и сосредоточенность смерти. Запавшие, остановившиеся глаза, чуть прорезанные, как щелки, не смотрели и не видели. Холодная рука была неподвижна в руке Игнатия» [3, т. 2, с. 8]. Бабушка стала символом бездуховности современного человека, она превратилась в куклу – души нет, а тело живет. Эффект описания усиливается при сравнении бабушки с обликом Веры после смерти: «С первого взгляда было видно, что

это труп. Тускло-желтый свет сквозь решетчатое окно падал прямо на неподвижную голову с редкими, полуседыми, точно похолодевшими волосами и мертвой, белой кожей между ними. Лицо снеговое, с темным, полуоткрытым ртом, застыло в выражении равнодушия» [3, т. 2, с. 66].

В мире, который Гиппиус создает в своем рассказе, все абсурдно: *неживое* управляет *живым*, *живое* подавляется *мертвым* и настоящие чувства теряют смысл. Не удивительно, что герои познают друг друга через отражение в зеркале. Например, именно так начинается знакомство Яна с Раисой. Героиня кажется ему призрачной: «Я не знал, что это отражение, я думал, что это вы сами. Вы были совсем живая, я даже могу вообразить, что вы – это отражение, а настоящая вы – вон там, в зеркале» [3, т. 2, с. 14]. Раиса предстает в рассказе нереальной, раздвоенной: «Он увидел, как мелькнула там тень Раисы, девушки в черном платье, и тотчас же она подошла к ним живая» [3, т. 2, с. 38].

Традиция воспринимать возлюбленную как иное «Я» или как отражение, появляющееся в зеркале, восходит к Гофману. В «Золотом горшке» Ансельм видит свою возлюбленную змейку Серпентину в изумрудном зеркале архивариуса Линдгорста, и Веронике возлюбленный предстает как изображение в зеркале, подаренном колдуньей. Гофман даже в финале своей новеллы иронизирует, что ему, рассказчику, по воле «лукавых духов» является «в блестящем, гладко полированном металле» только его собственное «я» – бледное, утомленное и грустное, как регистратор Геербрандт после попойки» [4, т. 1, с. 261].

В рассказе Гиппиус Раиса изображается как бездушное существо, что подчеркивается Яном: «Но вы оскорбление мое не можете чувствовать, мою боль. Вы только свою. А я боль другого могу почувствовать, почти как свою» [3, т. 2, с. 38]. Самохин также называет Раису бессердечной и злой. Это подтверждается и ее поступками, например, она бросает свою младшую сестру с лестницы в детстве. Раиса является символом духовной пустоты. Не случайно в реальной жизни она кажется меньше, чем отражение в зеркале. Она играет чувствами Яна и Самохина, сталкивая их.

Раиса отражает переживания Самохина и Яна, как зеркало. Она в рассказе противопоставлена Ольге. Ольга – земная, пышущая здоровьем и любящая все живое: растения, животных, людей. Раиса же, по словам Яна, – «иное существо, почти не живое, как отражение в зеркале». В разговоре с Ольгой Раиса пытается вырвать от Ольги признание того, в каких отношениях она находится с Яном, обвиняет девушку «цепкими» руками и коллет ее острым перстнем. Раиса пытается заглянуть в душу Ольге, изучая ее отражение в зеркале: «Ты видишь себя часто в зеркале? Ты знаешь ли, какая ты хорошенькая? Он именно такую должен

любить, беленькую, пухленькую. <...> Знаешь, мне самой тебя зацеловать, защекотать хочется... Вон какая у тебя складочка под шейкой...» [3, т. 2, с. 60]. Однако Ян по-своему любит Ольгу, не за ее физическую привлекательность, а за чистую, «ясную, как зеркало, душу» [3, т. 2, с. 72].

В мире зеркал отражается душа человека, которую в реальной жизни увидеть нельзя. Реальные же предметы отображаются в зеркале как *мертвые*, так как в зеркальном мире они бездушные: «Стекло было гладкое, ясное и холодное, и в нем с той же отчетливостью, как за минуту перед тем фигура девушки – отражались теперь мертвые и неподвижные предметы» [3, т. 2, с. 37]. Не случайно через зеркало герои узнают настоящие чувства, которые испытывает другой, в нем они читают душу друг друга: «Он хотел крикнуть, что это слишком, что у него нет сил... и в то же мгновение... увидел в зеркале глаза Раисы. Она думала, что ее никто не видит, и не скрыла взора. Взор был тот же, нежный и смущенный, каким Ян видел его вчера, в аллее, и ночью, во сне» [3, т. 2, с. 73].

Рассказ заканчивается символически: Ян остается без Раисы, представляющей зеркальный мир, и отказывается вернуться к Ольге, которая воплощает земной мир, он застревает между мирами, между небом и морем: «Недвижно лежало море, как громадное ясное зеркало, а над ним, повторяясь в нем, расстилалась бледная лазурь, и проносился небесный дым легкой полосой» [3, т. 2, с. 75].

По принципу романтического двоемирия построен и рассказ Гиппиус «Живые и мертвые». Мир реальный в сознании героини противопоставлен миру мертвых, в котором живут их молодые души. Они для нее вечно прекрасные, так как лишены телесности. «Шарлотта боялась мертвых, но любила их бесплотных. Они сопровождали ее в сознании «вечно живые, неподвластные времени» [3, т. 2, с. 129]. Она создает свой мир, где *мертвые* становятся *живыми*, а *живые* раздражают ее «суевой глупостью».

Шарлотта изображается по контрасту с сестрой Каролиной, которая «высокая», «румяная», «хотунья». Шарлотта же «бледна, невесела, худощава и мала ростом» [3, т. 2, с. 131]. Про нее говорили, что она словно бестелесная, «какая-то неживая», «до нее дотронуться страшно: точно фарфоровая, того и гляди разобьется» [3, т. 2, с. 126]. Предметы живого мира она воспринимает как бездушные, например, она ломает фарфоровый венок невесты Альберта. По ее мнению, он душил *живые* цветы, посаженные ею. Или ей кажется, что памятник инженеру давит на могилу детей: «Затейливый, высокий и тяжелый памятник, все эти цепи и колеса, которыми когда-то занимался инженер» [3, т. 2, с. 131], и крест, который напоминал виселицу. Она защищает своих любимых близнецов, умерших в 2 года, могила которых по соседству от этого громоздкого памятника.

Не удивительно, что Шарлотта влюбляется в романтического юношу – умершего художника Альберта Рено, который становится для нее ближе и роднее, чем живые люди, привязанные к миру вещей, поэтому неспособные на глубокие чувства. Она видит мир в голубом свете – цвете неба, мечты – через голубую полоску стекла в окне. Голубой в рассказе выступает как антитеза красному цвету, который символизирует мир реальный. Через него смотрят в окно ее отец и сестра. Красный цвет ассоциируется у Шарлотты с кровью, плотью, которых она боится. Она пугается «пунцовых губ» своего жениха и красного цвета лица своего отца, который становился таким в гневе («Иван Карлович вышел с багровыми полосами на лице» [3, т. 2, с. 135]. У нее вызывает отвращение ее жених – сын мясника, юноша кровь с молоком, который любит кровь и плоть. В его лавке «пахло кровью и только что раздробленными костями... и висели светло-красные трупы быков» [3, т. 2, с. 141]. Шарлотта называет его быков «мертвецами» и не может представить, как ей жить в его доме, пропитанном этим запахом. Таким образом, в рассказе «Живые и мертвые» Гиппиус в качестве идеального мира предлагает иной вариант – мир вечных умерших душ, и Шарлотта выбирает голубой мир мечты, где она соединяется с любимым и обретает свое счастье.

Образ зеркала становится одним из значимых и в рассказе «Луна», где герой – крайне одинокий человек. Женщина, которую он любит, мучает его своей холодностью (кукла). Зеркала же помогают ему создать другую реальность: «В обоих концах продолговатой комнаты было два больших зеркала, тоже со стеклянными, узорными рамами. Зеркала нескончаемо углубляли комнату, повторяя каждое в себе и ее, и ее повторение в противоположном зеркале, и опять обратно» [3, т. 2, с. 229]. Степан Маркович с помощью зеркал создает своих двойников, которые помогают ему бороться с одиночеством: «Каждый вечер, возвращаясь от обеда, он ходил вот так, по своей длинноватой комнате... когда одиночество особенно пугало и давило Вальцева – он любил вдруг увидеть собственное отражение в зеркале, в реке, даже в окне дома или магазина: ему сейчас же становилось легче, он сам не знал, почему» [3, т. 2, с. 229].

Двойник – типичный образ Гофмана, который отражает идею расщепленного сознания современного человека и ассоциируется с врагом. В романе «Эликсиры дьявола» Гофман создает образ Медардуса, которого разрывают внутренние противоречия, в результате чего у него появляется несколько двойников. Гофман считает, что задача его героя – обрести единство, избавившись от двойников. В эпоху символизма отношение к двойнику меняется. Гиппиус одна из первых создает новый тип двойника – друга, который помогает человеку избегать одиночества в этом равнодушном мире.

Вальцев, типичный романтический герой Гофмана, – музыкант, который чувствует себя чужим в мире реальном: любимая женщина его бросает, а нелюбимая шантажирует вместе со своей семьей, пытаясь женить его на себе. Он даже перестает писать музыку. Единственным его утешением становится сказочный мир луны. Он любит наблюдать не только за ней, но и за ее отражением в канале: «Вальцев следил, как плывет вверх, бледнея, холодея и уменьшаясь, ее молодое серебряное тело. Озаренные небеса просторно раздвинулись. Замерцавшие было звезды стерлись, уступая дорогу одинокой царице. <...> Вот, сейчас она подыметесь выше, еще выше и заглянет в тяжелое зеркало канала...» [3, т. 2, с. 232]. Он даже специально приезжает в Венецию ради луны. В данном случае воды канала выступают как зеркало для отражения мира идеального. Этот прием также восходит к эстетике романтизма, в которой картины отраженного водой пейзажа выполняют функцию связи происходящих в эмпирическом мире событий с «параллельным» измерением реальности, так как мир, лишенный отражения, обесмысливается, распадается.

Образ луны – небесного светила, олицетворяющего мир идеальный, противопоставлен в рассказе миру земной луны («Луна») – отеля, где остановилось семейство Мэри, который отличается ложным блеском: «везде золото, дешевая, видная роскошь, неуютно, неприятно и, должно быть, очень дорого» [3, т. 2, с. 239]. Поликсена и Фомушка давят на Вальцева, убеждая его жениться на Мэри, которая, по их словам, не переживет разлуки с ним, а он чувствует лживость этого мира и хочет убежать от него, погрузившись в романтический мир луны.

Образ луны является одним из ключевых и в рассказе «Ведьма». Луна символизирует собой другой мир – мир духовной свободы: «она [Марфуша] смотрела прямо, в темный угол, и невольно воображала синий месячный простор, свободный, вольный, без земли под ногами, круглую, желтую луну близко, большущую, как мельничное колесо... И ветер свистит в ушах от быстрого полета...» [3, т. 2, с. 103]. Гиппиус в рассказе использует еще один романтический прием, когда вещь сохраняет память о том, какую роль она сыграла в жизни девушки Марты, и управляет поведением героини. «Моя дочь раз... Изобразила девушку, утонувшую в реке... О, как это было удивительно! Это платье хранить надо... Оно такое... как волшебное» [3, т. 2, с. 118]. Надев это платье, Марфуша попадает под влияние роли, для которой оно было создано. Этот прием можно также проследить у Гофмана сначала в новелле «Принцесса Брамбилла», где костюм влияет на поведение героев, подчиняя их роли, для которой он предназначен, так что герой перестает осознавать свое собственное «я». Гиппиус не просто заимствует этот прием, но и переосмысливает его, лишая иронического наполнения.

У Гиппиус платье открывает для Марфуши другой мир – духовной свободы, поэтому она впервые ощущает легкость и радость освобождения и сама падает в омут. Но именно это мгновение кажется ей падением в небо. Марфуша погибает, но получает момент истинного счастья в противовес скуке, которая одолевала ее. И опять смерть ради свободы духа воспринимается Гиппиус как счастье, как переход в другой, вечный мир свободы.

В романе «Сумерки духа» (1900), который вошел в «Третью книгу рассказов», но продолжает темы, поднятые Гиппиус во втором сборнике, образ зеркала также играет важную роль, он отражает виденье мира героев: «Против окна, как раз на противоположной, близкой стене, висело зеркало, такое же широкое, как отворенное окно. И, повторяя в себе окно, зеркало было такое же пустое и черное, и у мира, казалось, было два конца, два края с двух противоположных сторон». Образ окна, как зеркало, у Гиппиус также часто выполняет функцию перехода в другую реальность.

Шадров боится своих чувств, ему кажется, любовь, как и смерть, ведет к пропасти, к бездне: «Конец света был за черным окном, в черном зеркале. Туда уходили, оттуда возвращались нити любви и смерти, и не видно их было, и непонятными были и любовь, и смерть. Отчего нет острых и длинных лучей, которые бы пронизали тьму, чтобы знать, куда идут нити?» [3, т. 2, с. 502]. По мнению Гиппиус, любовь – это чувство, которое помогает человеку сохранить душу живой и прийти к Богу, поэтому Шадров в итоге приходит к осознанию этого чувства в себе: «Я в тебе... люблю Третьего. Ты меня понимаешь? Прямо – мне любить Его не дано, а дано любить лишь через мне подобного. Ты – мое окно к этому Третьему» [3, т. 2, с. 618].

Вера, любовь и смерть – основные темы рассказа. По мысли Гиппиус, любовь способна не только противостоять смерти, но и обеспечить бессмертие, поэтому в финале мы можем наблюдать торжество религиозной идеи, победы небесного над земным. И если герою удастся прийти к единству, «единение стало полным и светлым лишь в его одинокой и светлой душе» [3, т. 2, с. 671], то Маргарет – нет: «Душа ее разорвана надвое, но это не два могучих начала мира, которые идут, как две параллельные линии, чтобы сойтись в бесконечности; это – неподвижная двойственность, раскол, мучительный разрыв» [3, т. 2, с. 670].

В романе Гиппиус также появляется и новый вариант оппозиции *живое – неживое*. Писательница противопоставляет европейскую культуру, замершую в своем развитии (Немцы «пошли в сторону, им уже нет спасения. На этом пути нельзя прийти к сознанию великого слова – “все”» [3, т. 2, с. 636]), русской культуре, которая отличается духовностью и чувством национального единения. Не случайно бездушным, как куклу, Гиппиус изображает и

англичанина мистера Стида: «И человек, кажется, а вот все мне чудилось, что не настоящий человек, а кукла. В музеях такие бывают. Точно и не тело у него под сюртуком не его» [3, т. 2, с. 578].

Описывая немцев, Гиппиус подчеркивает их прагматичность и бездуховность, используя для этого гофмановские мертвые автоматы, которые он создает в своих рассказах «Автоматы», «Песочный человек», где противопоставляет их живому природному началу. В рассказе Гиппиус один из немцев запускает шарманку не ради искусства, а ради развлечения. Гиппиус создает оппозицию – *живая музыка*, созданная для души, и *неживая*, которую воспроизводит автомат *мертвой* рукой: «немец опустил десять пфеннигов, аккуратно вынув их из вязаного кошелька. Тотчас же первая, мертвая рука мальчика зашевелилась, и в комнате раздались унылые, упорные, ноющие звуки шарманки. <...> В сером паутином воздухе стояли те же упорные звуки, не сливаясь с говором дождя» [3, т. 2, с. 635]. Эта проблема в творчестве Гофмана получила воплощение в оппозиции искусство подлинное и ложное, например, в новелле «Состязание певцов», где Гофман противопоставляет истинное пение, которое идет от чистого сердца Вольфрама, искусственным тонам и напевами Генриха. Однако если в романтизме оппозиция искусство *подлинное* и *ложное* связана с оппозицией *божественное* – *дьявольское*, то в русском символизме она переходит в противопоставление культуры России и Запада в связи с утратой последним христианского духа.

Таким образом, в цикле Гиппиус «Зеркала» происходит выделение и осознание ряда характерных черт гофмановского комплекса. Прежде всего – это особый тип двоимирья, основанный на отражении мира реального. Мир «зазеркалья» становится для героя способом ухода от пугающей его реальности, которая дает только разочарования и одиночество. Гиппиус продолжает развивать гофмановскую проблему механизации мира, где человек утрачивает душу и превращается в куклу. Одним из центральных образов цикла становится зеркало, в отражении которого современный человек прячет свою душу, чтобы чувствовать себя менее уязвимым. Другим образом, который выполняет функцию зеркала в рассказах «Луна», «Ведьма» и др., является образ воды. Образ луны в рассказе символизирует мир идеальный, мир свободы. По мнению Гиппиус, смерть ради свободы духа – счастье, это переход в другой, вечный мир.

Вслед за Гофманом Гиппиус в своем цикле создает оппозицию *живое* – *неживое*, где под *живым* подразумевается душа человека, а под *неживым* – его телесная оболочка, как в рассказе «Живые – мертвые». Эта оппозиция помогает отражать порочные стороны действительности и обнажает одиночество души. Новым вариантом этой оппозиции становится противопоставление России,

которая отличается духовностью, и прагматичного Запада (Германии), замершего на пути к Богу.

Библиографический список

1. *Ботникова А.Б.* Э.Т.А. Гофман и русская литература. – Воронеж, 1977. – 208 с.
2. *Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. – М.: Искусство, 1966. – 397 с.
3. *Гиппиус З.* Собрание сочинений: в 15 т. – М.: Русская книга, 2001–2013.
4. *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991.
5. *Жирмунская Н.А.* Новеллы Э.Т.А. Гофмана в сегодняшнем мире // Жирмунская Н.А. От барокко к романтизму: статьи о французской и немецкой литературах. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 383–402.
6. *Игнатов С.С.* Погорельский и Гофман // Русский филологический вестник. – Варшава, 1914. – Т. 72. – № 3–4. – С. 250–278.
7. *Кардаш Е.В.* Тайна «танцующих старушек»: зеркала и автоматы в романтической литературе и «Сорочинская ярмарка» Гоголя // Русская литература / Российская академия наук. – 2006. – № 3. – С. 19–38.
8. *Кирпичников А.И.* Былые знаменитости русской литературы. Антоний Погорельский (А.А. Перовский) // Исторический вестник. – 1890 (октябрь). – Т. 42.
9. *Королева В.В.* «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 138–143.
10. *Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // Зеркало. Семиотика зеркальности: Труды по знаковым системам. XXII. – Вып. 831. – Тарту, 1988. – С. 6–24.
11. *Петровский М.А.* О влиянии Гофмана на русскую литературу // Беседы: Сборник общества истории литературы в Москве. – М., 1915. – С. 40–62.
12. *Рогова И.* Концепт «зазеркалье» в художественном пространстве рубежа XIX–XX и XX–XXI веков // Язык и культура: сб. ст. XXVI Международ. науч. конф. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – С. 346–349.
13. *Родзевич С.* К истории русского романтизма: (Э.Т.А. Гофман и 30–40 гг. в нашей литературе) // Русский филологический вестник. – Пг., 1917. – Т. 77. – № 1–2. – С. 195–222.
14. *Сератионова З.* Гофмановские мотивы в Петербургских повестях Гоголя // Литературная учеба. – 1939 (сентябрь). – № 8. – С. 78–91.
15. *Хатальский О.В.* Категория смерти в поэтическом языке З. Гиппиус: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 170 с.

16. Янушкевич А.С. Гофман в России. В.Г. Белинский о Гофмане // Ученые записки Томского университета. – 1973. – № 83. – С. 38–49.

References

1. Botnikova A.B. E.T.A. Gofman i russkaya literatura. – Voronezh, 1977. – 208 s.

2. Vanslov V.V. Estetika romantizma. – М.: Iskusstvo, 1966. – 397 s.

3. Gippius Z. Sobranie sochinenij: v 15 t. – М.: Russkaya kniga, 2001–2013.

4. Gofman E.T.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1991.

5. Zhirmunskaya N.A. Novelty E.T.A. Gofmana v segodnyashnem mire // Zhirmunskaya N.A. Ot barokko k romantizmu: stat'i o francuzskoj i nemeckoj literaturah. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2001. – S. 383–402.

6. Ignatov S.S. Pogorel'skij i Gofman // Russkij filologicheskij vestnik. – Varshava, 1914. – T. 72. – № 3–4. – S. 250–278.

7. Kardash E.V. Tajna «tancuyushchih starushek»: zerkala i avtomaty v romanticheskoy literature i «Sorochinskaya yarmarka» Gogolya // Russkaya literatura / Rossijskaya akademiya nauk. – 2006. – № 3. – S. 19–38.

8. Kirpichnikov A.I. Bylye znamenitosti russkoj literatury. Antonij Pogorel'skij (A.A. Perovskij) // Istoricheskij vestnik. – 1890 (oktyabr'). – T. 42.

9. Koroleva V.V. «Gofmanovskij kompleks»

v shutochnyh p'esah Vl. Solov'eva («Belaya liliya», «Al'sim», «Dvoryanskij bunt») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 24. – № 3. – S. 138–143.

10. Levin YU.I. Zerkalo kak potencial'nyj semioticheskij ob'ekt // Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti: Trudy po znakovym sistemam. XXII. – Vyp. 831. – Tartu, 1988. – S. 6–24.

11. Petrovskij M.A. O vliyani Gofmana na russkuyu literaturu // Besedy: Sbornik obshchestva istorii literatury v Moskve. – М., 1915. – S. 40–62.

12. Rogova I. Koncept «zazerkal'e» v hudozhestvennom prostranstve rubezha HИH–HKH i HKH–HKHI vekov // YAzyk i kul'tura: sb. st. XXVI Mezhdunar. nauch. konf. – Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2016. – S. 346–349.

13. Rodzevich S. K istorii russkogo romantizma: (E.T.A. Gofman i 30–40 gg. v nashej literature) // Russkij filologicheskij vestnik. – Pg., 1917. – T. 77. – № 1–2. – S. 195–222.

14. Serapionova Z. Gofmanovskie motivy v Peterburgskih povestyah Gogolya // Literaturnaya ucheba. – 1939 (sentyabr'). – № 8. – S. 78–91.

15. Hatal'skij O.V. Kategoriya smerti v poeticheskom yazyke Z. Gippius: dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2007. – 170 s.

16. Yanushkevich A.S. Gofman v Rossii. V.G. Belinskij o Gofmane // Uchenye zapiski Tomskogo universiteta. – 1973. – № 83. – S. 38–49.

Быстрова Ольга Васильевна

кандидат филологических наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

bystrova63@mail.ru

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРУЗДЕВ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. ГОРЬКОГО

Статья посвящена литературоведу Илье Александровичу Груздеву. Вышедший в 1925 г. очерк, посвященный биографии Максима Горького, прочно связал эти два имени. С этого времени за автором прочно установилась творческая характеристика: биограф Горького. В статье рассматриваются иные грани литературного и литературоведческого дарования Ильи Груздева. С его именем связано зарождение текстологии художественных произведений Горького. Он был составителем и редактором двух изданий сочинений писателя в «Государственном издательстве художественной литературы» (ГИХЛ) в 1928–1930 и 1931–1934 гг. Для исследователей творчества Горького как огромный фактографический материал остается переписка Горького с Груздевым, продолжавшаяся с 1925 по 1936 г. (опубликована в 1961 г.). В статье затрагиваются вопросы творческой работы Груздева после смерти Горького (1936 г.). В период с 1939 по 1941 г. он был редактором ленинградского журнала «Звезда». Обращено внимание на библиографическую работу Груздева, являвшегося автором ряда библиографических книг, посвященных Горькому.

Ключевые слова: Максим Горький, Илья Груздев, биография, творческое наследие, текстология, редакция, критика, библиография, эпистолярный.

В 1924 г. ленинградское издательство «Кубуч» обратилось к М.Л. Слонимскому с предложением издать биографию Максима Горького. Это обращение было связано с тем, что у Слонимского на тот момент уже была публикация материалов хронологической канвы жизни и творчества писателя [см.: 18]. Как вспоминал сам автор: «Похоже было, что работу я завершил. Оставалось поставить последнюю точку. И вот эта последняя точка почему-то никак у меня не получалась» [19, с. 85]. В это же время он начал пробовать свои силы в художественной прозе и позже признавался: «Чем дальше, тем яснее мне становилось, что я не литературовед и что именно поэтому не могу я наложить самые, что называется, последние мазки на свою книгу о Горьком. Рассказы я писал один за другим, а вот тут какая-то заминка» [19, с. 85]. Об этой заминке он написал Горькому, на что писатель ответил с пониманием: «Вы хорошо делаете, отказываясь издавать “материалы” – в том виде, как они сделаны, они бы несколько скомпрометировали вас. Я давно хотел сказать вам это, но было неловко как-то, не хотелось мешать вам» [4, т. 14, с. 86]. Перспективу издания наработанного материала Горький видел так: «Дорогой мой друг, в конце концов – совершенно неважно, какова будет книга о Горьком, а важно, чтоб Михайло Слонимский писал рассказы. Вполне согласен с Вами: оставьте книгу такой, какова она есть, подпишите ее инициалами М. С., и этим будет кончена канитель, которая мешаает В<ам> работать» [4, т. 14, с. 86].

Выходом из сложившейся ситуации Слонимский видел в передаче своих наработок другому автору: «Среди моих товарищей по кружку “Серапионовы братья” был критик – Илья Груздев... я и решил дать ему дело в руки, полагая, что он, критик, сможет придать моей книге “литературоведческое оформление”, которое мерещилось мне как абсолютная необходимость» [19, с. 87].

25 апреля г. Слонимский сообщил Горькому: «...серапионовский критик Груздев пишет о Вас большую работу для Госиздата. Я ему передал все имевшиеся у меня материалы <...> Груздев напишет все же толковее и лучше, чем кто-нибудь из нынешних борзописцев!» [16, с. 21].

12 августа 1925 г. Груздев прислал писателю свое первое письмо, в котором признавался: «Работой я сейчас увлечен и задание у меня большое: хочу сделать книгу, основополагающую для изучения Вашего творчества, а также передать смысл и пафос целой эпохи» [16, с. 19]. Он сообщал писателю о выходе своей книги о нем – небольшого биографического очерка: «Это не что иное, как работа Слонимского, переделанная мною в популярную книжку с соответственными добавлениями. Признаюсь, меня немало смущало мое на $\frac{3}{4}$ фактивное авторство, но жалко было не использовать материала, а на другие комбинации Слонимский не соглашался. Да и нужно было выпустить этот очерк, не дожидаясь большой книги» [16, с. 19].

26 октября 1925 г. Груздев выслал вышедший биографический очерк с просьбой указать, что в нем есть «неверного» или «неладного», получив в ответ: «Дорогой Груздев, получил Вашу книжку о Горьком, прочитал; “неловкостей” не нашел, “неверного” – не заметил» [4, т. 15, с. 300].

В апреле 1926 г. Груздев обратился к Горькому за разрешением на издание его книги для детей: «Есть у меня еще дело до Вас, Алексей Максимович, и – признаться – очень для меня тягостное. Дело в том, что еще весной прошлого года я по заказу детского отдела Ленгиза сделал переработку Ваших автобиографических рассказов для детей. Вы спросите, почему я не запросил Вашего согласия? Черт его знает, я сам теперь с трудом разбираюсь в этом. Поддался уверениям, что это будет хорошо, нужно, сам увлекся мыслью приблизить Ваши сочинения к детям, словом, совершил не-

простительную ошибку: заключил договор и дал рукопись» [16, с. 46–47]. Речь шла о книге «Жизнь и приключения Максима Горького» [см.: 12].

Разрешение на издание от Горького было получено 5 мая 1926 г., и в ответном письме Груздев не только благодарил писателя, но еще и сообщил о реакции детской аудитории на книгу: «Случилось мне читать книжку у детей. Аудитория реагировала очень живо и непосредственно. Так, в сцене “Ледохода” кричали, хватали за руки: “Они потонут? Мама, они потонут?” Трогательно и смешно – такие читатели не обязаны знать, что герой не может погибнуть в середине книги. Но вот так, чтобы каждому захотелось самому идти через лед, зачитываться книгами, взобраться на быка – пробуждать отвагу, волю к жизни, интерес ко всему – этому мне представлялось важным» [16, с. 52].

Историк литературы Груздев прекрасно осознал, какая именно перед ним стоит цель: «...задание у меня большое: хочу сделать книгу, основополагающую для изучения Вашего творчества, а также передать смысл и пафос целой эпохи» [16, с. 19]. Для задуманной работы ему были нужны сведения не только о писателе, но и о времени, которое еще недавно было историей. Именно в процессе работы над книгой Груздев осваивает еще одну грань своего литературоведческого дарования – он становится автором библиографических работ, посвященных биографии и творчеству М. Горького. Стоит выделить две из них: «Максим Горький: Памятка-справочник» [см.: 13] и «Современный Запад о Горьком» [см.: 9].

Как истинный биограф, он хотел знать о Горьком многое, если не все, и потому обращался к Горькому с просьбами: «Для моей работы мне необходимо порыться кое в каких архивах (Музей Чехова, Институт им. Ленина и др.). Не везде меня знают и не всюду доступно. Не найдете ли Вы возможным написать несколько строк, что вы-де не возражаете, чтобы я в архивах читал документы, кающиеся Вас или, это еще было бы лучше, что просите мне оказать в этом содействии» [16, с. 20]. Писатель никогда не отказывал и всегда присылал просимые бумаги.

Над своей книгой о Горьком автор работал много лет, большую помощь в этом ему богатеющая переписка с Горьким, который охотно и подробно отвечал на многочисленные вопросы адресата и помогал ему материалами. В своих воспоминаниях Груздев писал: «Я думал, что это не только замечательный план, но и единственно верное и очень нужное издание по Горькому. Но еще больше лично обрадовал меня Алексей Максимович, оформив тему моего исследования “Горький и его время”» [8, с. 160].

Однако фундаментальный труд Груздева «Горький и его время» продвигался трудно, медленно. Первое отдельное издание вышло в 1938 г., которое затем было перепечатано в 1948 г., третье дополненное издание – в 1962 г. Но из трех задуманных

томов автор успел написать только первый, охватывающий жизнь Горького до 1892 г., до начала его литературной деятельности, и ряд глав второго тома, освещающих 1892–1896 гг. (эти главы вошли в состав третьего издания). Медленность работы биографа, думается, была связана с тем, что Груздев положил в основу канвы всей книги миф, который был придуман самим Горьким для автобиографической трилогии. Только этим можно объяснить такое «копание» в фактах: автор искал фактическое подтверждение тому или иному событию, описанному в художественном тексте. Но именно эта скрупулезность исследователя позволила в будущем оценить несоответствие факта вымыслу в книге.

От работы над исследованием Груздева отрывала не только редакторская работа, но и его собственные проекты. Так, интересен еще один, правда, не состоявшийся проект в судьбе литературоведа. 29 июля 1927 г. Груздев написал Горькому о своей мечте: «...я думаю, что книга о Герцене была бы прекрасной книгой. Какой огромный материал скрыт в его писаниях и документах того времени! Показать бы Герцена новому читателю – во весь рост! Напомнить о нем Европе! Ведь с ее историей он тесно сроднен. Подумать только, что Герцен в 1851 году предсказал мировую войну и переход ее в гражданскую» [16, с. 131]. И добавлял с сожалением, что сейчас работа над этим проектом невозможна из-за отсутствия денег, а вот если бы «ссуда в 2–3 тысячи», то она бы стала «мощным толчком» к написанию книг.

Горький ответил 23 сентября 1927 г.: «Почти уверен, что достану денег для... Герцена. Пишу это вовсе не для того, чтоб поднять Ваш “дух”. Очень хочется достать все деньги сразу, чтоб Вы уже сидели спокойно» [4, т. 17, с. 39], попросив, однако, не афишировать его участие в работе над книгой. Однако этот проект не состоялся; в личном архиве Груздева хранятся отдельные наброски и газетные вырезки, связанные с этой работой. Он признавался: «...не осуществилась моя мечта написать о Герцене. После книги о Горьком в “Молодой гвардии”, после заново написанной книги “Жизнь Горького” в немецком издании “Малик-ферлаг”, после ряда других книг и статей о Горьком я приступил к работе “Горький и его время”. Огромный материал, который я получал от Алексея Максимовича, требовал немедленной разработки» [8, с. 163].

Переписка Горького с Груздевым продолжалась с 1925 по 1936 г.; она касалась и биографии писателя, и многих вопросов советской литературы, ее проблем, перспектив развития, и размышлений о творчестве многих советских художников слова, в том числе о судьбе членов содружества «Серрапионовы братья», а также судьбах писателей в эмиграции и за рубежом.

Особое место занимал в ней обмен сведениями, связанными с изданием художественных текстов писателя. Это вполне оправданно, так как с име-

нем Ильи Александровича связано зарождение текстологии произведений М. Горького. Он был редактором двух изданий сочинений Горького: Собрания сочинений в 23 томах [см.: 5] и Собрания сочинений в 25 томах [см.: 6]. Самое важное для последующей работы абсолютно всех поколений горьковедов – Груздев работал при жизни Горького и имел возможность задавать писателю вопросы по этим изданиям. Здесь можно только сказать, что текстологам-горьковедам необыкновенно повезло, так как состав обоих сочинений писателя был определен, по сути, самим писателем. Сам же редактор этих собраний скромно признавался: «Объемом произведенной работы, отсутствием предшественников в ней и отсутствием необходимых порой источников обусловлено возможное несовершенство ее» [6, т. 25, с. 412]. Он говорил о возможном продолжении этой работы – подготовке и комментировании текстов писателя – только коллективом специалистов, влюбленных в свое дело, объясняя это тем, что концентрация «сохранившихся рукописей дала бы возможность поставить со всей полной вопросы истории текста» [6, т. 25, с. 412].

Сличая тексты прижизненных изданий Горького, Груздев обнаружил много разночтений (количество типографских опечаток, цензурных вычерков и других искажений), из которых не очень существенные исправлял сам, а в серьезных случаях обращался за советом к писателю.

26 декабря 1929 г. Груздев писал Горькому: «Вы меня как-то спросили, что означает три строчки точек на 49 стр. “Детства”, Я ответил тогда же, что точки эти, несомненно, цензурские, но восстановить текст не смог, потому что все издания, известные мне, перепечатывали с испорченного текста. Теперь, работая над “Детством” для московского собрания, я разыскал то, что покрыли точки: “Иногда мне казалось, что она так же задушевно и серьезно играет в иконы, как пришибленная сестра Катерина – в куклы”. Я восстанавливаю это, но если нужно сделать как-либо иначе, сообщите мне – во второй корректуре сделаю по Вашему указанию» [16, с. 206]. В ответ получил: «Дорогой Илья Александрович – по поводу “многоточий” не могу сказать ничего, ибо книг моих у меня нет, все – израсходовано, а и были бы они, так не нашел бы я времени сверять тексты» [4, т. 19, с. 171–172].

Уловив в ответе Горького «нотку пренебрежения» к текстологической работе при подготовке юбилейного издания сочинений писателя в ГИЗе, Груздев ответил сдержанно и одновременно страстно: «Относительно цензурного пропуска в “Детстве” Вы меня не поняли. Я никогда не стал бы затруднять Вас просьбой сличать тексты, я только запрашивал, согласны ли Вы на восстановление текста в таком виде, как я предлагал. К этому не стоило бы возвращаться, если бы не та нотка пренебрежения, которая показалась мне в Вашем ответе. Если она относится не только к моей работе,

а вообще к делу редакции текстов, то, мне кажется, Вы неправы. Это большое и необходимое культурно дело и одна из значительных заслуг ГИЗа перед страной – то, что он впервые сумел дать образцово выверенные тексты наших классиков: Достоевского, Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова. Нас, редакторов-текстологов, еще очень не много, в издательствах не подготовлены культурные кадры для этой работы, вот почему я не считал возможным отказаться, когда ГИЗ предложил мне редакцию сочинений Горького» [16, с. 215–216].

Эта страстность не столько удивила, сколько покорила писателя: «...очень смущен той частью В<ашего> письма, где Вы говорите о моем “пренебрежении”, относя его к Вашей и Госиздата работе. Искренно и решительно говорю: если пренебрежение сказалось в моем письме, оно должно быть объяснено Вами как мое отношение к моим же старым книгам и – только, но Вы не должны направлять его на работу ГИЗа по изданию классиков – отличную работу, как Вы правильно оценили, работу, которой ГИЗ имеет право гордиться» [4, т. 19, с. 242].

«Конфликт» был исчерпан, издание вышло: на обороте титульного листа каждого тома было указано, что настоящее собрание сочинений писателя печатается по тексту берлинского издания 1923 г. «с исправлениями по рукописям и предшествующим публикациям». Этот опыт работы Груздева дает основание говорить о правильности его наблюдений и сделанных им выводов. Вот мнение текстолога Е.И. Прохорова, который готовил тексты в 1968 году для первой серии Полного собрания сочинений Горького, в которую вошли художественные произведения: «...он первым применил принципы научной текстологии к изданию произведений советского писателя; он был, кажется, единственным исследователем, который готовил собрание сочинений своего современника по правилам текстологии; это был колоссальный по объему труд одного человека, ограниченного в своих возможностях, но сумевшего взять все из того, чем он располагал. И при этом нельзя забывать, что вся его работа велась, по существу, на заре советской текстологии, когда еще очень многое было неясно, спорно, проблематично. И. Груздев не побоялся взяться за эту работу и выполнил ее с честью» [17, с. 10].

Дополняя грани литературоведческого дарования, стоит отметить, что Илья Груздев был умным и тонким критиком. Он одним из первых по достоинству оценил роман Горького «Жизнь Клима Самгина».

В октябре 1927 г. Горький прислал из Сорренто первый том повести, в ответ получил письмо, в котором была не только благодарность, но и оценка еще пока не оконченного произведения: «Перед Самгиным я виноват. Я был столь недалек, что, пробегая повесть в случайных отрывках, не понял и не оценил ее. Теперь, прочитав ее книгой,

я был увлечен блестящим замыслом, огромным материалом, и вот уже десять дней нахожусь под впечатлением прочитанного. Вот, наконец, настоящее литературное событие!.. Требуют от нас “монументальных” вещей, а не видят, что под носом. Разве не монументален этот шекспировский образ – серый бес пошлости Клим, упрости́тель жизни, лакей мысли?» [16, с. 145].

Советская официальная критика «Жизнь Клима Самгина» встретила холодно. Возмущенный непониманием монументального замысла, Груздев написал статью о повести Горького, в ней он так оценивал сложившуюся ситуацию: «Г. Горбачев писал, что Горького постигла творческая неудача (“Красная газета”, 1927 г., 16 сентября); Мих. Левидов заявил, что Горький изобразил в повести “галерею уродов” (“Вечерняя Москва”, 1927 г., 4 августа); Ж. Эльсберг обвинил Горького в пессимизме, по мнению критика, Горький поставил вопрос о том, нужно ли бороться для культуры и для народа, не является ли работа интеллигенции в последнем направлении ненужной и бесплодной (“На литературном посту”, 1927 г., № 15–16). И совсем клеветнической была статья В. Вешнева, который откровенно заявил: «Клим – ширма, в которую спрятался сам Горький. Он старается не выдавать себя» (“На литературном посту”, 1927 г., № 20)» [8, с. 166], и далее отметил: «Если правда, что книги имеет свою судьбу, то этой книге, по-видимому, суждено остаться непонятной. И одной из причин этого непризнания будет ходячий тезис: плохое качество героя – плохое качество автора. А нужно сказать, что эта огромная вещь построена исключительно смело: на пустом герое <...> этот Клим – лакей мысли, «упрости́тель» жизни и людей, этот серый бес пошлости – займет свое почетное место в ряду творческих образов и русской, и мировой литературы. Сторонники высоких героев будут недовольны последней книгой Горького, может быть, сочтут ее “вредным уклоном”, но пройдет немного времени, и станет ясным, что повесть “Сорок лет” – это то же для Горького, что “Евгений Онегин” для Пушкина, “Война и мир” для Толстого» [8, с. 167].

Предназначенная для первого номера журнала «Звезда», эта статья так и не была опубликована, не опубликовали ее и в журнале «Красная новь»¹. Ответ на вопрос – почему не напечатали – был прост, по мнению редакторов: «...неясно, что еще будет со вторым томом “Самгина”» [8, с. 167], а по мнению автора статьи – не хотели вступать в полемику с воинствующей критикой.

Груздев много времени отдавал редакторской работе. Этому есть достойное подтверждение – работа в горьковских проектах: редколлегии журнала «Литературная учеба», в редакции книжной серии «Библиотека поэта» (Издательство писателей в Ленинграде).

В 1936 г. Горького не стало – но Груздев не оставил своей работы над биографией писателя.

Он по-прежнему собирал и отбирал материал для своей книги.

В 1939 г. он был назначен ответственным редактором журнала «Знамя», на посту которого проработал до 1941 г. Прежде чем оказаться во главе журнала «Звезда», Груздев много печатался в этом издании; здесь были опубликованы многие его статьи [см.: 11].

Редакторская биография Груздева еще станет предметом научного исследования; его умение соединять прошлое с настоящим оказалось для политики журнала выходом, именно при его руководстве в журнале стали печатать материалы на исторические темы. Но в начале 1941 г. (спустя два года напряженной работы) Груздев, осознав, что редакторская работа мешает закончить книгу о Горьком, решил уйти с поста ответственного редактора, оставаясь лишь автором журнала. С этим была категорически не согласна редакция журнала в составе Б.А. Лавренева, Н.С. Тихонова, М.Л. Слонимского, П.О. Капицы, В.А. Каверина. 26 февраля 1941 г. они написали Груздеву коллективное письмо: «Обсудив положение “Звезды”, мы нашли, что журнал находится в хорошем состоянии. Журнал обеспечен доброкачественным литературным материалом. Финансовое и производственное положение улучшилось. Однако неясным остается вопрос о работе отв<етственного> редактора <...> Теперь нам необходимо знать точно и в срочном порядке – каковы Ваши дальнейшие намерения в отношении “Звезды” <...> Когда Вы вернетесь в “Звезду”?» [2].

Увлеченный творческой работой, Груздев отказался возвращаться. Его поступок был понят, судя по письму от редакции, отправленному 13 марта 1941 г.: «Нам очень жаль, что Вы не считаете возможным продолжить работу в журнале “Звезда” в качестве ответственного редактора. Мы надеялись, что Вы сможете совместить свою литературную работу с редактурой <...> Редколлегия постановила выразить Вам благодарность за большую, проведенную Вами работу, которая подняла качество и упрочила положение журнала. Мы очень просим Вас взять на себя руководством отделом критики и библиографии. Заранее уверены, что в этом Вы журналу не откажете. Кроме Вас мы не видим никакой другой кандидатуры на этот ответственный пост» [3]. И в этом же письме редакция напоминала, что Груздев обещал им представить проспект будущих публикаций материалов о М. Горьком. Но этим планам помешала война.

Личный архив литературоведа Ильи Груздева хранится в Архиве Горького при ИМЛИ им. А.М. Горького РАН в Москве. Документы этого архива позволяют судить о мужественном человеке, пережившем ужасы блокады. Во время бомбежки он получил контузию, из-за чего потом всю жизнь страдал головными болями. Но в этой беде его не оставляло правление Ленинградского отделения Союза советских писателей СССР, и в течение

1942–1944 гг. он вместе с супругой Т.К. Груздевой несколько раз ездил в Москву на лечение. В одну из таких командировок его увидел А.А. Фадеев, написавший 13 августа 1942 г. О.Д. Форш: «Видел я и чудесного Илью Груздева, к сожалению погрязшего главным образом в делах Союза писателей и мало пишущего, и в жизни сильно отощавшего на ленинградских харчах» [14, с. 512]. О его ужасающей худобе писал и М.Л. Слонимский 23 сентября 1942 г.: «...Авраменко рассказывал о твердом намерении твоём, Илья, остаться в Ленинграде. Но он же говорил, что ты хуеешь, продолжаешь худеть...» [1].

Сам Груздев только однажды позволил себе проговориться о том, как он прожил годы войны. «Литературная газета» 9 мая 1946 г. опубликовала его статью «Широкие планы»: «В годы войны я работал как публицист в ленинградской и фронтовой печати. После четырехлетнего перерыва я получил возможность вернуться к своей основной работе последнего времени – историко-литературной монографии “Горький и его время” <...> Во время блокады Ленинграда я прожил несколько месяцев на аэродромах Балтики. Живя среди летчиков, я ежедневно убеждался, какие огромные залежи материала ждут писателей, – и могут не дожидаться, потому что многое забывается, не записанное, не закрепленное теряется в памяти, вспоминается уже с трудом. Оставить портреты людей исключительной воли и силы характера, показать великолепное творчество людей лётной профессии – все это казалось абсолютно необходимым <...> Среди бесед, проводившихся мною на фронте на темы истории и культуры, по случайному поводу возникла тема: “Горький и Шалапин. История их отношений”. Успех этой беседы у слушателей каждый раз был исключительный, и только на первый взгляд ее успех, да еще во фронтовой обстановке, мог показаться непонятным. Тема эта – о славе русского искусства, о Горьком, человеке, до конца преданном интересам народа, и об его борьбе за Шалапина, гениальное искусство которого он так горячо и самоотверженно стремился поставить на службу народу» [10].

И еще один штрих, дополняющий его творческую биографию, который стоит подчеркивать, – он создавал биографию Горького, вплетая ее в контекст литературного процесса и XIX, и XX вв. Стоит вспомнить слова благодарности Горького, высказанные автору: «Дорогой Илья Александрович – сейчас просмотрел Вашу книжку – “Горький”. Думаю, что у меня есть право искренне поздравить Вас: хорошо сделано – крепко, густо, горячо и вкусно. В праве моем хвалить Вас за ту книжку возникает сомнение, ибо я – материал книги <...> Однако же, отвлекаясь от себя, я, литератор, обязан сказать товарищу-литератору: книжка написана отлично, она весьма убедительно показывает рост и развитие некоей энергии» [16, с. 317–318].

Когда-то горьковед К.Д. Муратова назвала Л.Н. Андреева «со-вопросником» Максима Горького, так как «общение с Горьким расширяло представление о кипении новой жизни, о новых задачах русского общества, о новых дерзаниях человеческой мысли» [15, с. 40]. Так вот, молодой биограф заставил писателя снова и снова вспоминать о жизни, о литературе, о мире; разумеется, он не претендовал на звание «со-вопросника», но, тем не менее, сумел стать для писателя не просто человеком, который пишет биографию. Однажды Горький позволил своим эмоциям выплеснуться на страницы письма: «...удручен бессилием моим помочь Вам пережить тяжелые дни². Утешать я – не умею, издавна хорошо зная, что в таких случаях, как Ваш, утешения не только неуместны, а даже оскорбительны могут быть. Но – хотелось бы сейчас, вот в эту минуту посидеть около Вас, помолчать, может быть, нашлись бы какие-то нужные Вам слова, ну, хоть рукопожатие, что ли! <...> Чужое горе – труднее одолеть. Чужого горя я знаю больше и, кажется, ненавижу его больше, чем свое. Оно – недостижимее и потому злей. Вот сейчас, пишу и чувствую, что это не нужно Вам, ничего не даст Вам, а все-таки хочется писать какие-то слова, не вмещающие моего возмущения за Вас, лишние слова. И, пожалуй, лучше молчать. Но все-таки хочется мне, чтоб Вы знали: больно мне за Вас...» [4, т. 16, с. 372].

Последней работой ученого были мемуары о его встречах и эпистолярные с М. Горьким. Размышляя о биографии самого биографа, невольно вспоминаешь слова того, кому посвящена работа всей его жизни – Максима Горького: «Радостно, до безумной гордости волнуется не только обилие талантов, рожденных Россией... мы имеем право гордиться разнообразием фантастически прекрасного горения русской души, и да укрепит оно нашу веру в духовную мощь страны!» [7, т. 24, с. 184]. Этими словами Горький охарактеризовал мастеров художественного слова XIX века, но они в полной мере относятся и к Илье Александровичу Груздеву, замечательному ученому, глубокому исследователю, составившему гордость советской литературы.

Примечания

¹ Статья И.А. Груздева, посвященная повести Горького «Жизнь Клима Самгина», не была опубликована, автор переработал ее и включил в свою концептуальную статью «Мои встречи и переписка с М. Горьким» [см.: 12].

² 28 июня 1927 г. у И.А. Груздева умерла мать.

Библиографический список

1. Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). – Фонд И.А. Груздева. – Оп. 9. – Ед. хр. 19/11.
2. Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). – Фонд И.А. Груздева. – Оп. 9. – Ед. хр. 38.

3. Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). – Фонд И.А. Груздева. – Оп. 9. – Ед. хр. 39.
4. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 1997–2019.
5. *Горький М.* Собрание сочинений: в 23 т. / ред. и коммент. И.А. Груздев; предисл. А.В. Луначарский. – М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1930.
6. *Горький М.* Собрание сочинений: в 25 т. / ред. и коммент. И.А. Груздев; предисл. А.В. Луначарский. – 2-е изд., доп. – М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1934.
7. *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия, 1908–1928 / ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. – М.: ГИХЛ, 1953. – 578 с.
8. *Груздев И.А.* Мои встречи и переписка с М. Горьким // Звезда. – 1961. – № 1. – С. 141–184.
9. *Груздев И.А.* Современный Запад о Горьком: Материалы к вопросу об оценке Горького в иностранных литературах. – Л.: Прибой, 1930. – 224 с.
10. *Груздев И.А.* Широкие планы // Литературная газета. – 1946. – 9 мая. – С. 3.
11. Груздев Илья Александрович: Материалы к библиографии [Электронный ресурс] / ред.-сост. О.В. Быстрова. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – (Библиографическая серия «Ученые филологи»: К 150-летию со дня рождения М. Горького. Вып. 1) // Литературный факт: науч. филологич. журнал. – Режим доступа: <http://litfact.ru/ru/onlajn-publikatsii/34-gruzdev-ilya-aleksandrovich-materialy-k-bibliografii> (дата обращения: 31.10.2019).
12. Жизнь и приключения Максима Горького: (По его рассказам) / сост. И. Груздев; рис. Н. Тырсы. – М.; Л.: ГИЗ, 1926. – 164 с.
13. Максим Горький: Памятка-справочник / сост. И.А. Груздев, С. Балухатый. – М.; Л.: ГИЗ, 1928. – 71 с.
14. «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945: Документы и комментарии / рук. коллектива Т.М. Горяева, сост. В.А. Антипина, З.К. Водопьянова и др. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – Т. 2. – Кн. 1. – 768 с.
15. *Муратова К.Д.* М. Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство / ИМЛИ им. А.М. Горького. – М., 1965. – Т. 72. – С. 9–60.
16. Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым // Архив А.М. Горького. Т. 11. – М.: Наука, 1966. – 383 с.
17. *Прохоров Е.И.* Текстология художественных произведений М. Горького. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
18. *Слонимский М.* Новое о Горьком // Вестник литературы. – 1920. – № 4–5. – С. 8–9.
19. *Слонимский М.Л.* История одной книги // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 85.

References

1. Arhiv A.M. Gor'kogo (Moskva, IMLI RAN). – Fond I.A. Gruzdeva. – Op. 9. – Ed. hr. 19/11.
2. Arhiv A.M. Gor'kogo (Moskva, IMLI RAN). – Fond I.A. Gruzdeva. – Op. 9. – Ed. hr. 38.
3. Arhiv A.M. Gor'kogo (Moskva, IMLI RAN). – Fond I.A. Gruzdeva. – Op. 9. – Ed. hr. 39.
4. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: v 24 t. – М.: Nauka, 1997–2019.
5. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 23 t. / red. i komment. I.A. Gruzdev; predisl. A.V. Lunacharskij. – М.; Л.: GIHL, 1928–1930.
6. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 25 t. / red. i komment. I.A. Gruzdev; predisl. A.V. Lunacharskij. – 2-e izd., dop. – М.; Л.: GIHL, 1931–1934.
7. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 24. Stat'i, rechi, privetstviya, 1908–1928 / IMLI im. A.M. Gor'kogo AN SSSR. – М.: GIHL, 1953. – 578 s.
8. Gruzdev I.A. Moi vstrechi i perepiska s M. Gor'kim // Zvezda. – 1961. – № 1. – S. 141–184.
9. Gruzdev I.A. Sovremennij Zapad o Gor'kom: Materialy k voprosu ob ocenke Gor'kogo v inostrannykh literaturah. – Л.: Priboj, 1930. – 224 s.
10. Gruzdev I.A. SHirokie plany // Literaturnaya gazeta. – 1946. – 9 maya. – S. 3.
11. Gruzdev Il'ya Aleksandrovich: Materialy k bibliografii [Elektronnyj resurs] / red.-sost. O.V. Bystrova. – М.: IMLI RAN, 2016. – (Bibliograficheskaya seriya «Uchenye filologi»: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M. Gor'kogo. Vyp. 1) // Literaturnyj fakt: nauch. filologich. zhurnal. – Rezhim dostupa: <http://litfact.ru/ru/onlajn-publikatsii/34-gruzdev-ilya-aleksandrovich-materialy-k-bibliografii> (data obrashcheniya: 31.10.2019).
12. ZHizn' i prikl'yucheniya Maksima Gor'kogo: (Po ego rasskazam) / sost. I. Gruzdev; ris. N. Tyrsy. – М.; Л.: GIZ, 1926. – 164 s.
13. Maksim Gor'kij: Pamyatka-spravochnik / sost. I.A. Gruzdev, S. Baluhatyj. – М.; Л.: GIZ, 1928. – 71 s.
14. «My predchuvstvovali polyhan'e...»: Soyuz sovetskih pisatelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Iyun' 1941 – sentyabr' 1945: Dokumenty i kommentarii / ruk. kollektiva T.M. Goryaeva, sost. V.A. Antipina, Z.K. Vodop'yanova i dr. – М.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. – T. 2. – Kn. 1. – 768 s.
15. *Muratova K.D.* M. Gor'kij i Leonid Andreev // Literaturnoe nasledstvo / IMLI im. A.M. Gor'kogo. – М., 1965. – Т. 72. – С. 9–60.
16. Perepiska A.M. Gor'kogo s I.A. Gruzdevym // Arhiv A.M. Gor'kogo. T. 11. – М.: Nauka, 1966. – 383 s.
17. Prohorov E.I. Tekstologiya hudozhestvennykh proizvedenij M. Gor'kogo. – М.: Nauka, 1983. – 280 s.
18. Slonimskij M. Novoe o Gor'kom // Vestnik literatury. – 1920. – № 4–5. – S. 8–9.
19. Slonimskij M.L. Istoriya odnoj knigi // Gor'kij i ego epoha: Issledovaniya i materialy. Vyp. 1. – М., 1989. – S. 85.

Маркова Екатерина Александровна

кандидат филологических наук
Московский государственный областной университет, г. Мытищи
Glazkova1992@gmail.com**«В ПОДРАЖАНИЕ РИЛЬКЕ»:
К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА СТИХОТВОРЕНИЯ Д. МАХУНА «НОЧНАЯ ПОЕЗДКА»**

В статье рассматривается жанровое своеобразие стихотворения ирландского поэта и переводчика Дерек Махуна «Ночная поездка», написанного в подражание одноименному стихотворению Рильке. Среди возможных определений жанра стихотворения Махуна – «(вольный) перевод», «адаптация», «версия», «переложение», «пастиш». Проанализирована авторская концепция перевода, которая сводится к потребности адаптировать оригинальный текст не только к языку перевода, но и к литературной традиции, ассоциируемой с этим языком. Именно с этой концепцией связано появление образа Византии, источник которого прослеживается в творчестве ирландского поэта и драматурга рубежа XIX–XX веков У.Б. Йейтса. Вместе с тем высказано предположение об особой интерпретации стихотворения Рильке Махуном: Махун видит в «тяжести гранита» потребность избавиться от груза немецкой литературной традиции и в своем стихотворении «адаптирует» этот образ к национальной литературе Ирландии.

Ключевые слова: Д. Махун, Р.М. Рильке, поэзия Ирландии, поэтический перевод, переложение, пастиш, У.Б. Йейтс.

Стихотворение современного ирландского поэта и переводчика Дерек Махуна (Derek Mahon, 1941) «Ночная поездка» (*Night Drive*, 1985), по определению самого автора, было написано «в подражание Рильке» («after Rilke»). Любопытно, что авторская жанровая номинация не стала общепринятой среди исследователей его творчества. Это стихотворение называли переводом [5, р. 180], «адаптацией» [6] и пастишем [5, р. 180]. Рассмотрим своеобразие жанра стихотворения «Ночная поездка» в контексте его интертекстуальных связей (как с литературой рубежа XIX–XX веков, так и с поэзией второй половины XX века) (см. табл. 1).

С точки зрения Махуна, поэтический перевод должен *адаптировать* оригинал не только к языку перевода, но и к культуре и литературной традиции, ассоциируемой с этим языком. В предисловии к одному из сборников поэтических *адаптаций* Махун пишет, что одна из самых, на его взгляд, влиятельных переводческих концепций (которой придерживались В. Набоков и Т. Хьюз) предполагает, что поэтический перевод должен быть буквальным [8]. Далее Махун приводит цитату из книги Хьюза «Современная поэзия в переводе» (*Modern Poetry in Translation*, 1965): «Если переводчик использует средства, чуждые оригиналу, ради воспроизведения его атмосферы, ценность всего перевода вызывает сомнения». С этим постулатом Махун не соглашается, заявляя, что его собственные версии, созданные для того, чтобы воспроизвести атмосферу оригинала и потому допускающие использование чуждых ему средств, принадлежат иной категории, категории *адаптированных* переводов [8]. В предисловии к другой книге переводов Махун предупреждает: в его версиях допущено много вольности в надежде на то, что их можно будет читать так, как читают непеводные стихотворения, *изначально* написанные на

английском языке, и в то же время так, чтобы в них было различимо звучание оригинала [9, р. 14].

Не углубляясь в историю вопроса, заметим лишь, что концепция Махуна отнюдь не новаторская. Подобные «адаптации», или переложения, хорошо известны русскоязычному читателю по басням И.А. Крылова (1769–1844), многие из которых являются переложениями басен Ж. де Лафонтена (1621–1695), или по произведениям В.А. Жуковского (1783–1852) (например, поэме «Камознс», вольному переводу драмы немецкого автора Гальма (Halm, 1806–1871). Из зарубежной литературы можно вспомнить французские переводы эпохи классицизма (перевод Ж.К. де Флориана (1775–1794) «Дон Кихота» М. де Сервантеса (1547–1616), старые французские переводы Шекспира.

Анализ стихотворения. Посмотрим на примере переложения стихотворения Рильке «Ночная поездка», как происходит процесс адаптации, о котором говорит Махун. Переложение Махуна короче стихотворения Рильке – определенные образы и смыслы оригинала были элиминированы в процессе перевода-адаптации. Махун избавляет свой перевод от части информации, которая привязывает оригинальное стихотворение к Петербургу и России. Орловские рысаки (строка 2) становятся просто «лошадьми», Летний сад оригинала – «царским парком», а гранит набережных Невы из финала стихотворения Рильке исчезает вовсе, трансформируясь в некий «византийский лакированный алтарь». В своем переложении Махун осознанно отдалается от России и Германии и приближается к Ирландии.

Отдалается от Германии, потому что образ гранита у Рильке не столько фактографически петербургский, сколько гетевский, отсылающий к статье Гете «О граните» (1784) [2, с. 77–78] и другим многочисленным фрагментарным рассуждениям поэта об этом минерале [3]. В качестве допущения скажем, что в финальных строках стихотворения

Таблица 1

Nächtliche Fahrt	Night drive
Damals als wir mit den glatten Trabern (schwarzen, aus dem Orloffschen Gestüt) –, während hinter hohen Kandelabern Stadtnachtfronten lagen, angefrüht, 4 stumm und keiner Stunde mehr gemäß –, führen, nein: vergingen oder flogen und um lastende Paläste bogen in das Wehn der Newa-Quais, 8	Not drawn but flown by glistening mares past silent, tomb-lit porticoes and lamp-posts hung like chandeliers, past granite palaces where a first 4 dawn-glow lightened the roofs, we burst on to the windy Neva quays, rumbling there in an anxious, thin half-light neither of earth nor heaven, 8 leaving behind the unwoken, dark woods of the Czar's private park protected from the risen breeze, its statues fading, every gest- 12 ure frozen for ever in the past. St. Petersburg ceased to exist, disclosed that it had never been; asked only peace now, as if one 16 long mad should find the knot untied and watch, recovered and clear-eyed, a fixed idea in its Byzantine, varnished and adamantine shrine 20 spin off from the whirling mind and vanish, leaving not a trace behind. [7]
hingerissen durch das wache Nachten, das nicht Himmel und nicht Erde hat, – als das Drängende von unbewachten Garten gärend aus dem Ljetnij-Ssad 12 aufstieg, während seine Steinfiguren schwindend mit ohnmächtigen Konturen hinter uns vergingen, wie wir führen –:	(Не тянут нас, но мчат по воздуху лоснящиеся лошади / мимо безмолвных портиков в могильном свете / и фонарных столбов, висящих, как подсвечники, / мимо гранитных дворцов, чьи крыши первый / блик рассвета осветил, / мы ворвались на ветреные набережные Невы, / громыхая в нервном, тонком / полусвете не то земном, не то небесном / оставляя за собой не- пробужденные темные / леса царского парка, / защищенного от морских ветров, / с его ветшающими изваяниями, где каждый жест / замер навсегда в прошлом. / Санкт-Петербург закончил свое существование, / разгласив, что его и не было; / просит лишь о покое теперь, как будто некто, / давно лишившись рас- судка, должен обнаружить, что узел развязан, / и увидеть, при- дя в себя и прозрев, / как навязчивая идея на ее византийском / лакированном алмазном алтаре / отделяется от смятенного сознания / и исчезает, не оставляя следа).
damals hörte diese Stadt 16 auf zu sein. Auf einmal gab sie zu, daß sie niemals war, um nichts als Ruh flehend; wie ein Irreter, dem das Wirrn plötzlich sich entwirrt, das ihn verriet, 20 und der einen jahrelangen kranken gar nicht zu verwandelnden Gedanken, den er nie mehr denken muß: Granit – aus dem leeren schwankenden Gehirn 24 fallen fühlt, bis man ihn nicht mehr sieht. [10]	
(Тогда, когда мы на гладких рысаках / (черных, с конного заво- да Орлова) – / в то время как за высокими фонарями / фасады ночного города лежали, нетронутые, / безмолвные, больше неподвластные времени, – / ехали, нет: мчались или летели / и тянущиеся дворцы огибали, / (вливаясь) в вену набережных Невы, / вдохновенные бодрствующей ночью, / у которой нет неба и нет земли – / когда давление неохраняемого (дикого) / сада увеличилось, из него Летний сад / возник, в то время как его каменные статуи, / исчезая с размытыми контурами, / оста- вались позади нас, пока мы ехали – / тогда город завершил / свое существование. Вдруг город сознался, / что никогда и не существовал, лишь о покое / умоляя; как умалишенный, ко- торого безумие / внезапно и предательски оставило, / и много лет бывшие больными / мысли теперь изменились, / так что он больше не должен думать: гранит / из пустого колеблющегося мозга / падает (так чувствуется), до тех пор пока его больше никто не увидит).	

Примечание: перевод с ирландского и английского языков на русский язык выполнен автором статьи.

Рильке («гранит / из пустого колеблющегося моз-
га / падает», 23–25) речь идет не лишь об исчезаю-
щем городе, противостоянии плоти и камня, сердца
и гранита, призрачности бытия, но также и о поэте,
пытающемся сбросить груз поэтического прошло-
го, преодолеть влияние традиции Гете. Подобные
мотивы у Рильке замечают и исследователи его
творчества: В. Бакусов связывает стремление не-
мецкого поэта освободиться от «духовной власти»
великих писателей и поэтов прошлого с именами
Ф. Ницше и И.Ф. Гете [1, с. 220].

По всей видимости, именно так читает финал
стихотворения Рильке «Ночная поездка» его пере-
водчик и интерпретатор Дерек Махун. В своем
переложении Махун «приближается» к Ирландии,
потому что вместо образа «гранита» в переводе
возникает образ Византии, который, абсолютно

очевидно, появился здесь в связи с творчеством
У.Б. Йейтса (W.B. Yeats, 1865–1939). Подобную
«замену» можно объяснить сходством ролей, кото-
рые Гете и Йейтс сыграли для современной немец-
кой и ирландской поэзии. Как и Гете в Германии,
поэзия Йейтса в Ирландии стала ориентиром для
поэтов и писателей последующих поколений.

Чтобы найти источник Византии у Махуна,
достаточно вспомнить знаменитые стихотворе-
ния Йейтса – «Плавание в Византию» (*Sailing
to Byzantium*, 1927) и, собственно, «Византию»
(*Byzantium*, 1932). Думается, стихотворение Маху-
на в большей степени связано именно с «Плавани-
ем»: очевидно сходство махуновского лакирован-
ного, сверкающего алтаря с йейтсовской золотой
настенной мозаикой («gold mosaic of a wall» [13]),
изображающей неких мудрецов («sages» [13]),

к которым обращается лирический герой Йейтса. Ясно также и то, почему Махун выбирает именно йейтсовский образ. С одной стороны, в нем явлена та же дихотомия жизни, живой плоти и жизни вечной в произведении искусства (в граните или золоте – не столь важно): лирический герой стихотворения Йейтса покидает тварный мир, где ему, «старика», места нет, и отправляется в плавание в Византию, на поиски вечной жизни духа, которая оказывается возможной в неподвластном времени искусстве. С другой стороны, так Махун заявляет о преодолении или, может быть, потребности преодолеть огромную силу сопротивления поэтической традиции, заложенной Йейтсом в Ирландии.

Есть у переложения Махуна и современный пласт – переключка со стихотворением «Ночная поездка» (*Night Drive*, 1969) другого ирландского поэта, нобелевского лауреата Шеймаса Хини (Seamus Heaney, 1939–2013). Вероятно, Хини вдохновился стихотворением Рильке, которого читал и переводил [11, р. 193]. Однако от Рильке здесь остается только мотив пограничности состояний – между сном и явью, ночью и днем. В общем и целом это стихотворение – тематический и образный «перевертыш» по отношению к оригиналу: поездка происходит не по городу, но по сельской местности; лирический герой ощущает запахи сена и скота, а не Летнего сада и гранитных набережных; в мыслях героя – чувственное предвкушение встречи с возлюбленной, которая ждет его в Италии, а не размышления о «мертвом», застывшем городе и его безумии. Иными словами, Махун не только подражает Рильке, но и вступает в диалог с поэтом-современником, Шеймасом Хини, возвращая мотиву ночной поездки изначальные смыслы, пуская и адаптированные к ирландской традиции.

Выводы. Стремление преодолеть поэзию прошлого совсем не ново: из полемики с предшественниками соткана вся поэзия XX века. Достаточно вспомнить поэтов-модернистов Т.С. Элиота (T.S. Eliot, 1888–1965) и Э. Паунда (Ezra Pound, 1885–1972), не принимавших романтизм и все же, как мы теперь понимаем, испытавших его огромное влияние, или же Йейтса, который декларировал большой интерес к поэзии романтиков и при этом полемизировал с ней и в какой-то мере стремился освободиться от ее влияния. Те же тенденции видны и у Махуна, как в его собственной поэзии, так и в его многочисленных переложениях: он одновременно стремится «преодолеть» Йейтса и как бы «продолжить» его, для Махуна, по его собственному признанию, «поэзия Йейтса – Эверест», «монумент, затмевающий достижения ирландских поэтов последующих поколений» [12, р. 16].

Когда переводчик и поэт Г.М. Кружков спросил Хини, кого, на его взгляд, можно назвать продолжателем «линии» Йейтса, Хини назвал только имя Дерек Махуна: «В наше время наследником Йейт-

са в некотором смысле, только в некотором смысле, может быть назван Дерек Махун. Прежде всего, Махун в ряде стихотворений применяет формальную строфику и вместе с тем благородный, торжественный тон с музыкальными каденциями» [4]. Пожалуй, отсюда интерес Махуна к переложениям – он, как поэт-традиционалист, остро ощущает свою связь с прошлым и преемственный характер литературного процесса. Между тем, будучи поэтом *современным*, Махун улавливает тенденции своего времени, эпохи постмодерна, которой свойственен интерес к вторичным литературным произведениям и, в частности, жанру пастиша.

Библиографический список

1. Бакусев В. Песнь одиночеству // Р.М. Рильке. Флорентийский дневник / пер. В. Бакусев. – М.: Текст, 2001. – С. 196–221.
2. Жеребин А. И. Сердце и гранит. О стихотворении Рильке «Ночная поездка» // Культура и текст. – 2014. – № 3. – С. 76–86.
3. Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – 468 с.
4. Кружков Г. Изба-писальня. В гостях у Шеймаса Хини [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2004. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/2/kr8.html> (дата обращения: 06.07.2019).
5. Haughton H. The Poetry of Derek Mahon. – Oxford: OUP, 2010. – 416 p.
6. Impens F. Rebroadcast Voices [Электронный ресурс] // Dublin Review of Books. – 2013. – № 45. – Режим доступа: <http://www.drbb.ie/essays/rebroadcast-voices> (дата обращения: 06.07.2019).
7. Mahon D. Antarctica. – N. Y.: Gallery Press, 1985. – 37 p.
8. Mahon D. Authors notes // Mahon D. Raw material. – N. Y.: Gallery Press, 2011. – P. 11.
9. Mahon D. Echo's Grove. – N. Y.: Gallery Press, 2013. – 208 p.
10. Rilke R.M. Gesammelte Gedichte von Rainer Maria Rilke. – Dachau: Ok-publishing, 2017. – 1130 p.
11. Russell R.R. Seamus Heaney: An Introduction. – Edinburgh: EUP, 2016. – 312 p.
12. The Penguin Book of Contemporary Irish Poetry / ed. by P. Fallon and D. Mahon. – L.: Penguin Books, 1990. – 496 p.
13. Yeats W.B. The Collected Poems of W.B. Yeats: Definitive Edition with the Author's Final Revisions. – N. Y.: Macmillan, 1956. – 480 p.

References

1. Bakusev V. Pesn' odinochestvu // R.M. Ril'ke. Florentijskij dnevnik / per. V. Bakusev. – M.: Tekst, 2001. – S. 196–221.
2. ZHerebin A. I.Serdce i granit. O stihotvorenii Ril'ke «Nochnaya poezdka» // Kul'tura i tekst. – 2014. – № 3. – S. 76–86.

3. Kanaev I.I. Gyote kak estestvoispytatel'. – L.: Nauka, 1970. – 468 s.
4. Kruzhkov G. Izba-pisal'nya. V gostyah u SHEjmasa Hini [Elektronnyj resurs] // Inostrannaya literatura. – 2004. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/2/kr8.html> (data obrashcheniya: 06.07.2019).
5. Haughton H. The Poetry of Derek Mahon. – Oxford: OUP, 2010. – 416 p.
6. Impens F. Rebroadcast Voices [Elektronnyj resurs] // Dublin Review of Books. – 2013. – № 45. – Rezhim dostupa: <http://www.drb.ie/essays/rebroadcast-voices> (data obrashcheniya: 06.07.2019).
7. Mahon D. Antarctica. – N. Y.: Gallery Press, 1985. – 37 p.
8. Mahon D. Authors notes // Mahon D. Raw material. – N. Y.: Gallery Press, 2011. – P. 11.
9. Mahon D. Echo's Grove. – N. Y.: Gallery Press, 2013. – 208 p.
10. Rilke R.M. Gesammelte Gedichte von Rainer Maria Rilke. – Dachau: Ok-publishing, 2017. – 1130 p.
11. Russell R.R. Seamus Heaney: An Introduction. – Edinburgh: EUP, 2016. – 312 p.
12. The Penguin Book of Contemporary Irish Poetry / ed. by P. Fallon and D. Mahon. – L.: Penguin Books, 1990. – 496 p.
13. Yeats W.B. The Collected Poems of W.B. Yeats: Definitive Edition with the Author's Final Revisions. – N. Y.: Macmillan, 1956. – 480 p.

ПРЕТЕКСТ ДЕТСКОЙ ИГРЫ В РОМАНЕ А. КРИСТИ «ПЯТЬ ПОРОСЯТ»

Статья посвящена анализу роли претекста детской игры в романе Агаты Кристи «Пять поросят». Методами герменевтического и компаративного анализа исследуется использование детской игры на разных уровнях композиции анализируемого произведения (уровни художественной детали, мотива, персонажей, сюжета). Автор статьи приходит к выводу, что А. Кристи открывает новые возможности использования фольклорного претекста в своих произведениях, основанные на потенциале самого претекста (сочетание вербального и кинетического компонентов в игре). Мотив цифры пять, заявляемый уже в заглавии произведения, организует повествование, а также используется при соблюдении правила честной игры и должен помочь внимательному читателю в раскрытии преступления. По мнению автора статьи, А. Кристи создает текст, выстроенный не только согласно формуле детективно-го жанра, но и по правилам детской игры, используемой в качестве претекста.

Ключевые слова: формульная литература, детектив, претекст, интертекст, английский детский фольклор, пальчиковые игры, творчество А. Кристи.

Популярность книг Агаты Кристи (как прижизненная, так и посмертная) во многом объясняется интересом писательницы к литературным экспериментам: она дерзко нарушала каноны построения детектива, например вводя ненадежного нарратора (в романе «Убийство Роджера Экройда»), и создавала собственные правила. Одним из узнаваемых приемов писательницы является использование в ее романах претекста: текста (как правило, литературного или фольклорного) без знания которого невозможно понимание произведения. Претекст, значимый для адекватной интерпретации актуального текста, может не цитироваться в нем полностью [14], хотя А. Кристи предпочитала включать его в свои романы. Носители родного для писательницы английского языка узнавали в этих претекстах прецедентные тексты своей культуры, то есть тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [11, с. 216].

А. Кристи впервые построила сюжет своего детектива на претексте в романе, известном в нашей стране под названием «Десять негрятят» (1939 г.), и после успеха книги прибегала к этому приему неоднократно. В качестве претекста чаще всего использовались произведения английского детского фольклора: песенки и считалки [см.: 3; 4]. В 1940-х – начале 1950-х гг. королева детектива обратилась к фольклорным детским играм, в которых важен не только вербальный, но и невербальный текст (движения). Интерес автора формульной литературы к игре объясним: игру и детектив роднит хорошо понятный сценарий действия: как играющие договариваются следовать правилам игры, так

и автор детектива должен соблюдать определенные правила, принципы построения текста, иначе ни игры, ни хорошего детектива не получится.

Перу Агаты Кристи принадлежат два романа, в основе которых лежат английские детские игры: «Five Little Pigs» (в русском переводе «Пять поросят»), опубликованный в 1942 г., и «Mrs McGinty's Dead» («Миссис Макгинти с жизнью рассталась»), увидевший свет в 1952 г.

Р. Барнард, автор уже ставшей классической монографии «A Talent to Deceive: An Appreciation of Agatha Christie» (1980), весьма высоко отозвался о «Миссис Макгинти», а «Пять поросят» вообще считал лучшим произведением писательницы [1, с. 95, 103]. При этом Р. Барнард достаточно скептически относился к использованию фольклорного претекста в ее детективных романах, связывая его лишь с поиском интересной идеи для убийства и обращением к жизненному опыту и детским впечатлениям ее читателей [1, с. 96]. По мнению исследователя, фольклорный претекст далеко не всегда уместен в детективе: в качестве примера неудачного использования его приводится именно роман «Пять поросят», в котором претекст лишь отвлекает читателей от «basically an exceptionally serious story» (в высшей степени серьезной истории. – Т. Т.) [1, с. 95]. В то же время нельзя не признать, что для самой Агаты Кристи использование претекста (особенно фольклорного) было одним из основополагающих принципов поэтики ее зрелого творчества, что позволяет говорить о нем как нечто большем, нежели просто развлечение и стремление следовать читательским ожиданиям. В данной статье мы постараемся проследить роль претекста детской игры на разных уровнях композиции романа «Пять поросят».

«Пять поросят» (как и «Миссис Макгинти с жизнью рассталась») входит в цикл, в котором сыщиком выступает Эркюль Пуаро. Именно он чаще всего и фигурирует в произведениях писательницы

с фольклорным претекстом [см.: 3; 4], демонстрируя поразительную для иностранца, переехавшего в Великобританию в зрелом возрасте, осведомленность в области традиционной культуры и текстов, прецедентных для носителей английского языка.

Преступление, которое должен раскрыть Э. Пуаро в «Пяти поросятах», было совершено за шестнадцать лет до начала действия в романе: по версии следствия, жена отравила неверного мужа, собиравшегося оставить ее ради любовницы. Дело было быстро раскрыто, и Кэролайн Крейл была не только осуждена, но и скончалась в тюрьме. На необходимости нового расследования настаивает ее дочь, уверенная, что произошла судебная ошибка. На момент совершения преступления она была пятилетним ребенком, то есть находилась как раз в том возрасте, когда английские дети играют в игру, к которой отсылает читателя название романа.

«This little pig» («Этот поросенок») – игра обычно называется по первой строчке сопровождающего ее стихотворения) относится к так называемым «пальчиковым играм», предназначенным для младенцев и детей младшего дошкольного возраста. Игра состоит в ритмичном произнесении (или напевании) стихотворного текста, сопровождающегося стимуляцией (поглаживание, сгибание и т. д.) пальчиков ребенка. С очень маленьким ребенком обычно играет взрослый, в чуть более старшем возрасте ребенок может играть сам. Целью пальчиковых игр является развитие мелкой моторики, стимуляция речевых центров с целью запуска речи, а также общее развитие ребенка [см.: 12]. Самая идея пальчиковых игр восходит к глубокой древности, их сюжеты и тексты укорены в национальной фольклорной культуре, таковой является и эта игра [6, с. 349–350], которую можно считать прецедентным текстом (рассматривая термин *текст* в широком значении), поскольку он соответствует выдвигаемым Ю.Н. Карауловым принципам хрестоматийности, общеизвестности, реинтерпретируемости и т. д. [11, с. 216–217].

Пальчиковая игра «This little pig» интересна тем, что предназначена для пальчиков ног. Произнося строчки, играющий тянет за соответствующий пальчик, начиная с большого, после произнесения последней строчки – шекочет пятку ребенка, который должен издать визг за последнего поросенка [7]. Текст сопровождающего игру стихотворения выглядит так:

This little pig went to market. – Этот поросенок пошел на рынок.

This little pig stayed at home. – Этот поросенок остался дома.

This little pig had roast beef. – Этот поросенок получил ростбиф.

This little pig had none. – Этот поросенок не получил ничего.

And this little pig cried. – А этот поросенок кричал:

«Wee! Wee! Wee!» all the way home. – «Уи! Уи! Уи!» – всю дорогу до дома (здесь и далее переводы с английского выполнены автором статьи. – Т. Т.) [6, с. 349].

Образы поросят и цифры пять являются значимыми в тексте романа уже на уровне предметной детализации. Поросята (свиньи на ферме, куда отвезли девочку) и цифра пять (возраст героини на момент трагедии) возникают на первых страницах романа – в рассказе Карлы о том, что с ней случилось после убийства отца и судебного процесса над матерью: «I was five years old at the time it – happened. Too young to know anything about it... I remember the pigs and a nice fat farmer's wife...» [2] (Мне было всего пять лет, когда это случилось. Слишком мало, чтобы что-то понимать... Я помню поросят и милую толстушку – жену фермера). Для расследования эти детали не имеют никакого значения, но очевидно, что цель их введения – объяснить появления ассоциаций у Эркюля Пуаро (его подталкивает к этому в том числе и рассказ Карлы). Однако если поросята в дальнейшем будут ассоциироваться исключительно с персонажами считалки (которые, в свою очередь, будут ассоциироваться со свидетелями), то цифра пять будет постоянно появляться в самых разных контекстах: кроме пяти свидетелей по расследуемому делу, о которых рассказывает адвокат Монтегю Демпич, окажется, что и представителей правосудия, которые участвовали в расследовании и процессе и могут поделиться информацией, тоже было ровно пять, и все эти пять человек выражают непоколебимую уверенность в виновности Кэролайн, хотя искренне ей симпатизируют и считают, что она была спровоцирована мужем и его любовницей. Цифра пять возникает в рассказе о встрече Пуаро с Филиппом Блейком (только что выигравшем *пять фунтов* в гольф и пребывающем по этому поводу в хорошем настроении); в воспоминаниях Мереди-та Блейка о том, что за несколько дней до трагедии он наводил порядок в своей лаборатории: «Oh, of course, but I gave the bottles a periodic dusting from time to time – I never allowed the servants in there, of course – and I had done that about four or *five* days previously» [2] (Да, конечно, я время от времени смахивал с бутылок пыль – слугам в лабораторию входить запрещалось, конечно. В последний раз примерно за *четыре-пять* дней до происшествия); в номере квартиры, которую снимает бывшая гувернантка миссис Уильямс: «He had climbed to the top floor of the bare building and knocked on the door of No. 584 Gillespie Buildings» [2] (Он поднялся на верхний этаж и постучал в дверь квартиры №584 в жилом комплексе «Гиллеспи Билдингс»); возрасте маленькой Карлы в рассказе Анджелы: «She was *five* and a half» [2] (Ей было *пять* с половиной); а также в размышлениях Пуаро о судьбах пяти свидетелей.

Агата Кристи акцентирует внимание читателя на том, что Пуаро получает по письму от каждого из них, содержащему свою версию совершенного шестнадцать лет назад преступления. Сыщик решает задать пять вопросов (по одному каждому из свидетелей), при этом он признается, что Анджеле ему спрашивать, по большому счету, не о чем, но «Five people - there should be five questions! It was neater so. It rounded off the thing better» [2] (Пять человек – значит, должно быть пять вопросов. Так будет правильнее. Это придаст некую упорядоченность всей ситуации). Таким образом, цифра пять становится основным мотивом, организующим текст. Необходимость использования этой цифры ощущается как автором, так и протагонистом (Эркюлем Пуаро) как соблюдение определенного правила, то есть следование законам игры.

Не менее значимую роль претекст играет на уровне системы образов, являясь одним из приемов, которые Агата Кристи использует для характеристики пяти свидетелей (постепенно превращающихся в подозреваемых). Первые ассоциации с игрой возникают в сцене встречи Пуаро с Демпличем, адвокатом, защищавшим Кэролайн. Защитник рассказывает о пяти основных свидетелях по делу, называет их имена и то, чем они сейчас занимаются. Характеристики, которые получают из его уст свидетели, и заставляют Пуаро вспомнить детскую игру: «There were only five people who were really in it, so to speak... Stockbroker. Plays the markets and gets away with it. Successful man, running to fat a bit. “Yes. And who next?”

“Then there was Blake's elder brother. Country squire - stay-at-home sort of chap.”

A jingle ran through Poirot's head.

He repressed it. He must not always be thinking of nursery rhymes.

It seemed an obsession with him lately. And yet the jingle persisted: “This little pig went to market, this little pig stayed at home...” [2] (Всего было пять человек, замешанных в этом деле, так сказать... Биржевой брокер. Играет на рынке ценных бумаг, и все ему сходит с рук. Успешный делец, в последнее время немного располнел.

– Ясно. Кто еще?

– Его старший брат. Сельский сквайр – типичный домосед.

В памяти Пуаро всплыли строчки детского стишка. Он попытался отогнать навязчивый мотив: в последнее время это стало каким-то наваждением. Но не смог, в мозгу крутилось: «Этот поросенок пошел на рынок, этот поросенок остался дома...»)

Почти буквально совпадение лексем, используемых для описания свидетелей, и строчек детского стихотворения-игры помогает А. Кристи показать, что ассоциации, возникшие у Пуаро, не были столь уж необычными. Уже в этом эпизоде претекст используется для характеристики геро-

ев и далее характеристика героев через обращение к претексту становится одним из основных средств создания образов персонажей. Более того, он формирует горизонт ожиданий как сыщика, так и читателя романа. При встрече с каждым из пяти свидетелей Эркюль Пуаро вспоминает соответствующую строчку стишка, причем ассоциации всегда связаны с внешностью персонажа, его профессией или судьбой. Так, Филипп Блейк напоминает поросенка внешне: «...He looked rather like a contented pig. A pig... No, a well-fed pig who had gone to market - and fetched the full price...» [2] (...Он выглядел как довольный собой поросенок. Поросенок... Откормленный поросенок, отправившийся на рынок, поросенок, за которого просят хорошие деньги). Характер и род занятий этого персонажа тоже определяется стихотворением: Филипп – биржевой маклер, расчетливый и знающий цену деньгам, в разговоре с Пуаро он даже намекает на необходимость оплаты его услуг (написание воспоминаний о преступлении). Старший брат Филиппа, Мередит, характеризуется как «a man whom you could not hurry. The leisurely life of the English countryside was in his bones» [2] (человек, которого не следовало торопить, ибо неторопливое течение английской сельской жизни было у него в крови). Этот «оставшийся дома поросенок» старомоден в одежде, поведении, взглядах. Полностью соответствует «своей» строчке стихотворения гуввернантка Сесилия Уильямс, одиноко живущая в скромной квартире: «It was clear to Hercule Poirot that Cecilia Williams lived very near the bone. There was no roast beef here. This was the little pig that had none» [2] (Эркюлю Пуаро было совершенно ясно, что Сесилия Уильямс живет очень скромно. Здесь не было никакого ростбифа из детской игры. Этот поросенок не получил ничего). Эльза Грир, «поросенок, получивший ростбиф», купается в роскоши: «Poirot said to himself: Roast beef? Yes, roast beef» [2] (Пуаро подумал: «Ростбиф? Несомненно, ростбиф»), но последний свидетель – получившая в детстве травму Анджела Уоррен – не соответствует строчке о плачущем поросенке: «There was certainly about her no suggestion of the little pig who cried, “Wee-wee”» [2] (Было ясно, что плачущий поросенок из последней строчки – это совсем не про нее). В последнем случае претекст становится не только средством создания образов, но и своеобразным способом игры с читателем через обман его ожиданий, основанных на сформировавшихся интертекстуальных связях.

Претекст в данном произведении является также основой для структурирования текста: мотив цифры «пять» прослеживается в делении на главы: в первой части романа их десять, во второй и третьей – по пять. При этом первая часть романа четко распадается на первые пять глав, в которых Пуаро беседует с участниками судебного процес-

са (адвокатом, обвинителем, поверенными и т. д.), и вторые пять глав, в заголовок каждой из них вынесена строчка детского стишка, а в главе происходит встреча сыщика с соответствующим свидетелем.

Использование претекста фольклорной игры в данном произведении не просто помогает А. Кристи создать запоминающуюся историю расследования преступления, писательница успешно использует стихотворение-игру для одновременного соблюдения правила честной игры и направления читателя по ложному следу.

Принцип честной игры является одним из основополагающих для поэтики детектива [9, с. 13], он был сформулирован еще в двадцатые годы прошлого века такими известными теоретиками детективного жанра, как С.С. Ван Дайн [8] и Р. Нокс [5]. Оба критика считали, что, поскольку детектив представляет своего рода интеллектуальную игру, в которой участвует не только сыщик, но и читатель, ломающий голову над решением заданной загадки, последний должен иметь возможность соревноваться с литературными персонажами и раскрыть дело самостоятельно на основе существующих улик. С.С. Ван Дайн в своем знаменитом эссе «Двадцать правил для написания детективов» поставил этот принцип на первое место [8].

В романе «Пять поросят» специфика расследования (убийство совершено 16 лет назад, улики давно уничтожены, есть только показания очень ограниченного числа свидетелей, один из которых на самом деле убийца) такова, что читатель вполне может померяться силами с великим Эркюлем Пуаро. Не последнюю роль в этом играет претекст.

Прежде всего, читателю (и Пуаро, конечно) бросается в глаза несоответствие одного из свидетелей (Анджелы Уоррен) и последнего поросенка: обезображенная Анджела не имеет ничего общего с плачущим поросенком и выглядит счастливой и уверенной в себе женщиной. Героиня нарушает правила, что в контексте поэтики детектива, построенного на претексте игры, выглядит подозрительно. Далее А. Кристи заостряет внимание читателя на многочисленных деталях, свидетельствующих против Анджелы: она единственная не верит в виновность сестры; Кэролайн написала ей из тюрьмы довольно странное письмо; воспоминания девушки об обстоятельствах произошедшего очень коротки и лишены конкретики; Пуаро, придумавший по вопросу к каждому из «поросят», не знает, о чем спросить Анджелу, при этом автор позволяет себе довольно прозрачный намек: «The only question he did want to ask her could wait...» [2] (Единственный вопрос, который Пуаро хотел ей задать, мог подождать). Но читатель может избежать этой ловушки, если будет обращать внимание на мотивную структуру романа, прежде

всего – на значимое отсутствие мотива цифры пять в главах, в которых представлена точка зрения Эльзы Грир на произошедшие события. В обеих главах, в которых Эльза излагает свою версию преступления (глава 9 первой части и глава 3 второй), цифра пять не упоминается ни разу, что выглядит как сознательное нарушение правил игры, установленных самим автором.

Некоторые исследователи полагают, что указание на преступника содержится и в самом цитируемом претексте: «цитата из считалки “This Little Pig had roast beef” содержит намек на одну из подозреваемых – Эльзу Грир» [10, с. 119], что может помочь раскрыть преступление, но автор данной статьи не может с этим согласиться. Факт того, что Эльза ассоциируется именно с этим поросенком, бесспорен, но данная цитата не содержит никаких указаний на ее виновность, поскольку, согласно авторской концепции, претекст в данном романе интерпретируется как указание на то, что произошло с героями уже после совершения преступления. Смерть Эмиаса не принесла никому выгоды; более того, сама Эльза, совершившая убийство из ревности и мести, признается, что преступление не принесло ей удовлетворения, а, напротив, сделало глубоко несчастной: «I didn't understand that I was killing myself – not him» [2] (Я не понимала тогда, что убиваю себя, а не его).

Несомненно, что в романе «Пять поросят» А. Кристи открывает для себя (и читателя) новые возможности в использовании претекста: это может быть не только сценарий совершения преступлений или их расследования [13, с. 110], но способ создания образов подозреваемых, раскрытия их характеров и судеб. Писательница расширяет границы использования претекста в своих детективах по сравнению с более ранними романами: «Десять негритят» («And Then There Were None», 1939 г.) и «Раз, два, пряжка держится едва» («One, Two, Buckle My Shoe», 1941 г.): теперь это не только название и сюжет произведения, претекст работает практически на всех уровнях композиции («Пять поросят» (уровни художественной детали, мотива, персонажей, сюжета). Сам характер расследования, построенный на игре точками зрения (многократный пересказ одних и тех же событий разными героями), выстраивается по аналогии с пальчиковой игрой, которая состоит из повторения однотипных движений, производимых разными пальцами. Мотив цифры пять, заявляемый уже в заглавии произведения, не только организует повествование, но используется при соблюдении правила честной игры и может помочь внимательному читателю в раскрытии преступления. В результате мы можем утверждать, что А. Кристи создает текст, выстроенный не только согласно формуле детективного жанра, но и по правилам детской игры, используемой в качестве претекста.

Библиографический список

1. *Barnard R.* A Talent to Deceive: An Appreciation of Agatha Christie. – New York: Dodd, Mead and Company, 1980. – 211 p.
2. *Christie A.* Five Little Pigs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book> (дата обращения: 31.07.2019).
3. *Christie A.* Hickory Dickory Dock [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/hickory-dickory-dock-read-68035-1.html> (дата обращения: 31.07.2019).
4. *Christie A.* One, Two, Buckle My Shoe. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с.
5. *Knox R.* Ten Commandments for Detective Fiction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gadetection.pbworks.com/w/page/7931441/Ronald%20Knox's%20Ten%20Commandments%20for%20Detective%20Fiction> (дата обращения: 31.07.2019).
6. *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / I. Opie, P. Opie.* – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 592 p.
7. *This Little Piggy* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://allnurseryrhymes.com/this-little-piggy/> (дата обращения: 31.07.2019).
8. *Van Dine S.S.* Twenty Rules for Writing Detective Fiction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120106125010/http://www.sfu.ca/english/Gillies/Engl38301/rules.htm> (дата обращения: 31.07.2019).
9. *Вольский Н.Н.* Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 287 с.
10. *Завьялова Г.А.* Особенности прецедентных феноменов в детективном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2014. – 185 с.
11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
12. *Кольцова М.М.* Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. – М., 1973. – 141 с.
13. *Тернополь Т.В.* Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать. Считалки в детективах А. Кристи // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 106–110.
14. *Чилингир Е.Ю.* Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/gipertekst-v-literature-zhurnalistike-i-piare-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 31.07.2019).

References

1. *Barnard R.* A Talent to Deceive: An Appreciation of Agatha Christie. – New York: Dodd, Mead and Company, 1980. – 211 p.
2. *Christie A.* Five Little Pigs [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://booksonline.com.ua/view.php?book> (data obrashcheniya: 31.07.2019).
3. *Christie A.* Hickory Dickory Dock [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulit.me/books/hickory-dickory-dock-read-68035-1.html> (data obrashcheniya: 31.07.2019).
4. *Christie A.* One, Two, Buckle My Shoe. – М.: Ajris-press, 2005. – 352 s.
5. *Knox R.* Ten Commandments for Detective Fiction [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://gadetection.pbworks.com/w/page/7931441/Ronald%20Knox's%20Ten%20Commandments%20for%20Detective%20Fiction> (data obrashcheniya: 31.07.2019).
6. *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / I. Opie, P. Opie.* – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 592 p.
7. *This Little Piggy* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://allnurseryrhymes.com/this-little-piggy/> (data obrashcheniya: 31.07.2019).
8. *Van Dine S.S.* Twenty Rules for Writing Detective Fiction [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://web.archive.org/web/20120106125010/http://www.sfu.ca/english/Gillies/Engl38301/rules.htm> (data obrashcheniya: 31.07.2019).
9. *Vol'skij N.N.* Legkoe chtenie. Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2006. – 287 s.
10. *Zav'yalova G.A.* Osobennosti precedentnyh fenomenov v detektivnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. – Kemerovo, 2014. – 185 s.
11. *Karaulov YU.N.* Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – М.: Izd-vo LKI, 2010. – 264 s.
12. *Kol'cova M.M.* Dvigatel'naya aktivnost' i razvitie funkcij mozga rebenka. – М., 1973. – 141 s.
13. *Ternopol T.V.* Raz, dva, tri, chetyre, pyat' – vyhodi menya iskat'. Schitalki v detektivah A. Kristi // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 106–110.
14. *CHilingir E.YU.* Gipertekst v literature, zhurnalistike i piare: sociokul'turnyj aspekt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/gipertekst-v-literature-zhurnalistike-i-piare-sotsiokulturnyy-aspekt> (data obrashcheniya: 31.07.2019).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕРЕВЕНЩИКОВ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ОСТРОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
О КРЕСТЬЯНСКОМ УКЛАДЕ ЖИЗНИ РУССКОГО СЕВЕРА**

*Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6
«Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины –
второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»*

Освещается вклад вологодских писателей А.Я. Яшина и В.И. Белова в развитие деревенской прозы – феномена художественной литературы XX в. Прозаики стояли у истоков формирования тематики, стилистики, идеологии творчества кортуса северных авторов, стали родоначальниками перехода от социалистического к критическому реализму. Особое внимание уделяется вопросам трансформации сознания и видоизменения проблематики повествования литераторов, в совокупности приведших к опубликованию сенсационных произведений о деревне. Отображены процессы формирования литературной репутации писателей, при этом определены точки популярности – речь идет о повести «Вологодская свадьба» и судьбе повести «Привычное дело». Изобразив страждущую деревню, авторы пережили трудное время вынужденного молчания, их фигуры и творчество обсуждались во время идеологических дискуссий. Став свидетелями этапа кризисных явлений в эволюции колхозно-совхозной деревни, ломки традиционного крестьянского уклада, А. Яшин и В. Белов одними из первых среди писателей-деревенщиков выразили публичный протест.

Ключевые слова: *Русский Север, художественная литература, писатель, социалистический реализм, деревенская проза, идеологическая кампания, А.Я. Яшин, В.И. Белов.*

Русский Север как культурное пространство и литературное поле, несомненно, имеет важнейшее значение в становлении и развитии писательского пути множества советских мастеров художественного слова. Территория представляет собой место формирования локального центра, творчески связанного с описанием традиционного уклада жизни деревни. Ключевые позиции на литературной карте региона в середине – второй половине XX в. занимали знаменитые фигуры А.Я. Яшина (1913–1968) и В.И. Белова (1932–2012), новаторство повествования которых связывается с концептом, шедшим вразрез с официальными идеями государственной власти.

Деятельности писателей, получивших известность благодаря публикации произведений о деревне и колхозной жизни XX в., посвящены работы В.В. Дементьева, А.А. Романова, В.П. Корюкаева [8; 14]. Об идеологической кампании, направленной против А. Яшина, ведется речь в книге А.А. Павлова [12]. Примечательно исследование А.И. Разуваловой, в котором отмечены мотивы и обстоятельства, оказавшие влияние на самосознание писателей-деревенщиков, тему внутреннего диссидентства [13]. Отметим, что в большей части изыскания по проблеме велись с литературоведческих позиций. Данное изыскание – попытка комплексного междисциплинарного изучения формирования и трансформации самосознания писателей Русского Севера в контексте неисчерпаемого интереса к их личностям и творчеству.

А. Яшин оправданно считается литературным символом Русского Севера. Нельзя не отметить, что его подвижнический путь не был простым. В предвоенный период была определена обширная платформа деятельности автора. Он работал в газетах, являлся главой литературного кружка Никольского педтехникума, становился делегатом нескольких съездов советских писателей, участвовал в основании Архангельской областной писательской организации. Следовательно, А.Я. Яшин получил богатый организаторский опыт, достаточный для того, чтобы утвердиться в литературских кругах [18, с. 12–17].

Становление молодого дарования проходило в глубинке русской жизни, где выработывалась проблематика, стилистика и направленность художественного творчества автора, связанная с темой социалистических преобразований на селе. «У писателей, как у колхозников, выходных дней не бывает!» – считал литератор [20, с. 4]. Так, во второй половине 1940-х гг. он побывал на Севере, Алтае, Кубани, в Украине. В данное время была подготовлена поэма «Алена Фомина», удостоенная в 1950 г. Сталинской премии [15, л. 20]. Власть сопроводила произведение восторженными отзывами, а в деятельности А. Яшина начался настоящий литературный подъем. Сообразно духу времени, автор изобразил председателя колхоза и секретаря райкома в роли защитников и наставников деревенских жителей. Очевидно, что воспетые герои представлены в более чем идеализированном виде, в панегирическом ключе.

Следует отметить, что последующее творчество благодаря поиску нравственного идеала отлочно в плане художественной ценности. В процессе своеобразного мониторинга жизни во время командировок автор находит себя нового, решившегося на отражение откровенно острого взгляда на быт деревни. Вслед за активной практикой он подвергает переосмыслению свои суждения и формирует новый взгляд на поэзию. Писатель фиксировал стремительные изменения в сельской повседневности: «Наша колхозная деревня растет быстро, меняются условия жизни людей, изменяются и сами люди». В начале 1950-х гг. А.Я. Яшин посетил «великие стройки коммунизма» [15, л. 20–22], а весной 1954 г., когда был взят курс на поднятие целинных земель, уехал на Алтай. В районный центр Завьялово писатель приехал к началу посевной, где впоследствии вел разнообразную деятельность: участвовал в пленуме районного комитета, работал в местной газете, в полеводческом стане. В письме поэту С.П. Щипачеву от 17 июня 1954 г. прозаик делился деталями творческой поездки: «Ни при каких обстоятельствах (разве только во время войны), мне не приходилось еще чувствовать себя так свободно среди людей труда» [16, л. 3]. Осознавая ценность наблюдений за деревенской жизнью, А. Яшин использовал любую возможность, чтобы чаще бывать в отдаленных от центра областях. В контексте сказанного отметим, что опыт прозы писателя поучителен в исследовании глубинных социальных сдвигов и формирующихся новых общественных типов.

Необходимо подчеркнуть, что отношение литератора к государственным структурам с течением времени видоизменилось. В начале 1950-х гг. А. Яшин с восхищением писал: «Всем, чего я достиг, я обязан коммунистической партии» [15, л. 16–17]. Уже вскоре восторженные чувства поэта сменяются критически направленными ориентирами, чего, безусловно, центральная власть не ожидала от областного автора. В декабре 1954 г. на II Всесоюзном съезде советских писателей А. Яшин высказался о необходимости повышения поэтического мастерства: «Нередко мы встречаем в произведениях приукрашивание действительности. Мы должны писать о том, что требует нашего вмешательства в жизнь, что помогает вскрывать еще существующие в ней противоречия». Следовательно, осознание литератором болевых точек реальности, их сокрытие с помощью метода социалистического реализма обусловило творческий переход к линии, осуждающей действия государства. Позиция автора была связана с тем, что, получив Сталинскую премию и приехав в родную деревню Блудново, деятель культуры был потрясен царившей нищетой и беспросветностью жизни. После сказанного на писательские съезды прозаика больше не приглашали [19].

Таким образом, 1950-е гг. – поворотный этап в творчестве А. Яшина, приобретшего исключительное гражданское звучание. В это время происходило пробуждение патриотического самосознания. В 1956 г. литератор размышлял: «Дело не в том даже, что мы много писали о И.В. Сталине, а в том, что мы о многом не могли писать» [20]. Партийно-бюрократический уклад жизни подвергся разоблачению в «Рычагах», опубликованных в «Литературной Москве» в 1956 г. На страницах рассказа утверждалось, что колхозники – прежде всего люди, а не рычаги. Данное рубежное произведение – первое свидетельство изменения образа мыслей писателя, решившегося на полемику с цензурой. Примечательно, что рассказ «Рычаги», поставивший небезопасный для КПСС вопрос о послевоенном кризисе коммунизма, стал одним из ростков правдивой и бескомпромиссной деревенской прозы [1, с. 196].

Социальные проблемы села еще с большей силой отразились в творчестве 1960-х гг. Повесть «Вологодская свадьба», опубликованная в «Новом мире» в декабре 1962 г., имела ошеломительно-оглушительный эффект. Став пиком настроений литератора, сопряженных с порицанием социально-экономической политики власти, сенсация представляла собой художественный документ времени, фиксирующий переплетение старого и нового в быте деревни, движение действительности, преобразующее прежний уклад крестьянской жизни. Интересен взгляд В.Г. Томилова, увидевшего в «Свадьбе» «съезд», параллельный XXII съезду КПСС, делегатами которого выступили рабочие и колхозники, подводившие итоги коммунистического строительства и осведомлявшие читателя о жесткой эксплуатации и нищенском быте, деморализации, озлобленности, пьянстве [19].

Произведение подверглось разносной партийной критике, при этом получило похвалу от писателей-деревенщиков. Высшие партчины усмотрели в произведении «поклеп на советскую действительность». Ушла команда – осудить «очернителя», в первую очередь на страницах «Красного Севера» и «Вологодского комсомольца». Партийными функционерами составлялись письма, проводились собрания, обвинявшие писателя в критиканстве реальности. К правдивому разговору о крестьянских буднях партийная верхушка оказалась не готова. В родную автору деревню Блудново приехала делегация, провели «обследование» и выставили претензию А. Яшину, что писатель не прав: и пьют не так много, и работают хорошо, и коровы – рекордсменки, и линию партии в деревне одобряют. Между тем общественность встретила появление «Вологодской свадьбы» с интересом. Классик русской поэзии В. Костров подчеркивал, что А. Яшин, работая в сложное советское время, рассказал правду, сотрясающую основу поли-

тического тоталитаризма. Пример писателя, его смелости, непримиримости в борьбе может заставить замолчать всех диссидентов своими жестко-правдивыми, но не клеветническими рассказами и стихами [11]. 8 февраля 1963 г. поэт А. Романов писал А. Яшину: «Ваша "Свадьба" удивительно резко выявила многие характеры и открыла глаза на многое». В письме от 22 января 1963 г. Г. Тропольский признавал: «Такое может написать только тот, кто очень любит человека. Родными запахами повеяло от "Свадьбы"». Все у тебя здесь – правда. Меня, например, редко можно "стронуть" писаниями о селе, но сегодня ты покорил, захватил со всеми потрохами. И потому кланяюсь тебе до земли». Примечательна надпись К.Г. Паустовского на титуле первого тома его собрания сочинений, подаренного А. Яшину в феврале 1963 г.: «Вы прямой, мужественный человек – ни в чем не "сумлевайтесь", народ Вас отблагодарит за правду и за Вашу сыновнюю к нему любовь» [17]. А.Я. Яшин являлся выразителем интересов своих односельчан, поэтому его произведения имели спрос среди местных жителей. Литератор с гордостью говорил: «Меня мужики считают своим поэтом» [9]. «Новый мир» дважды пытался дать подборку читательских писем в защиту «Свадьбы», но цензура не пропустила.

Необходимо признать, что повесть «Вологодская свадьба» – свидетельство морально-нравственной эволюции и закрепления писательской репутации А. Яшина. Одновременно с тем это документ, обозначивший процессы духовного преобразования общества и социально-экономические сдвиги, присущие эпохе. Обнаружение и показ кризисных явлений деревенской среды середины XX в. знаменовали собой нетипичный, нехарактерный показатель коммунистической морали. Из рассуждений становится очевидным то, что 1950-е гг. в жизни писателя – это время установления связи с народной жизнью. Уже во второй половине 1950-х гг. в художественном мастерстве А. Яшина проявляются очертания его убеждений о необходимости открытой иллюстрации истинной деревенской бытности. Рубеж 1950–1960-х гг. двояк: это переломные годы в судьбе литератора, связанные с творческим кризисом, поиском и одновременно с колоссальным созидательным подъемом. После чего он становится писателем с отличающимся правдолюбивым взглядом, являясь при этом одним из наиболее дискутируемых авторов.

Яшинская проза 1960-х гг. наполнена острой болью за людей и глубокой заинтересованностью в развитии северного села. В небольшом рассказе «Старый валенок» (1962 г.) пожилой одинокий колхозник изливал наболевшее единственному живому существу – коту: «Сколько раз наш колхоз укрупняли, разукрупняли – как душе не болеть. Земля стала невыгодной, лес настукает на сенокосы, на паш-

ни» [9]. Неслучайно, участвуя в беседе писателей, организованной редакцией журнала «Сельская молодежь» в 1966 г. литератор первоочередным делом назвал возвращение и воспитание чувства «колхозное – это свое, кровное, наше». «Конечно, это нелегко после всего того неразумного, лишенного опоры на объективные экономические законы, что имело место в селе. Но это нужно и важно. В этом – будущее», – отмечал писатель [4, л. 11].

Учеником, последователем и другом А.Я. Яшина являлся В.И. Белов. С начала 1960-х гг. в его судьбе наметился этап активного творческого становления как прозаика, неуклонно интересующегося описанием деревенской повседневности. Из-под пера автора вышли повесть «Деревня Бердяйка», сборники «Знойное лето», «Речные излуки», рассказы «Весна», «За тремя волоками».

Как известно, линия развития литературы, установленная Программой партии, заключалась в укреплении связи с жизнью народа. Нарастание взаимодействия и усиление контактов В. Белова с селянами привело к несколько неожиданным для власти результатам, а именно к публикации в 1966 г. в журнале «Север» повести «Привычное дело». Произведение вызвало серьезный общественный резонанс, так как его суть и содержание противоречили традиционным представлениям о жизни деревенского социума. Любопытны рассуждения М.В. Бересневой, В.Г. Томилова о «Привычном деле» как продолжении «Вологодской свадьбы», а также сравнение продемонстрированной В. Беловым колхозной каторги с описанной А.И. Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича» [1, с. 201–202]. Как справедливо отмечал К. Гнетнев, повесть определила целое направление в российской литературе, изменила сложившийся к тому времени взгляд на деревню [3, с. 139].

Между тем политической властью была развита кампания критики. Писательское сообщество, напротив, как и в случае с «Вологодской свадьбой», встретило очерк восторженными откликами. В письме В. Белову от 9 января 1966 г. Ф.А. Абрамов делился впечатлениями: «Я надеюсь, все-таки тебя меньше будут ругать, чем нас с Яшиным» [8, с. 197]. И. Золотусский вспоминал о предсказаниях коллеги: «Летом 1966 г. мне позвонил Ф. Абрамов и сказал: «Найди журнал "Север" и прочти повесть Белова. Большой писатель на Русь идет» [7]. Анализируя творчество своего земляка, А.А. Романов отмечал: «Корни успеха повести "Привычное дело" в том, что автор перешел к глубокому исследованию жизненных процессов, не обходя при этом острых углов и противоречий» [2, с. 110].

На адрес писателя шли письма со словами благодарности за смелость в начинании описывать жизнь откровенно, без лакировки действительности. Эпистолярное наследие отразило уровни и динамику восприятия повседневных поведенческих

практик, оценку нравственно-социальных проблем, произошедших в российском обществе. «Чертовски талантливо, чертовски страшно и очень трудно для критики», – писали из Архангельска. Почитатели таланта В. Белова сообщали о типичности представленных в произведении сюжетов, отмечали, что его бытописание подробно и основательно, у прозаика отменная художественная и языковая память. Один из неизвестных авторов охарактеризовал образ Екатерины как образ идеальной жены и матери [5, л. 36]. В другом письме обозначаются прототипы героев: «Иван Африканович, Нюшка, Мишка и особенно Катерина – это наши деревенские жители» [6, л. 40]. Таким образом, «Привычное дело» – исключительный документ, запечатлевший исторические типы крестьян, народную речь, уходящую «деревенскую эпоху». Обусловленное социально-историческим процессом творчество В.И. Белова получило широкое признание. Читатели видели схожее в прочитанном в сравнении со своей драматичной судьбой, что говорит о достоверности интерпретируемых автором событий. Следовательно, логично предположить, что в середине XX в. в традиционном аграрном менталитете и патриархальном укладе жизни населения складывается принципиально новый уровень мировосприятия, изменяются представления о колхозной практике и сельской политике.

Познание мироощущений крестьян вдохновляло писателя, становилось мотивом новых произведений. Будучи выходцем из деревни, В. Белов прекрасно понимал важность и значимость поднимаемых вопросов. Поэтому в последующий период он продолжил деятельность по защите интересов сельского социума. В 1968 г. были опубликованы повесть «Плотницкие рассказы» и рассказ «Бескультурье», в 1969 г. вышли «Бухтины вологодские», в 1970 г. издан сборник «Сельские повести». Произведения отражали глубинные социальные тенденции и трагичные линии жизни деревенских жителей. Например, герой рассказа «Бескультурье» фиксировал, как засилье западной культуры способствовало потере национальной идентичности. Возвращаясь в родное село, он испытывает разочарование: кругом незнакомые лица, вместо родных мелодий звучит чужая русскому уху музыка, «нечто похожее на вальс и фокстрот» [10, с. 65].

Как показал анализ, на писателей ложились важнейшие общественные функции, к которым в том числе относилось осуществление культурного диалога между властью и социумом. Являясь посредниками между упомянутыми категориями, представая мирскими духовниками в первую очередь для селян, прозаики посредством личной переписки, непосредственных наблюдений и их отражения в литературной форме стали свидетелями и участниками перерождения, перестройки образа мыслей россиян.

Проследив изменения важнейших измерений жизни: трансформацию советской экономики, быта, общественного самосознания, вологодские литераторы одними из первых выразили литературный протест против кризисных явлений в эволюции колхозно-совхозной деревни середины – второй половины XX в. Осознавая роль художественного творчества в концепции развития государства, значимость пропагандистской работы в сфере культуры, прозаики старались «рисовать» сельскую жизнь в ключе, несовпадающем с официальной государственной идеологией. В этом состоит концептуальная подоплека неприятия властью произведений А. Яшина и В. Белова. Тем не менее изменение граней влияния и мировоззренческих колебаний политической элиты в отношении развития литературных процессов позволили публикациям «Вологодской свадьбы» и «Привычного дела» состояться. Отношение круга читателей к наследию авторов и реакция населения на события, происходящие в деревне и сельском хозяйстве в целом как экономической отрасли, дает представление о понимании силы воздействия выступлений литераторов в печати. Как показал анализ, смещение акцентов в прозе – от побуждения сельских обывателей к реализации конкретных трудовых целей, планов и установок государственной власти к критике ее проектов – находило отклик, одобрение и поддержку среди широкой общественности.

Резюмируя сказанное, отметим, что анализ творчества А.Я. Яшина и В.И. Белова периода 1950–1960-х гг. позволил составить представление о зарождении в середине XX в. критической составляющей деревенской прозы, направленной на осуждение вектора развития бытности советского села.

Библиографический список

1. Береснева М.В., Томилев В.Г. Александр Яшин как предшественник и участник революции 1980-х – 90-х годов // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 2013. – Вып. 11. – С. 195–205.
2. Большие дни карельской литературы // Север. – 1967. – № 4. – С. 108–112.
3. Гнетнев К.В. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел // Север. – 2012. – № 7–8. – С. 136–161.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАВО. – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 374.
6. ГАВО. – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 375.
7. Золотуский И.П. Непривычное дело // Версты. – 2002. – 22 октября. – С. 7.
8. Корюкаев В.П. Самородок из Тимонихи: жизнь и творчество Василия Белова. – Вологда: [б. и.], 2006. – 312 с.
9. Костылева О. Простота и правда // Авангард. – 1998. – 28 марта. – С. 3.
10. Лагунова О.К., Цимбалова Ю.А. Онтологический дискурс и традиционный герой в рассказах

- В.И. Белова // Вестник Тюменского государственного университета: Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3 (3). – С. 59–71.
11. Лукин Б. Вечер памяти Александра Яшина // Вологодская тетрадь. – 2005. – Апрель. – № 8 (107). – С. 6–7.
12. Павлов А.А. Высоко плавают сосны над Югрекой. – Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003. – 55 с.
13. Разуvalова А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.
14. Романов А.А. Искры памяти. – Вологда, 1995. – 303 с.
15. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 7. – Д. 436.
16. РГАЛИ. – Ф. 2179. – Оп. 1. – Д. 77.
17. Старкова В.С. Все во имя совести // Вологодский комсомолец. – 1985. – 2 августа. – С. 4.
18. Столетова А.С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 143 с.
19. Томилов В. Правды он выдал слово критически // Авангард. – 2005. – 7 июля. – С. 4–5.
20. Яшин А.Я. «Но на поле боя должен, должны ты побыть хоть раз» // Правда. – 1988. – 8 апреля. – С. 4.
4. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO). – F. 5134. – Op. 1. – D. 1.
5. GAVO. – F. 5134. – Op. 1. – D. 374.
6. GAVO. – F. 5134. – Op. 1. – D. 375.
7. Zolotusskij I.P. Neprivychnoe delo // Versty. – 2002. – 22 oktyabrya. – S. 7.
8. Koryukaev V.P. Samorodok iz Timonihi: zhizn' i tvorcestvo Vasiliya Belova. – Vologda: [b. i.], 2006. – 312 s.
9. Kostyleva O. Prostota i pravda // Avangard. – 1998. – 28 marta. – S. 3.
10. Lagunova O.K., CimbaloVA YU.A. Ontologicheskij diskurs i tradicionnyj geroj v rasskazah V.I. Belova // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3 (3). – S. 59–71.
11. Lukin B. Vecher pamyati Aleksandra YAshina // Vologodskaya tetrad'. – 2005. – Aprel'. – № 8 (107). – S. 6–7.
12. Pavlov A.A. Vysoko pylayut sosny nad YUgrekoj. – Nikol'sk: Redakciya gazety «Avangard», 2003. – 55 s.
13. Razuvalova A.I. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 616 s.
14. Romanov A.A. Iskry pamyati. – Vologda, 1995. – 303 s.
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). – F. 613. – Op. 7. – D. 436.
16. RGALI. – F. 2179. – Op. 1. – D. 77.
17. Starkova V.S. Vse vo imya sovesti // Vologodskij komsomolec. – 1985. – 2 avgusta. – S. 4.
18. Stoletova A.S. Aleksandr YAshin: stanovlenie ideologii derevenskoj prozy i pisatel'skoe pole Russkogo Severa. – Vologda: VoGU, 2018. – 143 s.
19. Tomilov V. Pravdy on vydal slovo kriticheski // Avangard. – 2005. – 7 iyulya. – S. 4–5.
20. YAshin A.YA. «No na pole boya dolzhen, dolzhen ty pobyt' hot' raz» // Pravda. – 1988. – 8 aprelya. – S. 4.

References

1. Beresneva M.V., Tomilov V.G. Aleksandr YAshin kak predshestvennik i uchastnik revolyucii 1980-h – 90-h godov // Totalitarizm i totalitarnoe soznanie. – Tomsk, 2013. – Вып. 11. – S. 195–205.
2. Bol'shie dni karel'skoj literatury // Sever. – 1967. – № 4. – S. 108–112.
3. Gnetnev K.V. Dmitrij Gusarov. Ranenyy angel // Sever. – 2012. – № 7–8. – S. 136–161.

Фролова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
samaki@mail.ruПРИЁМЫ КОМИЧЕСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УГАНДИЙСКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

В статье анализируется поэзия угандийцев Окота п'Битека, Тимоти Вангусы и Табана ло Лионга в контексте использования в англоязычной поэзии Восточной Африки приёмов комического. Критико-реалистическая и просветительская тенденции, с радостью воспринятые большинством восточноафриканских авторов в 60-е гг. XX в., и по сей день не позволяют им выйти за рамки прямой критики обличительной поэзии, хотя точечные попытки использования юмора и сатиры при осмыслении социально-политической проблематики предпринимаются на протяжении всего шестидесятилетнего существования англоязычной поэзии Восточной Африки. Диалогия Окота п'Битека «Песнь Лавино» и «Песнь Очола», поэтическая эпопея Тимоти Вангусы «Гимн Африки» и творчество Табана ло Лионга – яркие примеры таких попыток, предпринятых в литературе Уганды. При этом три автора задействуют принципиально разные приёмы комического при изображении современной действительности, как сугубо африканской, так и общечеловеческой.

Ключевые слова: англоязычная поэзия Восточной Африки, поэзия Уганды, Окот п'Битек, Тимоти Вангуса, Табан ло Лионг, юмор, ирония, сатира, гротеск, аллегория, притча.

Юмор и сатиру вряд ли можно назвать определяющими тенденциями англоязычной восточноафриканской поэзии. Пожалуй, можно говорить лишь о приближении авторов к сатирическому взгляду на окружающую их действительность. Слишком сильны оказались критико-реалистические и просветительские настроения, воспринятые большинством англоязычных поэтов Восточной Африки, хотя определённые точечные попытки этих авторов выйти за рамки прямой критики и просветительства предпринимались и продолжают предприниматься. Однако в массе говорить о сложившейся традиции этих поэтов прибегать к юмору и сатире в поэзии не приходится – это при том, что уже начиная с первого десятилетия независимости сатира становится одним из самых продуктивных направлений в угандийской романистике¹, к ней активно прибегают восточноафриканские прозаики и драматурги, как англо-, так и суахилиязычные.

Если обратиться к недавнему поэтическому прошлому региона, то уместно было бы сказать, что в англоязычной поэзии Восточной Африки наиболее приближенным к сатирическому осмыслению социально-политических катаклизмов, обрушившихся на Восточную Африку, оказался мэтр угандийской поэзии Окот п'Битек (1931–1982), автор, с момента своего появления возбудивший живой интерес к своему творчеству не только у себя на родине, но и далеко за её пределами. В своей знаменитой диалогии «Песнь Лавино» (1970) и «Песнь Очола» (1971) автором была предпринята чуть ли не первая в истории англоязычной поэзии Восточной Африки попытка сатирического подхода к изображению негативных проявлений современной поэту действительности. Причём Битек прибегает как к социальной, так и к политической сатире. В основе сюжетной линии диалогии – диа-

лог супругов-африканцев: жены Лавино, олицетворяющей быт и нравы традиционной Африки и отстаивающей традиционные африканские ценности, и её мужа Очола – сторонника новой Африки, вставшей на путь подражания западной, капиталистической цивилизации. Лавино жалуется на мужа: тот, перенявший в Европе привычки белых, понять которые она не в силах, не желает видеть её своей спутницей. Используя обличительную речь обиженной мужем африканки, Битек предпринимает пусть и робкую, но явную попытку сатирического осмысления его соотечественниками западноевропейской цивилизации, не столько осуждая образ жизни и ценности белых, сколько высмеивая тех африканцев, которые решили «примерить» этот образ жизни на себя. Поэт доверяет едкую и насмешливую речь (за которой, очевидно, скрывается позиция самого автора) необразованной деревенской женщине: она неожиданно на свой лад довольно мудро отстаивает позицию верной заветам предков африканки. Лавино обращается к своим соплеменникам, объясняя, почему ей кажутся странными и неприемлемыми европейские танцы, пища и напитки белых:

Они танцуют внутри жилища
Танцуют без света
И без стыда жмутся друг
к другу
Всё ближе и ближе
Уж еле дышат!² [3, р. 44]

Героиня с обезоруживающей язвительностью высмеивает тех своих соплеменников, кто вздумал подражать белым:

Ни один леопард
Не захочет стать глупой гиеной,
Венценосный журавль
Не согласится
Стать круглоголовым
Навоз клюющим стервятником,

Длинношей и гибкий

Жираф

Не может стать обезьяной [3, p. 56].

Главный адресат колкостей Лавино – её собственный мужёк Очол и его новая пассия Клементина, тоже африканка, но, как и Очол, принявшая образ жизни белых. Тощая, костлявая Тина на свой лад копирует белых женщин: явно сидит на новомодных европейских диетах (*Пустые мешки на её груди / Плоские, совсем высохли*), ярко красится, сильно пудрится и, по мнению Лавино, выглядит как больной человек. Разумеется, Битек не осуждает европейскую культуру как таковую, ему лишь кажется нелепым это пошлое, комичное стремление многих его современников-африканцев во всём подражать белым. Лавино говорит от имени поэта о копирующей привычке белых дам Клементине:

Губы ее кроваво-красные

Как горящий уголь

Похожа она на дикую кошку

С мордой измазанной

в крови,

Рот ее словно мокрая рана

Точно язва открытая

Словно яма в земле!

Посыпает Тина пудрой лицо свое

И оно так бледно...

Она думает

Это красиво,

Ведь лицо ее схоже с лицом

белой женщины! [3, p. 37]

Сатирический пафос дилогии становится более понятен, когда поэт «предоставляет слово» мужу Лавино Очолу. В отличие от Лавино, семейный конфликт мало волнует Очола, ведь тот занят делами поважнее: ещё из «Песни Лавино» читатель узнаёт, что Очол занимается политикой, участвует в выборах от некой партии. Политическая программа Очола излагается в гротескном ключе: он предлагает уничтожить деревенские хижины, украшения вождей и снадобья знахарей, арестовать традиционных сказителей и музыкантов, а также запретить исполнение традиционных песен и танцев. Впечатлённый однажды увиденными европейскими городами Очол представляет, как на его родном континенте появятся новые африканские города из бетона и камня, «с широкими авеню, обширными парками и бассейнами» [3, p. 151]. Гротескный образ Очола – это собирательный образ восточноафриканских политиков постколониального времени, прежде всего угандийского диктатора Милтона Оботе³, который был свергнут диктатором Иди Амином в 1971 (год написания «Песни Очола»). При этом фигура Очола кажется ещё более отталкивающей, поскольку, мечтая об обновлённой Африке, он ненавидит самого себя за цвет кожи и восклицает: «Ну почему я родился чёрным!» [3, p. 126].

Очол невероятно комичен в своей интерпретации прекрасной Африки будущего, как комичен и

персонаж Клементины, стремящейся во всём походить на белокожих европейских женщин. О Клементине читатель узнаёт от острой на язык Лавино. Однако и Лавино не может не вызвать у читателя улыбку своей наивностью суждений об образе жизни и привычках белых людей, ведь она руководствуется только теми нечастыми примерами, которые видит перед собой, а это, скорее всего, всё те же нелепые Очол с Тиной. Впрочем, по мнению ведущего специалиста по творчеству Битека Джорджа Герона, Лавино просто «считает, что обычаи белых подходят только белым. Она не против их собственного образа жизни» [4, p. 18].

Любопытно, что почти одновременно с битековской дилогией вышла поэма угандийского автора Джозефа Буруги «Заброшенная хижина», написанная под влиянием Битека. В поэме юноша Медийе обращается с жалобой к бывшей возлюбленной Басии, которая отвергла Медийе и мечтает вести образ жизни белых. Басия полюбила кино и парные танцы, которые представляются Медийе некрасивыми и чересчур откровенными, бесстыжими, носит туфли на каблуках и другую «странную» одежду, носит парики, в общем, ведёт себя как тот самый жираф, «пожелавший стать обезьяной», по выражению Лавино. Однако Буруга не выходит за рамки потока обвинений одного героя другим, и судить о личности Басии мы можем только со слов Медийе, его же монолог сводится к потоку оскорблений. В отличие от битековской дилогии поэма Буруги – это гимн традиционной Африке и хула европейского образа жизни, здесь нет и попытки посмотреть на проблему с разных углов зрения, как это сделал Битек, ведь даже такому отталкивающему персонажу, как Очол, Битек приписывает вполне толковые рассуждения, например о пагубности традиционной медицины.

Критика восточноафриканских поэтов в адрес своих соотечественников – явление нередкое, однако, как правило, такая критика выливается в прямое бичевание, открытую критику, идея подспудного смеха оказывается чужда поэтам Восточной Африки, когда дело касается проблем их родного континента или даже всего мира – особенно это касается англоязычной протестной, ангажированной поэзии Кении.

Творчество другого угандийского автора, Тимоти Вангусы (род. 1942), контрастирует с общим пафосом восточноафриканской англоязычной прямой обличительной поэзии, хотя и он не чуждается критики, принимающей в его творчестве форму притчи, аллегии в сборнике «Гимн Африке» [6].

«Гимн Африке» – своего рода поэтическая эпопея, череда разнообразных и противоречивых образов Африки, её героев и злодеев, описание её таинственного прошлого, трудного настоящего, оценка перспектив на будущее. Это вовсе не панегирик, как может показаться из названия книги,

африканскому континенту и населяющим его народам: автор приглашает читателя разобраться в хитросплетениях африканской истории, перелистать её славные и позорные страницы.

Так, в стихотворениях «К гриотам⁴ Мали» (*To griots of Mali*), «Эфиопская загадка» (*Ethiopian riddle*), «Сундьята⁵» (*Sundiata*), «Дух Маджи Маджи⁶» (*Spirit of maji maji*) слышится восхищение героическим прошлым Африки, её былыми мощью и величием. Восторг сменяется размышлениями о том, как славное далёкое прошлое обернулось горестным бесславным настоящим, которому предшествовали долгие годы позорной кабалы со стороны чужеземцев (Вангуса часто затрагивает в своём творчестве тему колониализма), безрадостного существования постколониальной Африки (в стихах угадываются ссылки на режим угандийского диктатора Иди Амина). При этом, восхищаясь героями прошлого и красотой африканской природы, поэт горестно усмехается, говоря об отсталости современной Африки:

Слушай, Африка
Слушай песнь о твоей застывшей душе
В этот век пост-Хиросимы
Изучения человеком
Межпланетных пространств
Или атомного ядра

«Слушай, Африка» [6, p. 26].

Интересна композиция сборника – разделение на главы, название каждой из которых несёт свою смысловую нагрузку: «После конца» (*After the end*), «Между концом и началом» (*Between the end and the beginning*), «Начало» (*The beginning*) и т. п. – удачный художественный приём, ведь слова «конец» и «начало» имеют в данном случае переносное значение: смерть и рождение.

В главе «Конец» (буквально «смерть») Вангуса прибегает к форме притчи, рассказывая о некоем чудовище (*Monster*), способном принимать облик разнообразных существ, несущем в себе абсолютное зло:

Он был крокодилом
Много политических термитников
Он разграбил и проклял...
Он был просто боровом.
Окружив себя
Сворой магов и колдунов,
Он глаза закрывал на дела их кровавые
Пока те жирели, как свиньи
На крови, что высосали
Из беззащитных бедняков...

«Заявление: Семь причин почему» [6, p. 30]

Людоед, Великан, Чудовище, Огр – таинственный «герой» является читателю под разными личинами, но в нём нетрудно увидеть корень бед, разрушений, смерти (Конца). Кто (или что) скрывается под именем *Monster*? Быть может, это собирательный образ колониализма или образ диктатора Иди Амина. Возможно, это зло в широком понимании, деструктивное начало, заложенное в мире, недаром

в вышеприведённом стихотворении «Заявление...» автор призывает «все континенты и океаны» осознать необходимость «свалить чудовище» (*to topple that Monster*). Его соперник – храбрый воин Масайя – даёт клятву «вечно сражаться против всех чудовищ и всех потомков поверженного людоеда» (в стихотворении «Клятва», *The Oath*) [6, p. 44]. Поначалу Масайя вызывает у читателя симпатию, однако на поверку он оказывается не меньшим разрушителем, чем сражённый великан-людоед. Героическая притча неожиданно приобретает черты политической сатиры: храбрец требует переименовать все улицы в его честь, а трактора «разбить и переплавить в памятник Масайе, Победителю Монстра» («Указ первый: Новая номенклатура», *Edict I: New nomenclature*) [6, p. 56].

Так, вслед за Битеком, который в лице героя Очола, одержимого разрушительными реформами, вывел комический образ африканских диктаторов своего времени, прежде всего Милтона Оботе, Вангуса также высмеивает африканские диктатуры. При этом Вангуса идёт дальше, говоря не только об угандийских и африканских диктаторах как таковых, но о характерной для новообразованных африканских государств политической системе, модели, при которой одна диктатура сменяет другую, о принявшем характер нормы терроре, а также о пассивности, легковёрности и трусости африканских граждан, с готовностью бросающихся возводить монументы новым диктаторам на постаментах, оставшихся от старых вождей-угнетателей.

Говоря о колониализме, этом позорном и горестном периоде недавней истории Африки, Вангуса не ограничивается критикой держав-завоевателей, возмнивших себя властелинами мира – в таких произведениях снова чувствуется горькая ироническая насмешка над самими африканцами, позволившими чужеземцам не только манипулировать собой, но и давать стыдные определения типа «неразумные братья» (*imbecile brothers*) в стихотворении «Итог» [6, p. 72].

При этом сарказм поэта улетучивается, как только речь заходит о героях истинных, которые не стали подобно персонажу-аллегии воину Масайе издавать указы об установке себе памятников, но воздвигли этот памятник себе своими делами, борьбой до последней капли крови. Таким героям не нужно прятаться за вымышленными именами, их Вангуса называет их собственными славными именами – это полулегендарный Сундьята, кенийские борцы за независимость Джомо Кеньята⁷ и Дедан Кимати⁸.

Так, высмеивая бесхребетность африканцев – рабов колониализма, рабов диктаторских режимов и лицемерие самих диктаторов, Вангуса остаётся серьёзен и торжественен, когда речь заходит о национальных героях. В этом смысле автор пребывает в рамках шаблонизированных панегириков, которые

во многом характерны для творчества большинства восточноафриканских англоязычных поэтов.

Говоря о приёмах комического в англоязычной поэзии Восточной Африки, нельзя не вспомнить ещё одного классика угандийской поэзии Табана Ло Лионга (род. 1939), привлекающего внимание читателя и критика своей эпатажной манерой, склонностью к литературному эпатажу и парадоксу. Излюбленным сатирическим приёмом Лионга становится гротеск, а объектом насмешки – современное общество как таковое, которое он, поэт-космополит, много странствующий, не делит на чёрных и белых, приверженцев традиций и эпигонствующих отступников, рабов и хозяев. Лионг не идёт по схеме традиционного ниспровержения буржуазной морали, его стиль – стиль насмешника-мудреца, хулиганствующего нигилиста, мастера эпатажа и нарочито социально пассивного теоретизирующего дуралея. Поэзия Лионга – это зачастую фарс, порою приправленный едким сарказмом, исполненный остракизма, порою лишённый явного смысла, представляющий собой своего рода языковое упражнение.

В сборнике «Коровы Шамбата» [5] поэт, по его собственному выражению, «создаёт призму для наблюдения за человеческой тупостью». В стихотворении «Визит дедушки Ноя», Лионг показывает, как невежество может не только заставить людей стать жертвами мифа, но и убивает в них веру в собственные возможности. «Дедушка Ной», чудом оказавшийся в наши дни в вымышленной «стране двуногих», поражается, насколько люди могли извратить историю Ветхого Завета и повредить в выдуманный им самим миф:

Ной: Не понимаю, о чём ты, землянин. Конечно, не могло сохраниться ни щепки, ни единого остатка. Ни кусочка для ваших музеев.

Ведь я выдумал мой корабль. Я вымышлено посадил в него людей и прочие существа. Придумал потоп. Взял в круиз зверей, чтобы они прижились повсюду, подумал лишь только – и вот – всё живое обучилось вести растительно-животную жизнь. А потом обратил свой корабль в Ничто. И потоп обратил в Ничто [5, р. 81].

Землянин предстаёт перед читателем туповатым и суеверным существом, а вымышленный Ной мудрецом, который словно от имени самой Истории высмеивает человека за невежество и глупость. Лионгу пытается внушить необходимость думать самому, вырваться за рамки шаблонных суждений, стать свободным в стремлениях. Поэт призывает читателя давать выход естественным проявлениям жизни: страху, злости, вожделению, сексу, любви. Всё это проявления жизни и настоящей свободы, здесь нет ничего зазорного. Он высмеивает буржуазный кинематограф за чрезмерное и неоправданное обилие постельных сцен в стихотворении «Приди, любовь моя, посидим в видео-стране», мемы буржуазной культуры, ко-

варство колониальных властей и разобщённость самих африканцев:

Британское колониальное правительство много в чём преуспело. Им отлично удалось убедиться в том, что новые независимые государства погрязнут во фракционной розни, особенно межэтнического характера («Письмо далёкому другу») [5, р. 31].

Лионг много иронизирует на тему человеческой слабости, нерешительности, отсутствия веры в собственные силы. Например, в стихотворении «Панихида по младшему брату, родившемуся слишком поздно» поэт, поначалу нарочито лукавя, «хоронит» своего младшего брата, рождённого в то время, когда все главные события славной истории уже свершились («Все главные темы уже закрыты», «В период деколонизации ты был щенком»), но в конце стихотворения резко опровергает им же самим вышесказанное:

Трагедия – быть рождённым
После всех главных событий
Особенно если ты достаточно слеп
Чтобы думать, что твоё время не для героев [5, р. 14].

Лионг часто до едкости ироничен. Но это ирония скорее раненого, чем ранящего человека, она не означает авторскую отчуждённость, стремление скрыться от проблем за верным щитом – насмешкой.

Поэтическая диалогия Окота п'Битека и эпический цикл «Гимн Африке» Тимоти Вангусы характеризуют два взгляда на те социально-политические катаклизмы, которые происходили на родине поэтов Уганде на протяжении трёх десятилетий. В этих взглядах есть своя общность и своя специфика. Нетрудно заметить, что и Вангуса, и п'Битек задействуют в своих стихах образы и стилистику африканского фольклора. При этом если Битек пользуется народной сказовой манерой, адаптируя её к сугубо современной проблематике, то Вангуса обращается к важнейшим категориям фольклорно-мифологического сознания, рисуя возвышенно-мистический образ Африки. При этом если Битек при создании комических образов прибегает к гротеску (вспомним восторженные речи Очола о запрете традиционных африканских песен), то основной приём Вангусы – аллегория (храбрый воин-Масайя побеждает жестокого Монстра и восходит на его пьедестал под одобрительный гул толпы, пока не осознающей, что возвела на трон нового тирана). Сатира классика угандийской поэзии Табана Ло Лионга направлена на высмеивание человеческого общества как такового, его сугубо человеческих пороков и слабостей. Излюбленным приёмом Лионга становится гротеск, при этом, прибегая к форме притчи, Лионг сознательно обращается к образам буржуазной массовой культуры, в отличие от Битека и Вангусы практически игнорируя африканские мифологические образы и фольклор.

Восточноафриканские поэты англоязычной ветви крайне редко обращаются к общественно-по-

литической сатире, разве что позволяют себе горькую иронию, но чаще тяготеют к прямому обличению, мало заботясь об идее «подспудного» смеха, двойственной природе сюжета и иных атрибутах, присущих критическому реализму в его сатирической ипостаси. Конкретика негативной образности и «клозунговости» стихов на общественно-политическую тематику восточноафриканских англоязычных авторов еще чересчур ощутима, чтобы можно было говорить о сложившемся направлении. Обратную ситуацию демонстрируют угандийские поэты Битек, Вангуса и Лионг, которые, каждый по-своему затрагивая общественно значимые социальные, культурные и политические проблемы своего времени, используют такие приёмы комического, как аллегория и гротеск.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: [1, с. 389–410].
- ² Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.
- ³ Президент Уганды, сроки правления: 1966–1971, 1980–1985.
- ⁴ Гриоты – общепринятое среди исследователей наименование хранителей традиций древнего государства Мали дьели.
- ⁵ Сундьята – герой эпоса народа малинке (манденги, мандинги), правитель древнего государства Мали (XIII в.).
- ⁶ Восстание Маджи Маджи – крупнейшее антиколониальное выступление в Германской Восточной Африке (1905–1907).
- ⁷ Джомо Кеньятта – первый президент Кении.
- ⁸ Дедан Кимати – лидер освободительного движения начала 50-х гг. XX в. мау-мау.

Библиографический список

1. Громов М.Д. Роман в литературе Уганды (60-е годы XX века – XXI в.) // История романых форм в литературах Африки. – М.: Восточная литература, 2010. – 766 с.
2. Фролова Н.С. Развитие современной поэзии Восточной Африки на языках суахили и английском (70-е – 90-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 38 с.
3. p'Bitek O. Song of Lawino and Song of Ocol (prefaced by George Heron). – East African Publishers, 1989. – 164 p.
4. Heron George. The poetry of Okot p'Bitek. – L., 1976. – 163 p.
5. Liyong T. Cows of Shambat. – Nairobi, 1992. – 99 p.
6. Wangusa T. Inno per l'Africa (Anthem for Africa). – Torino, 1995. – 256 p.

References

1. Gromov M.D. Roman v literature Uganda (60-e gody XX veka – XXI v.) // Istoriya romannyh form v literaturah Afriki. – M.: Vostochnaya literatura, 2010. – 766 s.
2. Frolova N.S. Razvitie sovremennoj poezii Vostochnoj Afriki na yazykah suahili i anglijskom (70-e – 90-e gg. XX v.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2004. – 38 s.
3. p'Bitek O. Song of Lawino and Song of Ocol (prefaced by George Heron). – East African Publishers, 1989. – 164 p.
4. Heron George. The poetry of Okot p'Bitek. – L., 1976. – 163 p.
5. Liyong T. Cows of Shambat. – Nairobi, 1992. – 99 p.
6. Wangusa T. Inno per l'Africa (Anthem for Africa). – Torino, 1995. – 256 p.

УТРАЧЕННЫЕ СМЫСЛЫ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Д. НОВИКОВА «ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Статья представляет собой анализ вышедшего в 2019 году перевода романа Дмитрия Новикова «Голомяное пламя». Утерянные при переводе сквозные метафоры, образы и символы привели к значительному искажению смыслов оригинального текста и нарушению поэтики произведения. Применяв механистический подход к переводу на лексическом, синтаксическом и даже фонетическом уровне, переводчик Кристофер Калвер не сумел сохранить контекстуальные метафоры и символы. Получившийся текст является лишь пословным пересказом сюжета, лишенным поэтики оригинала. В статье предлагаются решения, которые могли бы быть использованы переводчиком для создания образности в тексте, и анализируются причины, по которым это не было сделано. Перевод Калвера знакомит англоязычных читателей с одним из недавних знаковых произведений на русском языке, но не создаёт представления о стиле современной русской прозы.

Ключевые слова: Д. Новиков, «Голомяное пламя», Русский Север, перевод, ключевые символы, стилистическое разнообразие, искажения при переводе, механистический перевод.

Среднестатистическому англоязычному читателю русская литература знакома лишь по нескольким именам. Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев – скорее всего, именно эти писатели будут в списке наиболее узнаваемых русских классиков. Пушкин, по праву почитаемый в России как один из величайших поэтов, практически незнаком англоязычному миру, за исключением, пожалуй, «Евгения Онегина», и то в экранизации 1999 года, где от поэзии не осталось ничего, а исторические реалии перепутаны и доведены до гротеска. Русские поэты вообще малоизвестны на Западе отчасти и потому, что сложившаяся в Европе и США традиция переводить рифмованный стих верлибром лишила многие оригинальные тексты их обаяния.

О проблемах, связанных с переводом русской классической и детской литературы, писал ещё К.И. Чуковский в «Высоком искусстве» – книге, которая наряду с книгой Норы Галь «Слово живое и мертвое» является обязательной к прочтению переводчиками художественных текстов.

С современной русскоязычной литературой дело обстоит не лучше. Нельзя сказать, что русских писателей не переводят вообще. Например, издательством «Глагослав» в последние годы было выпущено большое количество переводов российских, белорусских, украинских, сербских книг. Однако если в самой России объём переводных изданий достаточно велик, а произведения англоязычных авторов широко известны читающей публике, то тиражи российской прозы, переведённой на английский язык, несоизмеримо меньше. В 2018 году доля переводных изданий составила 16,5 % (со всех языков) [3]. В Британии же количество переводной литературы традиционно составляет около 3 % (со всех языков) [2]. Можно предположить, что на долю русскоязычной литературы приходится мизерное количество книг. В США доля переводной

литературы не превышает 10 %, причём большая часть переводов выполняется с испанского [7]. Разумеется, эта статистика лишь приблизительно, но общее положение дел она отражает.

Однако в наши задачи не входит анализ факторов, влияющих на ситуацию на рынке переводной литературы и спрос на переводы русскоязычных авторов. Переводы есть, и это уже не может не радовать. А вот вопрос качества этих текстов остаётся серьёзной проблемой.

По мнению многих переводчиков, переводить с иностранного на родной легче, а качество перевода при этом выше. Однако известная петербургская переводчица И.С. Алексеева отмечает, что переводить с родного языка легче, так как переводчик понимает все нюансы исходного текста [1, с. 15]. Тезис Алексеевой может быть отлично проиллюстрирован на примере перевода романа Дмитрия Новикова «Голомяное пламя». Роман вошёл в короткий список премии «Русский Букер» в 2017 году и получил грант на перевод. Перевод на английский вышел весной 2019 года в издательстве «Глагослав»; переводчик – Кристофер Калвер.

Карельский литератор В. Софиенко на сайте своего культурно-литературного проекта – фестиваля «Петроглиф» говорит: «*Писать о Севере – всегда непросто. Писать о Русском Севере сложно вдвойне. Может, потому, что здесь проходит посконный русский разлом...*» [8]

И, разумеется, о Русском Севере нелегко и читать. «Голомяное пламя» обладает особой, непростой для восприятия спецификой. Композиция романа сложна: действие развивается нелинейно и нехронологически – то в XVII веке, то в первой половине XX века, то в начале двухтысячных; во многих частях рассказчики разные. Но для англоязычной литературы такая композиция не нова: достаточно вспомнить произведения Салмана Рушди, Майкла Ондаатже, Алана Холлингхерста, Сары

Перри. Поэтому вряд ли особенности построения книги могли смутить англоязычного переводчика.

А вот стилистика «Голомяного пламени» и его поморская символика могут вызвать затруднения и у российского читателя. Поэтому кажется странным, что за время работы над переводом Кристофер Калвер ни разу не проконсультировался с писателем (из личного разговора с Д. Новиковым).

Что же получилось в результате? Какой продукт переводческого труда получили англоязычные читатели?

Перевод «Голомяного пламени» состоялся, и это факт. В частности, перевод сюжетной линии. История Варлаама Керетского, история репрессий карельского народа и поморов, воспоминания главного героя, Гриши, о своём деде, который, как становится ясно по ходу книги, участвовал в репрессиях, Гришина рыбалка и путешествие к Белому морю для того, чтобы обрести душевное спокойствие, «голомяное пламя», то есть радуга над морем в том месте, где на барже были расстреляны жители Керети – всё это в переводе сохранилось. Не обошлось без отдельных фактических ошибок: например, переводчик путает понятия «Мурман» и «Мурманск» («возвращались с мурманского промысла» – *coming back from fishing from Murmansk*). В оригинале орфография отрывка указывает на XVII век, Мурманск же появился в 1916 году. Русская печь переводится как *stove*, хотя в тексте явно указано, что на ней спали, а *stove* для этих целей не годится. Эти примеры демонстрируют механистический, поверхностный подход к переводимому тексту. Сами по себе, по отдельности, эти ошибки были бы некритичны, если бы переводчик не подошёл так же бездумно к другим словам, из которых складывается символика всего текста и создаётся то, что Эзра Паунд называл *logoroeia* и *meloroeia*, то есть многозначность и звучание [12, с. 25–26]. Именно это осталось скрытым для англоязычного читателя в переводе Калвера. Разумеется, терминология Паунда относится к собственно поэзии, но разве прозаический художественный текст лишён поэтики?

Одним из важнейших символов «Голомяного пламени» является семга. Семга – это не просто желанная добыча любого рыбака, в том числе и Гриши. В романе существует прямая параллель между варварским уничтожением семги «для нужд трудящихся» и уничтожением людей на барже: исчезла рыба, составляющая основу жизни поморов – исчезло и целое поколение поморов. Сравним, например, описание варварской рыбной ловли и описание гибели людей: «Вода кипела холодно, отчаянно – валами шла семга... Мелькал красный бок лоха, серебро самочки – не понимали, куда летят... Валились в сеть – бессмысленно и глупо... С них ручьями кровь лилась и впитывалась в равнодушную землю» [6, с. 175]; «Веером ложились на

воду пули. И вода стала красной. И выглянуло солнце закатное. И осветило всё. Один за одним уходили в воду, вглубь ледовые кормчие. Один за одним исчезали там северные люди, сталь земли русской. И словно рыбины, сверкнув на глубине белизной, исчезали в морской воде. Будто семужья стая навсегда уходила от родных берегов, истерзанная злой, непонятной силой...» [6, с. 255]

Поневоле напрашивается аналогия с детской книгой Юрия Коринца «В белую ночь у костра», где главный герой, Миша, вспоминает рыбалку с дядей на Кольском полуострове в 1937 году, а затем «кладбище блёсен», оставшееся после осушения части реки Нива; дядю, очевидно репрессированного вскоре после поездки на Север, и уже 1967 год, когда вернувшаяся метать икру семга не нашла своей реки и погибла. [4, с. 224–229]. Несмотря на абсолютную разницу между книгами (Коринец писал для детей, восхищался поколением старых большевиков, уничтоженных в тридцатые годы), символ семги как символ ушедшей северной жизни («рыба-лев», называет её Мишин дядя) и здесь очень важен. И теперь, в начале XXI века, семга не перестаёт быть такой же важной.

Гриша, главный герой «Голомяного пламени», спрашивает рыбака:

«– Кто это, семга? – спросил Гриша, стыдясь своего незнания.

– Да нет, горбыль, горбуша, – презрительно сказал Михаил. – Развели её здесь, на Белом море, научники. Рыба неплохая, но семги-то меньше горздо стало.

– А что, нерестилица не поделят?

– Да нет. Горбыль – рыба глупая, что овца в стаде. Семушке ни по повадкам, ни по нерестилицам не конкурент» [6, с. 232].

Как же переводчик справляется с семгой как с символом не только погибающей природы, но и символом ушедшего, измельчавшего поколения? Конечно, имеется объективная трудность: все лососевые в английском языке – *salmon*. Соответственно, семга – *Atlantic salmon*, горбуша – *humpback salmon*. И переводчик применяет такой же таксономический подход:

«“What’s that, an Atlantic salmon?” Grisha asked, somewhat embarrassed at his ignorance.

“This? No. It’s a humpback,” Mikhail said with contempt. “Scientists introduced them here, in the White Sea. They aren’t bad fish, but there are much fewer of those Atlantic salmon around today.”

“What, they don’t share the same spawning grounds?”

“No. Humpback salmon are stupid fish, like sheep. They aren’t like Atlantic salmon at all in how they act or how they spawn”» [11].

И на протяжении всего отрывка, где рыбак, Михаил, сетует на сложившуюся ситуацию, *Atlantic salmon* и *humpback salmon* сменяют друг друга,

отчего текст становится местами наукообразным и теряет горечь повествования.

Там же, где люди сравниваются с семгой, переводчик просто пишет *salmon*, даже не обращая внимания на то, что сравнение идёт с царской рыбой, рыбой-львом. Самое печальное в том, что эта переводческая задача решается относительно просто: почему бы не выделить семгу – благородную рыбу – из ряда прочих лососевых с помощью транскрипции (*syomga*) и использовать русское слово, тем более что в оригинале много поморских слов – один из героев книги, краевед Иван Матвеевич Дуров, реальный исторический персонаж, составляет «Словарь живого поморского языка». Конечно, семга – не только поморское слово, но использование русского варианта с комментарием подчеркнуло бы уникальность этой рыбы.

Впрочем, с поморскими словами в тексте оригинала переводчик обходится безжалостно, хотя автор использует их не только для создания северного колорита. Для Гриши каждое местное словечко – воспоминание, узнавание события из детства. Для поморских рыбаков это совершенно естественная, родная речь. Именно за увлечение «старыми» словами был арестован Иван Дуров. Дмитрий Новиков снабжает каждое поморское слово комментарием, поэтому эти диалектизмы не затрудняют чтения. К тому же многие из этих слов встречаются в просторечии жителей, например, Костромской или Вологодской областей: *баский/баской*. Руководствуясь каким-то непонятным принципом, переводчик выпускает большинство такой лексики, оставляя лишь названия ветров, частично – рыбы и слов из главы, посвященной непосредственно Ивану Дурову. Но ведь в определённом смысле «Голомяное пламя» является своеобразным памятником «Словарю живого поморского языка в его этнографическом и бытовом применении», составленному Дуровым в 1934 году и опубликованному гораздо позже (в 2011) в Петрозаводске как «Словарь живого поморского языка». В романе Новикова словарь упоминается много раз, с него начинается повествование, слова из словаря разбросаны по всему тексту как символы живого языка, есть рассказ о судьбе его создателя, в конце романа словарь возвращается на родину его составителя. И в переводе всё это превращается из слова «живого» в слово «мертвое». Исчезли «шкерать», «кабус» и другие живые слова, замененные нейтральной английской лексикой. Тяжело сказать, почему переводчик принял такое решение относительно одного из ключевых символов книги.

Также непонятно, почему переводчик боится поиграть со словами. Например, рыбак Михаил, говоря о горбуше, использует два слова: «горбуша» и «горбыль». «Горбыль» звучит пренебрежительно, как и «научники», которые вывели искусственную рыбу. Для обозначения рыбы Калвер использует

лишь *humpback*, хотя есть и разговорное *humpie*. Это название есть в большинстве английских толковых словарей и даже употребляется в художественной литературе. Так же нейтрально переведены «научники» – *scientists*. Возможно, переводчик просто не уловил оттенка пренебрежительности, но разве его не должна заинтересовать разница между, казалось бы, одинаковыми словами?

И, возвращаясь в последний раз к семге, – в конце перевода метафора разрушена полностью. В оригинале текста Гриша представляет, как уходят в море люди: девушки – семгой-закройкой, старухи – листопадкой (здесь переводчик использует поморские слова), а мужчины – заломом, то есть крупной осенней семгой. Однако переводчик снова, не задумываясь о выстроенном автором ряде образов, переводит слово «залом» как *royal herring*, каспийский залом, крупная сельдь с черной спиной. Причем слово «каспийский» указано во всех толковых словарях, где есть «залом» в этом значении, как печатных, так и интернет-изданиях [5, с. 990]. Создается впечатление, что переводчику совершенно не важны авторские образы или что ему некогда подумать, откуда вдруг в тексте появляется каспийская рыба. И, поскольку диалектизмы переводчик уничтожает, он, возможно, не чувствует, что «залом» используется в тексте не в общепотребительном, а диалектном значении.

К сожалению, подобный поверхностный подход переводчик использует не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Автор использует правильный английский синтаксис для передачи, например, разговорной речи. Например: «В это время Аннушка в комнату забежала, на колени к тебе забралась» – «*At that moment little Anna ran into the room and climbed on to your knees*». На русском языке предложение (да и весь эпизод ареста Ивана Дурова) звучит как сказ, отсутствие союза «и» делает повествование динамичным. Но из-за появившегося *and* и прямого порядка слов (разве нет в английском языке такого мощного стилистического инструмента, как инверсия?) весь эпизод растянут и звучит монотонно, так как почти в каждом предложении можно увидеть подобные переводческие ошибки. Синтаксис сказа или сказки заменяется синтаксисом из учебника английской грамматики.

Создается впечатление, что переводчик не приемлет эллиптических предложений, характерных для разговорной речи. Если же в тексте встречаются два синонима или два однородных члена предложения, то в переводе часто остается один. Например, описание икры: «И в глубине её не чувствуется, не бьется больше ничья жизнь» – «*In its depth no life beats anymore*». Слово «чувствуется» утеряно навсегда, а ведь оно так важно здесь: автор описывает не сколько биологический процесс развития икринок, сколько роль человека и его чувств

по отношению к тому, что происходит и с семьей, и с нынешним поколением.

Очень существенно от рук переводчика пострадала в стилистическом плане сюжетная линия, объединяющая, казалось бы, разрозненные фрагменты, из которых состоит роман – житие святого Варлаама Керетского и чуда, творимые им как при жизни, так и после физической смерти, то есть в период с XVI века до начала двухтысячных. В романе языковое исполнение этих эпизодов различно. Д. Новиков указывает, что тексты в старой орфографии взяты с сайта «Древнерусская литература. Антология», но даже более близкие к нам по времени чуда, творимые Варлаамом Керетским, стилизованы под старую, величественную речь.

Например, текст XVII века: «*Той же муж повѣда намъ. Бысть нѣкто от велможъ царевых правя в Колскомъ острогѣ воеводскую власть при благовѣрномъ царѣ Михаилѣ Феодоровиче всея России после Литовския войны*» [6, с. 232].

Текст XXI века: «*В зиму 2001 года один кореллянин, обуреваемый бесами ревности и гордыни, задумал неладное. Помыслы пустой уже души своей направил он по дьявольскому наущению и своей слабости на погубление живота своего, также с ним еще нескольких людей неправедных, но живых*» [6, с. 245].

Главы романа, повествующие о чудесах, и озаглавлены чудесно: «*Ино чудо преподобнаго бывшаго*».

Как же переводчик справляется с этой нелёгкой задачей? Очень просто – всё переведено современным языком. Иногда переводчик делает реверанс в сторону стилистически окрашенных фрагментов. Так, тексты кондака и тропаря переведены с помощью *thee, thy, didst*, характерных для религиозных английских текстов. Остальные отрывки никак не передают стилевую разницу, хотя их можно было бы стилизовать под соответствующую эпоху. Уже Шекспир (живший раньше Варлаама Керетского лет на девяносто) писал на раннем варианте современного английского языка, так что текст был бы понятен и нынешнему читателю. Если предположить, что переводчик хотел избежать нежелательных ассоциаций с соответствующим историческим периодом в Англии, можно было бы использовать искусственную стилизацию, тем более что имеется множество примеров такого метода. Прекрасно с этим справился Дж.Р.Р. Толкиен; современный англо-ирландский драматург Мартин МакДона в пьесах «Калека с острова Инишмаан» и «Лейтенант с острова Инишмор» использует псевдоирландскую устную речь [10]. Автор не хотел, чтобы его герои говорили по-английски, а гэльский язык или ольстерский скотс не позволили бы пьесам достичь их нынешней популярности. Зато сделанные по определенной схеме замены в орфографии, грамматике и синтаксисе делают текст одновремен-

но понятным и в то же время неанглийским. Разумеется, такой эксперимент требует тщательной подготовки и апробации. Поэтому, как нам кажется, переводчик «Голомяного пламени» пошел по пути наименьшего сопротивления. Связь времён не просто порвалась – она отсутствует как таковая, и если бы не даты в заголовках глав, отличить тексты, между которыми промежуток в 450 лет, невозможно. Тем более стилистически фрагменты, рассказывающие о чудесах, в переводе неотличимы по своей стилистике от основного повествования.

Сказав о Варлааме Керетском, невозможно не упомянуть и его антагониста. Святой Варлаам сначала сам борется с гордыней и искушением, а затем помогает людям, одержимым этими грехами. Гриша с братом и другом стремится проплыть по пути Варлаама Керетского и на привале у реки получает знак: «*И то ли солнце изменило угол лучей, то ли просто не замечали раньше – на камне, на плоской поверхности его, обращенной к ним, сидел черт*».

Слово «чёрт» в конце спокойно разворачивающегося предложения заставляет читателя в прямом смысле вздрогнуть от неожиданности. В переводе же *demon* (можно еще поспорить про совпадение и несовпадение понятий «черт» и *demon*) находится в середине предложения, поэтому эффект недоброго предзнаменования, предчувствия, беды смазывается полностью: «*Whether the sun was now shining at a different angle, or whether they simply had not noticed it before, a demon sat on the smooth surface of the rock, facing them*».

Более того, компактное описание черта в оригинале («*Небольшого роста, сгорбленный и черный, он подпер рогатую голову рукой и пристально наблюдал за ними*») пропадает из-за любви переводчика к полноструктурным предложениям: «*It was small, hunched and black, it propped its horned head up with its hand and stared at them*».

Отметим также отсутствие длительности действия в английском предложении.

Помимо сквозных символов в романе есть не такие масштабные (но от этого не менее важные!) метафоры. Например, в конце романа (там же, где волей переводчика семга превратилась в сельдь), Гриша, думая об ушедшем поколении поморов, задается вопросом: «Где вы, виноград земли русской?» Переводчик же пишет *cream of Russia* (дословно: сливки России). Понятно, что это идет от *cream of the crop*, то есть что-то лучшее в определенной категории. Что хотел сказать переводчик: лучшее, что есть в России? лучшие из русских? Нам кажется, что ближе к авторской задумке тогда было бы *salt*, как библейское «соль земли», но ведь автор пишет «виноград»! Это выражение нельзя переводить готовым фразеологическим оборотом именно из-за слова «виноград». И снова переводчик не улавливает связи между этим предложением и главой «1971, Крым», где маленький Гриша

после трудного дня (ссора с девочкой на пляже, размолвка родителей) срывает прекрасную виноградину и обнаруживает, что она вовсе не сладкая, а терпкая и кислая. Этот эпизод дает ключ к пониманию характера поморов.

Разумеется, мы понимаем, что при переводе неизбежны потери. Теряется множество смыслов, заложенных на фонетическом уровне. Например, в слове «голомяное» (от «голомя», открытое море) слышится *гол-* как символ пустоты, наготы (ср. голая степь, голая пустыня). Читатель строит такие аналогии подсознательно. Для переводчика же такие случаи мучительно трудны – об этом прекрасно написал Юлиан Тувим в очерке «Четверостишие в работе» [9, с. 716–730]. Поэтому английский вариант названия романа, *A Flame Out at Sea*, может и не передавать *гол-*, но неудачным назвать его нельзя.

Однако в романе есть эпизоды, где фонетический и просодический аспект мог бы украсить текст, хотя этого, к сожалению, не происходит. Например, когда с церкви сбрасывают колокол, Новиков описывает звук удара о землю: «Идууу!» В переводе: «*Here I come!*» В этой фразе нет ни гула, ни, соответственно, трагизма происходящего, хотя можно было бы использовать *Gone!* Поменялось бы грамматическое значение (действие завершено), но остались гулкие звуки. К тому же, *gone* в английском языке имеет значение потери, конца, иногда даже смерти.

К аспекту *melopoeia* можно отнести и стихотворение, использованное в качестве эпиграфа к одной из глав. Рифмованный стих уже по сложившейся традиции переведен нерифмованным, что лишает и сам эпиграф, и последующую главу интонации сказа.

Описанные выше концептуальные элементы романа могли бы быть проработаны более вдумчиво, тщательно, смело. Текст звучит несколько искусственно, что может быть, по нашему субъективному мнению, свидетельством использования переводчиком автоматической системы перевода (например, SDL Trados или подобного продукта). Перевод есть, но перевод ли это «Голомяного пламени» или просто фактический пересказ разрозненных событий? Сколько бы не критиковали критики, ответить на этот вопрос сможет лишь читатель.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб: Изд-во «Союз», 2003. – 288 с.
2. Асланян Анна. Почему русская литература мало говорит по-английски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/society/2011/04/110418_russian_lit_english_translations (дата обращения: 09.09.2019).
3. Воронаев А.Н. Российское книгоиздание в 2018 г.: навстречу новым минимумам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/9348-rossiyskoe-knigoizdanie-v-2018-navstrechu-novym-minimumam.html> (дата обращения: 21.08.2019).

www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/9348-rossiyskoe-knigoizdanie-v-2018-navstrechu-novym-minimumam.html (дата обращения: 21.08.2019).

4. Коринец Ю. Там, вдали, за рекой. В белую ночь у костра: Две повести о дяде. – Москва: Детская литература, 1973. – 416 с.

5. Малая советская энциклопедия – 3-е изд. – М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1958. – Т. 3. – 1274 с.

6. Новиков Д. Голомяное пламя. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 349 с.

7. Смирнов Л. Американцы не читают русских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2015/03/27/1382546.html> (дата обращения: 12.09.2019).

8. Софиенко В. Сайт литературного проекта «Петроглиф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://petroglyphcon.ru/konkurs/> (дата обращения: 04.09.2019).

9. Тувим Ю. Четверостишие в работе // Фокус-покус, или просьба о пустыне: поэзия, театр, проза / Юлиан Тувим; [ред.-сост. А. Базилевский; предисл. А. Базилевского; пер. с польского]. – Москва: Вахазар: Рипол-Классик; Пултуск: Гуманитарная академия, 2008. – 944 с.

10. Lonergan Patrick. Preface // The Lieutenant of Inishmore (Student Editions) / Martin McDonagh. – Bloomsbury, 2009. – Kindle edition.

11. Novikov Dmitry. A Flame Out at Sea / translated by Culver, Christopher. – Glagoslav Publications, 2019. – Kindle edition.

12. Pound Ezra. How to Read. – New York: Haskell House, 1971. – 73 p.

References

1. Alekseeva I.S. Professional'nyj trening perevodchika. – SPb: Izd-vo «Soyuz», 2003. – 288 s.
2. Aslanyan Anna. Pochemu russkaya literatura malo govorit po-anglijski [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.bbc.com/russian/society/2011/04/110418_russian_lit_english_translations (data obrashcheniya: 09.09.2019).
3. Voropaev A.N. Rossijskoe knigoizdanie v 2018 g.: navstrechu novym minimumam [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/9348-rossiyskoe-knigoizdanie-v-2018-navstrechu-novym-minimumam.html> (data obrashcheniya: 21.08.2019).
4. Korinec YU. Tam, vdali, za rekoj. V beluyu noch' u kostra: Dve povesti o dyade. – Moskva: Detskaya literatura, 1973. – 416 s.
5. Malaya sovetskaya enciklopediya – 3-e izd. – M.: Gos. nauch. izd-vo «Bol'shaya sovetskaya enciklopediya», 1958. – T. 3. – 1274 s.
6. Novikov D. Golomyanoe plamy. – Moskva: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2017. – 349 s.
7. Smirnov L. Amerikancy ne chitayut russkih [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2015/03/27/1382546.html> (data obrashcheniya: 12.09.2019).

rosbalt.ru/moscow/2015/03/27/1382546.html (data obrashcheniya: 12.09.2019).

8. Sofienko V. Sajt literaturnogo proekta «Petroglif» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://petroglyphcon.ru/konkurs/> (data obrashcheniya: 04.09.2019).

9. Tuvim YU. CHetverostishie v rabote // Fokus-pokus, ili pros'ba o pustyne: poeziya, teatr, proza / YUlian Tuvim; [red.-sost. A. Bazilevskij; predisl. A. Bazilevskogo; per. s pol'skogo]. – Moskva: Vahazar:

Ripol-Klassik; Pultusk: Gumanitarnaya akademiya, 2008. – 944 s.

10. Lonergan Patrick. Preface // The Lieutenant of Inishmore (Student Editions) / Martin McDonagh. – Bloomsbury, 2009. – Kindle edition.

11. Novikov Dmitry. A Flame Out at Sea / translated by Culver, Christopher. – Glagoslav Publications, 2019. – Kindle edition.

12. Pound Ezra. How to Read. – New York: Haskell House, 1971. – 73 p.

Нгуен Тхи Хоан
Ивановский государственный университет
nguyenthihoan19111989@gmail.com

Ермилова Галина Георгиевна
доктор филологических наук
Ивановский государственный университет
ermilova-galina@mail.ru

СНЫ РАСКОЛЬНИКОВА В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В данной статье анализируются переводы на вьетнамский язык сновидений героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова. Именно они обладают повышенной семантической насыщенностью и объясняют причину, толкнувшую героя на ужасное уголовное преступление. Для анализа привлечены три имеющихся во Вьетнаме перевода романа. В результате предварительно проделанной сплошной текстовой выборки и последующего анализа оригинального и переводных текстов мы пришли к выводу о том, что наибольшие трудности переводчики испытали при передаче реалий религиозно-бытовой жизни русского человека середины XIX века и онтологической проблематики романа. Предлагаются некоторые конкретные уточнения в уже имеющиеся переводы.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», сон, перевод, межкультурная коммуникация, христианская культура, религия, онтология.

Первый перевод романа «Преступление и наказание» на вьетнамский язык был осуществлен в 1960 г. автором Као Суан Хао (Сао Хуân Hào), но он не был разрешён к публикации [9, с. 310]. В это время Достоевского с осторожностью публиковали и в Советском Союзе. Вьетнамские издатели, основываясь на мнении М. Горького и других советских критиков, боялись, что вьетнамская молодежь будет подражать Раскольникову. Во Вьетнаме роман «Преступление и наказание» появился впервые в 1972 году. Автор этого перевода – Чыонг Динь Кы (Тгуонг Динь Сÿ) [15]. В 1973 году произведение перевел Лу Куок Шинь (Lý Quốc Sinh) [8]. В 1982–1983 гг. появился запрещенный в 1960 году перевод Као Суан Хао [7]. Мы анализируем переводы 1972, 1973, 1982–1983 гг.

В статье впервые осуществлен детальный анализ имеющихся во Вьетнаме переводов двух смыслообразующих фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с последующим аналитическим комментарием и практическими рекомендациями. Проблема межкультурной, межнациональной коммуникации – одна из актуальных не только в филологии, но и во всех гуманитарных сферах.

Во Вьетнаме лишь несколько авторов (Нго Тхи Куен, Фам Тхи Фьонг) писали о переводе романа на вьетнамский язык, однако никто из них не коснулся снов Раскольникова, являющихся излюбленным приемом Достоевского для передачи психологического состояния главного героя романа «Преступление и наказание».

Передача мастерства Ф.М. Достоевского-психолога вызывает серьезные затруднения у переводчиков [4, с. 69–79]. Но и едва ли не большая трудность возникает при передаче метафизической реальности, просвечивающей за знаками реальности физической и воплощающейся в евангельском и иконографическом «тексте» романа. Еще в 1911 г.

Вяч. Иванов писал о трех планах изображения человеческой жизни в романах Достоевского: эмпирическом, психологическом, высшем метафизическом: «Вся трагедия обоих низших планов нужна Достоевскому для сообщения и выявления этой верховной, или глубинной, трагедии конечного самоопределения человека, его основного выбора между бытием в Боге и бегством от Бога к небытию. Внешняя жизнь и тревожения души нужны Достоевскому только, чтобы подслушать через них одно, окончательное слово личности: “Да будет воля Твоя”, или же: “Моя да будет, противная Твоей”» [6, с. 182].

В этой статье мы анализируем два первых сновидения Раскольникова (сон из детства и «египетская греза»), увиденных героем *перед* совершенным им убийством; сравниваем три имеющихся вьетнамских перевода романа с оригиналом, с последующим нашим комментарием.

Многofункциональность снов в структуре романа Достоевского давно отмечена в научной литературе. Обращалось внимание на психологическую функцию снов, на возможность с помощью них проникнуть в под- и бессознательную сферу психики героев, иначе говоря, на открывающуюся через сны возможность самопознания героя. Так, Раскольников, пробудившись от первого своего сна, с ужасом вынужден был идентифицировать себя с Миколкой, на которого он – герой сна – бросился с кулаками, защищая несчастную «клячу». Он осознает своё внутреннее с ним родство – в заявленном обоими акте своеволия. Этот же сон позволяет нам понять, с чего началось падение Раскольникова. Ответ герой дал Соне в последнее свидании перед объявлением себя убийцей. А суть его – в ошибке сердца, в его озлоблении («Да я озлился и не захотел. Именно *озлился* (это слово хорошее!). Я тогда, как паук, к себе в угол забился») [2, с. 320]. И тут же добавил: «И всё такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие!»

Сны организуют внутреннее строение сюжета, а именно путь духовного падения Раскольникова (его отпадение от Отца Небесного и от отца земного), но и его духовного прозрения. Сны Раскольникова – открывающийся ему путь в мир духовных реальностей. «Египетская греза» – видение прошлого райского состояния человечества. Оба этих сновидения пронизаны евангельской и иконографической символикой, что, несомненно, составляет самую главную трудность в передаче этих смыслов на вьетнамском языке. Вьетнамский читатель далек от христианской религии и сопутствующей ей христианской культуры. А кроме того, в египетском сновидении Раскольникова находит отражение народная вера в существованиерая на земле, его не только духовной, но и вполне материальной воплощенности. Так, например, в «Послании Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае» утверждается как фактически достоверное свидетельство Моислава-новгородца и его сына Иакова о том, что они видели земной рай воочию. Свое послание Василий завершает утверждением: «А что, брат, говоришь: “Рай духовный”, то так, брат, и есть духовный и будет. Но и тот рай, что посажен, – не погиб, и ныне существует» [3, с. 196]. В интеллектуальных грезах Раскольникова есть глубокая «почвенная» укорененность. От подобных народнопоэтических религиозных верований был недалеко и сам автор «Преступления и наказания»: грезу о естественном рае естественных добрых людей он пронес через все творчество, неслучайно появление в ряде его произведений райских видений («Бесы», «Подросток», «Сон смешного человека») [5, с. 193–215].

Оба сновидения свидетельствуют о двойственности, расколотости души Раскольникова: он одновременно переживает два несовместимых духовных состояния – падение и восстановление. Выход из него намечен на последних страницах романа, когда герою открылась «необозримая степь», где жили «другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [2, с. 421]. Это, по сути дела, возврат к «египетской грезе», с привнесением в библейский «колорит» колорита «местного».

Мы провели построчный перевод обоих фрагментов, в этой статье мы обращаем внимание на наиболее сложные для переводчиков проблемы.

Первому сну Раскольникова предпосланы авторские слова: «В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью» [2, с. 45].

Во всех трех переводах пропущено слово «выпуклостью», слово «болезненный» переведено как «патологический». Во вьетнамском словаре слово «*bệnh hoạn*» имеет три значения: «болезненный»,

«ненормальный по психологии / патологический» и «похотливый», но чаще используется два последних значения. У читателя может невольно сложиться впечатление о похотливости Раскольникова и сближение его на этой почве со Свидригайловым, между которыми действительно есть осознаваемая ими обоими близость, но только не на почве физиологической похотливости.

Все переводчики отметили семилетний возраст Раскольникова, героя сна. Символика чисел в произведениях Достоевского, в частности в «Преступлении и наказании», восходит к фольклорной и библейской числовой символике. Теологи называют число 7 «истинно святым числом», так как в нем соединяются число «три», символизирующее божественное совершенство, и число «четыре», число мирового порядка; следовательно, само число «семь» является символом «союза» Бога с человеком, символом общения между Богом и его творением. Но, кажется, эта отмеченность переводчиками «пограничного», «порогового» возраста героя имеет чисто формальное упоминание, крайне слабо актуализирующее тот перелом, который произошел в душе ребенка, когда им была утрачена сердечная связь с Животворящим Источником. Именно с этого момента герой постоянно оказывается «на пороге», который он не может не переступить.

Храм и кабак – сквозные символические образы не только в первом сне, но и во всем романе. Духовное падение Раскольникова начинается с утраты им образа Храма, его замещения кабаком, а восстановление – с припоминания утраченного. Характерно и то, что в памяти Раскольникова первым предстал «большой кабак», а только после него «каменная церковь с зеленым куполом»: «Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большую часть без окладов, и старого священника с дрожащею головою» [2, с. 46]. Перевод этого места вызвал самые серьезные затруднения у переводчиков. В первом и втором переводах прилагательное «старинный» заменено прилагательным «старый», что не совсем удачно: утрачивается представление о священности церковной традиции, Церковного Предания, чрезвычайно важного именно для Православия.

И совсем неудачен перевод слова «образа» словами «статуя» и «статуя Святой Матери». К этой ошибке приводит непонимание реалий церковного устройства православной России. Православные верят в Бога-Троицу, в Отца, Сына, и Святого Духа. Православная Церковь видит в образе зримое выражение православной веры. Слово «образ» значит икона, изображение, портрет. И это относится, прежде всего, к образу Иисуса Христа (первая икона «Спас Нерукотворный», по Церковному Преданию и как явствует из названия, создана не человеком, а самим Богом) и, конечно же,

к образу Пресвятой Богородицы. Мы полагаем, что замена «образа» на «статую Святой Матери» происходит от религиозного вьетнамского влияния. Вера в Богиню-мать «*Thánh Mẫu*» весьма характерна для традиционных вьетнамских религий, как и поклонение умершим предкам. Ясно, что авторы реалии вьетнамской жизни переносят на реалии русской (особенно православной) жизни.

Все три переводчика заменяют слово «*оклад*» в оригинале на слово «*рамка*», что выглядит особенно абсурдно. Мы предлагаем перевести это предложение следующим образом: «*Chàng yêu mến ngôi nhà thờ này và cả những bức tượng thánh cô kính mà trong số đó phần lớn đều không được phủ lớp mạ vàng*».

Но, однако же, есть, правда не сущностные, а скорее периферийные, возможности успешной коммуникации переводчиков с вьетнамскими читателями. Думается, причины регулярных приходов маленького мальчика и его отца на церковное кладбище, где захоронены его бабушка и шестимесячный брат, которого он не знал и не мог помнить, но над «могилкой» которого он каждый раз «религиозно и почтительно крестился» [2, с. 46], понятны каждой религиозной душе. Вера в жизнь «после смерти», поклонение душам умерших предков – древнейшая традиция, свойственная не только христианству, но и исторически предшествовавшему ему язычеству, впрочем, как и неоязычеству.

Ни один из старинных образов, приснившихся Раскольникову, не персонифицирован. И лишь икона Казанской Божией Матери, перед которой молилась Авдотья Романовна Раскольникова, сестра Родиона, перед тем, как дать ответ на предложение г. Лужина выйти за него замуж, названа в романе [4, с. 35]. По счастливой случайности один из наиболее почитаемых православных храмов во Вьетнаме – храм Казанской иконы Божией Матери.

Рассмотрим другой пример: «*При этом всегда они брали с собой кутью на белом блюде, в салфетке, а кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом*» [4, с. 46].

Кутья – это крутая сладкая каша (из риса, пшеницы) с мёдом или изюмом, которую подают на поминках. В переводах слово «кутья» переводится как «подношение» и «пирог из рисовой муки». Это не совсем точно. Мы предлагаем слово «кутья» оставить в переводе: «*Vào những dịp ấy, bao giờ họ cũng mang theo cháo đặc đựng trong chiếc đĩa màu trắng, đặt trên chiếc khăn ăn, cháo được nấu từ gạo, đường và nho khô, nho khô được xếp trên lớp gạo thành hình cây thánh giá*».

«Египетская греза» переведена достаточно удачно. Здесь важна цветовая, отсылающая к иконографии символика. Все переводчики отметили «голубой» цвет воды: символ неба, имеющий отношение к Божественной реальности. В первом и третьем переводах совершенно точно актуализирован золо-

той цвет песка (во втором переводе он переведен как «желтый»). В «Преступлении и наказании» доминирует желтый цвет – символ болезненности, духовной порчи. Но в «египетской грезе» единственный раз в тексте романа просиял иконографический ассист – лучи и блики, исполненные золотом, символизирующие присутствие Божественного света.

Обратим внимание на некоторые неточности и прямые ошибки в передаче на вьетнамский язык некоторых бытовых деталей первого сна.

В Миколкиной телеге сидит толстая румяная баба «в кумачах, в кичке с бисером, на ногах коты, щелкает орешки и посмеивается» [2, с. 47].

«*Кумач*», «*кичка*» и «*коты*» – это старинная русская праздничная одежда. «*Кумач*» – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета, «*кичка*» – старинный русский праздничный головной убор замужней женщины, а «*коты*» – тёплая, преимущественно женская, обувь. Самый точный – последний перевод, но и он не передает колорит праздничного одевания русской мещанки. А ведь время действия первого сна – или родительская суббота перед Троицей, особенно торжественные послепасхальные дни, посвященные исключительно поминанию умерших родственников и близких [10, с. 109 и 12, с. 54], или Радоница (Радоница (Радуница) – «так называется поминовение усопших, творимое в понедельник, а в иных местах во вторник Фоминой седмицы, т. е. первой после пасхальной; творится это поминовение с тем благочестивым намерением, чтобы, по совершении светлого семидневного торжества в честь Воскресшего из мертвых, разделить великую радость Пасхи с умершими в надежде блаженного воскресения, радость коего возвестил и Сам Господь наш, сошедъ во ад проповедовать победу над смертью. <...> Этот праздник был известен еще в дохристианском периоде истории русского народа: рад-уница, рад-оница, рад-овница (одного корня со славянск. радовать, радость) – праздник обновляющейся весной природы (Радуница бывает или на Красную Горку, или в следующие дни Фоминой недели), издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших, ибо с воскресением природы от земной смерти соединялась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада» [11, с. 535]). Христианский смысл поминовения усопших, т. е. радость обетованного Богом воскресения всех умерших во время Его Второго Пришествия, видимо, непонятна вьетнамскому читателю, а вот древний языческий ее смысл, несомненно, ему родственен.

Есть ошибки переводчиков, объясняемые незнанием особенностей русской культуры. Так, во втором переводе слово «*кичка*» заменяется привязываемой острым углом ко лбу косынкой. Такой головной убор, напоминающий клюв вороны, в прошлом носила вьетнамская женщина.

Мы переводим этот фрагмент так: «*Bà ta diện lễ phục truyền thống với váy màu đỏ tươi, mũ đính cườm, chân mang giày lông*».

Такого же рода ошибка в замене орешков, которые щелкает румяная баба, каштанами. *Орешками (орехом)* обычно называют не вскрывающиеся односемянные мелкие плоды некоторых видов плодовых деревьев или кустарников, которые состоят из ядра и твердой оболочки – скорлупы. Вот примеры «орешков»: орех, миндаль, фундук, кешью, макадамия, фисташка, *каштаны*. Однако каштанов в провинциальной России раньше не было.

В первом переводе «орешки» заменяются словом «саи» (плод ареки), плодом тропического пальмового дерева, произраставшего раньше повсеместно во Вьетнаме. Вьетнамские старухи ели лист бетеля, обертывающий гашеную известь с куском плода ареки («*miếng trầu*»), что символизировало гостеприимство, как в России хлеб и соль.

Мы предлагаем перевести слово «орешки» на вьетнамский язык как «*quả hạch*» [куа хать].

«Русская балалайка» тоже не нашла себе адекватного перевода («...из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку» [2, с. 47]). Она названа словом, обозначающим общий музыкальный инструмент «*đàn*». В первом переводе автор и вовсе опустил эту характерную подробность.

Подведем итоги.

1. Два первых сновидения, увиденных Раскольниковым до совершенного им двойного убийства, – своеобразный «ключ», открывающий «дверь» в психолого-онтологическую проблематику романа. Без них невозможно понять причины, толкнувшие героя на уголовное преступление. А причина – в пошатнувшейся в семилетнем ребенке вере в справедливость Отца Небесного и отца земного. Поэтому первый сон требует особенно тщательного перевода, это место повышенной смысловой насыщенности.

2. Все три переводчика (из них наиболее близок к оригиналу перевод 1982–1983 гг.) столкнулись с трудностями в передаче духовных и культурно-бытовых реалий жизни русского человека второй половины XIX века. Считаем необходимым снабдить новый перевод реальным комментарием.

Библиографический список

1. *Динь Тхи Ньунг*. Символика чисел в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского под легендарным видом // Научный журнал / университет Донгнай. – 2018. – № 8. – С. 90–102.
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. – Л.: Наука, 1973. – 320 с.
3. Древнерусская духовная литература. XIII–XX вв. Т. 2. – М.: Фавор–XXI, 2004. – С. 196.
4. *Ермилова Г.Г.* Поэтика снов и видений в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказа-

ние» // Содержание и технологии литературного образования в средней школе: Проблемы анализа художественного текста: материалы III межрегион. науч.-метод. конф. – Иваново, 2004. – С. 69–79.

5. *Ермилова Г.Г.* Рождение пророка («Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского) // Ермилова Г.Г. От Гоголя до Набокова: ст. о русской литературе. – Иваново: Ивановский гос. ун-тет, 2007. – С. 193–215.

6. *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. статей. – М.: Книга, 1990. – С. 164–192.

7. *Као Суан Хао*. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. – Ханой: Изд-во «Литература», 1982. – 900 с.

8. *Лу Куок Шинь*. Перевод романа «Преступление и наказание». – Шайгон: Изд-во «Нгуон Шанг», 1973. – 819 с.

9. *Нго Тхи Куен*. Сравнение молчания в оригинале романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и в его переводе на вьетнамский язык (на основе диалогов между Раскольниковым и Соней) // Преподавание и исследование русского языка во Вьетнаме на новом этапе: сб. научная конф. – Ханой, 2014. – С. 310–313.

10. *Печерская Т.Н.* Мотив смерти-воскресения в поэтике сна Ф.М. Достоевского (первый сон Раскольникова) // От сюжета к мотиву: сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1996. – С. 140–147.

11. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – С. 535.

12. *Тихомиров Б.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 472 с.

13. *Тхань Дык Хонг Ха*. Символика цвета в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Журнал по литературе. – 2017. – С. 95–101.

14. *Фам Тхи Фьонг*. Перевод местоимений в творчестве Достоевского // Юные языковеды – 2004: форум для обучения и исследований / Ассоциация вьетнамской лингвистики. – Ханой, 2005. – С. 211–217.

15. *Чьонг Динь Кы*. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. – Шайгон: Изд-во «Хай Чи», 1972. – 1173 с.

References

1. Din' Thi N'ung. Simvolika chisel v romane «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo pod legendarnym vidom // Nauchnyj zhurnal / un-tet Dongnaj. – 2018. – № 8. – S. 90–102.
2. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 6. – L.: Nauka, 1973. – 320 s.
3. Drevnerusskaya duhovnaya literatura. XIII–XX vv. T. 2. – M.: Favor–XXI, 2004. – S. 196.

4. Ermilova G.G. Poetika snov i videnij v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Soderzhanie i tekhnologii literaturnogo obrazovaniya v srednej shkole: Problemy analiza hudozhestvennogo teksta: materialy III mezhtregion. nauch.-metod. konf. – Ivanovo, 2004. – С. 69–79.
5. Ermilova G.G. Rozhdenie proroka («Son smeshnogo cheloveka» F.M. Dostoevskogo) // Ermilova G.G. Ot Gogolya do Nabokova: st. o russkoj literature. – Ivanovo: Ivanovskij gos. un-tet, 2007. – С. 193–215.
6. Ivanov Vyach. Dostoevskij i roman-tragediya // Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 godov: sb. statej. – M.: Kniga, 1990. – S. 164–192.
7. Kao Suan Hao. Perevod romana «Prestuplenie i nakazanie»: v 2 t. – Hanoj: Izd-vo «Literatura», 1982. – 900 c.
8. Lu Kuok SHin'. Perevod romana «Prestuplenie i nakazanie». – SHajgon: Izd-vo «Nguon SHang», 1973. – 819 c.
9. Ngo Thi Kuen. Cravnenie molchaniya v originale romana «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo i v ego perevode na v'etnamskij yazyk (na osnove dialogov mezhdru Raskol'nikovym i Sonej) // Prepodavanje i issledovanie russkogo yazyka vo V'etname na novom etape: sb. nauchnaya konf. – Hanoj, 2014. – S. 310–313.
10. Pecherskaya T.N. Motiv smerti-voskreseniya v poetike sna F.M. Dostoevskogo (pervyj son Raskol'nikova) // Ot syuzheta k motivu: sb. nauch. trudov. – Novosibirsk, 1996. – S. 140–147.
11. Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'. – M.: Izdatel'skij otdel Moskovskogo patriarhata, 1993. – S. 535.
12. Tihomirov B. «Lazar'! Gryadi von»: Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarij. – SPb.: Serebryanyj vek, 2005. – 472 s.
13. Than' Dyk Hong Ha. Simvolika cveta v romane «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo // ZHurnal po literature. – 2017. – S. 95–101.
14. Fam Thi Fyong. Perevod mestoimenij v tvorcestve Dostoevskogo // YUnye yazykovedy – 2004: forum dlya obucheniya i issledovanij / Associaciya v'etnamskoj lingvistiki. – Hanoj, 2005. – S. 211–217.
15. CHyong Din' Ky. Perevod romana «Prestuplenie i nakazanie»: v 2 t. – SHajgon: Izd-vo «Haj CHI», 1972. – 1173 c.

СИСТЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ТРАНСПОРТНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00658*

В статье проведен анализ и систематизация уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение транспортной безопасности. Автор обращает внимание на то, что такие нормы содержатся как в Общей, так и в Особенной части УК РФ. В статье анализируются различные понятия транспортной безопасности на предмет возможности или невозможности их использования в уголовном праве. Аргументируется, что нормы Особенной части УК РФ можно разделить на две группы: регламентирующие преступления, в которых транспортная безопасность или ее составляющие входят в основной непосредственный объект; и регламентирующие преступления, в которых транспортная безопасность или ее компоненты входят в дополнительный непосредственный объект (обязательный или факультативный). В статье обосновывается выделение «сопутствующих» преступлений, которые опосредованно затрагивают транспортную безопасность.

Ключевые слова: транспортная безопасность, уголовная ответственность, преступление, объект преступления, транспортные средства, транспортная инфраструктура, охрана.

В российском уголовном законе понятие «транспортная безопасность» встречается только в ст. 263.1 УК РФ, в которой регламентирована уголовная ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности. В то же время в УК РФ встречается множество тесно связанных с ней понятий: «безопасность движения и эксплуатации транспорта», «безопасность дорожного движения», «безопасная эксплуатация транспортных средств», «безопасная работа транспорта», «безопасность морского судоходства» и т. д.

Само понятие транспортной безопасности раскрывается в п. 10 ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О транспортной безопасности» как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Причем в той же статье оговорено, что приведенное толкование используется в целях именно этого закона.

В теории права выработаны различные определения транспортной безопасности. М.М. Зиганшин указывает, что «транспортная безопасность представляет собой систему общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности личности, общества и государства при эксплуатации различных видов транспорта, защитой транспорта и транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства, а также технических и организационных угроз» [3, с. 6]. Такая дефиниция содержит в себе методологическую ошибку, поскольку безопасность раскрывается через саму же безопасность. Кроме того, сущность безопасности в этом определении вообще не раскрывается,

а лишь конкретизируются объекты защиты и дается более расширенный перечень угроз (называются их виды).

Гораздо чаще безопасность определяется как состояние защищенности. В.Г. Саркисова указывает, что «транспортная безопасность предполагает состояние защищенности неопределенного круга лиц, исключающее недопустимый риск вреда их жизни и здоровью, окружающей среде и собственности» [9, с. 11]. Такое определение внутренне противоречиво, поскольку предполагает защищенность лишь физических лиц, в то время как одновременно говорится о вреде окружающей среде и собственности.

О.Е. Трофимов рассматривает транспортную безопасность как «состояние защищенности транспорта и транспортной инфраструктуры, потребителей транспортных услуг (пассажиров) от различного рода угроз (природного и техногенного характера), а также актов незаконного вмешательства в деятельности различных видов транспорта» [10, с. 6]. Такое определение представляется неполным, поскольку круг защищаемых лиц ограничен пассажирами. Тогда как защищены должны быть любые пользователи транспорта, транспортной инфраструктуры, их работники, а также собственники.

Полагаем, что достаточно широкое, но в то же время емкое определение транспортной безопасности дано В.М. Корякиным, который ее формулирует как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, потребителей транспортных услуг, работников транспортного комплекса, окружающей среды от актов незаконного вмешательства, а также угроз

природного и техногенного характера [5, с. 32]. Именно такое понимание транспортной безопасности, по нашему мнению, целесообразно использовать в уголовном праве.

На обеспечение транспортной безопасности, прежде всего, направлены нормы Особенной части УК РФ. Они не сосредоточены в какой-либо отдельной его главе или разделе, что вполне объяснимо разнообразием объектов транспортной безопасности и угроз ей.

Все нормы Особенной части УК РФ, обеспечивающие транспортную безопасность, можно разделить на две группы в зависимости от непосредственного объекта преступления:

1) преступления, в которых транспортная безопасность или ее составляющие входят в основной непосредственный объект;

2) преступления, в которых транспортная безопасность или ее составляющие входят в дополнительный непосредственный объект (обязательный или факультативный).

К первой группе преступлений относятся те, в которых основной непосредственный объект составляют общественные отношения в сфере транспортной безопасности либо безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, безопасности отдельных видов транспорта и т. п. К таковым относятся нормы главы 27 УК РФ (ст. 263–271.1 УК РФ), за исключением ст. 270 УК РФ. Объектом последнего преступления является безопасность людей, теряющих бедствие на воде [2, с. 443; 4, с. 320; 6, с. 128]. Это преступление является частным случаем оставления в опасности (ст. 125 УК РФ), в связи с чем в научной литературе справедливо указывается на необходимость перенесения этого преступления из главы 27 в главу 16 УК РФ [6, с. 14].

К этой же группе, по нашему мнению, следует отнести несколько преступлений из главы 33 УК РФ: нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ), нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ), нарушение правил кораблевождения (ст. 353 УК РФ). Объект этих преступлений составляют общественные отношения в сфере военной транспортной безопасности.

Ко второй группе относятся преступления, в которых общественные отношения в сфере обеспечения транспортной безопасности или ее отдельных элементов составляют дополнительный непосредственный объект. Причем, исходя из того, что такой объект может быть как необходимым (то есть ему преступлением всегда причиняется вред), так и факультативным (вред которому преступлением может быть и не причинен) [11, с. 149], в данную группу входят преступления с обоими видами дополнительных непосредственных объектов. Так, например, основным объектом ст. 281 УК РФ явля-

ются общественные отношения, обеспечивающие экономическую безопасность и обороноспособность России. В то же время одним из предметов данного преступления выступают объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, что дает основания утверждать о возможности причинения вреда транспортной безопасности в случае совершения на них диверсии. В данном случае транспортная безопасность выступает дополнительным факультативным объектом преступления.

К числу преступлений, в которых транспортная безопасность или ее составляющие выступают дополнительным необходимым объектом, можно отнести угон воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ), хулиганство на транспорте (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ), пиратство (ст. 227 УК РФ).

Приказом Минтранса РФ, ФСБ РФ и МВД РФ от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 «Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» утвержден перечень потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Полагаем, что его можно использовать для определения того, какие преступления следует относить к посягательствам на транспортную безопасность. Так, среди потенциальных угроз указаны угроза захвата, взрыва, размещения или попытки размещения взрывных устройств (взрывчатых веществ), поражения опасными веществами, блокирования или хищения объектов транспортной инфраструктуры (ее критических элементов) или транспортных средств. Указанный перечень позволяет относить к преступлениям, посягающим на транспортную безопасность ст. 205 (террористический акт), ст. 361 (акт международного терроризма), захват заложника (ст. 206 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), нарушение правил перевозки взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий (ст. 218 УК РФ), незаконную перевозку оружия или взрывных устройств (ст. 222, 222.1 УК РФ), контрабанду опасных веществ (ст. 226.1 УК РФ), транспортировку экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ).

Кроме того, есть ряд преступлений, которые, исходя из законодательной регламентации, прямо не направлены на транспортную безопасность или ее элементы, но могут посягать на нее при их совершении в отношении объектов транспортной инфраструктуры или транспортных средств. В качестве примера можно привести ст. 272–274.1 УК РФ. Современные аэропорты, вокзалы, порты используют в своей работе различные информационные системы и базы данных. Развитие информационных технологий привело к тому, что невоз-

можно представить транспортную инфраструктуру без использования компьютерных программ и компьютерной информации. Исходя из этого, применительно к объектам транспортной инфраструктуры, да и самих транспортных средств могут быть совершены любые преступления в сфере компьютерной информации. Особое место среди этих посягательств занимает ст. 274.1 УК РФ (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации). В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» к таковой относятся информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления различных организаций, в том числе функционирующих в сфере транспорта. К критической информационной инфраструктуре, по нашему мнению, следует относить системы управления операционной деятельностью аэропорта, системы управления ресурсами аэропорта, автоматизированные системы управления железнодорожным транспортом и т. п.

Стоит отметить, что есть ряд преступлений, которые сами по себе прямого воздействия на транспортную безопасность не оказывают и могут причинить ей вред лишь при определенных условиях. Невозможно привести перечень таких преступлений, так как в качестве таковых могут оказаться фактически любые посягательства. Так, например, П. был осужден по ч. 3 ст. 219 УК РФ за нарушение правил пожарной безопасности, повлекшее смерть двух или более лиц. В частности, П., являясь капитаном речного судна, в нарушение правил пожарной безопасности допустил погрузку гофротары в помещение судна, которое не оборудовано объемными средствами пожаротушения и не может быть быстро затоплено, не обеспечил до погрузки гофротары проверку щитков освещения и светильников, не проконтролировал размещение гофротары на минимальное расстояние от источников освещения до штабеля, а в дальнейшем не обеспечил постоянный контроль за данным помещением; приказ по судну о противопожарном режиме не издал, не организовал и не контролировал безопасное хранение на судне пожароопасных веществ. Указанное бездействие привело к возгоранию гофротары, и в конечном результате – к гибели четырех человек [8]. Эти деяния, безусловно, создали опасность для лиц, находящихся на борту судна (пассажиры, члены экипажа), а также для его груза. В том случае, если бы возгорание произошло в порту у причала, то опасность грозила бы и другим судам, лицам, находящимся в порту, а также объектам портовой инфраструктуры. При таких обстоятельствах причинение вреда общественным отношениям, обеспечивающим транспортную безопасность, представляется очевидной.

Несмотря на то, что конструкция данной нормы не предусматривает в качестве объекта преступления транспортную безопасность, причинение ей вреда должно учитываться при назначении наказания в соответствии с нормами ст. 6 и 60 УК РФ.

Также можно выделить «сопутствующие» преступления, которые опосредованно затрагивают транспортную безопасность. Прежде всего, речь идет о случаях неосторожного сопричинения вреда, когда совершению основного преступления сопутствует (присоединяется) другое. Примером может служить уголовное дело по факту затопления на Куйбышевском водохранилище судна «Булгария» в 2011 году (погибли 122 пассажира, 78 пассажирам нанесен вред здоровью, причинен крупный имущественный ущерб собственнику судна. Старший помощник капитана осужден по ч. 3 ст. 263 УК РФ за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации внутреннего водного транспорта лицом, в силу выполняемой работы и занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила, повлекшие по неосторожности причинение крупного ущерба и смерть двух и более лиц. Однако кроме него по этому делу были привлечены к ответственности еще несколько лиц: владелец судна – за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ) и нарушение правил охраны труда (ч. 2 ст. 143 УК РФ); начальник и главный государственный инспектор Федеральной службы по надзору в сфере транспорта – за злоупотребление служебными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ) [1]. Все указанные преступления прямо связаны с нарушением транспортной безопасности.

Тот факт, что к нарушению транспортной безопасности могут привести самые разнообразные преступления, не позволяет выделить в рамках структуры уголовного закона отдельную главу для таких преступлений.

В систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих транспортную безопасность, входят также нормы Общей части УК РФ. К таковым следует относить ст. 2 УК РФ, закрепляющую в числе задач уголовного закона охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественной безопасности, окружающей среды от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Все указанные объекты охраны включают в себя отдельные составляющие транспортной безопасности.

Следует обратить внимание также на ст. 28 УК РФ, которая не позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, невиновно причинивших вред. Данная норма применяется и к случаям причинения вреда транспортной безопасности. Применительно к транспортным преступлениям

актуальность приобретает ч. 1 ст. 28 УК РФ в части того, что лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Например, когда водитель транспортного средства совершает наезд на неожиданно выбежавшего на проезжую часть пешехода.

Еще одной статьей Общей части УК РФ, имеющей непосредственное отношение к обеспечению транспортной безопасности, выступает ст. 47. В ней регламентированы общие положения относительно применения такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Наиболее популярной вариацией этого наказания выступает лишение права управления транспортным средством, в качестве которого чаще всего выступает механическое транспортное средство. Однако в приговорах судов можно также встретить указание на иные виды транспорта. Так, например, встречается указание на лишение права заниматься деятельностью по управлению воздушным транспортом [7]. Такие наказания, прежде всего, выполняют превентивную функцию, не допуская к соответствующей деятельности лиц, совершивших преступления. При этом не имеет значения, за совершение какого преступления назначено рассматриваемое наказание. Обеспечение транспортной безопасности осуществляется путем установления запрета конкретному лицу управлять каким-либо видом транспортных средств.

Таким образом, система уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение транспортной безопасности, представляет собой совокупность норм Общей и Особенной части УК РФ, которые прямо направлены на охрану транспортной безопасности или ее компонентов либо выполняют охранительные функции в отношении транспортной безопасности в качестве ее второстепенных регуляторов.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан: от 4 апреля 2015 года по уголовному делу № 22-154 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8718581&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 10.09.2019).
2. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам. – М., 2010. – 576 с.
3. Зиганшин М.М. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 23 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 704 с.
5. Корякин В.М. О соотношении понятия «транспортная безопасность» со смежными понятиями в области безопасности на транспорте // Транспортное право и безопасность. – 2017. – № 11 (23). – С. 26–32.
6. Назмутдинова Л.М. Ответственность за не оказание помощи в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2018. – 258 с.
7. Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 23 ноября 2017 года по уголовному делу № 1-392/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/8uRWzGFD4Qd1/> (дата обращения: 10.09.2019).
8. Приговор Ленинского районного суда г. Мурманска от 27 февраля 2018 года по уголовному делу № 1-23/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://len--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20999838&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.09.2019).
9. Саркисова В.Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 20 с.
10. Трофимов О.Е. Административно-правовое регулирование деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 23 с.
11. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М., 2015. – 990 с.

References

1. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Respubliki Tatarstan: ot 4 aprelya 2015 goda po ugovolnomu delu №22-154[Elektronnyj resurs].–Rezhim dostupa: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8718581&delo_id=4&new=4&text_number=1 (data obrashcheniya: 10.09.2019).
2. Esakov G.A., Rarog A.I., Chuchaev A.I. Nastol'naya kniga sud'i po ugovolnym delam. – M., 2010. – 576 s.
3. Ziganshin M.M. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti policii po obespecheniyu transportnoj bezopasnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2017. – 23 s.
4. Kommentarij k Ugovolnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj): v 2 t. / pod red. A.V. Brilliantova. – M.: Prospekt, 2015. – T. 2. – 704 s.

5. Koryakin V.M. O sootnoshenii ponyatiya «transportnaya bezopasnost'» so smezhnymi ponyatiyami v oblasti bezopasnosti na transporte // *Transportnoe pravo i bezopasnost'*. – 2017. – № 11 (23). – S. 26–32.

6. Nazmutdinova L.M. *Otvetstvennost' za neokazanie pomoshchi v ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk.* – Kazan', 2018. – 258 s.

7. Prigovor Aksajnskogo rajonnogo suda Rostovskoj oblasti ot 23 noyabrya 2017 goda po ugolovnomu delu № 1-392/2017 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/8uRWzGFD4Qd1/> (data obrashcheniya: 10.09.2019).

8. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Murmanska ot 27 fevralya 2018 goda po ugolovnomu delu № 1-23/2018 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://len--mrm.](https://len--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20999838&delo_id=1540006&new=0&text_number=1)

[sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20999838&delo_id=1540006&new=0&text_number=1](https://len--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20999838&delo_id=1540006&new=0&text_number=1) (data obrashcheniya: 10.09.2019).

9. Sarkisova V.G. *Ugolovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti ob"ektov transportnoj infrastruktury: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* – Krasnodar, 2014. – 20 s.

10. Trofimov O.E. *Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti v sfere obespecheniya bezopasnosti na ob"ektah transporta i transportnoj infrastruktury: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* – M., 2013. – 23 s.

11. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik/podred. I.M. Mackevicha, N.G. Kadnikova.* – M., 2015. – 990 s.

Пинкевич Татьяна Валентиновна

доктор юридических наук
Академия управления МВД РФ, г. Москва
pinkevich@yandex.ru

Нестеренко Андрей Владимирович

Краснодарский университет МВД РФ (Ставропольский филиал), г. Ставрополь
nester-andrei2017@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с обеспечением безопасности цифровых технологий в РФ, а также проведены разграничения понятий «компьютерные», «информационные» и «цифровые» технологии. Авторы приходят к выводу о том, что компьютерная и информационная безопасность не обеспечивают надлежащей охраны цифровой среды в нашей стране, что требует серьезной проработки вопроса о криминологических рисках внедрения цифровых технологий и внесения изменений в ряд нормативных актов, в том числе и в главу 28 УК РФ, как в части ее названия, так и введения ряда новых составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за противоправные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности цифровых сведений, технологий, систем и устройств.

Ключевые слова: безопасность, риски, преступность, цифровые технологии, экономика, профилактика, уголовное законодательство.

Цифровые технологии проникают в современные управленческие системы как цифровой экономики, так и государственного управления, обороны, безопасности и правопорядка нашей страны. Их стремительное развитие, направленное на формирование цифрового общества, характеризуется существенными, как положительными, так и отрицательными, изменениями, происходящими в обществе, процессы внедрения которых не только диктуют новые правила, но и увеличивают криминологические риски и угрозы [14, с. 94].

С учетом современных тенденций развития цифрового поля безопасность цифровых технологий является одним из важнейших аспектов национальной безопасности государства. В связи с этим необходимо уточнение таких видов безопасности, как информационная, компьютерная и безопасность цифровых технологий.

На законодательном уровне представлено понятие информационной безопасности как деятельности государства, направленной на предупреждение угроз в информационной сфере с целью предотвращения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации [4]. Достижение этой цели требует совершенствования механизмов обнаружения, предупреждения, ликвидации таких угроз; защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную и иную тайну за счет повышения защищенности информационных технологий и т. п. [6; 8].

Инструментами обеспечения информационной безопасности выступают информационные технологии (процессы, методы и способы работы с информацией) [9], необходимые для защиты информации от хакерских атак, их своевременного обнаружения; мониторинга уязвимостей и инци-

дентов в информационной среде; гарантирования целостности и конфиденциальности информации; ее резервного копирования и восстановления [2; 11].

Компьютерная безопасность выступает как элемент информационной безопасности и представляет собой меры, применяемые для защиты информации, устройств (компьютеров, смартфонов и т. п.), компьютерных сетей (частных и публичных сетей, включая Интернет) [18, с. 72–79], а компьютерные технологии отвечают за весь процесс работы с информацией на компьютерном устройстве [1, с. 165–168]. Последние, на наш взгляд, входят в состав цифровых технологий, имея более широкое значение, и, следовательно, компьютерные технологии также являются составной частью информационных технологий.

В этой связи, учитывая разнообразные сведения больших размеров, средства, приемы и методы их обработки, технологии, системы и устройства, предназначенные для решения практических задач, которыми обладают цифровые технологии, получившие в настоящее время широкое распространение, необходимо рассматривать обеспечение безопасности цифровых технологий, под которой следует понимать деятельность по защите сведений, технологий, систем и устройств от цифровых угроз. В то же время обеспечение безопасности цифровых технологий может быть реализовано благодаря правовым, организационно-техническим и иным мероприятиям по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению угроз и ликвидации их последствий.

К сожалению, правовая основа, организационно-управленческие составляющие антикриминальных инструментов еще находятся на стадии разработки, поэтому слабым звеном сегодня можно назвать информационную и криминологиче-

скую безопасность. В настоящее время уже принят ряд законодательных и нормативных актов, которые составляют правовую основу цифровых технологий [7–9; 11].

В то же время анализ криминальной ситуации, сложившейся в сфере внедрения и использования цифровых технологий, свидетельствует о том, что распространение получило такое негативные явление, как цифровая преступность, противодействие которой сегодня в сфере цифровых технологий настолько велико, что еще раз подтверждает необходимость самого серьезного внимания со стороны государства к этой проблеме и взвешенного принятия решений по предупреждению правонарушений и преступлений в названной сфере. И поскольку не разработаны механизмы защиты цифровых технологий, методологические подходы к ее оценке, реализации в условиях цифровой экономики и контроля над этими процессами, это существенным образом влияет на характер и результаты использования цифровых технологий и на рост преступности.

Так, вызывает озабоченность значительный рост числа преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, а если учитывать высокую латентность этих преступлений, то она гораздо выше. С использованием методики изучения латентной преступности, разработанной сотрудниками Академии Генеральной прокуратуры, их реальный рост составляет 792 %. Тревогу вызывает «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность теснят малоизученные и почти нерегистрируемые высоколатентные виды правонарушений» [15], в частности преступления, совершаемые в сфере цифровых технологий или с их использованием.

Особого внимания сегодня требуют развивающиеся виртуальные экономические отношения, благодаря которым активно создаются различные виды электронных платежных сервисов и технологий. Именно благодаря этим преобразованиям стали активно использоваться электронные и виртуальные деньги. Например, криптовалюта как разновидность виртуальной валюты приобрела высокую популярность и в ряде стран стала не только полноценным платёжным средством, но и выступает инвестиционным активом. Однако существуют высокие риски как финансового, так и криминогенного свойства, связанные с большой ее популярностью, поскольку отсутствует ее правовой статус, она не обеспечена ликвидными активами и какими-либо гарантиями государственного либо частного капитала, поэтому осуществление операций на «виртуальных биржах» несет высокий риск потери стоимости криптовалют. Ее применение в теневой экономике позволяет обеспечить неподконтрольность национальным органам власти. Проведенное нами исследование уголовных дел

позволило прийти к выводу, что криптовалюта использовалась в качестве предмета преступления, орудия и средства совершения преступления. Так, например, она может быть предметом хищения, мошенничества, вымогательства, легализации (отмывания) денежных средств.

По данным ООО «Группы АйБи Сервис», сумма ущерба только хищений, совершенных с использованием цифровых технологий, в 2017–2018 гг. в России составила 3 165 490 000 рублей.

Довольно часто для добычи криптовалюты используется так называемый «недобросовестный» майнинг с непосредственным использованием сторонних мощностей для целей личного обогащения. Достаточно распространенными являются случаи, когда криптовалюта используется в качестве средства оплаты в наркобизнесе, выступает предметом составов получения (дачи) взятки и коммерческого подкупа, что требует разработки уголовно-правового механизма противодействия этим преступлениям.

По этой причине необходимо провести экспертизу уголовного законодательства, определить те направления, которые сегодня не в полной мере соответствуют современным реалиям в части обеспечения информационной безопасности, элементами которой являются компьютерная безопасность и безопасность цифровых технологий.

Так, например, анализ уголовно-правовых норм, входящих в главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», предусматривающих ответственность за посяательства на информационную безопасность (ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», ст. 274 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ»), показал, что они не отвечают современным требованиям. Одним из направлений правового обеспечения безопасности цифровых технологий является кардинальное изменение главы 28 УК РФ («Преступления в сфере компьютерной информации»). При этом необходимо, во-первых, введение ряда уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за противоправные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности цифровых сведений, технологий, систем и устройств, включая незаконный доступ к цифровым данным, их присвоение и преобразование, незаконное завладение и предложение или распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях и в виртуальной среде, дополняющей реальность, изготовление либо сбыт

цифрового оборудования для получения незаконного доступа к цифровым носителям или сети Интернет и нарушение правил его работы, а также разработка, использование либо распространение вредоносных программ.

И, во-вторых, в связи с дополнением рядом уголовно-правовых норм уголовного законодательства, требуется расширить название самой главы 28 УК РФ, предложив следующее ее название: «Преступления в сфере безопасности цифровых технологий».

Внимание требуют и мероприятия по обеспечению безопасности применения технологий больших данных, биометрических систем и систем идентификации, нейрокогнитивных технологий, технологий дополненной (измененной) реальности, взаимодействие робототехнических комплексов и человека [11], их исследование и подготовка проектов законодательного уровня для определения их правового статуса и обеспечения безопасности их применения. Требуются современные подходы к: определению основных направлений предупредительной деятельности и обеспечению взаимодействия с иными субъектами профилактики, технической оснащенности правоохранительных органов новейшими технологиями цифрового мира, осуществлению криминологической пропаганды и обучению граждан правовым основам цифрового права [12].

Такая работа должна быть основана на результатах мониторинга криминологических угроз и рисков, которые позволят определить прогноз о том, «как будет меняться структура преступности, какие будут появляться новые формы организации преступных сообществ, как изменяется преступное поведение под воздействием технологий новой технологической революции и т. п.» [10]. Более того, основой такой деятельности должны стать результаты работы с использованием методов и программ искусственного интеллекта и анализа больших данных. Такая подготовка должна вестись совершенно на новом уровне, поскольку ее целью должны стать предложения по использованию новых эффективных механизмов выявления и пресечения преступлений, совершенных в сфере цифровых технологий.

Библиографический список

1. Кондратьев Ю.А., Сафонов О.М. Особенности толкования термина «компьютерные технологии» для целей уголовно-правового регулирования // Конвенционные начала в уголовном праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 ноября 2013 года) / отв. ред. Б.В. Яценко. – М.: РПА Минюста России, 2014. – С. 165–168.
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. – URL: [http://www.](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/)

[consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/) (дата обращения: 11.04.2019).

3. Корз А.А. Особенности классификации способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации по методу осуществления воздействия на средства электронно-вычислительной техники // Вестник Воронежского института МВД России: сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского института МВД России, 2005. – № 4 (23). – С. 51–55.

4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 11.04.2019).

5. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 11.04.2019).

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 11.04.2019).

7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 11.04.2019).

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 11.04.2019).

9. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 11.04.2019).

10. Овчинский В.С. Как изучать организованную преступность в XXI веке. – URL: <https://izborsk-club.ru/15222>.

11. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 11.04.2019).

12. Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (дата обращения: 11.04.2019).

13. Пинкевич Т.В. Проблемы противодействия организованной преступности в сфере цифровой

экономики // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности РФ (Москва, 22–23 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2019.

14. Пинкевич Т.В. Криминологические риски индустрии цифровых технологий в России // Криминальные реалии, реагирование на них и закон (Москва, 23–24 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2018. – С. 94.

15. Сборник избранных лекций по криминологии: под ред. Т.В. Пинкевич. – М.: Юрлитформ, 2019. – 46–50.

16. Старичков М.В. Понятие «Компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. – № 1 (68). – С. 16–20.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.04.2019).

18. Щеголева С.В. Системный анализ в проблематике организационно-правового обеспечения безопасности компьютерной информации // Современные проблемы борьбы с преступностью: Информационная безопасность: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 5. – Воронеж: Изд-во Воронеж. института МВД России, 2006. – С. 72–79.

19. Энгельгардт А.А. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 273 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 136–145.

References

1. Kondrat'ev YU.A., Safonov O.M. Osobennosti tolkovaniya termina «komp'yuternye tekhnologii» dlya celej ugovovno-pravovogo regulirovaniya // Konvencionnye nachala v ugovovnom prave: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 22 noyabrya 2013 goda) / otv. red. B.V. YAcelenko. – М.: RPA Minyusta Rossii, 2014. – S. 165–168.

2. Konceptsiya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: utverzhdena Prezidentom RF 14.11.2013 № Pr-2685. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

3. Korg A.A. Osobennosti klassifikacii sposobov soversheniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii po metodu osushchestvleniya vozdeystviya na sredstva elektronno-vychislitel'noj tekhniki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii: sb. nauch. trudov. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. instituta MVD Rossii, 2005. – № 4 (23). – S. 51–55.

4. O bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 26.07.2017 № 187-FZ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

5. O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

6. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

7. O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

8. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 18.03.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

9. Ob utverzhenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

10. Ovchinskij V.S. Kak izuchat' organizovannuyu prestupnost' v XXI veke. – URL: <https://izborsk-club.ru/15222>.

11. Ob utverzhenii programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 g. № 1632-r. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

12. Ob utverzhenii Strategii razvitiya otrasli informacionnyh tekhnologij v Rossijskoj Federacii na 2014–2020 gody i na perspektivu do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 01.11.2013 № 2036-r (red. ot 18.10.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

13. Pinkevich T.V. Problemy protivodejstviya organizovannoj prestupnosti v sfere cifrovoj ekonomiki // Bor'ba s organizovannymi proyavleniyami prestupnosti i obespechenie nacional'noj bezopasnosti RF (Moskva, 22–23 yanvarya 2018 g.) / pod red. A.I. Dolgovej. – М., 2019.

14. Pinkevich T.V. Kriminologicheskie riski industrii cifrovih tekhnologij v Rossii // Kriminal'nye realii, reagirovanie na nih i zakon (Moskva, 23–24 yanvarya 2018 g.) / pod red. A.I. Dolgovej. – М., 2018. – S. 94.

15. Sbornik izbrannyh lekcij po kriminologii: pod red. T.V. Pinkevich. – М.: YUrlitform, 2019. – 46–50.

16. Starichkov M.V. Ponyatie «Komp'yuternaya informaciya» v rossijskom ugovovnom prave // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – Irkutsk: FGOU VPO VSI MVD Rossii, 2014. – № 1 (68). – S. 16–20.

17. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 01.04.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 11.04.2019).

18. SHCHegoleva S.V. Sistemnyj analiz v problematike organizacionno-pravovogo obespecheniya bezopasnosti komp'yuternoj informacii // Sovremennye problemy bor'by s prestupnost'yu: Informacionnaya

bezopasnost': sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. CH. 5. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. instituta MVD Rossii, 2006. – S. 72–79.

19. Engel'gardt A.A. Komp'yuternaya informaciya kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 273 Ugolvnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2014. – № 4. – S. 136–145.

ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РАЙОННОГО СУДА И НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследовано правовое положение председателя районного суда как руководителя, отмечены отличия объема и характера его управленческих полномочий от аналогичных полномочий руководителей других государственных органов, которые обусловлены их осуществлением в условиях сохранения независимости судей, а также значительной роли в организационном обеспечении районного суда Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Обосновывается вывод о необходимости сокращения административно-хозяйственных полномочий председателя за счет передачи большинства этих вопросов в ведение администратора суда и сосредоточении председателей на проблемах обеспечения единообразного применения закона, повышения эффективности правосудия за счет организации взаимодействия судей, совместного обсуждения вопросов правоприменительной практики, участия в формировании учебных программ на курсах повышения квалификации судей и др. Предлагается создать необходимые законодательные предпосылки для реализации этой роли председателей, учитывая при этом рекомендации Консультативного совета европейских судей, действующего при Совете Европы.

Ключевые слова: организация, управление, руководство в судебной системе, председатель районного суда, полномочия, Судебный департамент при Верховном суде РФ, администратор суда, Консультативный совет европейских судей, эффективность правосудия, единообразие правоприменительной практики.

Управление в наиболее общем виде представляет собой непрерывный процесс воздействия субъектов управления на объекты, который проявляется в деятельности руководителей различных организаций по принятию и обеспечению реализации управленческих решений, направленных на эффективное выполнение стоящих перед данными образованиями целей и задач. В полной мере это относится и к государственным органам, деятельность которых, прежде всего, направлена на реализацию функций этих органов, выражающих их социальное предназначение. Основной функцией судов, как известно, является отправление правосудия, и в современном обществе этот процесс сопровождается постоянным повышением требований к качеству судебных решений, сокращению сроков судопроизводства, его открытости и доступности для граждан, информированности населения о деятельности судов. При этом надлежащий уровень обеспечения выполнения этих требований во многом определяется эффективностью деятельности руководителей судебных органов, и в первую очередь председателей районных судов.

Управление в судебной системе существенно отличается от управления в других организациях, что в значительной мере обусловлено необходимостью его осуществления при сохранении независимости судей, а также функционированием внешнего, не подчиненного председателю суда «организационно обеспечивающего» его деятельность органа – Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент).

В действующем законодательстве полномочия председателя районного суда перечислены лишь в двух нормах. Это ст. 35 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции

в Российской Федерации» от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (далее – Закон о судах общей юрисдикции) [1] и ст. 6.2. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 [2], которые в основном повторяют друг друга. В соответствии с этими нормами председатель: 1) организует работу суда; 2) устанавливает правила внутреннего распорядка суда и контролирует их выполнение; 3) распределяет обязанности между заместителями председателя и судьями; 4) осуществляет организацию дополнительного профессионального образования судей; 5) осуществляет общее руководство деятельностью аппарата суда, в том числе назначает на должность и освобождает от должности работников аппарата суда, а также распределяет обязанности между ними, принимает решение о поощрении работников аппарата суда либо о привлечении их к дисциплинарной ответственности, осуществляет организацию дополнительного профессионального образования работников аппарата суда; 6) регулярно информирует судей и работников аппарата суда о своей деятельности и о деятельности суда; 7) перераспределяет нагрузку мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, передавая часть уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях и исковых заявлений, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района.

Анализ этих норм в совокупности с иными нормами законодательства, а также сложившейся практикой организации работы районных судов позволяет отметить, что управленческие полномочия председателя районного суда имеют определенные особенности и требуют совершенствования их правового регулирования.

Организуя работу суда в целом, председатель осуществляет общее руководство деятельностью аппарата суда, но не вмешивается в деятельность судей по отправлению правосудия, не вправе давать им указания относительно их функциональной деятельности, организации процесса рассмотрения дел, применять к ним меры поощрения и взыскания, а также инициировать в отношении них дисциплинарное производство путем обращения в Квалификационную коллегию судей субъекта Федерации (что является прерогативой председателя суда субъекта Федерации (п. 8 ст. 29 Закона о судах общей юрисдикции)). Единственным обоснованным вмешательством председателя в процессуальную деятельность судьи является принятие решения об ускорении судопроизводства, которое предусмотрено ч. 7 ст. 6.1 ГПК РФ и ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ, когда по заявлению участников процесса он проверяет, нет ли волокиты по делу и при установлении таковой выносит мотивированное решение, которым может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

Как правило, в районных судах за каждым судьей закреплен помощник и секретарь судебного заседания, которые выполняют свои обязанности под его непосредственным руководством. Исходя из этого, в районных судах образуются микроколлективы, руководители которых (судьи) функционально не подчинены председателю суда.

Следует также отметить, что в связи с повсеместным введением с 01.09.2019 автоматизированной информационной системы распределения дел, полномочия председателя по распределению обязанностей между заместителями и судьями сводятся к определению их специализации (чаще всего специализация в районных судах определяется по видам судопроизводства: по рассмотрению уголовных, гражданских, административных дел, дел об административных правонарушениях) и не включает в себя передачу на рассмотрение конкретных дел. Кроме того, председатель дает судьям поручения по изучению, обобщению судебной практики, участию в семинарах, круглых столах, обсуждениях, организуемых в судах, прокуратуре, полиции, вузах и т. д.

Таким образом, председатель районного суда не является функциональным руководителем для судей, не вправе давать им указания относительно отправления правосудия и принимать по своему усмотрению к своему производству дела, находящиеся у них на рассмотрении. Большая часть управленческих полномочий председателя районного суда направлена на обеспечение согласованной работы аппарата суда и судей и проявляется, прежде всего, в установлении общих правил функционирования суда: утверждении правил внутреннего распорядка, должностных инструкций (регламен-

тов) государственных служащих, положений об отделах, организации взаимодействия структурных единиц суда, соблюдение которых обеспечивается возможностью применения к работникам аппарата суда мер поощрения и взыскания.

Также в системе судов общей юрисдикции не предусмотрено подчинение нижестоящих судов вышестоящим. Председатель районного суда административно не подчинен председателю вышестоящего суда, и ему не подчиняются мировые судьи соответствующего судебного участка; его полномочия в отношении последних ограничены разовым перераспределением дел в случае существенной неравномерности нагрузки, как указано выше.

В свою очередь, работу аппарата суда председатель организует не единолично, а зачастую во взаимодействии с администратором суда, который имеет ряд полномочий по организационному обеспечению суда, в частности по организации ведения судебной статистики, делопроизводства и работы архивов судов. Он подчиняется председателю суда и выполняет его распоряжения, но вместе с тем не относится к аппарату суда и не состоит в его штате, является штатной единицей Управления Судебного департамента в субъекте Федерации, осуществляет свою деятельность под контролем соответствующего управления.

Такое «двойственное» положение администратора суда обусловлено тем, что на Судебный департамент возложены все ключевые вопросы организационного обеспечения деятельности суда (ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» от 08.01.1998 № 7-ФЗ, далее – Закон о Судебном департаменте) [3], выявление нуждемости судов в кадрах, организация повышения их квалификации, вопросы финансового, материально-технического обеспечения и др. Именно от данного органа напрямую зависит конкретный объем поступающих на нужды суда денежных средств и материальных ресурсов (включая почтовые расходы, ремонт и строительство, реконструкцию зданий, транспортное обеспечение и пр.). Особо необходимо отметить, что и организация повышения квалификации судей и работников аппарата суда фактически полностью обеспечивается Судебным департаментом, который взаимодействует с образовательными учреждениями, осуществляющими подготовку и повышение квалификации судей и работников аппаратов судов (п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона о Судебном департаменте). Однако механизм участия в решении данных вопросов председателей районных судов законодательством не предусмотрен и на практике не отработан.

Кроме того, УСД в субъекте Федерации уполномочено изучать организацию деятельности районных судов и принимать меры по ее совершенствованию (п. 3 ч. 1 ст. 14 Закона о Судебном

департаменте). А поскольку организация работы суда отнесена к полномочиям председателя, следовательно, речь идет о контроле за его организационно-управленческой деятельностью. Хотя в законе и не применена подобная формулировка, однако на практике работники УСД в субъекте регулярно проводят в отношении районных судов мероприятия, которые по своему содержанию являются контрольными: проверяют ведение делопроизводства, архива, наполнение сайта суда, полноту заполнения сведений и выкладки обезличенных судебных решений в системе ГАС «Правосудие», составляют и доводят до сведения председателей судов соответствующие справки, в которых указывают выявленные недостатки; на основе полученных сведений составляют рейтинги районных судов в соответствующих субъектах Российской Федерации. На практике данные рейтинги доводятся до сведения судей в печатных изданиях, подготавливаемых УСД в субъекте Федерации, озвучиваются на конференциях судей и играют не последнюю роль в оценке организационно-управленческой деятельности председателей районных судов.

Изложенное позволяет констатировать отсутствие четкого правового разграничения организационно-управленческих полномочий между председателем районного суда и подразделениями Судебного департамента. Более того, представляется, что наметилась тенденция к смещению акцента деятельности УСД в субъектах Федерации с оказания помощи председателям в организационных вопросах в сторону контроля за их деятельностью по организации работы суда, сопровождающуюся возможностью использования определенных рычагов воздействия на председателей районных судов, что ставит под угрозу реализацию их независимости по вопросам отправления правосудия.

По нашему мнению, данная проблема может быть решена путем внесения ряда изменений в законодательство, в соответствии с которыми, в частности, на администратора суда возлагаются полномочия по организации работы по обеспечению правосудия и руководству аппаратом суда (подробно проекты законов, содержащих данные изменения, приведены и проанализированы Н.А. Колоколовым [4], однако они потребуют дополнительных издержек по материальному обеспечению администраторов судов, и давно назревший вопрос о внесении данных изменений (Концепция реформирования института администраторов федеральных судов общей юрисдикции, одобрена Постановлением Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2013 г. № 314) остается открытым.

В случае принятия таких изменений в законодательстве председатели районных судов, освобожденные от обязанностей по руководству аппаратом суда, смоли бы больше времени посвятить своей

основной и непосредственной функции – отпращиванию правосудия, что имеет важное значение для поддержания высокой квалификации, необходимой для того, чтобы судьи могли обратиться к ним за помощью по возникающим в правоприменительной практике вопросам. Действующее законодательство не предусматривает подобных и каких-либо иных форм взаимодействия председателя и судей, в результате чего зачастую судьи одного суда работают изолированно друг от друга, и это приводит к тому, что по аналогичным делам принимаются противоположные решения; при этом судьи не ориентированы на необходимость формирования единой согласованной позиции, что приводит к неопределенности судебной практики, затрудняет работу других правоприменителей, подрывает авторитет судебной власти в глазах граждан.

Вместе с тем помощь и консультирование председателя (заместителя председателя) суда по вопросам отправления правосудия, взаимное обсуждение судьями вопросов правоприменительной деятельности во многом обеспечивает высокое качество судебных решений и в европейской практике поощряется, а не рассматривается как нарушение независимости судей (п. 16, 18, 19, 20 Заключения Консультативного совета европейских судей № 19 «О роли председателей судов», принято в Страсбурге 10 ноября 2016 года, далее – Заключение КСЕС о роли председателей судов) [5]. Необходимость и эффективность подобных форм взаимодействия судей подтверждается и существующей практикой. К примеру, в Свердловском районном суде г. Костромы председателем по мере необходимости организуются мероприятия, на которых судьи обмениваются мнениями по сложным, спорным вопросам, связанным с отправлением правосудия, формируют по ним единую позицию. Также ежемесячно проводятся планерки с участием мировых судей Свердловского судебного района, где до последних доводятся недостатки, выявленные при апелляционном рассмотрении дел, изменения законодательства, особенности правоприменительной практики по конкретной категории дел, – все эти вопросы выносятся на совместное обсуждение мировых судей и судей районного суда, что важно не только для мировых судей, но и для районных, которые получают обратную связь в отношении решений, принимаемых ими в качестве апелляционной инстанции, что немаловажно для обеспечения качества этой работы. Для того чтобы распространить в судах данный положительный опыт, необходимо соответствующим образом ориентировать председателей судов и судей, закрепив в законодательстве роль председателя районного суда в обеспечении правильного и единообразного применения закона, исключив тем самым сомнения председателей относительно правомерности подобных мероприятий.

Управленческая деятельность в судебной системе имеет существенную специфику, а значит, вновь назначенные руководители, даже имеющие определенный управленческий опыт в других органах (например, в прокуратуре, полиции), где все структурные единицы находятся в непосредственном подчинении руководителя, не должны в полной мере его распространять на управление в суде. Учитывая это, имеющиеся навыки управления должны быть адаптированы с учетом особенностей судебной системы, что требует определенной перестройки, обучения. Вместе с тем существующая система профессиональной подготовки судей не включает в себя специальные курсы для обучения их управленческой деятельности с учетом множества особенностей данной системы, что затрудняет «выращивание» в судах грамотных, эффективных, правильно ориентированных относительно своей роли руководителей. Так же и по мнению КСЕС – судьи должны «проходить соответствующую подготовку и иметь необходимую поддержку», когда им поручается управление судами (п. 35 Заключения КСЕС о роли председателей судов). Кроме того, отстраненность председателей районных судов от формирования учебных программ повышения квалификации судей не позволяет их своевременно адаптировать к возникающим потребностям в обучении с учетом постоянно меняющегося законодательства. На необходимость преодоления отрыва судей от процесса их обучения за счет непосредственного взаимодействия образовательных организаций с председателями судов, выявления нужд в обучении по определенным вопросам указывал и КСЕС в своих рекомендациях (п. 10 Заключения КСЕС о роли председателей судов).

Негативно отражается на деятельности председателей районных судов и отсутствие концептуального, фундаментального подхода, определяющего их роль и значение в обеспечении эффективного правосудия. Ориентиром в формулировании этих положений могли бы служить рекомендации, содержащиеся в заключении КСЕС о роли председателей судов, где указано, что председатели представляют суд и других судей; обеспечивают эффективное функционирование суда и тем самым улучшают его служение обществу, выполняют юрисдикционные функции; обеспечивают независимость и беспристрастность суда и отдельных судей (п. 6).

Подобный подход в совокупности с передачей большинства административно-хозяйственных вопросов, в том числе руководства аппаратом суда, в ведение администратора суда, позволит сместить акценты организационно-управленческой деятельности председателей районных судов в сторону вопросов обеспечения эффективного правосудия, служения районных судов интересам общества, надлежащей защиты прав лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства.

Библиографический список

1. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения: 25.09.2019).
2. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 25.09.2019).
3. О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17412/ (дата обращения: 25.09.2019).
4. Колоколов Н.А. Администратор суда vs председатель суда: изучаем реалии и законопроекты // Администратор суда. – 2018. – № 1. – С. 42–48.
5. О роли председателей судов [Электронный ресурс]: Заключение Консультативного совета европейских судей № 19: (принято в Страсбурге 10 ноября 2016 года) // Консультативный совет европейских судей: официальный сайт. Режим доступа: https://rm.coe.int/1680748232#_ftnref16.

References

1. O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07.02.2011 № 1-FKZ // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (data obrashcheniya: 25.09.2019).
2. O statuse sudej v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Zakon Rossijskoj Federacii ot 26.06.1992 № 3132-1 // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (data obrashcheniya: 25.09.2019).
3. O Sudebnom departamente pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 08.01.1998 № 7-FZ // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17412/ (data obrashcheniya: 25.09.2019).
4. Kolokolov N.A. Administrator suda vs predsdatej' suda: izuchaem realii i zakonoproekty // Administrator suda. – 2018. – № 1. – S. 42–48.
5. O roli predsdatelej sudov [Elektronnyj resurs]: Zaklyuchenie Konsul'tativnogo soveta evropejskih sudej № 19: (prinyato v Strasburge 10 noyabrya 2016 goda) // Konsul'tativnyj sovet evropejskih sudej: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: https://rm.coe.int/1680748232#_ftnref16.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПОМОЩНИКА СУДЬИ И СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ РАЙОННЫХ СУДОВ

Дана характеристика существующих в районных судах РФ должностей помощника судьи и секретаря судебного заседания. Со ссылкой на нормативные акты приведены основные положения, касающиеся правового статуса этих должностей. Рассмотрено соотношение должностей по порядку подбора и назначения на них кандидатов. Выявлены проблемы регламентации прав, обязанностей и организационного подчинения помощника судьи и секретаря судебного заседания и предложены пути их решения. Проанализированы имеющиеся на практике пути решения существующих проблем. Предложено изменение законодательства, регулирующего прохождение государственной гражданской службы в аппаратах судов.

Ключевые слова: районные суды, помощник судьи, секретарь судебного заседания, правовой статус, организационное подчинение, проблемы правового регулирования.

Изменение законодательства применительно к работникам аппаратов федеральных судов в связи с принятием ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [12] привело к закреплению основ правового статуса данной категории работников, ранее традиционно именовавшихся «техническими работниками судов». В связи с этим произошло законодательное оформление их правового положения как государственных гражданских служащих, занимающих должности федеральной государственной гражданской службы в судебной системе России. Однако с момента принятия закона в 2004 году в судебной системе до сих пор не сняты возникающие на практике проблемные вопросы кадрового обеспечения в аппаратах районных судов, укомплектования должностей и регламентации деятельности помощников судей и секретарей судебных заседаний.

Именно аппарат суда обеспечивает непрерывную и бесперебойную деятельность судей по отправлению правосудия, тем самым государственные служащие аппаратов судов участвуют в осуществлении судопроизводства [15, с. 3–7]. При этом, исполняя должностные обязанности, помощники судей и секретари судебных заседаний выполняют не только обеспечительные, организационного характера функции, но и реализуют процессуальные функции в УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ; закрепляется процессуальный статус секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников данных видов судопроизводства.

По определенному порядку основные процессуальные и организационные отношения указанных лиц установлены непосредственно с судьями. Поэтому постоянное возрастание нагрузки у судей влечет за собой и увеличение объема работы у сотрудников аппарата судов, в том числе в последние годы в связи с реализацией ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Это вызывает, с одной стороны, необходимость повышения професси-

онализма кадрового состава аппарата, а с другой – потребность четкого определения правового статуса сотрудников аппарата, в частности, механизма организационного подчинения помощников судей и секретарей судебных заседаний конкретным судьям.

В вопросе подбора работников по «политической и деловой пригодности» [5] сегодняшнее состояние дел с кадрами в аппарате районного суда опирается на законодательство о государственной гражданской службе, согласно которому помимо общих положений о штатных должностях между должностями «помощник судьи» и «секретарь судебного заседания» имеются различия, которые влияют на порядок подбора и назначения их на должности в районных судах.

Должности «помощник судьи» и «секретарь судебного заседания» в аппарате районного суда созданы во исполнение положений ст. 8 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о службе) в целях обеспечения исполнения полномочий лиц, замещающих государственные должности, – судей районных судов. Согласно ст. 9 этого закона, приведенные должности гражданской службы относятся к разным категориям: «помощник судьи» – к категории помощники (советники), «секретарь судебного заседания» – к категории «специалисты». Различие в категориях должностей проявляется прежде всего в их функциональном предназначении в аппарате районного суда. Помощники (советники) – должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц, а специалисты – должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных задач и функций и замещаемые без ограничения срока полномочий. Имеются отличия и по реестрам должностей государственной гражданской службы Российской Федерации.

Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» [16] должность помощника судьи районного суда относится к ведущей группе должностей, должность секретаря судебного заседания – старшей группе должностей. Однако наиболее существенное различие имеются в порядке их поступления на гражданскую службу и замещения указанных должностей.

Согласно ст. 22 Закона о службе, назначение на должность секретаря судебного заседания осуществляется на конкурсной основе по результатам проводимого конкурса, а при назначении на замещаемые на определенный срок (срок полномочий судьи районного суда) должность помощника судьи конкурс не проводится.

Исходя из этого, при конкурсном отборе лиц для занятия должности секретаря судебного заседания прямая связь с судьями районного суда и их влияние на данную процедуру отсутствуют. При решении вопроса о назначении на должность помощника судьи в обязательном порядке требуется учет мнения конкретного судьи по поводу кандидата в его помощники.

Таким образом, от кандидата на должность помощника судьи требуется не только предусмотренные квалификационными требованиями уровень образования и стаж работы по специальности, но и определенные профессионализм и лояльность к судье, помощником которого предстоит стать кандидату. Наряду с этим работники аппарата судов группы «помощники» имеют значительную степень вариативности в служебной деятельности. Помимо наделения помощников судей процессуальными обязанностями по ведению протокола судебного заседания, они осуществляют и другую работу, связанную с подготовкой проектов судебных документов по делам, находящимся в производстве судей.

Вместе с тем в законодательстве о деятельности районных судов и актах Судебного департамента при Верховном суде РФ не определен механизм участия судей как в выборе своих помощников, так и в назначении их на эту должность, которое принимается председателем районного суда. Хотя перед назначением на должность, как правило, становится очевидным, помощником какого судьи в районном суде фактически станет кандидат. Вследствие этого проблемой на практике является фактическое «навязывание» помощников судье. Его зачастую ставят перед фактом о назначенном на должность помощнике судьи и закреплении этого лица за судьей на период срока полномочий судьи. Не предусмотренное законом оформление в какой-либо форме согласия судьи на назначение лица (кандидата) на должность своего помощника в отдельных случаях порождает служебную конфликтность. Также

не урегулирован законодательством и вопрос осуществляющегося перевода помощника от одного судьи другому – как на постоянной основе (в случае выхода судьи, помощником которого являлся, в отставку), так и временно (к примеру, в случае отпуска судьи по уходу за ребенком). В последнем случае помощник «отсутствующего» судьи становится помощником другого судьи этого же районного суда. Предпосылкой необходимости правового регулирования затронутого вопроса является существующая положительно зарекомендовавшая себя практика, когда судьи районных судов с одобрения, а порой по предложению председателей районных судов принимают участие в подборе кандидатов на должность своих помощников по деловым, профессиональным качествам, не ограничиваясь рамками судебной системы, и предлагают кандидатуры председателю районного суда. Не снижая важность и роль в кадровом обеспечении деятельности районных судов (поиске и подборе кадров) со стороны Судебного департамента при Верховном суде РФ (далее – Судебный департамент) и его управлений в субъектах РФ, учитывая, что самостоятельный поиск судьями кандидатов на должность помощника судьи может закончиться безрезультатно, в том числе по субъективным причинам (когда лицо не отвечает предусмотренным законом требованиям), представляется необходимым законодательно закрепить в качестве обязательного условия назначения кандидата на должность согласия соответствующего судьи. Соответственно, это положение должно найти отражение и в актах Судебного департамента применительно к особенностям прохождения гражданской службы по категории должностей помощники (советники).

Обеспеченность же судей районных судов секретарями судебных заседаний проявляется в том, что на практике судья районного суда осуществляет судопроизводство с одним и тем же секретарем, который фактически закрепляется за судьей на постоянной основе. Однако следует учитывать, что в соответствии с Положением об аппарате федерального суда общей юрисдикции [8] должности помощников судей в районном суде не входят в создаваемые в аппарате суда структурные подразделения (отделы), а секретари судебных заседаний находятся в штате отделов. В связи с этим, находясь в штате отдела обеспечения судопроизводства в аппарате районного суда, секретарь судебного заседания осуществляет свои должностные и процессуальные обязанности с тем или иным судьей по распоряжению начальника отдела, в чем непосредственном подчинении находится. Отличие между должностями проявляется и в сроке служебного контракта, когда с помощником судьи трудовой договор заключается на срок полномочий судьи. Трудовые же правоотношения, заключаемые с секретарем судебного заседания, не связаны

с этим сроком. Поэтому при наличии необходимости секретари судебных заседаний могут быть направлены от одного судьи к другому, в том числе и на временной основе (на период отсутствия другого секретаря, значительного увеличения объема работы). Учет же мнения (позиции) судей районного суда в таком случае также не предусмотрен законодательством.

Наряду с изложенным следует отметить, что в состав конкурсной комиссии, на которой рассматриваются заявления претендентов на вакантную должность секретаря судебного заседания, в соответствии с ч. 8 ст. 22 Закона о службе входят представитель нанимателя и (или) уполномоченные им гражданские служащие (в том числе из подразделения по вопросам государственной службы и кадров, юридического (правового) подразделения и подразделения, в котором проводится конкурс на замещение вакантной должности гражданской службы). Таким образом, присутствуя на заседании конкурсной комиссии, председатели районных судов либо их заместители, начальники отделов аппарата суда имеют право высказать мнение о кандидатах и о позиции суда в части предпочтения кого-либо из них. Эта позиция, основанная на профессиональных и деловых качествах кандидата, если таковая будет высказана, как правило, формируется на основе результатов практики, учебной стажировки кандидата во время обучения в вузе. А в случае с кандидатом на должность, являющимся сотрудником аппарата этого суда, – на основе результатов его работы.

Особенностью деятельности районного суда в отличие от вышестоящих судебных инстанций является «закрепление» за судьей помощника судьи и секретаря, когда судья рассматривает дела с данным секретарем, а помощник осуществляет подготовку проектов процессуальных документов и в случае необходимости (в том числе в случае отсутствия секретаря) выполняет процессуальные обязанности секретаря. Однако подобная устойчивость организационных связей в этом «микрореклективе» на законодательном уровне должным образом не закреплена. В законодательстве отсутствует положение о том, что секретарь и помощник судьи находятся в подчинении судьи, а речь идет лишь в общем об организационном подчинении председателю районного суда, который руководит деятельностью аппарата суда (ч. 2 ст. 38 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [8]). В подзаконном регулировании этого вопроса актами Судебного департамента приводится, что секретарь судебного заседания находится в подчинении начальника отдела, в который входит должность секретаря. Поэтому определенной проблемой является установление круга прав, должностных обязанностей, подчиненности помощника и секретаря судебного заседания, ор-

ганизационного руководства их деятельностью со стороны судей. Подобное, являющееся элементом их правового статуса, должно быть определено законами и иными нормативными правовыми актами, так как от этого зависит эффективность осуществления правосудия районными судами.

На практике необходимость подобной организационной подчиненности с установлением прав, обязанностей и ответственности компенсируется разрабатываемыми в районных судах и утверждаемыми председателями судов должностными регламентами по указанным должностям, а также в заключаемых с работниками аппарата трудовых договорах.

Так, персональные должностные инструкции работников аппарата, занимающих должности федеральной государственной гражданской службы, разрабатываются с учетом методических рекомендаций и типовых должностных регламентов, утверждаемых Судебным департаментом [9] исходя из задач и функций, возложенных на соответствующее подразделение аппарата суда, с соблюдением требований действующего законодательства и иных нормативных правовых актов, в том числе по конкретным должностям [10].

На пробелы в регламентации административно-правового статуса помощника судьи и секретаря судебного заседания в районных судах указывается и в юридической литературе [6, с. 873–875]. Следует согласиться с учеными и с тем, что ряд функций работников аппарата судов прямо не регламентирован нормами процессуальных законов [1, с. 252]. Действительно, отсутствие такого регулирования в законе обусловлено тем, что в большей степени обязанности сотрудников аппарата носят организационный, вспомогательный, обеспечивающий по отношению к правосудию характер. Однако правильность регулирования этих вопросов должностными регламентами (инструкциями), их закрепление в трудовых договорах, то есть переход на индивидуальный уровень регулирования, вызывает сомнения. По мнению Е.А. Ершовой, индивидуальные нормативные акты и индивидуальные трудовые договоры не могут содержать правовых норм, обязательных для неопределенного круга лиц [3, 43–56].

Однако, как правило, именно в должностных регламентах указанных сотрудников аппарата (помощника и секретаря) содержатся положения о том, что наряду с судьей они организационно подчинены начальникам структурных подразделений (общего отдела, отделов по видам судопроизводства). Таким образом, необходимо учитывать, что работники, занимающие эти должности, находятся в двойном организационном подчинении: со стороны судьи, за кем закреплены, и со стороны начальников отделов.

Исследователями подчеркивалось, что аппарат суда как важнейший объект инфраструктуры судебной власти напрямую влияет на эффективность

правосудия [11, с. 53–56], указывалось на необходимость изменения правового статуса сотрудника аппарата, снятия существующих проблем формирования и обеспечения стабильности кадрового состава аппаратов судов путем подготовки соответствующего законопроекта [7]. Способом решения вопроса о правовой регламентации статуса работников аппаратов судов, установлении организационных основ прохождения службы являлся внесенный Верховным судом РФ законопроект ФКЗ «О государственной судебной службе Российской Федерации» [17]. Согласно содержанию законопроекта, предлагалось, в частности, что помощники судей будут осуществлять свою деятельность без закрепления за определенным судьей, что даст возможность оптимально перераспределять помощников между судьями в случаях возрастания временной нагрузки у судей, а также при иных обстоятельствах. Однако законодательная инициатива Верховного суда РФ не нашла поддержки у Правительства РФ в связи с отсутствием наличия специфики служебной деятельности в судебных органах, обуславливающей необходимость выделения судебной службы из государственной гражданской службы [4].

Помимо изменения законодательной базы учеными предлагается с целью оптимизации судебно-организационных отношений, возникающих в области обеспечения судопроизводства, использовать для их регулирования такие правовые инструменты, как регламенты [2, с. 19–23]. При этом административные регламенты, рассматриваемые в качестве инструмента повышения качества исполнения функций государственной власти, будут способствовать упорядочению и оптимизации не только конкретных процедур (действий), но и прав, обязанностей, организационно-управленческих связей между занимающими конкретные должности сотрудниками аппарата.

На наш взгляд, решением анализируемой проблемы в регламентации правового статуса сотрудников аппарата судов могло бы стать принятие федерального закона об особенностях прохождения государственной гражданской службы в аппаратах судов судебной системы Российской Федерации по аналогии со спецификой, предусмотренной для отдельных ведомств и характера выполняемых ими функций, примером которого является ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» [14]. Принятие подобного закона в полной мере будет соответствовать концепции организации федеральной государственной службы и позволит укрепить статусные характеристики сотрудников аппаратов всех судов Российской Федерации, в том числе помощников судей и секретарей судебного заседания районных судов.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. проф. В.М. Бозрова – М.: Проспект, 2017. – 568 с.
2. Бурдина Е.В., Чижов М.В. Стандартизация деятельности аппарата суда как способ повышения эффективности власти и доверия к суду // Администратор суда. – 2019. – № 2. – С. 19–23.
3. Еришова Е.А. Источники и формы трудового права в России // Трудовое право. – 2007. – № 10. – С. 43–56.
4. Заключение Правительства РФ от 24 ноября 2016 г. № 3-ВС-8406/16 (проект ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с введением государственной судебной службы в Российской Федерации»). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Каленов Ю.А., Перлов И.Д. Организация работы народного суда. – М.: Юридическая литература, 1964. – 279 с.
6. Нецветова И.В. Проблемы процессуального положения отдельных должностей аппаратов районных (городских) судов // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 873–875.
7. Постановление Совета судей Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 339 «О ходе подготовки проекта Федерального закона о введении судебной службы как отдельного вида государственной службы». – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 21.12.2012 № 238 «Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 6.
9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 21.02.2006 № 18 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих аппаратов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации». – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Приказ Судебного департамента от 06.12.2010 № 272 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда». – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Сиротюк А.З. Некоторые аспекты правового положения (статуса) государственного служащего аппарата суда как предпосылки создания судебной

службы в Российской Федерации // Администратор суда. – 2017. – № 2. – С. 53–56.

12. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Парламентская газета. – 31.07.2004. – № 140–141. – ? с.

13. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета, 11.02.2011. – № 29. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 27.07.2010 N 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // Российская газета. – 30.07.2010. – № 168.

15. Фоков А.П. О государственной судебной службе Российской Федерации: полномочия и ответственность сотрудников аппаратов судов // Администратор суда. – 2017. – № 2. – С. 3–7.

16. Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 (ред. от 08.02.2019) «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // Собрание законодательства РФ. – 02.01.2006. – № 1. – Ст. 118.

17. Федеральный конституционный закон «О государственной судебной службе Российской Федерации» (законопроект № 102341-7, внесенный Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу 14 февраля 2017 г.). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Aktual'nye problemy deyatelnosti sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii: uchebnyk / pod red. prof. V.M. Bozrova – M.: Prospekt, 2017. – 568 s.

2. Burdina E.V., CHizhov M.V. Standartizaciya deyatelnosti apparata suda kak sposob povysheniya effektivnosti vlasti i doveriya k sudu // Administrator suda. – 2019. – № 2. – S. 19–23.

3. Ershova E.A. Istochniki i formy trudovogo prava v Rossii // Trudovoe pravo. – 2007. – № 10. – S. 43–56.

4. Zaklyuchenie Pravitel'stva RF ot 24 noyabrya 2016 g. № Z-VS-8406/16 (proekt FKZ «O vnesenii izmenenij v federal'nye konstitucionnye zakony v svyazi s vvedeniem gosudarstvennoj sudebnoj sluzhby v Rossijskoj Federacii»). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

5. Kalenov YU.A., Perlov I.D. Organizaciya raboty narodnogo suda. – M.: YUridicheskaya literatura, 1964. – 279 s.

6. Necvetaeva I.V. Problemy processual'nogo polozheniya otdel'nyh dolzhnostej apparatov rajonnyh (gorodskih) sudov // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 9. – S. 873–875.

7. Postanovlenie Soveta sudej Rossijskoj Federacii ot 4 dekabrya 2014 goda № 339 «O hode podgotovki proekta Federal'nogo zakona o vvedenii

sudebnoj sluzhby kak otdel'nogo vida gosudarstvennoj sluzhby». – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

8. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 21.12.2012 № 238 «Ob utverzhenii Polozheniya ob apparate federal'nogo suda obshchej yurisdikcii» // Byulleten' aktov po sudebnoj sisteme. – 2013. – № 6.

9. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 21.02.2006 № 18 «Ob utverzhenii Metodicheskikh rekomendacij po razrabotke dolzhnostnyh reglamentov federal'nyh gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih apparatov federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii, federal'nyh arbitrazhnyh sudov i sistemy Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii». – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Prikaz Sudebnogo departamenta ot 06.12.2010 № 272 «Ob utverzhenii tipovyh dolzhnostnyh reglamentov pomoshchnika predsedatelya suda (sud'i) verhovnogo suda respubliki, kraevogo i oblastnogo sudov, suda goroda federal'nogo znacheniya, sudov avtonomnoj oblasti i avtonomnogo okruga, okružhnogo (flotskogo) voennogo suda, rajonnogo suda i garnizonnogo voennogo suda». – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

11. Sirotyuk A.Z. Nekotorye aspekty pravovogo polozheniya(statusa) gosudarstvennogo sluzhashchego apparata suda kak predposylki sozdaniya sudebnoj sluzhby v Rossijskoj Federacii // Administrator suda. – 2017. – № 2. – S. 53–56.

12. Federal'nyj zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» // Parlamentskaya gazeta. – 31.07.2004. – № 140–141. – ? s.

13. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07.02.2011 № 1-FKZ «O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta, 11.02.2011. – № 29. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

14. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 N 205-FZ «Ob osobennostyah prohozhdeniya federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v sisteme Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. – 30.07.2010. – № 168.

15. Fokov A.P. O gosudarstvennoj sudebnoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: polnomochiya i otvetstvennost' sotrudnikov apparatov sudov // Administrator suda. – 2017. – № 2. – S. 3–7.

16. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2005 № 1574 (red. ot 08.02.2019) «O Reestre dolzhnostej federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 02.01.2006. – № 1. – St. 118.

17. Federal'nyj konstitucionnyj zakon «O gosudarstvennoj sudebnoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» (zakonoproekt № 102341-7, vnesennyj Verhovnym Sudom Rossijskoj Federacii v Gosudarstvennyu Dumu 14 fevralya 2017 g.). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
nat_ganzha@mail.ru

Варенцова Екатерина Владимировна

Костромской государственной университет
e_varencova@ksu.edu.ru

ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы российского законодательства, регулирующего институт тайны усыновления в условиях развития информационного общества, медицинских и генетических технологий, его соотношение с нормами международного права. Авторы дают обобщенную характеристику современных научных подходов к соотношению понятий семейная тайна, личная тайна и тайна усыновления с точки зрения различных отраслей права. Проводится анализ и сопоставление дискуссионных подходов в связи с необходимостью сохранения данного института в нашей стране, а также проблем, связанных с получением усыновленными детьми определенной информации, относящейся к факту усыновления, не нарушая при этом прав и интересов других участников данных правоотношений. Предлагаются пути усовершенствования норм семейного законодательства о тайне усыновления в России.

Ключевые слова: семейное законодательство, тайна усыновления, права усыновленного, усыновители, ребенок, родственные связи.

В современной российской действительности большую роль в становлении и развитии общества играет семья. Все основы поведения человека, нормы морали, нравственности (а впоследствии – правосознание и правовая культура личности) закладываются в первую очередь в рамках семейных отношений.

Наше государство придает большое значение улучшению демографической ситуации в стране, охране семейных ценностей, улучшению материального обеспечения семей с детьми, охране материнства и детства и др. Нормы о семье, семейной тайне закрепляются в первую очередь в ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации. Свое последующее нормативное регулирование конституционные нормы о семье и семейных отношениях, а также их защите находят в других отраслевых актах, в частности в Семейном, Гражданском, Уголовном и других кодексах. Кроме того, принимаются специальные нормативные правовые акты и подзаконные акты, программы, стратегии и национальные проекты.

В ряду таких документов следует отметить Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р; Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351; Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. и др.

24 декабря 2018 г. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическо-

му развитию и национальным проектам утвердил Национальный проект «Демография» [9]. Составной частью этого проекта является федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей», одной из задач которого является совершенствование механизма предоставления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка [14].

Помимо национального законодательства, закрепляющего и защищающего семейные правоотношения, а также иные, связанные с ними более узкие вопросы, существуют международные правовые акты, которые также регламентируют ряд правоотношений в рассматриваемой сфере.

Конвенцией о правах ребенка, принятой 44-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года (ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1) [5], провозглашено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания (абзац шестой преамбулы Конвенции).

Аналогичный концептуальный принцип семейного законодательства РФ закреплен в п. 3 ст. 1 и в п. 1 ст. 124 Семейного кодекса Российской Федерации, в которых установлен приоритет семейного воспитания детей и право каждого ребенка жить и воспитываться в семье.

Институт усыновления (удочерения) является одной из основных гарантий реализации данного права ребенка в случае утраты им родительского попечения.

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем, возникающих в процессе усыновления (удочерения), является спор о необходимости сохранения тайны усыновления, что нередко приводит к правовым коллизиям.

Так, в п. 1 ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка закреплено право ребенка, с оговоркой «насколько это возможно», обладать информацией о биологических родителях [5]. В Российской Федерации усыновленные дети, достигшие совершеннолетия, порой не могут получить информацию о своих родителях. При этом используется формулировка «недопустимость раскрытия тайны усыновления», поскольку в соответствии со ст. 139 СК РФ никто не может обнародовать эту информацию, помимо воли лиц, усыновивших ребенка [13]. Также в данной теме затрагиваются аспекты профессиональной тайны – лица, обладающие сведениями о факте усыновления, в силу своих служебных обязанностей должны хранить эту тайну под угрозой привлечения к юридической ответственности. Отечественное законодательство предусматривает возможность наказания за раскрытие тайны усыновления не только должностных лиц (судей, сотрудников органов ЗАГС и т. д.), но и иных граждан, которым известно о данном факте.

Тайна усыновления является предметом исследования ученых разных областей юриспруденции, это явление рассматривается с позиций семейного, гражданского, уголовного права и процесса, анализируется судебная практика.

Среди последних работ, в которых исследуется данный вопрос, следует отметить диссертацию Г.М. Садеевой, где предлагается дополнить ст. 139 СК РФ определением понятия «тайна усыновления» как специфического режима, охраняемой законом конфиденциальной информации с выделением субъектов тайны [12, с. 14]. Данное предложение видится нам целесообразным, так как на сегодняшний день институт тайны усыновления не в полной мере регулирует общественные отношения в данной сфере, особенно с учетом возрастания роли генетической информации, и нормы российского законодательства в полной мере защищают лишь права усыновителей. А необходимость учета интересов усыновленного ребенка в данном аспекте вытекает лишь из анализа соответствующих норм.

Исследователи рассматривают понятие и природу тайны усыновления с точки зрения объекта правового регулирования различных отраслей и также указывают на необходимость закрепления понятия, которое будет отражать суть данного явления, то есть включать перечень сведений, подлежащих охране – о самом факте усыновления, о личностях субъектов данного правоотношения, обстоятельствах [7].

Ряд авторов, рассматривая вопросы соотношения понятий семейной тайны и тайны усыновления, а также их охраны в рамках уголовного законодательства России, отмечают существующие противоречия в последнем [1; 2]. Данный вопрос имеет большое прикладное значение, так как касается непосредственно наказания лица, разгла-

сившего информацию с ограниченным доступом. Ученые приходят к выводу о том, что тайна усыновления затрагивает более широкий круг лиц, чем личная тайна, где защищаются права одного лица, а наказание за её нарушение – более мягкое по сравнению с последним. Таким образом, с точки зрения уголовного права существует необходимость более точного закрепления понятий семейная, личная тайна и тайна усыновления.

Е.Е. Богданова, глубоко исследуя суть генетической информации, раскрывает ее значение, в том числе относительно тайны усыновления, и подтверждает необходимость законодательного регулирования получения определенных сведений о происхождении усыновленного ребенка, особенно с учетом развития современных технологий в области генетического тестирования [3, с. 19].

Исходя из этого, предоставление данной информации может затрагивать не только интересы усыновленного лица, но и его потомков, у которых также может возникнуть необходимость в получении сведений об усыновлении уже после смерти непосредственных субъектов этой тайны.

Из анализа законодательства и судебной практики мы находим, что возможность получения такой информации не исключается, но и никаким образом не регламентирована. Обобщая вышесказанное, можно отметить, что система института тайны усыновления является сложной и затрагивает права и интересы большого круга лиц.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) были предложены кардинальные меры, такие как «переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления» [8], но многие ученые придерживаются мнения, что тайна усыновления необходима нашему обществу.

Профессор Е.А. Рыбалка является одним из противников полной отмены тайны усыновления и настаивает на том, что решение вопроса о раскрытии сведений об этом факте должно оставаться непосредственно за усыновителями. В том числе и в силу того, что современное российское общество из-за особенностей менталитета не готово к обнародованию данной стороны личной жизни семьи. И этот резкий шаг законодателя может повлиять на востребованность такого приоритетного вида устройства ребёнка в семью [11].

Исходя именно из этой позиции, семейным законодательством предусмотрены нормы, позволяющие изменить фамилию, имя ребенка, изменить или не присвоить отчество (ст. 134 СК РФ). При этом такие изменения относительно детей, достигших возраста 10 лет, возможны только с их согласия (п. 4 ст. 134 СК РФ); исключение, если до подачи заявления об усыновлении ребенок проживал в семье усыновителя и считает его своим

родителем (ст. 132 СК РФ). В соответствии с п. 1 ст. 135 СК РФ для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть изменены: дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения; изменение даты рождения усыновленного ребенка допускается только при усыновлении ребенка в возрасте до года; по причинам, признанным судом уважительными, изменение даты рождения усыновленного ребенка может быть разрешено при усыновлении ребенка, достигшего возраста одного года и старше.

При анализе судебной практики выявлено, что усыновители часто обращаются в суд с запросами по данным изменениям в биографии ребенка. Отсюда следует вывод о значимости обеспечения семейной тайны и, в частности, тайны усыновления для каждой конкретной семьи, взявшей на себя обязательство по воспитанию усыновленного ребенка.

Интересно исследование Е.Ю. Горской относительно применения данной нормы по аналогии к сходным отношениям искусственного оплодотворения и суррогатного материнства. Автор настаивает на отграничении данных понятий от тайны усыновления и необходимости введения отдельной нормы, регулирующей охрану сведений этих видов семейной тайны [4].

Но при этом всецелое обеспечение тайны усыновления российским законодательством, как мы рассмотрели ранее, вызывает немало вопросов, связанных с правом усыновленного на получение информации о своих биологических родителях и получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей.

На наш взгляд, необходимо сохранить тайну усыновления как правовой институт, способствующий укреплению родственных связей между членами семьи, развитию самой системы усыновления, упрощению педагогического и воспитательного контекста данных отношений.

Другой аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что аналогичные попытки со стороны биологических родителей узнать судьбу своего ребенка также останавливаются на тайне усыновления.

Граждане, у которых есть запрос на поиск информации о ближайших родственниках, все чаще прибегают к сети Интернет, знакомясь с кровными родственниками через социальные сети. Не все аспекты таких способов выяснения родственных связей урегулированы действующим законодательством, что может привести к нарушению прав и законных интересов других лиц, участвующих в правоотношениях охраны тайны усыновления и семейной тайны.

Несмотря на конфиденциальность сведений об усыновлении ребенка, их раскрытие может быть

необходимо как для удовлетворения информационной потребности усыновленного – знать свои «корни», так и для разрешения проблемных ситуаций, затрагивающих интересы и самого лица, и других членов семьи. Информация о биологических родителях, родственниках может являться жизненно необходимой при диагностировании или лечении различных наследственных, генетических заболеваний, а также при возможном заключении брака с родственником – при этом затрагивается не только медико-генетический аспект, но и морально-этический.

Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу о необходимости усовершенствования семейного законодательства в части установления специальной нормы, позволяющей защитить права усыновленных граждан и их потомков, сохранив тайну усыновления и семейную тайну для третьих лиц.

В правоприменительной практике существует пока один прецедент решения проблемы поиска потомками усыновленного лица сведений о его биологических родителях. Так, Постановлением Конституционного суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной» допускается предоставление сведений об усыновлении потомкам по решению суда [10].

Предлагаем дополнить статью 139 Семейного кодекса РФ следующими положениями:

Предоставить право усыновленному лицу, достигшему возраста 18 лет, требовать предоставления сведений об усыновлении и выдачи соответствующих документов в судебном порядке на основании врачебного заключения о необходимости проведения медико-генетических обследований, лечения наследственных заболеваний или исходя из иной информационной необходимости.

После смерти усыновителей и усыновленного потомки усыновленного лица также вправе обратиться в суд для получения информации о своих предках на тех же основаниях.

Соответственно, изменения необходимо внести также в статью 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

Библиографический список

1. Акиев А. Р. Семейная тайна как объект уголовно-правовой охраны (ст. ст. 137 и 155 УК РФ) // Законодательство и практика. – 2018. – № 1. – С. 28–32.
2. Антонов Ю.И. Тайна усыновления (удочерения) как предмет преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ // Российская юстиция. – 2018. – № 3. – С. 19–21.

3. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex russica*. – 2019. – № 6. – С. 18–29.

4. Горская Е.Ю. К вопросу применения по аналогии ст. 135 Семейного кодекса Российской Федерации к семейным правоотношениям // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 8–10.

5. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 30.09.2019).

6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

7. Мананкова Р.П., Липовских Н.В. Правовая природа тайны усыновления // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 121–127.

8. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [Электронный ресурс]: (утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

9. Национальный проект «Демография», утвержденный Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]: (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный интернет-ресурс. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 30.09.2019).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

11. Рыбалка Е.А. Правовое положение и перспективы развития тайны усыновления в России // Юристы-Правоведы. – 2018. – № 4. – С. 31–34.

12. Садеева Г. М. Усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей: теория и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 26 с.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]: (ред. от 29.05.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.09.2019).

14. Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей», утвержденный Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]: (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный интернет-ресурс. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/1> (дата обращения: 30.09.2019).

References

1. Akiev A. R. Semejnaya tajna kak ob'ekt ugovovno-pravovoj ohrany (st. st. 137 i 155 UK RF) // *Zakonodatel'stvo i praktika*. – 2018. – № 1. – С. 28–32.

2. Antonov YU.I. Tajna usynovleniya (udochereniya) kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo st. 155 UK RF // *Rossijskaya yusticiya*. – 2018. – № 3. – С. 19–21.

3. Bogdanova E.E. Pravovye problemy i riski geneticheskoy revolyucii: geneticheskaya informaciya i diskriminaciya // *Lex russica*. – 2019. – № 6. – С. 18–29.

4. Gorskaya E.YU. K voprosu primeneniya po analogii st. 135 Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii k semejnym pravootnosheniyam // *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*. – 2019. – № 4. – С. 8–10.

5. Konvenciya o pravah rebenka [Elektronnyj resurs]: (prinyata rezolyuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 g.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (data obrashcheniya: 30.09.2019).

6. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 30.09.2019).

7. Manankova R.P., Lipovskih N.V. Pravovaya priroda tajny usynovleniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2017. – № 26. – С. 121–127.

8. Nacional'naya strategiya dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gg. [Elektronnyj resurs]: (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 30.09.2019).

9. Nacional'nyj proekt «Demografiya», utverzhdenyj Prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam [Elektronnyj resurs]: (protokol

от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный интернет-ресурс. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 30.09.2019).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой гражданина Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущихиной» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

11. Рыбалка Е.А. Правовое положение и перспективы развития тайны усыновления в России // Юрист"-Правовед". – 2018. – № 4. – С. 31–34.

12. Садеева Г. М. Усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей: теория и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казан', 2015. – 26 с.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]: (ред. от 29.05.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.09.2019).

14. Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей», утвержденный Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]: (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный интернет-ресурс. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/1> (дата обращения: 30.09.2019).

Нурмагамбетов Рашит Габитович
доктор философии по праву (Ph. D), младший научный сотрудник
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск
orel032@mail.ru

Попов Валерий Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
Костанайский филиал Челябинского государственного университета г. Костанай, Казахстан
orel032@mail.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО ВИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Теоретико-правовое исследование проблемных вопросов, касающихся объекта конституционного регулирования, имеет значение для науки конституционного права, так как позволяет устранить сложившуюся неопределенность в этом вопросе. В результате теоретического анализа точек зрения ученых автор приходит к выводу, что целесообразность обращения к вопросу объясняется сложившейся в юридической литературе неопределенностью в определении понятия объекта конституционного регулирования. Автор считает что «объект конституционного регулирования» и «предмет конституционного регулирования» – разные понятия, которые имеют точки соприкосновения. Предложено включить в категорию «объект конституционного регулирования» принципы конституционного права, блага материального и нематериального характера, цифровые ценности личности, общества и государства, включая права и свободы человека и гражданина, суверенитет и независимость государственной власти, правовые интересы. Именно они характеризуют особую сферу отношений, область конституционного воздействия, точно раскрывая содержание «объекта конституционного регулирования», его объем.

Ключевые слова: объект конституционного регулирования, предмет конституционного регулирования, общественные отношения, институт конституционного права, принципы конституционного права.

В настоящее время, в период происходящих в странах мира глобальных изменениях экономических, политических, социальных устоев обществ, связанных с активным развитием цифровых информационных систем и технологий взаимодействия платформ и граждан, актуальным является вопрос анализа проблем разнообразных аспектов конституционного регулирования. В условиях массового распространения технологий в ближайшей перспективе в государствах будет формироваться новая технологическая цифровая среда конституционного регулирования, содержание правил которой описал еще в 1995 году Н. Негропonte [1]. По данным отчета экспертов Всемирного экономического форума Дерека О Халлорана и Уинстона Гриффина «Наше цифровое будущее: ответственное цифровое преобразование», опубликованного в 2019 году, «...к 2022 году 60 процентов мирового внутреннего валового продукта будут оцифрованы» [2]. По мнению авторов, если сегодня только 45 процентов людей, проживающих в мире, доверяют цифровым технологиям, то к 2022 году эта цифра существенно изменится.

Ситуация затрагивает один из дискуссионных теоретических вопросов конституционного регулирования – вопрос определения содержания объекта регулирования и его видов. Целесообразность обращения к вопросу объекта конституционного регулирования объясняется сложившейся в юридической литературе неопределенностью в понимании сущности анализируемого понятия.

Объект конституционного регулирования как научная категория был в центре внимания ученых-

юристов на протяжении различных исторических периодов развития науки конституционного права. Оно является производным понятием от объекта правового регулирования. Объект конституционного регулирования с объектом правового регулирования связывает единая теоретико-правовая основа. С тех пор как появилось право, а вместе с ним и правовое регулирование, возникли те или иные группы общественных отношений, которые стали предметом регулирования со стороны права с присущими ему методами, способами и т. п.

Теоретическое обоснование «объекта конституционного регулирования» как разновидности объекта правового регулирования в 1960-х годах прошлого века сформулировали И.Е. Фарбер и В.А. Ржевский, которые писали: «...объектами конституционных отношений являются власть и суверенитет классов, наций, народа, а также свобода личности. В конституционных отношениях фактически складывается власть классов или всего народа. Конституционные отношения дают ответ, кому принадлежит государственная власть, какой класс является политически господствующим, властвующим» [17, с. 20]. Несмотря на то, что советские ученые-юристы значительно продвинулись в раскрытии содержания объекта конституционного регулирования, в юридической литературе существует проблема – отождествление рядом авторов данных категорий. К ним очень часто относят одни и те же виды общественных отношений.

Так, В.Н. Бутылин пишет: «регулируемые конституцией общественные отношения являются объектом (предметом) конституционного регу-

лирования. Пределы такого регулирования по-разному решались и решаются сейчас в теории и практике конституционализма» [5, с. 45].

Такой же точки зрения придерживается и Н.А. Михалева, полагающая, что «предмет конституционного права в каждой из стран СНГ – это общественные отношения, составляющие объект конституционно-правового регулирования», и что «общественные отношения как объект конституционного права коренятся в сущности конституционного строя» [10, с. 55–56].

Объект – это любой предмет постижения: материальный или идеальный, покоящийся или изменяющийся, а предмет – всякий объект, выступающий как ограниченный или завершённый. Если проанализировать данные понятия, то можно заметить, что по смыслу предмет уже, чем объект. Еще Ю.И. Гревцов обратил внимание на этот аспект, отмечая, что «предмет – это конкретные области, границы, элементы объекта... то есть понятие предмета уже объекта» [7, с. 52]. Это же утверждение можно применить и к науке конституционного права. При этом объект и предмет правового регулирования являются материальным критерием разделения системы права на отрасли права.

Рассматривая соотношение объекта и предмета конституционного регулирования с позиции анализа норм Конституции РФ, можно увидеть, что объектами будут служить все целостные области (сферы) государственно-правовой действительности, которые подвергаются воздействию Основного закона, а предметы – это отдельные виды отношений, подвергающиеся конституционной регламентации, взаимосвязанные между собой.

Полагаем, что в данном контексте «объект регулирования конституционного права» не тождественен «предмету регулирования конституционного права». Нельзя не отметить, что в юридической литературе не все авторы придерживаются понимания того, что предмет и объект конституционного регулирования – разные понятия. К примеру, казахстанский конституционалист А.А. Черняков, исследуя объекты конституционного регулирования, пишет: «...содержание основных общественных отношений как объекта конституционного права раскрывается через категории «право» – «объект» (правообъектность). Если говорить в общем, то данный термин включает в себе объект плюс право на него. Поясняя значение этого термина, добавим, что правообъектность конкретно содержит совокупность материальных, интеллектуальных и иных ценностей, благ, интересов, соединённых с правом на них субъектов (физических и юридических лиц, в том числе государства)» [20, с. 7].

Следует отметить, что в вопросах таких дефиниций, как «объект права», «объект правоотношений», «объект правового регулирования» наблюда-

ются различные подходы, как на доктринальном уровне, так и на уровне официального нормотворчества, взгляда законодателя в зависимости от того, в каких отраслях права рассматриваются указанные категории.

При анализе категорий «объект права», «объект правоотношений», «объект правового регулирования», на наш взгляд, будет справедливым утверждение, что содержательная сторона объекта правоотношений в той или иной степени экстраполируется и на категорию «объект права». При этом представители цивилистических (частных) отраслей юридических наук как под объектами права, так и под объектами правоотношений понимают материальные либо нематериальные блага, по поводу которых возникают правовые отношения. Данный подход признается и на уровне официального нормотворчества.

О точках соприкосновения данных понятий писал Ю.И. Скуратов в своей работе: «мы полагаем, что понятия «объект конституционного регулирования» и «предмет государственного (конституционного) права» в целом являются совпадающими. Различия связаны со степенью детальности и конкретности регулирования, которая у государственного права несколько выше» [14, с. 60]. Действительно, у разнообразных отраслей права прослеживается свой «объект». Не является исключением и конституционное право. В данной отрасли в ряде случаев один и тот же объект является объектом регулирования различных отраслей права. Например, честь, достоинство, неприкосновенность жилища выступают объектом регулирования и охраны как конституционного, так и гражданского и уголовного права.

В то же время некоторые объекты правового регулирования, такие как основы конституционного строя, гражданство, публичная власть, местное самоуправление и др., в основном являются объектами регулирования конституционного права.

Во многом поддерживая позицию авторов о том, что «объект конституционного регулирования» и «предмет конституционного регулирования» – разные понятия, которые имеют точки соприкосновения, отметим, что в характеристике общественных отношений, подпадающих под воздействие конституционного регулирования, желательно отказаться от использования категории «предмет конституционного регулирования».

Это даст возможность закрепить многогранное понимание анализируемого явления и включить в его содержание принципы, субъекты, объекты социальной действительности, в которых заложен регулятивный потенциал, обусловленный политико-правовым, ценностно-ориентированным содержанием норм Конституции. На этот аспект вопроса указывают Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин [18, с. 20], А.Н. Пугачев [12, с. 117].

О множественности сфер конституционного регулирования пишет профессор Г. Сапаргалиев, указывая, что «спектр отношений, регулируемых нормами конституционного права, весьма широк. Он охватывает все сферы жизнедеятельности государства и общества: политическую, экономическую, социальную, культурную и т. д.» [13, с. 4]. По его утверждению, конституционное право не регулирует указанные отношения во всех их проявлениях и всесторонне. Оно регулирует основополагающие базовые слои (пределы) в указанных сферах [13, с. 4].

По мнению И.В. Верещагиной и Е.А. Палыгина, «Конституция охватывает две основные сферы общественных отношений: установление основных прав и свобод человека и гражданина (отношений между человеком и государством, гражданином и государством), регулирование отношений, касающихся устройства государства и государственной власти (властеотношения)» [6, с. 7].

Наличие вышеперечисленных точек зрения – это лишь одна сторона анализируемого вопроса, характеризующая широту сфер конституционного регулирования, определяющих сущность объекта конституционного регулирования в условиях нового технологического уклада.

Представляется, что под категорию «объект конституционного регулирования» помимо указанных видов отношений должны подпадать также основополагающие, руководящие идеи, начала, то есть принципы конституционного права, блага материального и нематериального характера, цифровые ценности личности, включая права и свободы человека и гражданина, суверенитет и независимость государственной власти, правовые интересы. Именно они характеризуют особую сферу отношений, область конституционного воздействия, точно раскрывая содержание «объекта конституционного регулирования», его объем.

Именно принципам конституционного права отведена роль истоков, которые характеризуют деятельность государства и общества его сферы – политическую, экономическую, социальную, духовную. Так, по мнению Ю.В. Кима, «центральным пунктом темы предмета/объекта конституционного регулирования является проблема пределов и глубины регулирования нормами основного закона государства идейно-политических, структурно-функциональных и прочих начал государственности, получающих соответствующее ценностно-нормативное выражение» [8, с. 65].

В самом общем виде объект конституционного регулирования составляют принципы, которые служат ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности в перспективе. Они интегрируют в себе то исходное содержание конституционного регулирования, круга отношений, замысел, представления о которых заложены нор-

мами Конституции РФ сегодня и представления в перспективе.

Им отведена фундаментальная роль укрепления единства норм Конституции РФ и общественных отношений в достижении поставленных целей – это те составляющие конституционного регулирования, которые определяют его начало в воздействии на общественные отношения, его целенаправленность и идеальную конечную цель воздействия. К примеру, в статьях Конституции, посвященных основам конституционного строя, закреплено положение о том, что Российская Федерация является федеративным, светским, правовым государством с республиканской формой правления. В данном случае достижение указанных положений – это идеальная цель конституционного регулирования, те исходные начала государства (стандарты), которые определяют приоритет его функционирования и регулирование отношений в этом направлении на долгие годы. Похожий пример можно привести и касательно конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина. Влияние на российскую правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права, определяющих права и свободы человека и гражданина, которые действуют на территории Российской Федерации, устанавливая большой объем прав и гарантий личности, привело к формированию общемировых целей конституционного регулирования и их закреплению в нормах Конституции РФ.

В Уставе ООН международное сотрудничество в области защиты прав и свобод человека провозглашается в качестве эффективного средства, способствующего поддержанию мира на земле [9]. Закрепление в международно-правовых актах основных международных стандартов в области прав и свобод человека, с одной стороны, позволило государству ликвидировать основные предпосылки произвола и злоупотребления властью, а с другой, учитывая тенденцию российской правовой системы к интеграции с правовыми системами мирового сообщества, делает возможным создание общих «наднациональных» механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина. Содержащиеся в нормах различных международных документов международные принципы полностью находят свое отражение в нормах Конституции РФ. Этот факт подтверждает приверженность Российского государства основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств, что на конституционном уровне имеет большое значение для интеграции России в международное сообщество, способствует формированию институтов правового государства и гражданского общества.

Объектом конституционного регулирования могут выступать и институты конституционного права, как-то: основы правового положения чело-

века и гражданина; суверенитет и независимость государства; публичная власть; местное самоуправление и др. Значение институтов конституционного права как объектов проявляется в том, что они выступают в виде обобщенной конституционной конструкции, указывающей на однородную взаимосвязанную между собой группу общественных отношений.

Помимо принципов и институтов к объектам конституционного регулирования можно отнести блага разнообразного характера, цифровые ценности личности, общества и государства, включая права и свободы человека и гражданина, суверенитет и независимость государственной власти, правовые интересы, находящиеся в сфере воздействия конституционного права. Государства стоят на пороге признания нового, четвертого поколения прав человека и гражданина. Эти права появились как результат взаимоотношений человека с информационно-технологическими продуктами и используемых в них технологиями.

Содержание объектов конституционного регулирования специфично и проявляется в том, что они участвуют в формировании правомерного поведения субъектов, материальной и духовной цифровой реальности. Как отмечает Е.В. Титова, «воздействие конституционных ценностей на поведение индивидов, их общностей и социум в целом представляет собой один из аспектов действия права на общественные отношения, результаты которого впоследствии находят выражение в социальном поведении, практической деятельности их субъектов» [16, с. 105].

Оценивая содержательную составляющую объектов конституционного регулирования применительно к отрасли конституционного права, следует отметить, что авторами выделяется довольно обширный их перечень – это коллективы граждан [19], экономическая сфера [4], социальная сфера [15], избирательная система [11], символы государства [3].

Можно условно сгруппировать виды объектов конституционного регулирования по блокам. К первому блоку можно отнести блага и ценности в сфере прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, основной ценностью и объектом конституционного регулирования является человек, его права и свободы, те идеалы, которые получили свое воплощение в нормах Конституции РФ 1993 года. Так, в статье 2 Конституции РФ говорится, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Основываясь на данной норме, отметим, что она сегодня находит свое воплощение в регулировании отношений, касающихся предоставления: личной свободы и обеспечения неприкосновенности личности (ст. 22), политической свободы (ст. 32), свободы творчества (ст. 44). Эти и многие другие ценности определяют главенствующее место человека как незаменимого элемента

государства, нормативный порядок его поведения как интегрирующего компонента государства, проводника его политики, получателя тех конституционных благ, которые провозглашены нормами Конституции РФ.

Второй блок – это отношения в сфере осуществления публичной власти. Объектом регулирования служат отношения в сфере функционирования институтов государства – народовласти, суверенитета, то есть тех ценностей, которые определяют сущность основ конституционного строя государства и устройства государства. В данном случае речь необходимо вести о создании фундаментальной ценностно-ориентированной основы регулирования отношений, имеющей внутреннее единство и определяемой логикой функционирования конституционных норм.

Восприятие в единстве всех вышеперечисленных составляющих объекта конституционного регулирования с большой степенью вероятности позволит определить многогранность объектов конституционного регулирования, истинное их содержание, обоснованное реальным развитием норм Конституции РФ.

Итак, можно с определенной долей условности полагать, что под объектом конституционного регулирования понимаются основополагающие принципы и ценности в сфере основ конституционного строя, функционирования государства и его органов, основ правового положения человека и гражданина и т. д., определяющие направленность регулятивного воздействия Конституции РФ. К разновидностям объектов конституционного регулирования можно отнести: основополагающие принципы деятельности общества и государства; основы конституционного строя (включая суверенитет и независимость государства, его территориальное устройство, социально-экономические основы); основы правового положения человека и гражданина (включая цифровые права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также институт гражданства); публичную власть (куда входят глава государства, парламент, правительство, органы конституционного контроля, органы правосудия); местное самоуправление и др.

Библиографический список

1. *Negroponte Nicholas*. Being Digital. – New York: Alfred A. Knopf, 1995. – URL: <http://web.stanford.edu/class/sts/NewFiles/Negroponte.pdf> (дата обращения: 26.06.2019 г.).
2. *Negroponte Nicholas*. Being Digital. – Geneva, 2019. – Р. 6.
3. *Андреева Г.Н.* Символы государства как объект конституционного регулирования // *Право и жизнь*. – 1999. – № 23. – С. 158–170.
4. *Билык О.О.* Конституционный характер политики Банка России как объекта государственно-

правового регулирования // Банковское право. – 2006. – № 4. – С. 14–17.

5. *Бутылин В.Н.* Учение о конституции. Конституционное право: учебник / под ред. проф. В.В. Лазарева. – М.: Новый Юрист, 1998. – 542 с.

6. *Верещagina И.В., Палыгина Е.А.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. пособие. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. – 116 с.

7. *Грецов Ю.И.* К проблеме правового регулирования // Правоведение. – 1981. – № 1. – С. 52–57.

8. *Ким Ю.В.* О предмете и объектах конституционного регулирования // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Юридические науки. – 2018. – № 3 (101). – С. 65.

9. Международное публичное право: сб. документов. Т. 2. – М.: Бек, 1996. – 539 с.

10. *Михалева Н.А.* Конституционное право зарубежных стран СНГ: учеб. пособие. – М.: Юристъ, 1998. – 350 с.

11. *Потеев Д.М.* Государственно-правовая необходимость восполнения пробелов в Конституции РФ // Актуальные проблемы конституционного развития России: история и современность: материалы науч.-практ. конф. – Архангельск: Изд. Поморского ун-та, 2004. – 36 с.

12. *Пугачев А.Н.* Предмет, объекты и пределы конституционного регулирования // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D: Экономические и юридические науки. – 2012. – № 14. – С. 117–119.

13. *Сапаргалиев Г.* Конституционное право Республики Казахстан: академический курс. – Алматы, 2007. – 544 с.

14. *Скуратов Ю.И.* Объект конституционного регулирования системы общественных отношений // Конституция и критика буржуазного конституционализма: межвуз. сб. – М., 1985. – С. 53–73.

15. *Скуратов Ю.И.* Социальное государство: общее и уникальное в конституционной практике России // Новое в российском и международном праве. Вып. 10. На пути к социальному государству: 15-летие российской Конституции / под ред. С.А. Глотова. – М., 2009. – С. 12–15.

16. *Титова Е.В.* Механизм воздействия конституционных ценностей на правомерное поведение субъектов конституционно-правовых отношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 105–112.

17. *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. – Саратов, 1967. – С. 20.

18. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной Конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

19. *Хабриева Т.Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 18.

20. *Черняков А.А.* Конституционное право Республики Казахстан: проблемы теории и практики:

теоретические и дидактические материалы. – Алматы: ӘділетПресс, 1997. – 162 с.

References

1. Negroponte Nicholas. Being Digital. – New York: Alfred A. Knopf, 1995. – URL: <http://web.stanford.edu/class/sts/NewFiles/Negroponte.pdf> (data obrashcheniya: 26.06.2019 g.).

2. Negroponte Nicholas. Being Digital. – Geneva, 2019. – P. 6.

3. Andreeva G.N. Simvolny gosudarstva kak ob'ekt konstitucionnogo regulirovaniya // Pravo i zhizn'. – 1999. – № 23. – S. 158–170.

4. Bilyk O.O. Konstitucionnyj karakter politiki Banka Rossii kak ob'ekta gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya // Bankovskoe pravo. – 2006. – № 4. – S. 14–17.

5. Butylin V.N. Uchenie o konstitucii. Konstitucionnoe pravo: uchebnik / pod red. prof. V.V. Lazareva. – М.: Novyj YUrist, 1998. – 542 с.

6. Vereshchagina I.V., Palygina E.A. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. posob. – Habarovsk: RIC HGAEP, 2007. – 116 с.

7. Greycov YU.I. K probleme pravovogo regulirovaniya // Pravovedenie. – 1981. – № 1. – S. 52–57.

8. Kim YU.V. O predmete i ob'ekтах konstitucionnogo regulirovaniya // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: YUridicheskie nauki. – 2018. – № 3 (101). – S. 65.

9. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dokumentov. T. 2. – М.: Бек, 1996. – 539 с.

10. Mihaleva N.A. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran SNG: ucheb. posobie. – М.: YUrist", 1998. – 350 с.

11. Poteev D.M. Gosudarstvenno-pravovaya neobhodimost' vospolneniya probelov v Konstitucii RF // Aktual'nye problemy konstitucionnogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy nauch.-prakt. konf. – Arhangel'sk: Izd. Pomorskogo un-ta, 2004. – 36 с.

12. Pugachev A.N. Predmet, ob'ekty i predely konstitucionnogo regulirovaniya // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2012. – № 14. – S. 117–119.

13. Sapargaliev G. Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan: akademicheskij kurs. – Алматы, 2007. – 544 с.

14. Skuratov YU.I. Ob'ekt konstitucionnogo regulirovaniya sistemy obshchestvennyh otnoshenij // Konstituciya i kritika burzhuaznogo konstitucionalizma: mezhvuz. sb. – М., 1985. – S. 53–73.

15. Skuratov YU.I. Social'noe gosudarstvo: obshchee i unikal'noe v konstitucionnoj praktike Rossii // Novee v rossijskom i mezhdunarodnom prave. Vyp. 10. Na puti k social'nomu gosudarstvu: 15-letie rossijskoj Konstitucii / pod red. S.A. Glotova. – М., 2009. – S. 12–15.

16. Titova E.V. Mekhanizm vozdejstviya konstitucionnyh cennostej na pravomernoe povedenie sub"ektov konstitucionno-pravovyh otnoshenij // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo. – 2015. – T. 15. – № 4. – S. 105–112.

17. Farber I.E., Rzhetskij V.A. Voprosy teorii sovetskogo konstitucionnogo prava. Vyp. 1. – Saratov, 1967. – S. 20.

18. Habrieva T.YA, CHirkin V.E. Teoriya sovremennoj Konstitucii. – M.: Norma, 2005. – 320 s.

19. Habrieva T.YA. Teoriya sovremennogo osnovnogo zakona i rossijskaya Konstituciya // Zhurnal rossijskogo prava. – 2008. – № 12. – S. 18.

20. CHernyakov A.A. Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan: problemy teorii i praktiki: teoreticheskie i didakticheskie materialy. – Almaty: EdiletPress, 1997. – 162 s.

ПЛОТНОСТЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ШКАЛА ОЦЕНКИ

В статье затрагивается тема оценки количественного увеличения массива правовых норм. Актуальность темы исследования обусловлена негативными последствиями законодательной инфляции, выражающейся в сверхвысокой правотворческой активности законодателя. Автор сосредотачивает внимание на соотношении количества правовых норм и объема общественных отношений. Статья раскрывает содержание понятия плотности нормативно-правового регулирования. Особое внимание в статье уделено построению шкалы плотности нормативно-правового регулирования общественных отношений. Обосновывается выделение низкой, средней и высокой степени плотности нормативно-правового регулирования общественных отношений. В качестве критерия дифференциации плотности нормативно-правового регулирования общественных отношений автор выделяет пробельность законодательства. Целью построения шкалы плотности нормативно-правового регулирования является управление рисками нормативно-правового регулирования, связанными с высокими издержками легальности и административными барьерами для ведения бизнеса.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, увеличение нормативного массива, детализация нормативно-правового регулирования, избыточное нормативно-правовое регулирование, плотность нормативно-правового регулирования, пробелы в праве, риск-ориентированный подход к нормативно-правовому регулированию.

Количественное увеличение массива правовых норм является актуальной тенденцией в развитии российского права. Как отмечает Е. Шульман, последние 20 лет в Российской Федерации наблюдается стабильное сокращение сроков принятия законов. Например, если в 1994 г. среднее время прохождения законопроектами стадий законотворческого процесса составляло 661 день, то в 2012 и 2013 гг. оно составило 182 и 132 дня соответственно [9]. При этом существенно возросло количество издаваемых законодательных актов. Так, «период деятельности депутатов Государственной думы (2013–2014 гг.) был охарактеризован как «бешеный принтер»: произошел скачок с 560 инициатив в 2012 г. до 882 инициатив в 2014 г.» [8]. Данная характеристика не случайна и основана на статистике правотворческого процесса, фиксирующей периодические «всплески» активности отечественного законодателя.

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой увеличение числа нормативно-правовых актов представляет собой значимую проблему правового регулирования [2, с. 18]. В этой связи важной задачей является оценка количественных изменений массива правовых норм с целью формирования адекватной картины состояния нормативно-правового регулирования общественных отношений. Так, обеспеченность законодателя необходимой информацией о полноте нормативно-правового регулирования в тех или иных сферах общественной жизни позволяет существенно повысить эффективность правового регулирования, с одной стороны, а также избежать избыточного нормативно-правового регулирования – с другой.

По нашему мнению, для оценки количественных изменений массива правовых норм необходимо обратиться к понятию плотности норма-

тивно-правового регулирования. Так, показатель плотности нормативно-правового регулирования описывает количество правовых норм относительно объема общественных отношений и позволяет выявить участки жизни общества, характеризующиеся полнотой или, напротив, дефицитом нормативной регламентации.

В научных источниках плотность нормативно-правового регулирования в юридической литературе связывается с «количеством государственных регуляций, объектом которых является отдельный человек или организация в единицу времени» [6]. В этом смысле плотность описывает соотношение количества правовых норм и объема свободы совершения определенных социальных действий (бездействия). Чем меньше плотность нормативно-правового регулирования, тем большей степенью свободы обладает индивид. Указанная трактовка понятия плотности (интенсивности) нормативно-правового регулирования нашла отражение в практике Конституционного суда Российской Федерации. Так, в определении Конституционного суда Российской Федерации от 10.02.2016 № 224-О отмечается, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не предоставил [5]. Из сказанного следует, что частная жизнь рассматривается Конституционным судом Российской Федерации как сфера общественных отношений, характерной особенностью которой является недопустимость всеохватывающей нормативной регламентации поведения граждан. Таким образом, «плотное» нормативно-правовое регулирование предполагает детальную регламентацию общественных отношений. В свою очередь, нор-

мативно-правовое регулирование, характеризуемое низкой плотностью, оставляет области общественных отношений, свободные от правовой регламентации и контроля со стороны государства.

Основанием для построения шкалы плотности нормативно-правового регулирования может служить пробельность права. При этом важно подчеркнуть, что пробел в праве здесь рассматривается в самом широком смысле, то есть как полная или частичная неурегулированность общественных отношений нормами права [3]. Таким образом, понятие пробела в праве освобождается от негативных коннотаций, связанных с пониманием данного явления как разновидности правотворческой ошибки. Исходя из вышеизложенного, допустимо выделить низкую, среднюю и высокую степени плотности нормативно-правового регулирования.

Низкая степень плотности нормативно-правового регулирования предполагает сохранение широкого круга общественных отношений, не подверженных контролю со стороны государства. Отличительной особенностью низкой степени плотности нормативно-правового регулирования являются обширные и многочисленные пробелы в праве. Низкая степень плотности нормативно-правового регулирования характерна для так называемых зон неинтенсивного правового регулирования, в которых, по выражению С.С. Алексеева, существует юридически «разряженное» пространство. Например, в зону неинтенсивного правового регулирования входят семейные отношения. Законодатель не стремится к правовой регламентации всех аспектов семейной жизни, «закон здесь нередко скромно молчит» [1, с. 69]. Таким образом, общим правилом для правового регулирования с низкой степенью плотности выступает наличие многочисленных пробелов в праве.

При средней плотности нормативно-правового регулирования количество правовых предписаний таково, что позволяет регламентировать с разной степенью детализации ключевые секторы областей социального бытия, входящих в предмет правового регулирования. В то же время средняя плотность нормативно-правового регулирования не исключает наличия пробелов в праве. Примером нормативно-правового регулирования со средней степенью плотности может служить упорядочивание общественных отношений в сфере корпоративного права. Будучи подотраслью гражданского права, на правовое регулирование корпоративных отношений распространяется принцип «разрешено все, что не запрещено», который обуславливает некоторую пробельность корпоративного права. В то же время законодатель стремится к полноте регулирования корпоративных отношений посредством наращивания массива правовых норм. Об этом, в частности, свидетельствует принятие федеральных законов, регламентирующих деятельность

юридических лиц, создаваемых в организационной правовой форме общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества. С учетом вышеизложенного общим правилом для нормативно-правового регулирования со средней степенью плотности выступает детальная регламентация общественных отношений при допущении пробелов в праве.

При высокой степени плотности нормативно-правового регулирования имеет место детальная, исключая пробельность права регламентация общественных отношений. Пробел в праве рассматривается как правотворческая ошибка, требующая немедленного устранения. Высокая степень плотности характерна для зон интенсивного правового регулирования, «где дозволения и запреты плотно “прижаты” друг к другу» [1, с. 70]. Примером общественных отношений, расположенных в зоне нормативно-правового регулирования с высокой степенью плотности, по нашему мнению, могут служить уголовно-правовые отношения. Так, предмет уголовно-правового регулирования строго определен, поскольку законодатель, во избежание необоснованного применения уголовной репрессии, стремится обеспечить максимальную детализацию уголовно-правового регулирования.

По нашему мнению, практическая значимость применения приведенной шкалы плотности нормативно-правового регулирования может выражаться в более взвешенном распределении рисков, связанных с нормативно-правовым регулированием. Так, существует широкий круг общественных отношений, которые: «а) не допускают правового регулирования вообще; б) допускают, но такое регулирование нежелательно; в) допускают, желательно, но в определенных пределах» [4, т. 2, с. 468]. Из сказанного следует, что увеличение плотности нормативно-правового регулирования общественных отношений категорий «б» и «в» требует более тщательного анализа последствий принятия соответствующих правотворческих решений. Указанный подход нашел практическое применение в рамках института оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов в сфере предпринимательской деятельности. Например, проекты нормативно-правовых актов, обладающие высокой степенью регулирующего воздействия, то есть вводящие новые обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, подлежат более длительной процедуре рассмотрения [7].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, плотность нормативно-правового регулирования может быть определена как величина, характеризующая отношение количества правовых норм к объему социальных связей, составляющих предмет правового регулирования.

Во-вторых, плотность нормативно-правового регулирования может быть ранжирована в зависимости от пробельности права. Для нормативно-правового регулирования со средней степенью плотности характерна детальная регламентация общественных отношений при допущении пробелов в праве. Для низкой степени плотности нормативно-правового регулирования общим правилом является пробельность права. Отличительной чертой высокой степени плотности нормативно-правового регулирования выступает общий запрет пробелов в праве.

В-третьих, шкала плотности нормативно-правового регулирования может быть использована в рамках риск-ориентированного подхода к нормативной регламентации общественных отношений. Так, общественные отношения, уязвимые для административных барьеров, могут быть защищены от негативных последствий сверхвысокой правотворческой активности законодателя посредством усложнения порядка повышения плотности нормативно-правового регулирования.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.
2. Белоусов С.А. Юридическая инфляция как форма проявления законодательного дисбаланса // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 2. – С. 16–22.
3. Костенко М.А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки [Электронный ресурс] // Известия Южного федерального университета. Сер.: Технические науки. – 2008. – № 10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/probel-v-prave-kak-raznovidnost-pravotvorcheskoy-oshibki> (дата обращения: 14.04.2019).
4. Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. – М.: Новая юстиция, 2010. – Т. 2. – 504 с.
5. Определение Конституционного суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225217.pdf> (дата обращения: 14.04.2019).
6. Панеях Э.Л. Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций (на примере российской правоохранительной системы) [Электронный ресурс] // Политика. – 2011. – №2 (61). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transaktsionnye-effekty-plotnogo-regulirovaniya-na-stykh-organizatsiy-na-primere-rossiyskoj-pravoohranitelnoy-sistemy> (дата обращения: 14.04.2019).

ru/article/n/transaktsionnye-effekty-plotnogo-regulirovaniya-na-stykh-organizatsiy-na-primere-rossiyskoj-pravoohranitelnoy-sistemy (дата обращения: 14.04.2019).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depreulatinginfluence/doc20121217_05 (дата обращения: 14.04.2019).

8. Сулакишин С.С., Гаганов А.А. Постсоветский российский парламентаризм взглядом аналитика. – М.: Наука и политика, 2015. – 48 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/postsovetskij-rossijskij-parlamentarizm-vzgljadom-analitika> (дата обращения: 14.04.2019).

9. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. – М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. – 184 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://msps.su/files/2014/12/SCHULMAN_WerRAB.pdf (дата обращения: 14.04.2019).

References

1. Alekseev S.S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. – M.: YUrid. lit., 1989. – 288 s.
2. Belousov S.A. YUridicheskaya inflyaciya kak forma proyavleniya zakonodatel'nogo disbalansa // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2015. – № 2. – S. 16–22.
3. Kostenko M.A. Probel v prave kak raznovidnost' pravotvorcheskoj oshibki [Elektronnyj resurs] // Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Ser.: Tekhnicheskie nauki. – 2008. – № 10. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/probel-v-prave-kak-raznovidnost-pravotvorcheskoy-oshibki> (data obrashcheniya: 14.04.2019).
4. Lazarev V.V. Izbrannye trudy: v 3 t. Probely v zakonodatel'stve: ustanovlenie, preodolenie, ustranenie. – M.: Novaya yusticiya, 2010. – T. 2. – 504 s.
5. Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 10.02.2016 № 224-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Biryukovoj Tat'yany Mihajlovny, Sablinoj Eleny Vladimirovny i Sablinoj Nelli Stepanovny na narushenie ih konstitucionnyh prav stat'ej 8 Zakona Rossijskoj Federacii «O transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka»». [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225217.pdf> (data obrashcheniya: 14.04.2019).

6. Paneyah E.L. Transakcionnye efekty plotnogo regulirovaniya na stykah organizacij (na primere rossijskoj pravoohranitel'noj sistemy) [Elektronnyj resurs] // *Politiya*. – 2011. – №2 (61). – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/transaktsionnye-effekty-plotnogo-regulirovaniya-na-styках-organizatsiy-na-primere-rossiyskoj-pravoohranitel'noy-sistemy> (data obrashcheniya: 14.04.2019).

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17.12.2012 g. № 1318 «O poryadke provedeniya federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti ocenki reguliruyushchego vozdejstviya proektov normativnyh pravovyh aktov, proektov popravok k proektam federal'nyh zakonov i proektov reshenij Soveta Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii, a takzhe o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva

Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deprelatinginfluence/doc20121217_05 (data obrashcheniya: 14.04.2019).

8. Sulakshin S.S., Gaganov A.A. Postsovetskij rossijskij parlamentarizm vzglyadom analitika. – M.: Nauka i politika, 2015. – 48 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rusrand.ru/docconf/postsovetskij-rossijskij-parlamentarizm-vzglyadom-analitika> (data obrashcheniya: 14.04.2019).

9. SHul'man E. Zakonotvorchestvo kak politicheskij process. – M.: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, 2014. – 184 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://msps.su/files/2014/12/SCHULMAN_WerRAB.pdf (data obrashcheniya: 14.04.2019).

Коваль Сергей Петровичкандидат исторических наук
Ивановский государственный университет
petrovitsch17@mail.ru**Цветков Михаил Юрьевич**кандидат философских наук
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново
kleopatra-lebedeva@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО МЕХАНИЗМ УЧАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ВЫБОРАХ

В настоящей статье анализируются аспекты развития законодательства РФ, регулирующего механизм участия партий в выборах, порядок создания политических партий, изменения правового статуса избирательного объединения, перспективы применения мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, а также система гарантий, которые установлены по итогам участия партий в выборах. Обосновывается идея о том, что совершенствование избирательного законодательства РФ заключается в поиске оптимального вида избирательной системы, которая обеспечивает эффективный механизм реализации народного представительства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Авторы приходят к выводу о том, что разработка новых положений в области избирательного права, посвященных оценке правомочий политических партий как основных коллективных участников избирательного процесса, определение объема и содержания прав избирательных объединений по участию в конкретных действиях и процедурах будут способствовать дальнейшей демократизации и совершенствованию избирательного процесса.

Ключевые слова: выборы, политические партии, демократия, избирательная система, избирательное законодательство, избирательный процесс, избирательное объединение.

Важным итогом развития современной избирательной системы РФ явилось включение политических партий и иных избирательных объединений в число активных участников избирательного процесса.

Дальнейшее совершенствование действующего избирательного законодательства должно быть направлено на создание условий для того, чтобы политический механизм коллективного выбора позволял наиболее адекватно отражать потребности и предпочтения как отдельных социальных групп, так и избирателей всей страны.

Особый интерес юристов и политологов вызывают правовые основы функционирования многопартийной политической системы, которая способна объединить интересы общества в целом и его различных социальных групп, адекватно выражать их в деятельности парламента РФ, а также законодательных (представительных) органов субъектов РФ и представительных органов местного самоуправления.

С принятием Федерального закона «О политических партиях» в 2001 г. важная роль в обновлении России была отведена политическим партиям, что является закономерным, поскольку многопартийность – одна из основ конституционного (государственного) строя РФ, необходимая составная часть развития демократии [8].

Политические партии в РФ необходимо рассматривать как неотъемлемую часть сложившейся политической системы, которая выполняет социально и политически значимые функции, одна из которых неизбежно связана с обеспечением представления интересов граждан в определенных

органах государственной власти. Партии играют стабилизирующую роль и способны обеспечить преемственность власти и реализацию интересов различных социальных групп [4, с. 12].

Участие в выборах и референдумах наряду с представлением интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления нормативно закреплены в Федеральном законе «О политических партиях» в качестве основных целей создания партий.

С 1995 г. законодательство о политических партиях и выборах изменялось неоднократно. Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» переписывался трижды, а в действующий закон на современном этапе было внесено 84 поправки. Закон о политических партиях появился в 2001 г. и претерпел уже 51 редакцию [3, с. 161].

Требования, предъявляемые к правилам создания политических партий, постоянно изменялись. В 2001 г. со вступлением в юридическую силу Федерального закона «О политических партиях» необходимо было зарегистрировать региональные отделения партии более чем в половине субъектов РФ. В партии должно состоять не менее 10 тыс. членов, и при этом региональные объединения должны быть численностью не менее 100 членов.

В дальнейшем требования к численному составу партии менялись весьма существенно. Согласно изменениям, внесенным в 2004 г., численность партии должна была составлять не менее 50 тыс. членов. При этом более чем в половине регионов РФ политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов [9].

В 2012 г. требование к общему составу партии было снижено до 40 тыс. членов. Более чем в половине субъектов РФ политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее 400 членов, а в остальных региональных отделениях численность каждого из них не могла составлять менее 150 членов партии [10].

После выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ шестого созыва, состоявшихся в декабре 2011 г., в закон «О политических партиях» были внесены изменения, значительно упростившие требования к порядку их создания и деятельности. В 2013 г. вступили в силу обновленные правила законодательства РФ, согласно которым для создания политической партии достаточно членства в 500 человек.

Данные поправки Федерального закона «О политических партиях» были подвергнуты серьезной критике. Невозможно представить, как партия численностью 500 членов может выполнять соответствующую публичную функцию и гарантировать образование политических взглядов многочисленного корпуса избирателей. Вместе с тем политическая реальность связана с тем, что на сегодняшний день в РФ зарегистрировано 61 политическая партия, численность которых не особо превышает предусмотренного законодателем минимума [5, с. 102].

В то же время с изменениями требований, предъявляемых к созданию политических партий, менялся и порядок их участия в выборах. Процесс уточнения условий участия избирательных объединений в выборах и сегодня продолжает развиваться. Важная роль в этом принадлежит Конституционному суду РФ, который нередко выражал свои правовые позиции относительно объема и содержания прав политических партий. Конституционный суд РФ много раз отмечал, что при детализировании положений Конституции РФ о свободных выборах, избирательных правах, а также о порядке участия в выборах избирательных объединений законодатель обладает правом выбора соответствующих средств и методов, которые определяются историческими условиями, складывающимися на том или ином этапе развития страны [2, с. 102].

По мнению Н.Ю. Турищевой, формирование современной российской избирательной системы и поиск оптимальной модели народного представительства сопровождалось конкретизацией понятия «избирательное объединение». На сегодняшний день признаки избирательного объединения воплощаются законодателем через призму наделяния партии правом на выдвижение кандидатов (списков кандидатов) на выборах соответствующего уровня [7, с. 34].

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (ст. 2) устанавливает, что на выборах федерального уровня в качестве избира-

тельного объединения может выступать только политическая партия.

Выдвижение списков кандидатов партиями на выборах в Государственную думу Федерального собрания РФ в целом соответствует общемировой избирательной практике и является характерной чертой организации выборов депутатов законодательного органа государственной власти во многих федеративных государствах (например, в США, Бразилии, Германии).

Мировой избирательной практике известны примеры создания политических партий регионального уровня, которые могут наделяться правом участия в федеральных выборах (например, в Аргентине).

Конструкция политических партий предусматривает, что на региональном уровне в качестве избирательного объединения может выступать не только партия, но и ее соответствующее региональное отделение.

Политические партии в условиях современной России и времен Российской империи являются разновидностью политического объединения, чья деятельность ориентирована на достижение и осуществление политической власти. Политическая партия в России отличается от других общественных объединений, существует исключительно ради участия в политической жизни государства [1, с. 124].

С 2003 г. по 2013 г. наблюдалась тенденция усиления пропорциональной составляющей при проведении выборов депутатов всех уровней, что вело к трансформации персонального представительства избирателей в корпоративную систему представительства политических партий. С 2013 г. и по настоящее время наблюдается сокращение пропорциональной составляющей на выборах всех уровней.

Необходимо отметить, что формирование Государственной думы Федерального собрания РФ первого созыва (1993 г.), второго (1995 г.), третьего (1999 г.) и четвертого (2003 г.) созывов осуществлялось на основании смешанной избирательной системы, что способствовало становлению партийно-политической системы. Государственная дума пятого (2007 г.) и шестого (2011 г.) созывов формировалась исключительно на основании пропорциональной избирательной системы. В 2016 г. выборы депутатов Государственной думы седьмого созыва проходили на основании смешанной избирательной системы.

Первые созывы законодательных (представительных) органов субъектов РФ в подавляющем большинстве формировались на основании мажоритарной избирательной системы. В период с июля 2003 г. по ноябрь 2013 г. действовала норма права Федерального закона «Об общих принципах формирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», согласно которой не менее

50 % депутатских мандатов в региональном парламенте или в одной из его палат должны были распределяться на основании пропорциональной избирательной системы. В данный момент это требование снижено до 25 %.

С развитием избирательного законодательства и законодательства о политических партиях подвергалась изменениям и система государственных гарантий, которые устанавливаются по результатам участия партий в выборах.

Впервые освобождение партий от сбора подписей было введено по итогам выборов депутатов Государственной думы пятого созыва, состоявшихся в 2007 году. Политические партии, преодолевшие семипроцентный барьер в ходе выборов в нижнюю палату Федерального собрания РФ, на всех последующих выборах любого уровня освобождались от сбора подписей в поддержку выдвигаемых ими кандидатов и списков кандидатов. С данного момента партии КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР и «Справедливая Россия» выдвигают своих кандидатов без сбора подписей.

В 2014 г. законодатель ввел норму права, согласно которой от сбора подписей на выборах в федеральный и региональный парламенты, представительные органы муниципальных образований освобождались те партии, которые смогли набрать более 3 % голосов избирателей при голосовании за списки кандидатов на последних выборах в Государственную думу (при заградительном барьере 5 %).

Согласно положениям ФЗ «О выборах Президента РФ» (ст. 36) на выборах Президента РФ без сбора подписей могут выдвигать кандидатов партии, допущенные к распределению мандатов в ходе последних выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ.

Законодателем учитываются результаты предыдущего участия партий в выборах и имеющийся уровень поддержки партии среди электората. На уровне федерального законодательства нарушается принцип равенства участия партий в выборах, которые при отсутствии избранных депутатов в законодательных органах государственной власти федерального и регионального уровней, в представительных органах муниципальных образований должны собирать подписи в поддержку выдвигаемых ими кандидатов и списков кандидатов.

При определении финансовых гарантий и правил участия в агитационных мероприятиях учитываются результаты участия партий в ходе прошлых избирательных кампаний. Согласно положениям статьи 33 Федерального закона «О политических партиях» государственное финансирование политических партий, принимавших участие в выборах, осуществляется:

– по результатам выборов депутатов Государственной думы – ежегодно в размере 152 рублей,

умноженных на число голосов избирателей, полученных федеральным списком данной партии;

– по результатам выборов Президента РФ – одновременно в размере 152 рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных выдвинутой партией зарегистрированным кандидатом на должность Президента РФ.

Государство оказывает не только прямую финансовую поддержку партиям по результатам выборов, но и косвенную – при организации избирательной кампании путем предоставления для целей предвыборной агитации бесплатного эфирного времени и печатной площади в государственных и муниципальных средствах массовой информации, помещений, находящихся в муниципальной собственности, для встреч с избирателями.

Партия должна обязательно участвовать в выборах, чтобы доказывать свою жизнеспособность. В соответствии с положениями ст. 37 Федерального закона «О политических партиях», чтобы получить статус политической партии, участвующей в выборах, партия должна в ходе избирательных кампаний разного уровня зарегистрировать своих кандидатов (списки кандидатов) и довести их до стадии голосования. Законодательство РФ устанавливает следующие требования, предъявляемые к регистрации партиями кандидатов на выборах различного уровня:

– на выборах депутатов Государственной думы – это список кандидатов;

– на выборах Президента РФ – кандидат;

– на выборах высших должностных лиц регионов РФ – кандидаты не менее чем в 10 % субъектов РФ;

– на выборах депутатов законодательных (представительных) органов субъектов РФ – кандидаты (списки кандидатов) не менее чем в 20 % субъектов РФ;

– на выборах в органы местного самоуправления – кандидаты (списки кандидатов) более чем в половине субъектов РФ.

Определена часть основных правомочий избирательных объединений на выборах. Они связаны с возможностью осуществления в период конкретной избирательной кампании следующих избирательных действий:

– участие в формировании избирательных комиссий;

– выдвижение кандидатов (списков кандидатов);

– ведение предвыборной агитации;

– осуществление наблюдения в процессе голосования и подсчета голосов избирателей;

– обжалование действий избирательных комиссий;

– обжалование итогов голосования и результатов выборов в судебном порядке.

В средствах массовой информации и на страницах научных изданий часто отражаются проблемные вопросы, которые возникают в процессе

реализации правомочий политических партий по участию в выборах.

Обобщенное понятие избирательного объединения, закрепленное Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», приводит к возникновению определенных правовых коллизий. Например, норма статьи 2 данного закона устанавливает, что на региональных выборах в качестве избирательного объединения может выступать как партия, так и её региональное отделение, а на муниципальных – не только партия, но и ее региональное и местное отделения, что порождает противоречия, связанные с возможностью одновременного выдвижения по одному и тому же избирательному округу кандидатов разными структурными подразделениями партии.

Организация российской избирательной системы путем возложения обязанностей по подготовке и проведению выборов на избирательные комиссии переводит в разряд актуальных вопросы порядка формирования комиссий, их независимости, компетенции и ответственности.

Предусмотренный порядок участия партий в формировании избирательных комиссий ставит их в заведомо неравные условия. Установленное ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» (ст. 23 п. 7, ст. 24 п. 8, ст. 25 п. 7, ст. 26 п. 7, ст. 27 п. 5) требование об обязательном назначении в состав избирательной комиссии не менее половины ее членов на основании предложений политических партий, списки кандидатов которых допущены к распределению депутатских мандатов в Государственной думе Федерального собрания РФ, законодательном (представительном) органе субъекта РФ, представительном органе местного самоуправления, было легко выполнимо в тот период, когда в России участвовали в выборах всего семь политических партий. Увеличение числа политических партий с ещё большей остротой высветило проблему обеспечения равного представительства партий в составе избирательных комиссий.

Возрастающее значение роли избирательных объединений в процессе легитимации избираемых органов публичной власти, а также значительное увеличение количества политических партий, имеющих право участвовать в выборах, выводят на первый план проблему оптимизации системы правовых гарантий их участия в выборах.

Принятая в доктрине конституционного права точка зрения о наличии избирательных прав лишь у граждан, реализующих свое активное или пассивное избирательное право, оставляет вне поля зрения законодателя необходимость закрепления и совершенствования системы правовых гарантий на участие в выборах не только граждан, но и избирательных объединений.

Выявление имеющихся проблем в области обеспечения прав избирательных объединений как основного участника избирательного процесса и предложение путей их решения в полном объеме высвечивают необходимость совершенствования отдельных положений конституционно-правовой теории.

Анализ правоприменительной практики избирательных комиссий, судебной практики, отражающей участие политических партий и иных избирательных объединений в выборах различного уровня, позволяет выявить характерные нарушения правомочий избирательных объединений. Основная проблема, на решение которой сегодня должны быть направлены усилия законодателя, – совершенствование институтов избирательного права и процесса, посредством которых обеспечивается участие избирательных объединений в выборах.

Стабильное законодательное регулирование института политических партий в современной России отсутствует, что искажает смысл данного института как представителя воли народа. Избирательное право РФ подвергается постоянным изменениям, чрезмерно сложно и нестабильно, имеются двойные стандарты его применения, снижается доверие избирателей [6, с. 219].

Неопределенность нормативного содержания отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» по-прежнему ставит теоретически и практически актуальные задачи перед наукой избирательного права и процесса. К их числу необходимо отнести следующие: обеспечение гарантий политических партий в процессе формирования избирательных комиссий; упрощение процедуры выдвижения избирательными объединениями кандидатов; совершенствование механизма участия избирательных объединений в агитационной деятельности; конкретизация системы предпочтений для избирательных объединений, представленных в законодательных органах государственной власти и представительных органах муниципальных образований; совершенствование механизма административного рассмотрения избирательных споров.

Разработка новых положений в области избирательного права, посвященных оценке правомочий политических партий как основных коллективных участников избирательного процесса, определение объема и содержания прав избирательных объединений по участию в конкретных действиях и процедурах будут способствовать дальнейшей демократизации и совершенствованию избирательного процесса в РФ.

Библиографический список

1. Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических пар-

тий в России // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 123–129.

2. Князев С.Д., Арановский К.В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 16. – С. 33–37.

3. Кошель А.С. Некоторые вопросы развития порядка формирования Государственной Думы Федерального Собрания РФ, региональных парламентов на современном этапе // Вестник Тюменского государственного университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 159–171.

4. Курочкин А.В. Правовая институционализация политических партий в РФ: монография. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. – 256 с.

5. Политические партии в РФ (справочное издание) / под общ. ред. Л.Г. Ивлева / Мин. юстиции РФ. – М.: ЦИК РФ, 2015. – Вып. 4. – 230 с.

6. Сербин М.В. Проблемы избирательного права России // Lex russica. – 2017. – № 2. – С. 217–222.

7. Турищева Н.Ю. Правовое регулирование участия партий в выборах // Государство и право. – 2016. – № 8. – С. 29–39.

8. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 03.07.2018) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

9. Федеральный закон от 20.12.2004 «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 5272.

10. Федеральный закон от 28.04.2009 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 18 (Ч. 1). – Ст. 2155.

References

1. Darkov A.A. Periodizaciya istorii pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti politicheskikh partij v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2009. – № 5. – S. 123–129.

2. Knyazev S.D., Aranovskij K.V. Politicheskoe predstavitel'stvo i vybory: publichno-pravovaya priroda i sootnoshenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2007. – № 16. – S. 33–37.

3. Koshel' A.S. Nekotorye voprosy razvitiya porjadka formirovaniya Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya RF, regional'nyh parlamentov na sovremennom etape // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – Т. 4. – № 1. – S. 159–171.

4. Kurochkin A.V. Pravovaya institucionalizaciya politicheskikh partij v RF: monografiya. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2014. – 256 s.

5. Politicheskie partii v RF (spravochnoe izdanie) / pod obshch. red. L.G. Ivleva / Min. yusticii RF. – M.: CIK RF, 2015. – Vyp. 4. – 230 s.

6. Serbin M.V. Problemy izbiratel'nogo prava Rossii // Lex russica. – 2017. – № 2. – S. 217–222.

7. Turishcheva N.YU. Pravovoe regulirovanie uchastiya partij v vyborah // Gosudarstvo i pravo. – 2016. – № 8. – S. 29–39.

8. Federal'nyj zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ (red. ot 03.07.2018) «O politicheskikh partijah» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 29. – St. 2950.

9. Federal'nyj zakon ot 20.12.2004 «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O politicheskikh partijah”» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2004. – № 52 (CH. 1). – St. 5272.

10. Federal'nyj zakon ot 28.04.2009 g. «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O politicheskikh partijah”» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 18 (CH. 1). – St. 2155.

СВОЙСТВА СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ НОРМ ПРАВА
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье приводятся аргументы в пользу того, что совокупность источников норм права, существующая в Луганской Народной Республике, – это система социально-правового характера, сформировавшаяся в результате эволюции государства и отражающая национально-этнические, политические, правовые и другие особенности такой эволюции. Системе источников норм права Луганской Народной Республики присущи определенные свойства, среди которых можно выделить: организованность, целостность, сложность, инерционность и динамичность.

Автор статьи обосновывает положение о том, что любые предложения о признании новых видов или об исключении существующих источников норм права в Луганской Народной Республике должны рассматриваться через призму их (источников) внешних и внутренних структурно-функциональных взаимосвязей. Стабильность системы источников норм права Луганской Народной Республики должна стать следствием естественно-исторических, эволюционных процессов. Все попытки радикального ускорения процессов реорганизации такой системы обречены на неудачу, если не будут учитываться проявления системных свойств входящих в них источников.

Ключевые слова: источник, норма права, система источников, организованность, целостность, сложность, инерционность, динамичность.

Источники норм права относятся к ключевым категориям юридической науки. Их освещение в научной литературе происходит под разными ракурсами. Одни авторы пытаются раскрыть особенности формирования системы таких источников [6; 8], другие – предложить их понятие [2; 4], третьи – описать форму и содержание источников нормативных положений [9], четвертые – выделить критерии, по которым следует разграничивать формы и источники права [5]. Несмотря на наличие многочисленных публикаций по указанной тематике, в большинстве из них не уделяется должного внимания раскрытию системных свойств источников норм права того или иного государства.

Автор данной работы предпринимает попытку частично восполнить отмеченный пробел. На страницах этой статьи представлены результаты наших наблюдений за формированием системы источников норм права Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), которая с мая 2014 года развивается в условиях военного положения [3].

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что совокупность источников норм права, которая существует на данный момент в ЛНР, – это система социально-правового характера, сформировавшаяся в результате эволюции государства и отражающая национально-этнические, политические, правовые и другие особенности такой эволюции.

Во-вторых, стоит ожидать, что отмеченные особенности в дальнейшем будут отражаться на проявлении внутреннего видового многообразия указанной системы, а также на ее внутренних и внешних структурно-функциональных взаимосвязях.

И, в-третьих, свойства, проявляемые системой источников норм права ЛНР, следует относить к качествам интегративного характера, поскольку они

приобретены этой системой в результате сочетания ее элементов – видов источников нормативных положений. Такие качества определяют статические и динамические характеристики развития анализируемого системного образования.

Избирая определенное название для характеристики отдельного свойства системы источников норм права ЛНР, мы пытались как можно конкретнее передать его сущность. При этом мы допускаем, что предлагаемые названия свойств являются условными и в перспективе могут быть скорректированы другими учеными.

Полагаем, что одним из основных свойств системы источников норм права ЛНР является ее *организованность*. Это свойство характеризует уровень согласованности анализируемого системного образования и позволяет последнему эффективно воздействовать на все общественные отношения, участниками которых выступают субъекты права ЛНР.

С уверенностью можно заявить о том, что такую совокупную функциональную нагрузку не могут нести на себе отдельные источники правовых норм, потому что они отвечают за разрешение лишь некоторых проблем, возникающих в сфере деятельности субъектов публичного администрирования. Так, например, нормативно-правовые акты, издаваемые органами государственной исполнительной власти ЛНР, создают предпосылки для реализации субъектами права только части своих прав, свобод, законных интересов и обязанностей в сфере государственного управления. Другие же составляющие такой функциональной нагрузки распределены на законы, муниципальные нормативно-правовые акты, нормативные договоры.

Однако стоит помнить о том, что такая функциональная дифференциация между существующими источниками правовых норм имеет под собой объективные основания. Если бы она не выполня-

лась или необдуманно перераспределялась с одного вида источника на другой, то происходили бы соответствующие деструктивные трансформации и в самой системе источников норм права ЛНР – изменялась бы ее экономность, эффективность и результативность полезного воздействия на развитие социума, надежность всей системы. Более того, последствия такой деструктивной трансформации негативным образом сказывались бы также на развитии правовой системы самого государства.

Особенные субординационные связи, определяющие правила отыскания источников норм права, а также реализации их нормативных положений в конкретных жизненных ситуациях – это маркеры такого свойства, как организованность системы источников норм права. Обладая таким свойством, система источников норм права ЛНР должна минимизировать (а в идеале даже исключать) те случаи, когда для разрешения определенного вопроса невозможно будет найти нужный источник нормативных положений. Если же существующая система источников норм права не обеспечивает выполнение данной функции, то тогда правомерно ученым, практикам, парламентариям или даже простым обывателям ставить вопрос о целесообразности ее реформирования или повышения качества ее содержания.

Система источников норм права ЛНР должна выполнять эффективно, конечно же, не только отмеченную функцию. Важно также, чтобы в указанное системное образование были включены и постоянно продолжали включаться лишь те источники нормативных положений, которые порождали бы у субъектов общественных отношений уверенность в том, что в таких источниках содержатся только легитимные и справедливые нормативные предписания. Достигнуть соответствующего результата можно за счет постоянного совершенствования структурно-функциональных связей системы источников норм права ЛНР. Нужно также непрерывно повышать и качество содержания нормативно-правового материала каждого источника.

Целостность – еще одно свойство, присущее системе источников норм права Луганской Народной Республики. Оно многоаспектно, потому что характеризует функциональную и организационную завершенность такого системного образования.

Среди аспектов проявления целостности системы источников норм права ЛНР следует выделить иерархичность и связанность ее элементов по вертикали. Важнейшим компонентом целостности системы нужно считать и ее устойчивость, то есть способность данного системного образования противостоять разрушительным воздействиям внешней среды. Проявляется целостность системы источников норм права ЛНР также и в интегрированности ее частей, в результате которой свойства последних модифицируются в качественно иные характеристики, присущие уже самой системе.

Еще одним из аспектов целостности системы источников норм права ЛНР является наличие у последней некоторого внешнего предела, обусловленного ее функциональным выделением из среды. В качестве такого внешнего предела выступает основное функциональное назначение источников норм права – быть «резервуаром» существующих нормативных положений. По отношению к системе источников норм права в качестве среды ее функционирования выступает правовая система ЛНР.

Системе источников норм права ЛНР присуще еще одно свойство, а именно – ее *сложность*. Данное свойство проявляется через внутреннее разнообразие такой системы, то есть количественное и качественное отличие ее элементов. В Луганской Народной Республике законы с подзаконными нормативными актами находятся в сложных и разносторонних структурно-функциональных взаимосвязях. Источники норм права, объединенные в данном государстве в систему, отличаются друг от друга не только особенностями их создания, процедурами введения в действие и внесения корректив, но также внутренней организацией правового материала, содержательным наполнением правовых положений.

Сложность системы источников норм права ЛНР проявляет себя и с другой стороны – некоторые источники «конкурируют» между собой в процессе нормореализации. Сегодня в ЛНР наблюдается такое явление, когда отдельные источники норм права содержат правовые положения, рассчитанные на регулирование однотипных общественных отношений, но которые предусматривают разные модели поведения для субъектов права, принимающих участие в таких общественных отношениях. То есть в системе источников норм права ЛНР заложены противоречия в виде коллизий норм, для преодоления которых существуют разные способы.

Один из них – это снятие большинства коллизий за счет организационных ресурсов самой системы источников норм права ЛНР. Происходит это, в частности, тогда, когда тот или иной нормативный акт или его отдельные нормативные положения признаются неконституционными. Действуют и другие внутренние организационные правила функционирования системы источников норм права, обеспечивающие снятие тех или иных противоречий. Вспомним хотя бы такой механизм, согласно которому в случае выявления противоречий между нормативно-правовыми актами одинаковой юридической силы должны применяться положения того акта, который издан позже.

Главным свойством, которому целесообразно тоже уделить отдельное внимание, является *инерционность* системы источников норм права ЛНР. Это свойство проявляется в способности данного феномена сохранять свое системное положение,

эффективно сопротивляясь факторам, предполагающим определенные структурно-функциональные изменения. Благодаря инерционности обеспечивается стабильность и последовательность развития системы источников нормативно-правовых положений ЛНР. Данное свойство имеет и другие аспекты своего проявления.

В частности, благодаря инерционности в системе источников норм права Луганской Народной Республики наблюдаются следующие эффекты:

1) происходит задержка реагирования этой системы на то воздействие, которое пытаются осуществить на нее субъекты нормотворчества, нормореализации и (или) представители научного сообщества в целях «побудить» систему перейти из менее эффективного в более оптимальное состояние, способствующее прогрессивному развитию государства и общества;

2) при появлении «угроз», направленных на снижение эффективности или изменение структурно-функциональных взаимосвязей такой системы, последняя пытается их нивелировать за счет заложенных в ней внутренних механизмов самосохранения (достаточно сложных процедур разработки, принятия и введения в действие нормативных новелл и др.).

Наблюдая за развитием системы источников норм права в ЛНР, можно заметить, что ее инерционность в совокупности с другими факторами порождает бурные дискуссии относительно целесообразности включения в данную систему в качестве источников нормативных предписаний судебных актов (судебных прецедентов, актов правосудия). И хотя в настоящее время давление внешней среды (развитие в ЛНР институтов судебного нормоконтроля) на указанную систему усиливается, его все же еще явно недостаточно для свершения подобных преобразований. Инерция системы источников норм права ЛНР, дополнительно усиливаемая законодательным отрицанием нормотворческих функций у судебных органов, пока достаточно активно и с определенными успехами противостоит соответствующим инициативам относительно изменения ее структурированности и внутреннего содержания.

Как и любые другие системные образования, система источников норм права ЛНР является *динамической* (Д.Н. Бахрах говорит о мобильности, изменчивости подобных правовых систем, см.: [1, с. 123]), что также нужно учитывать. Когда происходят изменения во внешней среде (например, коренные социально-политические реформы, экономика государства функционирует в условиях военного положения и т. п.), то может возникнуть необходимость в:

1) официальном (на законодательном уровне) признании новых источников, в которых субъектам правоотношений теперь следует искать нормы права;

2) распространении использования внутри государства существующих официально признанных источников норм права;

3) принятии дополнительного количества официально признанных источников норм права – законов и (или) подзаконных нормативных актов.

Важным фактором, который обуславливает динамику изменений во внутривидовом многообразии системы источников норм права Луганской Народной Республики, являются те общественные отношения, которые подлежат правовому регулированию. Не менее важная роль в обозначенном процессе отводится также правильному выбору субъектами нормотворчества ЛНР наиболее приемлемого метода правового воздействия на существующие социальные связи. Следует учитывать также и то, что даже свойства системы источников норм права могут быть подвержены изменениям (вскроются новые механизмы проявления таких свойств, у системы исчезнут старые или появятся новые свойства и т. п.). А случиться это может тогда, когда имеющиеся источники норм права начнут менять свое правовое значение, приобретать новые или утрачивать старые функции.

Резюмируя изложенное, сделаем несколько обобщающих выводов:

1. Существующая в Луганской Народной Республике совокупность источников норм права может и должна изучаться как целостная система, которая представляет самостоятельный компонент правовой системы государства. Состав, тенденции развития и свойства отдельных видов источников норм права находятся в непосредственной зависимости от проявления их системных свойств.

2. Система источников норм права ЛНР имеет собственные свойства, среди которых можно выделить: организованность, целостность, сложность, инерционность и динамичность.

3. Какое-либо предложение о признании новых видов или об исключении существующих источников норм права в данной Республике должно рассматриваться через призму их внешних и внутренних структурно-функциональных взаимосвязей.

4. Стабильность системы источников норм права ЛНР должна стать следствием естественно-исторических, эволюционных процессов. Все попытки радикального ускорения процессов ее (системы) реорганизации обречены на неудачу, если не будут учитываться проявления системных свойств таких источников.

Библиографический список

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
2. Васильева Т.А. Понятие и значение источника права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 73. – С. 37–44.

3. *Груздев В.В.* Республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент // В.В. Груздев, А.И. Левченков // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 143–148.

4. *Изаксон Р.А.* Актуальные проблемы источников права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 3. – С. 12–20.

5. *Кича М.В.* Соотношение форм и источников права с позиции интегративного правопонимания // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 25–31.

6. *Образжиев К.В.* Перспективы расширения системы источников российского уголовного права // Общество и право. – 2014. – № 2. – С. 74–80.

7. *Образжиев К.В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 89–96.

8. *Сильченко Н.В.* Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 13–24.

9. *Чашин А.Н.* Источники права: форма – содержание – смысл // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1. – С. 95–98.

References

1. Bahrah D.N. *Administrativnoe pravo: uchebnik* / D.N. Bahrah, B.V. Rossinskij, YU.N. Starilov. – М.: Norma, 2007. – 816 s.

2. Vasil'eva T.A. *Ponyatie i znachenie istochnika prava* // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2010. – № 73. – С. 37–44.

3. Gruzdev V.V. *Respubliki Donbassa kak mezhdunarodnyj politiko-pravovoj precedent* // V.V. Gruzdev, A.I. Levchenkov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 3. – С. 143–148.

4. Izakson R.A. *Aktual'nye problemy istochnikov prava* // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 3. – С. 12–20.

5. Kicha M.V. *Sootnoshenie form i istochnikov prava s pozicii integrativnogo pravoponimaniya* // YUridicheskaya nauka. – 2014. – № 2. – С. 25–31.

6. Obrazhiev K.V. *Perspektivy rasshireniya sistemy istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava* // Obshchestvo i pravo. – 2014. – № 2. – С. 74–80.

7. Obrazhiev K.V. *Sistemnyj podhod v yurisprudencii: teoretiko-metodologicheskie osnovy* // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2012. – № 1. – С. 89–96.

8. Sil'chenko N.V. *Sistema formal'nyh istochnikov sovremennogo prava i problemy pravovogo regulirovaniya pravotvorcheskoj deyatel'nosti* // ZHurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 10. – С. 13–24.

9. CHashin A.N. *Istochniki prava: forma – sodержание – smysl* // Evrazijskaya advokatura. – 2019. – № 1. – С. 95–98.

ФЕНОМЕН АБСЕНТЕИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Автор анализирует историю абсентеизма в России и отмечает взаимосвязь современных электоральных проблем, связанных с низкой явкой на выборах, политической апатией, непониманием значения выборных механизмов многими избирателями, с историческими условиями формирования представительных институтов. Отмечается, с одной стороны, наличие самоуправления в крестьянской общине, с другой – равнодушие, непонимание значения выборов депутатов, направляемых на земские соборы. В статье указывается, что отношение к выборам как к тяжелой повинности было характерно и для петровской эпохи – выборов бурмистров в Москве, учреждения городского самоуправления по финансовым и судебным делам, которое не было поддержано большинством городов. Более благожелательное отношение к выборам было сформировано только при созыве депутатов в уложенную комиссию при Екатерине II. Также рассмотрено отношение избирателей к выборам в органы, появившиеся в результате земской реформы, и выборам в Государственную думу Российской империи.

Ключевые слова: абсентеизм, электоральная активность граждан, причины абсентеизма, динамика абсентеизма, явка на выборах, причины низкой явки, политическая система России, история абсентеизма, абсентеизм в дореволюционное время.

В 1902 году Р. Бланк писал о том, что всеобщее голосование передало народу всю государственную власть и юридически сделало его хозяином над всей страной, над всеми ее физическими и духовными ресурсами [1, с. 154].

Сегодня не только в России, но и за рубежом возникла проблема абсентеизма. К примеру, на внеочередных парламентских выборах в Армении явка составила 39,54 % избирателей [3]. Люди сознательно отказываются от права избирать и быть избранным, не следят за избирательными кампаниями, не знают своих представителей в органах власти. В обществе наблюдается политическая апатия, которая сопровождается низким уровнем правовой и политической культуры избирателей. Многие россияне не осознают взаимосвязь государства и общества, считают, что государство существует самостоятельно и кардинальным образом не зависит, даже в момент выборов, от общества. Ни гражданское общество, находящееся в стадии формирования, ни действующие политические партии в полной мере не выполняют свою главную функцию – трансляцию, представление интересов общества на государственном уровне.

Для рассмотрения проблемы абсентеизма применительно к настоящему времени необходимо обратиться к истории, изучение которой будет способствовать пониманию причин нежелания граждан участвовать в управлении государством и получению ответов на следующие вопросы: как формировалось отношение к выборным институтам; какие социально-экономические, политические условия существовали на конкретном историческом этапе; какое влияние они оказали на существующую в настоящее время политическую и социальную обстановку через сформировавшийся национальный менталитет. Современные российские проблемы в электоральной сфере, которые связаны с высоким уровнем абсентеизма, политическим

конформизмом, в большинстве своем определены историческими особенностями функционирования политических систем России дореволюционного и советского периода времени.

Проблема абсентеизма была мало исследована в дореволюционное время в силу того, что демократические представительные выборные институты не были развиты в Российской империи. Следует отметить, что выборное начало существовало уже в XVI–XVII веках. Для крестьянского мира всегда было характерно определенное самоуправление, которое продолжало существовать на черносошных землях после закрепощения крестьян. В результате реформ 50-х годов XVI века часть функций местного самоуправления была передана сословно-представительным учреждениям. В XVII веке система сословного представительства на местах, пострадавшая от событий Смутного времени, продолжала действовать параллельно с воеводской администрацией.

Г.Н. Шмелев в процессе изучения отношения жителей областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке указал, что при необходимости сбора Земского собора воеводам разных городов направлялись грамоты с предписанием произвести выборы с указанием количества и качества депутатов от каждого чина, а также срок, в который они должны явиться в Москву [11, с. 495]. Воевода, получивший приказ, оповещал об этом местное население. Люди относились к выборам равнодушно и не понимали их значения. К примеру, в Галицком уезде в выборах приняли участие только 4,4 % служилых людей. Такое отношение к выборам было обусловлено тем, что участие в земских соборах рассматривалось служилыми и посадскими людьми не как ценное право, а как повинность, возложенная на них правительством. Вследствие этого, отправляя представителей, они действовали скорее не по своей воле, а из страха

перед государем. Служилые люди часто избирали представителей из отсутствующих лиц, при этом избранный не имел права отказаться. Депутатами старались избрать тех, кто легче других мог нести депутатскую повинность: наиболее богатых либо освобожденных от военной службы. Равнодушное отношение населения к выборам порой приводило к энергичному вмешательству воевод, которые в некоторых случаях сами назначали депутатов.

В XVIII веке наибольшее влияние на выборный процесс оказала городская реформа Петра I 1699 года, когда государь, стремясь улучшить механизм налогообложения, обратился к институту выборных глав местного самоуправления – бурмистрам. Помимо этого, предпринимались попытки создания общероссийского органа, который должен был принять участие в подготовке общероссийских юридических документов. Наиболее известной является Комиссия для сочинения проекта нового Уложения, учрежденная в 1766 году манифестом Екатерины II. Депутаты в нее избирались в соответствии с регламентом и представляли все сословия, кроме крепостных крестьян.

В 1785 году была издана Грамота на права и выгоды городов Российской империи («Жалованная грамота городам»), регулирующая городское самоуправление и заложившая основы современного избирательного процесса. М.М. Богословский отмечал, что в конце XVII века основным плательщиком налогов был город, что и побуждало интерес к устранению мешавших городу недостатков [2, с. 253]. Одной из причин тяжкого положения города было плохое управление, которое состояло из трех ступеней учреждений: низшая по происхождению была земской, выборной, а две высшие – приказными, бюрократическими. Органы посадского самоуправления подавлялись высшими ступенями, и земский староста, потеряв всякую самостоятельность в принятии решений, становился лишь орудием в руках воеводы, выполняя его поручения.

Перед правительством стояла задача ограничить воеводскую власть над посадом и учредить единый орган, ведавший делами всего торгово-промышленного населения страны, основной повинностью которого являлась постройка кораблей. Была создана Корабельная палата, а весь торгово-промышленный люд, объединенный под руководством этой палаты, находился под управлением Бурмистерской палаты. 30 января 1699 года Петр I издал два указа. Первый был о выборах бурмистров в Москве. В соответствии с ним для торгово-промышленного населения учреждалось самоуправление через выборных бурмистров, избиравшихся ежегодно из членов московского посада. Второй указ касался органов местной власти. Согласно этому указу, посадские и торгово-промышленные люди могли учредить выборные земские избы в обмен на уплату налогов в двойном размере. Таким образом, появилась

возможность самоуправления по финансовым и судебным делам. Между тем, на предстоящие выборы гостиная сотня смотрела как на новую службу. В выборах участвовало лишь немногим более трети состава, это был не дележ власти, а распределение тягла, новой тяжелой повинности.

Что же касается второго указа, являвшегося дополнительным, то, по словам П.Н. Милюкова, из 70 городов, подведомственных приказам княжеств Новгородского, Смоленского, Галицкой, Владимирской и Устюжской четвертям, только 11 безусловно приняли предложение правительства, 33 отказались от него, а 26 избрали бурмистров без уплаты налогов в двойном размере [8, с. 118]. Эта статистика явно показывает отношение к городской реформе, самоуправлению посадского населения. По словам М.М. Богословского, откликнулись на предложение в основном мелкие города. Что же касается больших городов (Смоленск, Владимир, Тула и др.), то их позиция выразилась либо в молчании, либо в протесте. В связи с этим уже 20 октября 1699 года появился указ, отменяющий двойные платежи и устанавливающий обязательность выборов бурмистров.

Первыми в истории России широко поставленными общеимперскими депутатскими выборами стали выборы в Екатерининскую комиссию, хотя последняя являлась не первым учреждением с законодательными функциями. При Петре, начиная с 1700 года, открывается череда комиссий, посредством которых правительство пыталось упорядочить и переработать накопившееся еще со времен Уложения Алексея Михайловича законодательство по аналогии с зарубежным. Сначала регулирование осуществлялось приказными средствами, но при Петре I, а затем при его преемниках наблюдается стремление к взаимодействию с обществом. Традицию земских соборов пытались возродить, Петр II сделал попытку освежить состав комиссий и оживить их работу выборными от «шляхетства», Анна Иоановна – от купечества в 1730 году, а Елизавета – от духовенства в 1761 году. Однако эти попытки ни к чему не привели. Незрелое население, отвыкшее от земских соборов, смотрело на это как на новые обязанности. Представителей народа собирали с огромными усилиями, порой принудительными мерами. К правлению Екатерины II быстро развивающаяся жизнь требовала проведения кодификации. В декабре 1766 года был издан манифест о созыве депутатов из всех уездов и городов Российской империи для того, чтобы они были включены в комиссию, которая должна была подготовить проект нового уложения.

Прежние тщетные попытки в значительной степени дискредитировали в глазах людей саму мысль о народном представительстве в правительственных комиссиях. Даже более сознательная часть общества оценивала это мероприятие как пустую

затею, к выборам относились небрежно, формально и уклончиво. Правительство на этом этапе было заинтересовано во взаимодействии с обществом, представителями которого стали как дворянство и купечество, так и разночинцы, крестьяне, казаки войска и инородцы. Кроме того, представителям народа пожаловали неприкосновенность личности и имущества, освобождение от телесных наказаний, пыток и смертной казни, а также довольно большое жалование и содержание по государственной службе.

К выборам в комиссию население отнеслось более благожелательно. Но и у этой либеральной избирательной системы были недостатки. Активным избирательным правом обладали только собственники: дворяне, обладающие имениями, горожане-домовладельцы, сельские жители, владеющие домом и землей. Прямые выборы проводились лишь у дворянства и в мелких городах. В крупных городах выборы были двухступенчатые, для сельского населения – трехступенчатые, а духовенство, как и 77 % крестьян, остались без представительства. На данном этапе абсентеизм практически не наблюдался – не присылали представителей только по объективным причинам – отсутствовало дворянское землевладение (т.е. избиратели), либо не могли выбрать одного депутата от таких больших городов, как Петербург и Москва.

В результате реформ Александра II появились новые органы местного самоуправления – земства и городские думы. Начальным этапом было создание норм, которые были закреплены в Положении о губернских и уездных земских учреждениях (1864 года) и регулировали выборы земских гласных. Также можно выделить акты Александра III, изменившие систему земского представительства и относящиеся к «контрреформам»: Указ о введении в действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях и ряд статей Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 года. Проведение муниципальных выборов регулировалось статьями Городового положения 1870 года.

Как отмечал А.И. Новиков [9, с. 154], крестьяне к выборам относились довольно безучастно, так как должность гласного была бесплатная, влияние отдельно взятого гласного было незаметным. Губернскими гласными, в отличие от уездных, становились только дворяне, так как необходимо было ехать в губернский город и проживать там во время проведения собраний, что было не по карману крестьянам. Всех гласных можно было увидеть раз в три года в момент выборов, а в остальные два года с трудом собиралось около двух третей. Многие гласные относились к делу весьма халатно и не обсуждали на собрании дела уезда. В 1890 году по новому Положению о земских учреждениях представительство дворян было усилено, лишенными

избирательных прав оказались представители духовенства, крестьяне, обладавшие землей в уезде, обладатели купеческих свидетельств, евреи и другие. Сельские избирательные съезды были ликвидированы, гласные назначались губернатором из числа лиц, избранных на волостных сходах.

После земской реформы 1890 года крестьяне, не разбирающиеся в системе управления, нередко путали деятельность земств и земских начальников, отношение к которым основывалось на страхе. Крестьяне сторонились представителей власти, при их появлении в деревне прятались по домам, боялись суда, даже выступая в качестве свидетелей, государственным учреждениям не доверяли, в их легитимности сомневались. Местную власть крестьянин считал ответственной перед собой, поскольку сам участвовал в ее формировании и мог влиять на ее деятельность. Крестьяне охотно посещали сход, когда на нем выбирали старосту. Старались избирать на должность человека хозяйственного, порядочного, радеющего за общее дело. Старосты, сумевшие снискать авторитет и уважение среди односельчан, порой пребывали в должности не одно десятилетие. По мере того, как крестьянское самосознание росло, а земские начальники занимались активной деятельностью, ситуация менялась в лучшую сторону.

Если до 1905–1906 годов можно говорить о российском избирательном праве лишь применительно к органам местного и сословного управления, то с появлением Государственной думы становится реальной система общероссийского представительства. Среди электоральных исследований начала XX века интерес представляет труд Вл. Горна [6, с. 141]. Поводом для изучения Вл. Горном данной темы стал новый избирательный закон от 3 июня 1907 года, который существенно изменил избирательную систему, усилил контроль государства над выборами в целях создания «лояльного» власти депутатского большинства [6, с. 140]. Новый закон давал возможность заранее определить число представителей от каждого класса населения, установив состав Думы в соответствии с желанием правительственной власти. Вл. Горн проанализировал процентное соотношение выборщиков от различных классов и выбранных в Государственную думу II созыва депутатов от различных партий и указал на прямую зависимость итогов выборов от классового состава избирательных коллегий. Он указал на тяготение крестьянства к левым партиям (трудовикам и социалистам), горожан – к кадетам, а землевладельцев – к правым партиям.

Таким образом, уже в начале XX века отмечали, что отсутствие политических сил, реально представляющих интересы конкретных социальных групп, вело к отсутствию интереса с их стороны к институту выборов в целом. Дореволюционные исследователи электорального поведения в начале

XX века использовали статистико-социологический метод, основанный на количественных измерениях. Констатировалась популярность у горожан выборов в I и II Государственные думы по сравнению с выборами в Московскую городскую думу, фиксировалось снижение доли лиц, голосующих за беспартийных кандидатов на парламентских выборах. Оказалось, что если политические выборы в Москве проходили при средней явке избирателей более 70 %, то средняя явка московских избирателей на муниципальные выборы в период 1892–1904 годов составила 22,7 % [7, с. 47]. Следует отметить, что такая расстановка в приоритетах у избирателей коррелирует и с настоящим временем, если сравнить явку на федеральные выборы и на выборы на региональном и местном уровне.

А. Саликовский, изучавший динамику абсентеизма на выборах в Государственную думу I–III созывов [10, с. 8], проанализировал степень участия в них представителей различных возрастных групп. Полученные данные свидетельствовали о том, что электоральный абсентеизм развивался у молодежи значительно быстрее, чем у людей старшего возраста. Исследователь провел соотношение между возрастом и социальным положением избирателей, в результате чего обратил внимание на лиц, не уплачивающих «квартирный налог», к которым в первую очередь относилась молодежь. Именно эта часть населения и отстранялась властью с помощью «сенатских разъяснений» от участия в выборах. И если на первые выборы в Москве таких лиц, внесенных в список избирателей, было 8 714, то ко вторым выборам их число снизилось до 2 275, а к третьим – до 683 человек [10, с. 8]. Следовательно, молодежный абсентеизм объяснялся скорее не политическим разочарованием избирателей, а искусственным исключением из этого процесса нежелательного сегмента электората.

А.А. Дмитриенко, анализирувавший электоральное поведение крестьян Вятской губернии на выборах в I и II Государственные думы Российской империи на основании данных 56 волостей, пришел к выводу, что явка на волостные избирательные сходы была достаточно высока и составляла в ходе первых выборов 80 %. На вторых выборах она составила около 70 % – при том, что диапазон явки был от 60 до 100 %. Аналогичная ситуация наблюдалась и на других ступенях выборов по крестьянской курии. В частности, на выборах в I Государственную думу из выбранных на волостных сходах явилось на уездные избирательные собрания 97 %, на губернское избирательное собрание – 96,6 %.

В целом в регионе, согласно отчету вятского губернатора А.Г. Левченко за 1906 год, «сознательнее всего к выборам отнеслись крестьяне и рабочие, а остальные избиратели, особенно горожане... безучастно» [5, с. 99]. Так, явка на выборы в I Государственную думу по землевладельческой курии

Вятской губернии составила 61,8 %, по городской – 32,1 % (на выборах во II Государственную думу – 55 %), по рабочей курии из 74 фабрично-заводских предприятий выборы состоялись на 71 %.

Одной из причин неявки части крестьян на выборы, по мнению А.А. Дмитриенко, было вмешательство местной администрации и полиции в ход предвыборных избирательных собраний и преследование намеченных кандидатов в выборщики. В знак протеста, к примеру, часть крестьян Балахинской волости Глазовского уезда явились на избирательный волостной сход в ходе первой избирательной кампании [4]. Иной раз неявка могла быть обусловлена начавшимися сельскохозяйственными работами.

На основе проведенного ретроспективного анализа можно прийти к выводу, что категория абсентеизма не была достаточно разработана в дореволюционной российской правовой и политической доктрине. Между тем, несмотря на отсутствие полноценных научных трудов, в России отмечались различные показатели явки на выборы, исследовались причины низкой явки. Ученые указывали, что предпосылками абсентеизма в современной России стали ментальные особенности российского народа, утвердившиеся сильные авторитарные тенденции, патернализм. Люди не понимали значение представительных органов, относились к этому как к повинности, службе, считали, что это дело власти, ее «игры».

В России люди исторически доверяли только исполнительной власти. Избиратели отдавали приоритет сильным институтам (каковым в настоящее время в России является институт Президента) по сравнению с более слабыми институтами (к коим мы можем отнести российский парламент).

В настоящее время государством осознана опасность ежегодно растущего абсентеизма. Предпринимаются определенные шаги, которые должны способствовать повышению доверия к выборам, а также повышению политического представительства.

Библиографический список

1. *Бланк Р.* Всеобщее голосование во Франции. Итоги первого пятидесятилетия (1848–1898 гг.) // Вестник Европы. – 1902. – № 5. – С. 154.
2. *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. – Л.: Госполитиздат, 1946. – Т. 3. – 559 с.
3. В Армении завершились внеочередные выборы в парламент [Электронный ресурс] // Интерфакс.ру: сайт – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/641482> (дата обращения: 05.12.2018).
4. ГАОК. – Ф. 1185. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.
5. *Дмитриенко А.А.* Крестьяне вятской губернии и выборы в I и II Государственной Думы: дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2006. – 222 с.

6. Кажанов О.А. Электоральные исследования в дореволюционной России (на примере работ Вл. Горна) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18. – С. 139–148.

7. Кажанов О.А. Статистико-социологический метод в российских электоральных исследованиях начала XX века (на примере думских избирательных кампаний 1906–1912 годов) // Социологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 127–143.

8. Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 700 с.

9. Новиков А.И. Записки земского начальника. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 240 с.

10. Саликовский А. Москва на выборах // Русская мысль. – 1911. – Кн. 3.

11. Шмелев Г.Н. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке // Сборник статей, посвящ. В.О. Ключевскому. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 492–502.

References

1. Blank R. Vseobshchee golosovanie vo Francii. Itogi pervogo pyatidesyatiletija (1848–1898 gg.) // Vestnik Evropy. – 1902. – № 5. – С. 154.

2. Bogoslovskij M.M. Petr I: Materialy dlya biografii. – L.: Gospolitizdat, 1946. – Т. 3. – 559 с.

3. V Armenii zavershilis' vneocherednye vybory v parlament [Elektronnyj resurs] // Interfaks.ru: sayt – Rezhim dostupa: <https://www.interfax.ru/world/641482> (data obrashcheniya: 05.12.2018).

4. GAOK. – F. 1185. – Op. 1. – D. 1. – L. 2.

5. Dmitrienko A.A. Krest'yane vyatskoj gubernii i vybory v I i II Gosudarstvennoj Dumy: dis. ... kand. ist. nauk. – Kirov, 2006. – 222 s.

6. Kazhanov O.A. Elektoral'nye issledovaniya v dorevolucionnoj Rossii (na primere rabot Vl. Gorna) // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 18. – С. 139–148.

7. Kazhanov O.A. Statistiko-sociologicheskij metod v rossijskih elektoral'nyh issledovaniyah nachala HKH veka (na primere dumskih izbiratel'nyh kampanij 1906–1912 godov) // Sociologicheskij zhurnal. – 2012. – № 2. – С. 127–143.

8. Milyukov P.N. Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. – 700 s.

9. Novikov A.I. Zapiski zemskogo nachal'nika. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899. – 240 s.

10. Salikovskij A. Moskva na vyborah // Russkaya mysl'. – 1911. – Кн. 3.

11. SHmelev G.N. Otnoshenie naseleniya i oblastnoj administracii k vyboram na zemskie sobory v XVII veke // Sbornik statej, posvyashch. V.O. Klyuchevskomu. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 492–502.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА А.Н. ОСТРОВСКОГО И СТАНОВЛЕНИЯ ЕГО КАК ДРАМАТУРГА*

В первом томе собрания сочинений А.Н. Островского проявлена универсальность методологического подхода и полнота охвата текстов великого драматурга. Высоко оценен анализ критических отзывов о произведениях Островского и убедительно выявлена православная доминанта его творчества. В первом томе собрания сочинений прослежен процесс рождения русской реалистической драмы и намечены многообразные пути развития национального театра.

Ключевые слова: единый текст, комедии, очерковая проза, православная тенденция мирозерцания, отзывы критиков.

В преддверии 190-летия А.Н. Островского Научный центр изучения творческого наследия великого драматурга выпустил из печати первую энциклопедию, посвященную его жизни и творчеству. Научный руководитель этого центра доктор филологических наук Ирина Александровна Овчинина сумела объединить более ста ученых, профессионалов различных специальностей и представителей множества регионов нашей страны. Этот солидный исследовательский труд (А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012) вышел из печати за год до 190-летнего юбилея драматурга.

Готовясь к празднованию 200-летия А.Н. Островского в 2023 году, авторы этого центра предприняли новый проект – современное издание полного собрания сочинений А.Н. Островского. Общеизвестно, что каждая новая эпоха по-разному читает и интерпретирует произведения классиков, не только открывая новое в творчестве писателя, но и познавая себя.

Наследие Островского при всей острой актуальности и востребованности изучено явно недостаточно: синтетический характер и универсализм деятельности создателя репертуара национального театра нуждается в пристальном текстологическом, культурологическом, интертекстуальном изучении. Множество лакун (проза, переводы, либретто, пьесы, написанные в соавторстве с молодыми драматургами) ждут сегодня выработки синергичной методологии, новых современных способов анализа и комментирования.

Опыт первой энциклопедии доказал, что силы и возможности для успешного выполнения этой огромной задачи у центра изучения наследия А.Н. Островского, несомненно, есть. Опубликован первый том полного собрания сочинений А.Н. Островского (А.Н. Островский. Полное соб-

рание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1 / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат, 2018). В чем же инновационность этого издания? Каковы новые исследовательские подходы авторов-публикаторов?

Во-первых, основные редакторы и авторы превосходных статей и комментариев к первому тому И.А. Овчинина, Ю.В. Лебедев, В.В. Тихомиров и другие сотрудники, члены редакционного коллектива, кроме обычных новых публикаций, включения ранее неизвестных произведений в научный оборот, осуществили действительно современный подход к творчеству А.Н. Островского, увидев его под новым углом зрения и в ином реально соответствующем материалу масштабе. Кроме многих инновационных аспектов и проблем эти ученые осмыслили и исследовали творчество великого драматурга как своего рода единый текст, в котором художник реализовал свой творческий дух целостности, своей судьбы и всех своих произведений, независимо от рода, жанра, выбранного стиля и т. д.

Вполне оправдано включение в массив первого тома, наряду с драматическими сценами, комедиями, очерков, стихотворений, сатирической прозы в хронологическом порядке. В приложение включены сочинения, не опубликованные при жизни А.Н. Островского. Впервые даются другие редакции и варианты.

В глубокой и универсальной по концепции статье Ю.В. Лебедева впервые показана генетическая связь ранней драматургии писателя с очерковой прозой, прослежен процесс рождения русской драмы, формирования сценичности особого типа. Все выводы и наблюдения в статье имеют важное и широкое значение для понимания магистральных процессов в русской литературе и культуре середины XIX века, в частности, показано, как проза переходит в драму. Очень интересно исследована и обозначена многовекторность развития русского

* Рецензия на книгу: А.Н. Островский. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1. Сочинения. 1843–1854 / А.Н. Островский; редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.). – Кострома: Костромаиздат, 2018. – 846 с.: ил.

театра, с его специфической зрелищностью и вместе с тем с доминированием многоголосия речевой стихии и синтетической жанровой природы национальной драмы.

Комментарии ко всем опубликованным в томе произведениям (под общей редакцией И.А. Овчинины и В.В. Тихомирова) глубоко и современно рассматривают критические отклики на творчество А.Н. Островского. Например, удачно отражен процесс работы А.Н. Островского над комедией «Свои люди – сочтемся!» (впервые опубликованы архивные материалы, автографы, варианты). Изживая остатки социологического подхода советской эпохи, комментаторы дают новые, более справедливые оценки социокультурной ситуации 1840–50-х годов и ряда изданий. Для национальной самоидентификации очень важно, что более универсально и многогранно охарактеризована деятельность «Москвитянина» и ряда других изданий «русского направления».

Недемонстративно, но серьезно и убедительно выявлена православная основа мирозерцания драматурга, народные корни его раннего творчества. Полемика с предшественниками ведется без крайностей и только там, где необходимо дать новое понимание, новое прочтение произведений А.Н. Островского. Серьезно расширены контексты, в которые включаются произведения драматурга.

В целом всё, что касается переосмысления критики творчества А.Н. Островского, ведется с уже забытой сегодня эрудицией, основательностью и непоказной теоретичностью. Вызывает уважение работа комментаторов, анализирующих все основные отзывы и рецензии на произведения великого драматурга. Глубина, концептуальная новизна, высокая филологическая культура и доказательность комментариев не вызывает сомнения.

Все ученые – составители и комментаторы нового полного собрания сочинений А.Н. Островского – проделали огромную исследовательскую работу по текстологии, истории литературы и театра, по культурологии и многим смежным областям гуманитарных наук.

Хотелось бы отметить, что в конце XX – начале XXI века почти все крупные энциклопедические справочники, энциклопедии по творчеству класси-

ков успешно выполняются коллективами ученых из провинциальных вузов и научных центров. Так, автор-составитель первого в России словаря-справочника «Достоевский. Эстетика и поэтика» уральский профессор Г.К. Щенников еще в 1997 году справедливо заметил, что «настоящая наука не подразделяется на столичную и периферийную, а центр российского достоевковедения постепенно смещается в провинцию» [2].

Подобный процесс консолидации ученых из Ивановна, Костромы, Москвы, Петербурга вокруг проекта создания полного собрания сочинений по творчеству А.Н. Островского носит характер научного подвига и восстановления почти разрушенного интеллектуального общероссийского пространства. Подобным сохранением отечественного потенциала фундаментальной науки в современной гуманитаристике всерьез озабочены ученые регионов, несмотря на непростые условия, в которых находятся высшее образование и наука в российской провинции. Спасибо им за это!

Надеюсь, что этот прекрасный опыт ученых найдет отклик и в других провинциальных научных центрах при подготовке юбилеев русских классиков. Жаль только, что ничтожно малы тиражи подобных уникальных изданий! Здесь-то и необходима поддержка крупных столичных издательств и академических учреждений.

Библиографический список

1. Достоевский: эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников. – Челябинск: Металл, 1997. – 270 с.
2. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1. Сочинения. 1843–1854 / А.Н. Островский; редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.). – Кострома: Костромаиздат, 2018. – 846 с.

References

1. Dostoevskij: estetika i poetika: Slovar'-spravochnik / sost. G.K. SHCHennikov. – CHelyabinsk: Metall, 1997. – 270 s.
2. *Ostrovskij A.N.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 18 t. T. 1. Sochineniya. 1843–1854 / A.N. Ostrovskij; redkol.: I.A. Ovchinina (gl. red.). – Kostroma: Kostromaizdat, 2018. – 846 s.

Воронцов Михаил Сергеевич

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
robotbreaker@gmail.com*

Кищенко Михаил Сергеевич

*кандидат исторических наук
Ярославская государственная сельскохозяйственная академия
mkishhenkov@yandex.ru*

Никифоров Юрий Сергеевич

*кандидат исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
Nikifor2108@yandex.ru*

Тумаков Денис Васильевич

*кандидат исторических наук
Ярославский государственный медицинский университет
denistumakov@yandex.ru*

Сироткин Ярослав Николаевич

*учитель истории и информатики школы № 13, г. Ярославль
yar_sir@mail.ru*

**«ВЛАСТЕЛИНЫ» ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА.
СОВЕТСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ЦЕНТР
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (1960–1980-Е ГГ.).
2-Й КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ ЯРОСЛАВЛЯ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-39-00068*

В статье представлен обзор докладов и дискуссии второго круглого стола молодых историков Ярославля «“Властелины” Золотого кольца. Советские региональные элиты и центр на переломе эпох (1960–1980-е гг.)», который состоялся 28 августа 2019 г. в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Научное мероприятие было посвящено дискурсивным обсуждениям проблем региональной истории (1960–1980 гг.), выявлению проблемных мест научного проекта «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1960–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти». Цель круглого стола была связана с необходимостью актуализации регионального аспекта новейшей истории Отечества после 1945 г. Основное внимание участников круглого стола было сконцентрировано на вопросах взаимоотношений региональной и центральной власти в позднем СССР, проблеме регионального лоббизма, преемственности в советской провинции, коммуникативным практикам местной власти и советских граждан, роли устной истории в исследовании современной истории. С докладами и в дискуссиях выступили более 20 человек, в том числе учителя истории школ г. Ярославля и магистранты исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

***Ключевые слова:** СССР, регионы, центр, лоббизм, Брежнев, Хрущев, коммуникативные практики, образ власти, устная история.*

28 августа 2019 г. в главном корпусе ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (ул. Республиканская, д. 108/1) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), организационной поддержке ректора М.В. Груздева и проректора по научной работе А.М. Ходырева состоялся 2-й круглый стол молодых историков ЯГПУ им. К.Д. Ушинского на тему «“Властелины” Золотого кольца. Советские региональные элиты и центр на переломе эпох (1960–1980-е гг.)» (научный проект РФФИ № 18-39-00068). Научное мероприятие стало логичным продолжением 1-го круглого стола молодых историков 2018 г. [1].

Организатором научного мероприятия выступил межвузовский коллектив молодых историков г. Ярославля. В круглом столе приняли участие преподаватели и магистранты исторического факультета ЯГПУ, аспиранты и молодые кандидаты наук, учителя школ, представители учреждений культуры г. Ярославля. Цель круглого стола была

связана с необходимостью актуализации регионального аспекта новейшей истории Отечества после 1945 г. В ходе заседания были проведены дискурсивные обсуждения проблем региональной истории (1960–1980 гг.), выявлены проблемные места научного проекта «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1960–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти», скорректированы направления научного исследования, а также было привлечено внимание молодых ученых к проблемам региональной послевоенной истории СССР.

С пленарными докладами выступили кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЯГСХА М.С. Кищенко («Региональная номенклатура Верхневолжья и центральная власть эпохи застоя и перестройки: общая характеристика взаимоотношений»), кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ученый секретарь ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Ю.С. Никифоров («Лоббизм региональных элит как фено-

мен эпохи позднего социализма в СССР (1960–1980-х гг.): архивные документы и историческая память»), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии ЯГМУ Д.В. Тумаков («Советские региональные элиты и борьба с преступностью в эпоху позднего социализма (на материалах Ярославской области)»), магистрант ЯГПУ им. К.Д. Ушинского М.С. Воронцов («Коммуникативные практики региональной власти в СССР 1960–1980-х гг. через призму устной истории»), учитель истории и информатики школы № 13 г. Ярославля Я.Н. Сироткин («Жалобы советских граждан эпохи перестройки как способ коммуникации с региональной властью»).

Магистрант исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского М.С. Воронцов в докладе «Коммуникативные практики региональной власти в СССР 1960–1980-х гг. через призму устной истории» рассмотрел воспоминания и интервью советской политической элиты, посвященные их политической деятельности, отношению к работе, причинам выбора карьеры, условиям труда и жизни. В докладе анализировались коммуникативные практики внутри партийных комитетов и на межрегиональном уровне, требования, выдвигаемые к коллегам; был выявлен образ власти у представителей региональной политической элиты. По мнению докладчика, воспринимаемая респондентами партийная работа, прежде всего, требовала от кандидата большой ответственности, поскольку от него напрямую зависело благополучие региона и его жителей. Должность в партии, с точки зрения докладчика, открывала возможность энтузиастам реализовываться.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ярославской государственной сельскохозяйственной академии М.С. Кищенко выступил с докладом «Региональная номенклатура Верхневолжья и центральная власть эпохи застоя и перестройки: общая характеристика взаимоотношений». В докладе рассматривался вопрос, посвященный восприятию региональной номенклатурой событий, связанных с периодом застоя и перестройки, взаимоотношениям управленческого слоя Верхневолжья с центральной властью. Проведен сравнительный анализ воспоминаний и интервью как представителей высшего номенклатурного звена на региональном уровне, так и низшего управленческого слоя. Выявлено, что правление Л.И. Брежнева воспринималось номенклатурой позитивно, как период постепенного развития и общественного спокойствия. Докладчик отметил, что основой кадровой политики было доверие к местному слою чиновников, которые, в свою очередь, стремились выполнять инициативы центра. В то же время отмечено, что деятели низшего звена управленцев более реалистично оценивали состояние дел в обществе и не-

обходимость начала перестройки, указывали на потерю доверия к КПСС со стороны рядовых граждан. Саму перестройку региональные чиновники восприняли изначально положительно. Основой исследования М.С. Кищенко послужили воспоминания и интервью как общероссийского, так и регионального уровней.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Ю.С. Никифоров осветил теоретико-методологические, источниковедческие и историографические аспекты проблемы регионального лоббизма в СССР эпохи Л.И. Брежнева. Доцент Ю.С. Никифоров подчеркнул, что в научном и публичном дискурсе термин *лоббизм* со времен СССР традиционно имел негативную коннотацию и ассоциировался с процессами, происходящими в западных странах, особенно в США. На примере строительства Театра юного зрителя в г. Ярославле Ю.С. Никифоров реконструировал механизм согласования интересов в союзно-республиканском центре, который осуществляла региональная номенклатура. Он отметил необходимость введения в научный оборот новых источников по региональной истории лоббизма в СССР 1960–1980 гг., а также критического переосмысления взаимодействия регионов с центром через призму этого дискуссионного термина. С точки зрения Ю.С. Никифорова, ключевыми для исследования представляются 3 базовые группы в корпусе источников: архивные делопроизводственные документы, источники личного происхождения (мемуары), данные устной истории (интервьюирование). Уникальную роль в изучении феномена лоббизма, по мнению исследователя, играет интервьюирование [2], которое позволяет «прощупать» те точки проблемы, которые наиболее интересуют историка.

В докладе учителя истории и информатики школы № 13 г. Ярославля Я.Н. Сироткина была затронута тема коммуникативных практик советских граждан в отношениях с государством через призму обращений и жалоб в местные органы власти. Автором была предпринята попытка рассмотреть поток жалоб советских граждан в региональном разрезе с точки зрения взаимодействия власти и социума на фоне нарастания кризисных явлений в жизни советского государства в период позднего социализма (1970–1980 гг.). Источниковой базой послужили архивные материалы Центра документации новейшей Ярославской области. Я.Н. Сироткин также привлек широкий круг научной литературы, посвященной повседневности советского человека. Докладчик пришел к выводу о том, что основными проблемами, волновавшими советских граждан эпохи позднего социализма, были некомпетентность руководства организаций и учреждений, низкая культура управленческих работников, отсутствие нормального взаимодействия с трудо-

вым коллективом, невысокий моральный уровень хозяйственных руководителей, местничество, кумовство, стремление оградиться от народных масс, халатность, формализм.

В докладе кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Д.В. Тумакова речь шла об участии партийных и советских элит Ярославской области в борьбе с уголовной преступностью в период позднего социализма. Изучение обозначенной темы историк вёл на основании рассекреченных в последнее десятилетие архивных документов, официальной периодической печати тех лет и мемуаров представителей номенклатуры. В докладе были приведены многочисленные статистические данные 1960–1970-х гг., показывающие актуальность проблемы криминала в ту эпоху. Были проведены параллели с предыдущими историческими эпохами. Докладчик осветил тему борьбы с пресловутыми «расхитителями социалистической собственности», туеядцами и алкоголиками в Ярославской области в период правления Л.И. Брежнева. Прозвучал вывод о том, что представители элит руководили борьбой с криминальными отклонениями и социальными аномалиями в период позднего социализма.

По ходу заседания было проведено письменное анкетирование участников 2-го круглого стола молодых историков Ярославля, которые проявили глубокий интерес к темам докладов. В дискуссии приняли участие доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К.Д. Ушинского О.С. Нагорная; кандидат исторических наук, сотрудник Ярославской региональной общественной организации «Ветераны боевых действий», специалист по истории нотариата А.Е. Коняев; заведующий краеведческим отделом Областной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова С.С. Успенская; учителя истории школ г. Ярославля и магистранты исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Среди присутствующих возникла острая дискуссия по вопросу о мотивах вступления в КПСС в позднюю советскую эпоху. Старший преподаватель кафедры истории и философии ЯГМУ, кандидат исторических наук Д.В. Тумаков поднял вопрос о том, как номенклатура объясняла негативные стороны в жизни СССР 1970–1980-х гг. Старший преподаватель кафедры культурологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, кандидат исторических наук М.В. Александрова предложила создать особый глоссарий (словарь) языка региональной элиты позднего СССР.

В продолжение дискуссии доктор исторических наук, профессор О.С. Нагорная озвучила пожелание углубиться в арго политической элиты, поставила вопрос об иерархии и сопоставлении

источников, указав на плодотворность сочетания анализа архивных документов и данных устной истории, рекомендовала отказаться от шаблонов в восприятии поздней советской эпохи, а также предложила проявлять осторожность в работе с методологическим инструментарием и уточнить статистику преступности по эпохе позднего социализма. О.С. Нагорная также рекомендовала сделать акцент на уникальность и своеобразие регионов Золотого кольца как культурных центров и их туристические маршруты.

Кандидат исторических наук А.Е. Коняев рекомендовал расширить источниковую базу. Он предложил включить в орбиту исследования массив анекдотов советской эпохи и другие проявления народного фольклора в СССР 1950–1980-х гг. как особый источник для изучения образов Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. А.Е. Коняев раскритиковал конъюнктуру западной историографии, которая возвеличивала Н.С. Хрущева и критиковала Л.И. Брежнева, а также предложил актуализировать понятие «элита» в восприятии обычных советских граждан. Доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Г.В. Карандашев поинтересовался, были ли известные люди, которые отказывались вступать в партию, а также предложил сравнить жалобы сталинской эпохи, подчеркнув их корыстный характер и указав на анонимность как их характерную черту.

Особый интерес вызвал доклад кандидата исторических наук Д.В. Тумакова о преступности в позднем СССР [3]. Были заданы вопросы о распределении видов преступности, преобладавших в Ярославской области, восприятии тяжких телесных преступлений в обществе (кандидат исторических наук А.Е. Коняев), наличии «скрытой преступности», практике приписок у советских милиционеров и проблеме дружинников (магистр Я.Н. Сироткин).

Участники круглого стола выразили надежду на то, что дискуссионные встречи молодых историков продолжатся в будущем году.

Библиографический список

1. Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Таточенко В.В., Тумаков Д.В. «Властелины Золотого Кольца»: образ региональной и центральной власти в исторической памяти и архивных документах // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 424–427.
2. Никифоров Ю.С. Синтез классических и междисциплинарных методов в исследовании региональной проблематики новейшей отечественной истории (1950–1980 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 79–85.
3. Тумаков Д.В. Неблагоприятная санитарно-гигиеническая обстановка советской провинции

в 1940-е гг. как причина нарушений законности студентами и учащимися (на материалах Ярославской области) // *Инновационная наука*. – 2017. – № 12. – С. 81–84.

References

1. Kishchenkov M.S., Nikiforov YU.S., Tatochenko V.V., Tumakov D.V. «Vlasteliny Zolotogo Kol'ca»: obraz regional'noj i central'noj vlasti v istoricheskoj pamyati i arhivnyh dokumentah // *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*. – 2018. – № 6. – С. 424–427.

2. Nikiforov YU.S. Sintez klassicheskikh i mezhdisciplinarnykh metodov v issledovanii regional'noj problematiki novejshej otechestvennoj istorii (1950–1980 gg.) // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2019. – № 2. – С. 79–85.

3. Tumakov D.V. Neblagopriyatnaya sanitarno-gigienicheskaya obstanovka sovetskoj provincii v 1940-е гг. как причина narushenij zakonnosti studentami i uchashchimisya (na materialah YAroslavskoj oblasti) // *Innovacionnaya nauka*. – 2017. – № 12. – С. 81–84.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Arsen S. Akbiyev
*Dagestani State Pedagogic University, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia*

Magomed-Pasha B. Abdusalamov
*Dagestani State University of National Economy,
the City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
vikingpasha@mail.ru*

On the origin of Dagestani shamhals and Gazikumukh Shamkhalate (the 12th to 16th centuries)

The article discusses the problem of Dagestani shamkhalate and the term "shamkhal", which is debatable in Dagestani historical science, based on the analysis of sources and special historical literature.

According to the authors, the Arabic version of the origin of the first Dagestani Shamkhals is untenable and beneath scientific criticism. The first rulers with the title "shaukhal" who appeared in Dagestan at the early 12th century, belonged to Turkic peoples who led ghazi groups (those who contended for the faith) and spread Islam in Upland Dagestan.

The Turkic dynasty existed until the early 14th century only to be overthrown by the combined forces of the Golden Horde, Kajtaks and the Avar Khanate. The Golden Horde established their own ruler (Tatar-Shamkhal) from among the Chingissids, whose descendants ruled this state formation until the second half of the 19th century.

The authors come to the conclusion that those were the Kumyks who supported the Tatar-Shamkhals unlike the rest warlike highland population who disliked them; and they finally migrated to live among the Kumyks when, in the second half of the 16th century, they faced deterioration. The Kumyks, being the basis, the core of Shamkhalism, after the withdrawal from Gazikumukh possession, prevented the final disintegration of the Shamkhalate and continued the traditions of medieval statehood.

Keywords: Shaukhal, shamkhalate, Turks, Ghazi, Golden Horde, Chingissids, Kumyks, Kumukh, Tarki.

Dmitriy I. Polyvyanny
*Ivanovo State University
dipol53@mail.ru*

The Athos Bulgarian history writing of the 18th century between the Middle Ages and Early Modern Period

The article is dedicated to three Bulgarian historical works created at Athos in the second half of the 18th c. – "Slavo-Bulgarian History" by Saint Paisius of Hilendar, anonymous "Zograf History" and "Brief History of the Bulgarian Slav People" by monk-priest Spyridon of Gabrovo. By the author's opinion, these works, on the one hand, were born in the atmosphere of rivalry between the monasteries of Athos and their Greek, Bulgarian and Serbian clergy, and on the other, were actualised by the strengthening contacts of Hilendar and Zograf with Bulgarian lands. If the first af-

ected the contents of the mentioned works, the second lead to sufficient enlargement of their audience, which, in its turn, became a precondition of the growing interest to the national history among the Bulgarian population of Rumelia in the first half of the 19th c.

Keywords: Bulgarian history writing, Athos, Saint Paisius of Hilendar, "Zograf History", monk-priest Spyridon of Gabrovo.

Vladimir N. Benda
*State Pedagogic University of Leningrad Region,
Saint Petersburg
bvn.1962@mail.ru*

Problems of material and technical support of the first military schools in the early 18th century

This article deals with the problem of organisation of activities and provision of the educational process in the first military special schools (military schools), created in the Russian state in the early 18th century. Special attention is paid to the financial support of Moscow school of engineering and artillery and the maintenance of its students at the state expense. The work analyses the work of state and military administration bodies and their leaders on the organisation of systematic provision of all kinds of allowances for the successful activity of military special schools. The author comes to the conclusion that the material support of pupils and activity of the Moscow engineering and artillery school in comparison with the school of mathematical and navigation sciences was much worse. A significant number of previously unpublished sources are being introduced into scientific circulation.

Keywords: Peter I of Russia, James Daniel Bruce, 1st quarter of 18th century, Moscow engineering and artillery school, Moscow school of mathematics and navigation sciences, educational process, teachers, schoolchildren, material and technical support.

Yelena L. Sarayeva
*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
els5656@yandex.ru*

Igor' A. Tsoy
*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
olya.tsoy.72@mail.ru*

The 1870s populists' idea of Russian origins of why they were in opposition

The analysis of the 1870s populists' idea of historical circumstances that influenced the development of the revolutionary movement, the formation of the worldview of that time's radicals is suggested in the paper. The novelty of the study lies in the reconstruction and interpretation of the populists' views on the politics of the government, on social relations under Alexander II of Russia. The socio-political circumstances of the "Great Reforms" era served as the historical context of the revolutionary movement. It is important to analyse the populists' ideas about the reasons for radicalising the mood of some young people in the Reform era of Alexander II of Russia. The problem of origins of why

the populists were in opposition is under-studied. The study is carried out in the context of axiological and humanitarian approaches, which oblige to study the personality culture of the past, those people's system of values and ideas.

The populists' texts – their memories and writings – formed the source base of the study. Written for the purpose of wide popularisation of revolutionary ideas, they contain reliable information about the 1870s revolutionaries' worldview, they reveal the features of their subculture, historical memory. Populist ideas about the reforms of Alexander II of Russia, about the repression of the authorities after the tsar assassination attempt committed by Dmitry Karakozov, about the social contradictions of that time, about the circle of reading of the revolutionaries as factors that influenced the formation of their beliefs, are revealed in the article. The analysis of those perceptions allows reproducing the features of the populist version of the Russian origins of why they were in opposition.

Keywords: Russian revolutionists-populists, 1870s revolutionary movement, "Great reforms", Alexander II of Russia, Dmitry Karakozov's attempt on tsar's life, Sergey Stepanyak-Kravchinsky, Peter Kropotkin, Russian revolutionists-populists' subculture, Nikolai Berdyaev, Sergei Bulgakov, Semyon Frank.

Sergey A. Sotnikov
State University of Moscow Region
sergey@histr.ru

Andrey A. Sotnikov
State University of Moscow Region
microlabuss@mail.ru

Galina P. Kamneva
State University of Moscow Region
kamnevagp@gmail.com

Female terrorism phenomenon in the "Narodnaya Volya" (People's Will) movement (1870s to 80s)

The article deals with the problems of the institution of autocratic monarchy in the mid 19th century, which entailed an unprecedented rise of the revolutionary territorial movement. Public life liberalisation that followed the era of the "oppression of censorship and reaction" under Nicholas I gave the ideological and philosophical foundations to the terrorist methods of the revolutionary struggle. The spread of nihilistic ideas in society based on the denial of existing state foundations, law and morality, contributed to the radicalisation of forms and methods of political struggle against the government, which, in the opinion of revolutionaries, was uneager to continue socio-economic transformations in the interests of the broad masses of people. The authors are of the opinion that transition to terror was associated with disillusionment with peaceful methods of political struggle (especially after the failure of "going to the people"). The article analyses the gender aspect of terrorism in the Russian empire – female terrorism from the point of view of new historiographic approaches.

Keywords: revolutionary movement, terrorism, political struggle, revolutionary situation, society liberalisation.

Aleksey S. Chernozhukov
Moscow State Regional University
tchernoz@mail.ru

The activity of the Union of Unions in the period of the Russian Revolution of 1905

The article deals with the activities of the Union of Unions during the Russian revolutionary unrest in 1905-1907. The author focuses on the fact that the organisation consisted of united various socio-political unions and was aimed at the fighting for the convocation of the Constituent Assembly and for universal suffrage. The main attention in the article is paid to the decisions of the delegate congresses of the Union, which took place during 1905-1906. The association was headed by Pavel Milyukov, who had always regarded the Union as a prototype of the future party of constitutional democrats. The author gives a generalised description of the Union's initiatives to boycott the elections to the first State Duma, to participate in the all-Russia political strike and the December armed uprising in the fall of 1905. The article traces the difficult relationship of zemstvos and the Union of Unions, which failed to determine its position in relation to them. As a result, the author makes a conclusion that during the recession of the revolution, the Union of Unions ceased to carry out active work and gradually disintegrated, it had failed to find its place among revolutionary organisations.

Keywords: Union of Unions, Alexander Bulygin's State Duma, Russian Constituent Assembly, political struggle, universal suffrage, intelligentsia, Russian Revolution of 1905.

Yevgeniy Ye. Abekhtikov
Kostroma State University
zhzh@yandex.ru

The role of the proletariat as a class in 1917 and at first after the October Revolution

The article examines the role of the proletariat in the preparation and implementation of the October Revolution of 1917. The author shows that after the revolution, the Bolsheviks had every reason to be disappointed in the proletariat as a class as they started decreasing in number rapidly due to the return of peasants to villages and difficulties in working in enterprises in cities. Much attention is paid in the article to the concept of "dictatorship of the proletariat", which has become the centre of the Bolshevik ideological programme. Due to the fact that the Marxist class analysis turned out to be inappropriate for Russian social reality, the Bolsheviks had to transform their initial ideas, develop a system of measures to educate the people and influence them. To maintain power after its seize, the Bolsheviks created the myth of an enemy class threatening the proletariat and of building a bright future.

Keywords: revolution, proletariat, proletariat dictatorship, Bolsheviks, Marxism, ideology, image of enemy.

**Therapont, Metropolitan
of Kostroma and Nerekhta
(Dmitriy V. Kashin)**
ferapontk@ya.ru

**Preparations for 1917–18 Local Council
of the Russian Orthodox Church
in Kostroma eparchy**

The article deals with the events of the summer of 1917 related to the elections of members of the Local Council of the Russian Orthodox Church from Kostroma eparchy. Information is given about the election procedures stipulated by "Regulations on Convening the Local Council of All Russia Orthodox Church" on three levels – parish, deanery and diocesan. Basing on publications of the church press, the course of the diocesan electoral meeting in August 1917 is reconstructed: the preliminary meeting of the participants and making the list of candidates (August 8), elections of members of the Local Council and their deputies (August 9). We inform about the number of votes cast for certain candidates and the constructive and democratic nature of the electoral process. The author emphasises that negative reviews do not reflect the actual circumstances and can be explained by subjective factors. A list of members of the Local Council of the Russian Orthodox Church (1917-1918) from Kostroma eparchy is given.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kostroma diocese, Russian Orthodox Church Local Council (1917-1918), elections, Orthodox clergy, laity, electors, Council members, diocesan electoral meeting.

Yelena V. Larina

*The Stoletovs Vladimir State University
lennick@inbox.ru*

**On formation of the system of vocational
education in Soviet Russia in the early 1920s
(on the materials of Moscow
and the Moscow Province)**

The article is devoted to the formation of the system of professional education in the 1920s in Moscow and Moscow Province. The paper highlights the process of creating a system of Central and local authorities of special education. The characteristic of different types of educational institutions is given, statistical data are given. Special attention is paid to the rules of admission to educational institutions, were based on the principle of class selection. On the example of interaction between educational institutions and the Komsomol organisation the author shows the relationship of vocational education and the Communist party. Based on the analysis of the documents, the author concludes on the importance of the development of secondary vocational education in Moscow Region for the socio-economic development of the entire state.

Keywords: vocational education, Moscow Department of professional education, educational institutions.

Shekerkhanum T. Abdurazakova
*Dagestani State University, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
shekerhanum69@mail.ru*

**Education and science development
in Dagestan in the 1940s-1950s**

The article covers the development of science and education in Soviet Dagestan in 1940s-1950s. A special place is occupied by the activity of the Russian intelligentsia, leaving different Republics of the Union for Dagestan, those who have assisted in the process of training for science, education, medicine and culture in general. We trace the further expansion of the network of secondary and higher educational institutions in the Republic of Dagestan, as well as profiles of new specialties. Also we observe the opening of the Academic Research Centre, the first in that southern region.

Keywords: Russian intellectuals, education, seven years of school, Academy of Sciences, Science Centre, culture.

Mikhail S. Vorontsov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
robotbreaker@gmail.com*

Yuriy S. Nikiforov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
nikifor2108@yandex.ru*

**"All in hand": images of power
and communicative practices of regional elites
in later years of the USSR through
the prism of spoken history**

Oral history data, which were obtained during interviews with representatives of the Soviet regional elite of the second half of the 1960s to 1980s, were analysed as part of the study of the processes of interaction between the Upper Volga regions' local authorities and Moscow. The main attention of the authors of the article is focused on images of power and on communicative practices of regional elites in the later period of existence of the USSR. An attempt to reconstruct the mechanisms and strategies of the regional elite of the Soviet province, including bureaucratic procedures and communicative practices, images and scenarios of power in the local authority functioning in the 1960s to 1980s, is undertaken in terms of oral history. The theoretical-methodological basis of the work is related to the ideas of Viktor Mokhov about regional elites; of Paul Thompson and Marina Sokolova, about the functionality of oral history; to Alexei Yurchak's concept about the last days of socialism; to Richard S. Wortman's scenario of power.

Keywords: "developed socialism", regional top-level government officials, elite, Moscow as Soviet political centre, Leonid Brezhnev, Mikhail Gorbachev, image of power, scenario of power, communicative practices, Communist party regional committee.

Dmitriy I. Sazonov

*Kostroma branch of the Imperial Orthodox Palestine Society
sazonow63.12@gmail.com*

Aleksey A. Fedotov

*Ivanovo branch of the Institute of Management
aalfedotov@yandex.ru*

Changes in the organisation of parish administration in the Russian Orthodox Church in Soviet and post-Soviet Russia

The article reveals the changes that took place in the parish administration of the Russian Orthodox Church after the revolutionary events of 1917. It is shown how during the last hundred years within the framework of changes in the state religious policy, the opportunities for the clergy to participate in the management of parishes have changed. State legislative acts regulating the religious sphere and documents adopted by local and bishops' Councils are analysed. The article assesses the attempts to use the experience of Congregationalism in the management of the Orthodox Church in Russia, including at the present historical stage.

Keywords: Russian Orthodox Church, Local Council of Russian Orthodox Church, parish, religion, RSFSR, USSR, Russian Federation.

Vladislav A. Tulyanov

*Moscow State Regional University
v.tulyanov@mail.ru*

The problem of the effectiveness of social service of the Russian Orthodox Church in penitentiary institutions in the modern history of Russia

The article deals with the interaction of the Russian Orthodox Church (hereinafter, the ROC) and the penitentiary system of Russia. The author addresses the problem of the social role of the ROC in penitentiary institutions. The purpose of the article is to analyse the effectiveness of Church social service in penitentiary institutions of modern Russia. The basis of the research methodology is the analysis of statistical information of the Federal penitentiary service and social projects of the ROC on the effectiveness of the Church penitentiary service. It is concluded that the activities of the ROC in the penal system has significant positive outcomes that are associated primarily with the problem of improving relations among specific population of penitentiary establishments, as well as re-socialisation of former prisoners and prevention of offenses, which is an important element in the fight against general crime rate in the country.

Keywords: Russian Orthodox Church, penitentiary service, Church and society, penal system.

SCIENCE OF LITERATURE

Georgiy A. Veligorskiy

*Gorky Institute of World Literature, Moscow
screamer90@mail.ru*

"And follow round the forest track / Away behind the sofa back": the game of "Robinson Crusoe" and its space (river, forest, estate) in children's literature and memories (Russian-English context)

The article analyses the image of Robinson and his interpretation in a children's game in the literature of Great Britain and Russia of the late 19th to the early

20th centuries. We will try to analyse how and for what reasons the image of Robinson Crusoe was so attractive to several generations of children, how it transformed and how the hero manifested himself differently in children's games. Our analysis will be based on literary material, mainly works of children's literature (poetry by Robert Louis Balfour Stevenson, Sir Joseph Rudyard Kipling, prose by Kenneth Grahame), as well as writers' recollections of childhood and autobiographical prose. Special attention is paid to the peculiarity of the "game of Robinson", which was conducted according to special rules and consisted of several options, sometimes involving only children's imagination, sometimes transforming the world around, and sometimes requiring theatrical props. In addition, the "Robinson game" required a certain space, and a child who was not able to go to a real island was forced to adapt the world around him, giving objects new and lands new assignments.

Keywords: children's literature, "robinsonade", Daniel Defoe, Johann David Wyss, "The Swiss Family Robinson", child's play, circle of child's reading.

Olesya A. Meteleva

*The Vyatka State University, the City of Kirov
olesyaste@mail.ru*

Forming the phenomenon of the "country estate text" of Russian literature in the poetry of Vasily Maykov and his contemporaries

The study is devoted to the complex analysis of Vasily Maikov's "Ode to Count Zakhar Tchernyshov...". This work can be considered one of the key poems in the process of forming the country estate poetry in Russian literature. Vasily Maykov's poem is regarded as a literary dialogue with the works of his contemporaries – Aleksey Rzhevskiy and Mikhail Kheraskov. Vasily Maykov continues to develop motifs of peace, the golden age, the search for spiritual harmony in his "country estate" ode. The work widely represents the Masonic motifs of moral work on oneself and the sentimental motif of comprehending the world with heart rather than mind. The poet was one of the first to introduce material context into his poems, correlated with the realities of a particular country estate and the life of his contemporaries, which is connected with the leading tendency of the literature of the last third of the 18th century.

Keywords: 18th century Russian poetry, literary dialogue, pastoral, idyll, Horatian ode, anacreontics, "Masonic text".

Vladimir V. Tikhomirov

*Kostroma State University
vtihom@mail.ru*

Ivan Aksakov as a literary critic

It is noted in the article that Ivan Aksakov would continue the line of his Slavophile predecessors - Ivan Kireyevsky's, Aleksey Khomyakov's, Konstantin Aksakov's, Yuri Samarin's - literary criticism development and he would significantly change the principles and approaches to analysis of Russian literature. He was

less categorical in terms of requirements for Russian writers' allegiance to Orthodox foundations; this is the writer's interest in the Russian people, their traditions, in Russian history which is of greatest importance in his opinion. The author of the article states that Ivan Aksakov more objectively, compared to his Slavophile predecessors, assessed the creative work of Alexander Pushkin, Nikolai Gogol, Fyodor Tyutchev. In his critical assessments, Ivan Aksakov is partly closer to supporters of national loyalist criticism.

Keywords: Ivan Aksakov, Russian Slavophilic criticism evolution, Slavophiles, national loyalists, Russian history, folk.

Yelena N. Belyakova
Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru

**"We pay no heed to the ideal...
We pay heed to trifle and trifle..."**

**The issue of moral and ethical evaluation
of Alexander Ostrovsky's works in literary
criticism of the second half of the 19th century**

In terms of newspaper-magazine reviews of Alexander Ostrovsky's works, published in the 1850s-70s, the problem of artistic text literary-critical evaluation is examined in the article. The author of the article assumes that artistic text evaluation is directly related to ideology and to the main request of time in terms of which, the text receives this assessment. According to Georgiy Fridlender, one of the most important tasks that Russian public life of the second half of the 19th century set for literature was to create an image of a viable and still positive hero. Alexander Ostrovsky in his work was oriented to answers to the most pressing social requests. Nevertheless, his works often did not satisfy his contemporaries, and sometimes insulted their moral feelings. An attempt to trace how the negative moral and ethical assessment of the playwright's creative work was conditioned and the role that newspaper and magazine criticism played in shaping the literary process is undertaken in the article.

Keywords: literary criticism, artistic text, image, hero, ideal, moral reference, moral and ethical assessment.

**Pitirim, Bishop of the town of Zvenigorod
(Konstantin V. Tvorogov)**
Rector of Moscow Cleric Academy
rektor.pr@gmail.com

**Words of Saint Theophan the Recluse
and childish image in epistles to children
and in manuscripts on upbringing**

Four sermons of Saint Theophan the Recluse addressed to children as well as his writings on upbringing are analysed in the article. The author discovers the parallels and ideological similarities of heritage of Saint Theophan and the 19th-century Russian literature, and he notes that Saint Theophan's sermons are intended to strengthen the spirit of children and adolescents, and to upbringing in love for God. A number of ideas and provisions on the spiritual and moral life

of man, that sermons of Saint Theophan and Russian classical writers have in common, are discussed in the article. In the heritage of Saint Theophan the Recluse and most 19th-century writers, we see a representation of the correct path of man, a rationale for the values that shape a spiritually developed personality. Special attention in the article is paid to the compositional construction of Saint Theophan's sermons. The commonality of spiritual and moral problems, the proximity of the tasks of the heritage of the saint and the Russian classic suggest that it is impossible to study the latter outside Orthodox patristic tradition.

Keywords: Theophan the Recluse, sermons, Orthodox upbringing, Russian classical literature, child image, children's theme, psychologism.

Tat'yana N. Shmelyova
Lenin Ivanovo State Power Engineering University
tanyale@yandex.ru

**The novella "The Falling in Love of Fedora"
by Kate Chopin in the context of "New Woman"
discussions in the late 19th century**

The article deals with the original interpretation of such extremely polemical concept for the 19th century cultural life as "new woman" in Kate Chopin's novella. Gender problem is considered in social and literary epoch context. Stereotypic features inherent to the "new woman" image in that time's literature are mentioned. The short story's analysis reveals peculiar author's attitude towards new social and cultural phenomenon. Kate Chopin's viewpoint is ambivalent. More frank rendering of women's sexuality than it was accepted in American literature of that time disaccorded with Victorian idea about woman; ironic description of main character's progressive opinion underlines their life bankruptcy. This ambivalence highlights complexity and ambiguity of women's question and the peculiarity of that period which was transitional in the question considered.

Keywords: Kate Chopin, American literature, women's prose, "new woman", emancipation, feminism, antifeminism.

Lyudmila Yu. Korshunova
Lenin Ivanovo State Power Engineering University
l_korshunova@mail.ru

**The criticism of language in one-acter cycle of
"The Comedy of Seduction" by Arthur Schnitzler**

The article deals with the issue of correlation of language and reality in the one-acter cycle "The Comedy of Seduction" by Arthur Schnitzler. It is underlined that this theme was on the front burner among philosophers and writers of the Fin de siècle epoch and was regarded rather negatively: the language seemed not to be able to highlight the outside world in a befitting way. In Arthur Schnitzler's one-acter cycle "The Comedy of Seduction" the afore-referenced issue is strongly involved in difficulty by the confrontation of the common men and art people. It is demonstrated that the common people use the language for the release of information whereas in contrast the art people always grind their own axe using the language. In this

case they have the bulge on the common men. The impossibility of language to be the way of highlighting the outside world is shown in the one-acter cycle.

Keywords: Arthur Schnitzler, language criticism, reality, one-acter cycle, speech, dialogue.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

**"Reflectivity" as "Hoffmann complex"
structural element in the "Mirrors"
short-stories cycle by Zinaida Gippius**

The article continues a number of studies on the "Hoffmann's complex" in the works of Russian symbolist writers. In this paper we consider the principle of specularity as a form of double-world in the cycle of stories "Mirrors" by Zinaida Gippius, through which one can watch an actualisation of other elements of "Hoffmann complex": the problem of mechanisation of life and a man, which manifests itself in the opposition of living – unliving, the images of a double, a doll, a machine, the image of a mirror – a symbol of transition to another world. Based on Hoffmann tradition, Zinaida Gippius reinterprets some images in her own way: people are perceived as deprived of the soul of reflection or puppets ("Mirrors"), the double becomes a friend ("Moon"). The image of the moon is a symbol of an ideal world, the transition to which even through death symbolises the acquisition of freedom of the spirit. A new version of the opposition living – unliving in Zinaida Gippius's works is the opposition of the culture of Russia and the West.

Keywords: Zinaida Gippius, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, specularity principle, mirror image, moon image, opposition of living and unliving, image of double and puppet.

Ol'ga V. Bystrova

*Gorky Institute of World Literature, Moscow
bystrova63@mail.ru*

**Il'ya Aleksandrovich Gruzdev – researcher
of Maxim Gorky's creative heritage**

The article is devoted to literary critic Il'ya Gruzdev. Published in 1925, an essay on the biography of Maxim Gorky, firmly linked the two names. Since that time, the author had firmly established a creative characteristic: the biographer of Maxim Gorky. The article considers other facets of literary and literary talent of Il'ya Gruzdev. The origin of the textology of Maxim Gorky's works of art is connected with his name. He was the compiler and editor of two editions of the works of the proletarian literature founder in the "State publishing house of fiction" in 1928-1930 and 1931-1934. For the researchers of Maxim Gorky's work, as a huge factual material, there is a correspondence between Maxim Gorky and Il'ya Gruzdev, which lasted from 1925 to 1936 (it was published in 1961). The article touches upon the issues of Il'ya Gruzdev's crea-

tive work after Maxim Gorky's death (1936). In the period from 1939 to 1941, he was the editor of Leninograd magazine "Zvezda" (Star). Attention is drawn to the bibliographic work of Il'ya Gruzdev, who was the author of a number of bibliographic books devoted to Maxim Gorky.

Keywords: Maxim Gorky, Il'ya Gruzdev, biography, creative heritage, textology, editing, criticism, bibliography, epistolary.

Yekaterina A. Markova

*Moscow Region State University, the City of Mytishchi
glazkova1992@gmail.com*

**"After Rilke": revisiting the question of the genre
of Derek Mahon's poem "Night Drive"**

The present article approaches the issue of the genre definition of Derek Mahon's poem "Night Drive", which was written "after Rilke". Possible definitions of the genre are as follows – "(loose) translation", "adaptation", "version", "pastiche". Mahon's concept of translation implies that it is essential to adapt the original to the literary tradition of the language of translation. This concept is linked with Mahon's use of Byzantium image in imitation of William Butler Yeats in his poem. In addition, a hypothesis is suggested about Mahon's interpretation of the poem by Rainer Maria Rilke: the parallel between Rilke's image of "granite", which goes back to Johann Wolfgang von Goethe, and Mahon's image of Byzantium, which is traced to Yeats, may be explained by the urge to overcome German and Irish national literary traditions.

Keywords: Derek Mahon, Rainer Maria Rilke, Irish poetry, poetry translation, adaptation, pastiche, William Butler Yeats.

Tat'yana V. Ternopol

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ternopoldp@mail.ru*

**The hypotext of a children's game
in "Five Little Pigs" by Agatha Christie**

The article is devoted to analysing the role of hypotext of a children's finger-play in Agatha Christie's detective novel. Methods of hermeneutics and comparative analysis are applied to study levels of detail, motif, image system and structure. The researcher makes a conclusion that Agatha Christie continued trying new models of using folklore hypotext based on its peculiar features (such as verbal and kinetic components of a folklore game). The motif of a number five manifested in the title organises the text and gives an attentive reader a chance to solve the case. According to the researcher, the composition of "Five Little Pigs" is determined by a detective formula as well as the rules of the finger-play used as a hypotext.

Keywords: formula stories, detective novel, hypotext, intertextuality, English nursery rhymes, finger-play, Agatha Christie's novels.

Anna S. Stoletova
Vologda State University
stoletova-a-s@yandex.ru

The transformation of the socialist worldview of the village prose writers and the ideological basis of acutely social works about the Russian North peasant lifestyle

We highlight the contribution of Vologda writers Alexander Yashin and Vasily Belov to the development of village prose – the phenomenon of fiction of the 20th century. The prose writers were at the origins of the formation of themes, style, ideology of creative work of the Northern authors realm, became the ancestors of the transition from socialist to critical realism. Special attention is paid to the issues of transformation of consciousness and alteration of the problematic of the writers' narration, in the aggregate leading to the publication of sensational works about the village. The processes of the literary reputation of the writers are displayed, while the points of popularity are determined – for instance the story "Vologda Wedding" and the novel "Business as Usual" of an unusual fate. Portraying a suffering village, the authors experienced a difficult time of forced silence, their figures and creative work were discussed during ideological discussions. The conclusion that having witnessed the stage of crisis phenomena in the evolution of the collective-state farm village, the breaking of the traditional peasant way of life, Alexander Yashin and Vasily Belov were among the first among the village prose writers to express a public protest.

Keywords: Russian North, fiction, writer, socialist realism, village prose, ideological campaign, Alexander Yashin, Vasily Belov.

Natal'ya S. Frolova
Gorky Institute of World Literature, Moscow
samaki@mail.ru

Devices of comic in the work of the 20th century English-speaking Ugandan poets

Poetry of the Ugandans are analysed in an article in the context of the use of devices of comic in the East African English-language poetry. The critical-realistic and enlightener tendencies that were eagerly apprehended by most East African authors in the 1960s have not allowed them going beyond the direct criticism of damning poetry to this day as well, although point-by-point attempts to use humour and satire when contemplating socio-political issues, do occur throughout the sixty-year existence of East Africa English-language poetry. The dilogy by Okot p'Bitek, Timothy Wangusa and Taban Lo Liyong are clear examples of such attempts made in Uganda literature. At the same time, the three authors use fundamentally different techniques of comic, when portraying modern reality, both purely African and universal human.

Keywords: East African English-language poetry, Uganda poetry, Okot p'Bitek, Timothy Wangusa and Taban Lo Liyong, humour, irony, satire, grotesque, allegory, parable.

Yevgeniya V. Zimina
Kostroma State University
ezimina@rambler.ru

Lost meanings in the translation of Dmitry Novikov's novel *A Flame Out at Sea* into English

The translation, published in 2019, is characterised by the loss of conceptual metaphors, images and symbols, as a result of which certain meanings of the original and the text poetics were distorted. Approaching the task in a mechanistic way on the lexical, syntactical and even phonetic level, Christopher Culver, the translator, failed to preserve contextual metaphors and symbols. The resulting text is a word-for-word retelling of the plot without any poetics of the original text. The paper suggest solutions that could have been used by the translator to add imagery and analyses reasons why it was not done. The translation by Culver makes the English-speaking reader acquainted with the plot of an outstanding novel in the Russian language, but fails to convey features of the contemporary Russian prose.

Keywords: Dmitry Novikov, *A Flame Out at Sea*, Russian North, translation, key symbols, stylistic variety, distortions in translation, mechanistic approach to translation.

Nguyễn Thị Hoan
Ivanovo State University
nguyenthihoan19111989@gmail.com
Galina G. Yermilova
Ivanovo State University
ermilova-galina@mail.ru

Rodion Raskolnikov's dreams in Vietnamese translation

The article analyses the Vietnamese translations of excerpts about the dreams of Rodion Raskolnikov, the protagonist of the novel "Crime and Punishment" by Fyodor Dostoevsky. It is these dreams that are narrated with high semantic richness as they explain the reason why the hero was driven to commit the felony. Three available Vietnamese translations of the novel have been included for analysis. As a result of the preliminary solid text selection and the followed analysis of the original and translated texts, we came to the conclusion that the translators experienced the greatest challenges in conveying the realia of the mid 19th-century Russian people's religious and everyday life as well as the ontological issues in the novel. Some specific clarifications are suggested for unclear content in the available translations.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, "Crime and Punishment", dream, translation, intercultural, Christian culture, religion, ontology.

JURAL SCIENCE

Lyubov' Yu. Larina
Yesenin Ryazan State University
larina1708@yandex.ru

System of criminal law norms ensuring transport safety

The article carried out the analysis and systematisation of the criminal law provisions aimed at ensuring transport safety. The author draws attention to the

fact that such norms are contained in both the General and the Special parts of the criminal code. The article analyses various concepts of transport security for the possibility or impossibility of their use in criminal law. It is argued that the norms of the Special part of the criminal code can be divided into two groups – regulating crimes in which transport security or its components are included in the main direct object; and regulatory crimes in which transport security or its components are included in an additional direct object (mandatory or optional). The article substantiates the allocation of "related" crimes that indirectly affect transport security.

Keywords: transport security, criminal liability, crime, object of crime, vehicles, transport infrastructure.

Tat'yana V. Pinkevich

*Academy of Management of the Internal Affairs
Ministry of Russia, Moscow
pinkevich@yandex.ru*

Andrey V. Nesterenko

*Stavropol branch of Krasnodar University
of the Internal Affairs Ministry of Russia
nester-andrei2017@yandex.ru*

Security of digital technologies in the criminal legislation of the Russian Federation

The article deals with the problematic issues related to the security of digital technologies in the Russian Federation, as well as the differentiation of the concepts of "computer", "information" and "digital" technologies. The authors come to the conclusion that computer and information security do not provide adequate protection of the digital environment in Russia, which requires serious study of the criminological risks of the introduction of digital technologies and amendments to a number of regulations, including Chapter 28 of the criminal code, both in terms of its name, and in the introduction of a number of new offences providing for criminal liability for unlawful acts that infringe on public relations in the field of security of digital information, technologies, systems and devices.

Keywords: security, risks, crime, digital technologies, economy, prevention, criminal law.

Alla V. Kudryashova

*Kostroma State University
alla880@mail.ru*

About administrative powers of the chairman of district court and need of improvement of their legal regulation

The article investigates legal status of the chairman of the district court as head, marked differences in the volume and nature of its managerial powers similar to the powers of the heads of other state bodies, due to their executions of the preservation of the independence of judges, as well as a significant role in providing the district court of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. The conclusion is made about the need to reduce administrative powers of the chairman due to the transfer of most of these issues to the jurisdiction of the court

administrator and the concentration of the chairmen on the problems of ensuring the uniform application of law, improving the efficiency of justice through the organisation of interaction between judges, joint discussion of law enforcement issues, participation in formation of educational programmes on courses of improvement of qualification of judges etc. It is proposed to create the necessary legislative prerequisites for the implementation of this role of chairpersons, taking into account the recommendations of the Consultative Council of European Judges, acting under the Council of Europe.

Keywords: organisation, management, leadership in judicial system, Chairman of district court, powers, Judicial Department of Supreme Court of Russian Federation, court administrator, Consultative Council of European Judges, efficiency of justice, uniformity of law enforcement practice.

Vasily V. Glushkov

*Kostroma State University
vasilkoff.vasilij2016@yandex.ru*

On the issue of status of assistant judge and session clerk in district courts

The description of the positions of assistant judge and court session secretary in the district courts of the Russian Federation is given. In reference to the regulations, the main provisions concerning the legal status of these posts are given. The ratio of posts by order of selection and appointment of candidates is considered. Problems of regulation of rights, responsibilities and organisational subordination of the assistant judge and the secretary of the court session have been identified and ways of solving them have been proposed. The practical solutions to existing problems have been analysed. A change in the law governing the passage of the civil service in the courts has been proposed.

Keywords: district courts, assistant judge, court clerk, rights, responsibilities, organisational submissiveness, issues of legal regulation.

Natal'ya V. Ganzha

*Kostroma State University
nat_ganzha@mail.ru*

Yekaterina V. Varentsova

*Kostroma State University
e_varencova@ksu.edu.ru*

The secrecy of adoption: problems and ways to improve

The article deals with the problems of legal regulation of the Institute of secrecy of adoption in the development of information space and medical and genetic aspects. The authors give a generalised description of modern scientific approaches to the relationship of the concepts of family secret, personal secret, secret of adoption from the point of view of various branches of law. The ways of improving the rules on the secrecy of adoption in Russia are suggested.

Keywords: family legislation, secrecy of adoption, rights of adopted person.

Rashit G. Nurmagambetov

*State University of the South Urals, the City of Chelyabinsk
orel032@mail.ru*

Valeriy S. Popov

*Kustanay branch of Chelyabinsk State University,
the City of Kustanay, Kazakhstan
orel032@mail.ru*

General theoretical problems of determining the object of constitutional regulation of public relations and its types in the Russian Federation

A theoretical and legal study of problematic issues concerning the subject of constitutional regulation is important for the science of constitutional law, and it allows to eliminate the prevailing uncertainty in this matter. As a result of a theoretical analysis of scientists' points of view, the author comes to the conclusion that in its root essence the expediency of addressing the issue of the subject of constitutional regulation is explained by the uncertainty in understanding the essence of the analysed concept in the legal literature. The author believes that the "object of constitutional regulation" and "the subject of constitutional regulation" are different concepts with common ground. The author's position is proposed to include the principles of constitutional law, the benefits of tangible and intangible nature, digital values of the individual, society and the state, including human and civil rights and freedoms, sovereignty and independence of state power, legal interests, – in the category "object of constitutional regulation". It is they which characterise the special sphere of relations, the sphere of constitutional influence, precisely revealing the content of the "object of constitutional regulation", its volume.

Keywords: object of constitutional regulation, subject of constitutional regulation, public relations, institution of constitutional law, principles of constitutional law.

Ivan V. Sehin

*Autonomous noncommercial organisation
"Public reception of the business ombudsman"
ivan.sehin@gmail.com*

Regulatory density: concept and rating scale

The article deals with the topic of assessing the quantitative increase in the array of legal norms. Topicality of the research topic is due to the negative consequences of legislative inflation, expressed in the creation of new legal norms and the novelisation of the current legislation. The author focuses on the ratio of the number of legal norms and the volume of social relations. The article defines concept of the regulatory density. The author pays particular attention to the scale of legal regulation density. The author identifies three degrees of legal regulation density: low, medium, and high density of legal regulation. As a basis for the differentiation of the density of legal regulation, the author highlights the gaps in the legislation. The goal of a legal density scale is to manage regulatory risks associated with the high costs of legality and administrative barriers to doing business.

Keywords: legal regulation, increasing number of law provisions, legal regulation itemisation, overregulation, legal density, gaps in law, risk management.

Sergey P. Koval'

*Ivanovo State University
petrovitsch17@mail.ru*

Mikhail Yu. Tsvetkov

*Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service
of EMERCOM of the Russian Federation
kleopatra-lebedeva@mail.ru*

Trends in the development of Russian legislation regulating the mechanism of political parties' participation in elections

This article analyses the aspects of the development of Russian legislation regulating the mechanism of parties' participation in elections, the procedure for the creation of political parties, changes in the legal status of an electoral association, the prospects for the use of majority and proportional electoral systems, as well as the system of guarantees established following the results of parties' participation in elections. The author substantiates the idea that the improvement of the electoral legislation of the Russian Federation is to find the optimal type of electoral system, which provides an effective mechanism for the implementation of the people's representation at the federal, regional and municipal levels. The authors conclude that the development of new provisions in the field of electoral law on the assessment of the powers of political parties as the main collective participants in the electoral process, the definition of the scope and content of the rights of electoral associations to participate in specific actions and procedures will contribute to further democratisation and improvement of the electoral process.

Keywords: elections, political parties, democracy, electoral system, electoral legislation, electoral process, electoral association.

Sergey I. Sayenko

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
sergeisaenko@rambler.ru*

Properties of the system of sources of law of the People's Republic of Lugansk

The article argues in favour of the fact that the totality of sources of law existing in the People's Republic of Lugansk is a system of a socio-legal nature, formed as a result of the evolution of the state, and which reflects the ethnic, political, legal and other features of such an evolution. The system of sources of legal norms of the People's Republic of Lugansk has certain properties, among which one can distinguish – organisation, integrity, complexity, inertia and dynamism of such a system. The author of the article substantiates the provision that any proposals on the recognition of new species or on the exclusion of existing sources of law in the People's Republic of Lugansk should be considered through the prism of their (sources) of external and internal structural and functional relationships. The stability of the system of sources of law of the People's Republic of Lugansk should be the result of natural-historical, evolutionary processes. All attempts to radically accelerate the reorganisation of such a system are doomed to failure if the manifestations of the systemic properties of their sources are not taken into account.

Keywords: source, rule of law, source system, organisation, integrity, complexity, inertia, dynamism.

Aleksandr S. Tkach
National Research Tomsk State University
alexandertkach01@gmail.com

The phenomenon of absenteeism in pre-revolutionary Russia

The author analyses the history of absenteeism in Russia and notes the relationship of modern electoral problems related to low voter turnout, political apathy, and a lack of understanding of the importance of electoral mechanisms by many voters with the historical conditions for the formation of representative institutions. It is noted, on the one hand, the existence of self-government in the peasant community, and on the other, indifference, lack of understanding of the significance of the election of deputies sent to Zemstvo councils. The article deals with the attitude to the elections as a heavy duty was also characteristic of the Petrine era – the election of burgomasters in Moscow, the establishment of a city government for financial and judicial affairs, which was not supported by most cities. A more favourable attitude to the elections was formed only when the deputies were convened in the laid commission under Catherine II. The author also considers the attitude of voters towards elections to bodies that emerged as a result of the Zemstvo reform, and elections to the State Duma of the Russian Empire.

Keywords: absenteeism, electoral activity of citizens, causes of absenteeism, absenteeism dynamics, voter turnout, reasons for low voter turnout, political system of Russia, history of absenteeism, absenteeism in Russia before revolution.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yelena A. Akel'kina
Dostoevsky Omsk State University
elena.akelkina51@yandex.ru

A new concept of Alexander Ostrovsky's early creative work and his formation as a playwright

In the first volume of Alexander Ostrovsky's collected works, the universality of the methodological approach and the completeness of the coverage of the great playwright's texts is demonstrated. The analysis of critical reviews of Alexander Ostrovsky's works is highly regarded, and the Orthodox dominant of his creative work is conclusively identified. In the first volume of the collected works, the process of birth of

Russian realistic drama is traced and the diverse ways of the national theatre development are planned.

Keywords: esingle text, comedy, essay prose, Orthodox trend of world opinion, critics' reviews.

Mikhail S. Vorontsov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
robotbreaker@gmail.com

Mikhail S. Kishchenkov
Yaroslavl State Agricultural Academy
mkishhenkov@yandex.ru

Yuriy S. Nikiforov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
nikifor2108@yandex.ru

Denis V. Tumakov
Yaroslavl State Medical University
denistumakov@yandex.ru

Yaroslav N. Sirotkin
School #13 of the City of Yaroslavl
yar_sir@mail.ru

"The Lords" of the Golden Ring of Russia. Soviet regional elites and Moscow at the turning point of events (the 1960s to 1980s).

The 2nd round table of Yaroslavl's young historians

A review of the reports and discussions of the second round table of Yaroslavl's young historians, "The Lords "of the Golden Ring of Russia," is presented in the article. Soviet regional elites and Moscow at the turning point of events (the 1960s to 1980s) were considered on August 28, 2019 in Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University. The scientific event was devoted to discursive discussions of issues of regional history (the 1960s to 1980s), to identification of problematic places of the scientific project "Soviet regional elites and their interaction with Moscow in the 1960s to 1980s: in archival documents and in historical memory." The purpose of the round table was related to the need to update the regional aspect of Russia 's recent history after 1945. The main attention of the participants of the round table was focused on the issues of relations between regional and central power in the late USSR, on the problem of regional lobbying, on crime in the Soviet province, on communicative practices of local power and Soviet citizens, on the role of oral history in the study of modern history. More than 20 people, including History teachers of schools in the city of Yaroslavl and undergraduates of history faculty of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University made presentations and participated in discussions.

Keywords: USSR, regions, Moscow, lobbying, Leonid Brezhnev, Nikita Khrushchev, communicative practices, image of power, oral history.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Пабблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Рачин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2019 – Т. 25 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 19.11.2019.
Дата выхода в свет 23.12.2019.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 28,3.
Уч.-изд. 29,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 284.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна